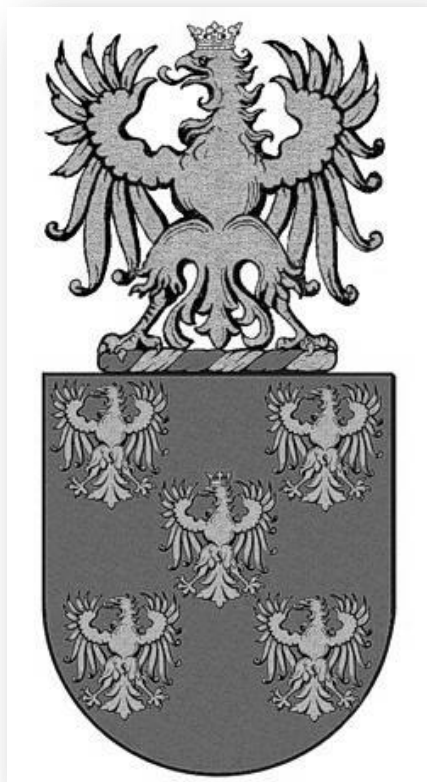


Е. Иванов Дж. Коронелли

КНИГА КОРОНЕЛЛО

Исторические исследования. Мемуары



Издательство «*Evgen*»

2011 год

Историко – документальная книга, основанная на архивных документах и жизненных фактах и фактах

Е. Иванов, Дж. Коронелли

КНИГА КОРОНЕЛЛО: Исторические исследования. Мемуары /

Е. Иванов, Дж. Коронелли – Москва, *Ergam*, 2011. – 264 с.

В книге рассказывается о фамилии испанских дворян Коронелли. Роли этой семьи в истории разных стран: Испании, Бельгии, Бразилии, Португалии, Мексики, Турции, Греции, Болгарии, Крыма и России. Книга содержит архивные документы, малоизвестные и ранее не публиковавшиеся на русском языке исторические материалы. Для удобства читателей и из-за разных типов источников информации, книга разделена три основные части: первая – рассказывает о крещенных средневековыми испанцами раввинах и Приматах острова Наксос; вторая повествует о службе испанских дворян Коронелли Российской Империи; третья часть – воспоминания одного из авторов, из рода Коронелли о своей семье. Книга рекомендована как профессионалам, так и просто любителям истории.

© Коронелли Д.Е., Иванов Е.А. 2010

© Туманов А.Б., оформление 2011

ISBN 978-5-9902896-1-1

***Мы посвящаем свой труд братьям:
Виктору Ростиславовичу Коронелли,
Евгению Викторовичу Коронелли***



Авторы благодарят за консультации:

- **Эммануэля Рэмундос** – падре (о. Наксос)
- **Ияковоса Нафплиотиса-Сарантиносса** – председателя Генеалогического общества Греции (г. Афины)
- **Занассиса Котсакиса** – историка-консультанта Архива острова Наксос (г. Афины)
- **Олега Герасимовича Пересыпкина** – Чрезвычайного и Полномочного Посла России в Ливане
- **Евгения Ароновича Минина** – поэта, пародиста, издателя
- **Александра Асманова** – редактора московского журнал «Россияне»
- **Владимира Александровича Пархомова** – профессора Байкальского Государственного Университета Экономики и Права (Бароцци де Эльса)
- Государственный Архив Автономной Республики Крым (г. Симферополь)
- Архив Внешней Политики Российской Империи (г. Москва)
- Российский Государственный Военно-Исторический Архив (г. Москва)
- Архив Военно-Морского Флота РФ (г. Санкт-Петербург)
- Научную библиотеку «Таврика» (г. Симферополь)
- Библиотеку Фонда Греческой Культуры (г. Одесса)
- Главу сельской администрации с. Береговое (Коронель) Автономной Республики Крым – Игоря Филиппенко

ЕВРЕЙСКИЕ РОДОСЛОВИЯ

Генеалогия в истории еврейского народа имеет громадное значение. Библия – это история Израиля, история первородства.

Семиты

«Разомкнут горизонт, и на простор из плена
Прибоем яростным летят сыны земли.
В излогах берегов воздвигнулись кремли,
Сидона гавани и молы Карфагена.

А на глухой восток, где каменная пена
Ливанских гор горит, вся в щебенной пыли,
В горящий зноем горн упорно залегли, –
В двенадцать областей, – ревнивые колена.

Их черные глаза во глубь обращены,
Считают вихри сил в провалах глубины,
Где в темном зеркале мерцает лик Иеговы,

Где наковальню и молотом душа
Сама в себе плотнит навечные оковы,
Вдали от вольных вод безвыходно греша».

Стихи Георгия Шенгели, посвященные библейскому народу. Но и Новый завет не оставляет генеалогию. Мессия должен родиться из дома Давыдова и Евангелие от Матфея начинает свое повествование: «Родословие Иисуса Христа, сына Давыдова, Сына Авраамова. Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его...» и т.д. вплоть до Иакова, который родил Иосифа, мужа Марии, «от которой родился Иисус, называемый Христом».

Матфей скрупулезно подсчитывает количество родов: от Авраама до Давыда – четырнадцать родов; от Давыда до переселения в Вавилон четырнадцать родов; и от переселения в Вавилон до Христа четырнадцать родов.

История еврейских фамилий – это история рассеянья. Вот знаменитая фамилия Рапопорт или Раппопорт, давшая десятки выдающихся представителей. Фамилия, распространенная в Италии, Германии, Польше, а теперь по всему свету: от России до Новой Зеландии и Ав-

стралии, от Канады и США до Аргентины. А фамилия образовалась после заключения брака между родом Рапе ха-Коем и Порто. В семье имеется герб, изображение которого включает благословляющие руки аронидов, ворону – иначе по средне-германском языке «рапе» – ворон.

Другой интересный род – Сиркисы, Сиркины, Сыркины, которые так много дали мировой и еврейской культуре. Или род Блоков, который расшифровывается, как Бен-Лоев Коем, иначе сын коена из Лоева. А эта фамилия разбросана по всему миру: тут и французский писатель Жан-Ришар Блок, тут и гениальный историк Марк Блок, убитый нацистами, и великий русский поэт. **«Я еврей, – писал Марк Блок, – но не вижу в этом причины ни для гордыни, ни для стыда и отстаиваю свое происхождение лишь в одном случае: перед лицом антисемита».** Фамилии-аббревиатуры у евреев имеют широкое распространение. Например: Маршак, иначе Морейну Рабби Шломо Клугер или Брик – Бен Рабби Йозеф Коем и т.д.

В последние десятилетия усилился интерес «обыкновенного» человека к своим корням. Уже не поиск дворянских корней, не геральдическая контора, куда обращались до революции в поисках подтверждения древних прав. А «простой» человек желает знать «откуда, пошла и есть» его фамилия. Мои друзья и знакомые в Израиле осаждают различные учреждения России, Латвии, Литвы, Украины и других новоиспеченных стран в поисках своих «далеких» предков. Увы, дальность максимум распространяется на три поколения, ибо документация началась лет 150 тому назад. Понятно, что речь идет о Российской империи.

Передо мной счастливое исключение: род Коронелло насчитывает 5 с половиной веков. Отраднo, что представительница этого талантливейшей фамилии с энтузиазмом изучила извилистый путь из Испании на далёкий Север, в Россию. Но ведь любопытно и то, что история еврейского народа насчитывает 4 тысячи лет. А как попали наши предки на Пиренейский полуостров? Существуют несколько версий их появления, еще в те далёкие времена, когда семитский Карфаген владел Испанией. Во второй половине XIX века, утвердилось мнение, что семиты Старого и Нового Карфагена, приняли ортодоксальный иудаизм в I веке новой эры. О количестве евреев среди испанцев – цифры разнятся. Но если считается, что инквизиция сожгла порядка 20 тысяч человек, то, понятно, число избежавших инквизиционного судилища поднималась к реальному количеству, т.е. не менее полумиллиона людей. Во всяком случае, трудно найти испанцев, включая и королевскую семью, в которой бы не текла еврейская кровь.

Исследование, произведенное госпожой Коронелли, в известном смысле парадоксально: семья, имевшая громадные капиталы, субсидировала экспедицию Колумба, который сам того не зная, открыл Новый Свет, семья эмигрировала в Португалию, а затем в Бразилию, в Нидерланды, в Италию, в Турцию, а, следовательно, попала в Грецию и Палестину... С денежной помощью Коронелли были обустроены Цфат и Тверия. Началось медленное возвращение евреев в Святую Землю. И дело

происходило в XVI веке. Читатель будет с неослабевающим интересом следить за путешествием во времени и в пространстве этой очень талантливой семьи. Обычно, после добрых слов, сказанных автору уникальной эпопеи, следует добавить несколько критических слов. Но я воздержусь, ибо преклоняюсь перед трудолюбием достойной представительницы рода. Она шла со своими предками из страны в страну, изгоняемыми инквизицией, преследуемые мусульманами, революциями, террором якобинским, красным, сталинскими палачами, нацистскими извергами. И в конце концов Коронелли может сказать: «Мы выжили, несмотря ни на что!».

Д-р Савелий Дудаков

Жизнь человечества – это история постоянных конфликтов: от обычной ссоры с соседом, до мировых войн. Конфликты обычно разрешаются двумя способами: силовым вариантом или переговорами. Потребность человечества к урегулированию положения стран мирным путем зародило такой прием как – **Дипломатия**. В этой книге мы расскажем об удивительной династии воинов и дипломатов Коронелло, которые начали свой путь из средневековой Испании. Служили на протяжении пяти столетий пяти державам, были Французскими консулами и Приматами на острове Наксос и на других островах Кикладского Архипелага, а после, проживали в городе Феодосия и в Москве, и в наши дни продолжают служить на благо России.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В ЭТОЙ КНИГЕ, ПОМИМО ДИПЛОМАТОВ, РЕЧЬ ПОЙДЕТ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ КОРОЛЕЙ И РАВВИНОВ, О ВЕЛИКИХ ТЕОЛОГАХ И ВЕЛИКИХ ИНКВИЗИТОРАХ; О ГУБЕРНАТОРАХ И КОНКИСТАДОРАХ; МАЛЬТИЙСКИХ РЫЦАРЯХ И ВЕЛИКОЙ ЛЮБВИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОБ ЭПОХЕ ПРАВЛЕНИЯ КОРОЛЯ КАСТИЛЬСКОГО ЭНРИКЕ IV И ЕГО СЕСТРЫ ИЗABELЛЫ

Испанской Империи еще нет на карте, но уже существуют такие суверенные государства как Арагон, Кастилия, Гранада и т.д. На севере – Наварра, а на западе – Португалия. Каждое из них стремится присоединить к себе соседние страны. Для этой цели существуют два универсальных способа: война и династический брак.

Правление короля Энрике IV. Борьба за трон с братом Альфонсо

В ту пору Кастильский трон принадлежал смелому и эгоистичному королю Энрике IV. В начале своего правления он выиграл множество битв с маврами, которые захватили в VIII веке значительную часть Испании. Освобождение этих территорий было многовековой мечтой испанцев.

Черeda длительных войн направленных на изгнание мусульман вошла в историю под названием «Реконкиста» – отвоевание земель. Не раз войска под командованием короля Энрике IV разбивали отряды захватчиков у городских стен Гранады.

Но, несмотря на многочисленные победы, народ был встревожен тем, что государство лишится наследника. Король был женат дважды. Первый его брак с Бланкой Наваррской расторг Папа Римский Николай V. Бланка, прожив тринадцать лет в браке, так и осталась девственной. Вторая жена Энрике IV – Хуана Португальская пробыв с ним шесть лет, все же родила, но приближенные так и не смогли поверить в то, что принцесса Хуана, названная в честь матери, его родная дочь.

Ходили слухи: *«Хуана Португальская разродилась от бремени дитем от любовника!»*.

Утверждение усугублялось щедеушной и капризной внешностью короля и непохожестью на него ребенка. *«У Энрике есть родной брат Альфонсо и сестра инфанта Изабелла, а значит, можно сместить его правление и продолжить высшую династию»*: такие мысли упорно

распространились по Кастилии обиженной верхушкой дворянства. Им вторила чернь, сумасшедшие монахи, чопорные доньи, нищие и актеры:

«Ибо, благородный род — это дело не только королевское, но и народное; никто не хочет, чтобы трон унаследовала дочь какого-то неизвестного доня».

В 1464 году собрание дворян под предводительством Хуана Пачеко маркиза Виллена и его брата Педро Гирона, угрожая гражданской войной, добивается от короля Энрике IV лишения права на престол принцессы Хуаны, и признание законным наследником престола его брата Альфонсо. Неудовлетворенные громким успехом, они жаждут немедленной смены власти. Собравшись в городе Авиле в апреле 1465 года мятежники провозглашают короля Энрике IV низложенным, и отдают бразды правления одиннадцатилетнему Альфонсо.

Оскорбленный король Энрике начинает борьбу за власть. Будучи опытным полководцем, он собирает верные себе войска, и в 1467 году громит повстанцев при Ольмере. Несмотря на большие потери, мятежникам удается укрепиться в Сеговии. Как раз здесь проживает сестра Энрике и Альфонсо — инфанта Изабелла.

Изабелла — наследница Кастильского престола. Смерть Альфонсо

Хочется описать более подробно нрав инфанты Изабеллы. Юная наследница престола была скромной, набожной девушкой с красивой внешностью. Несмотря на нежность и некоторую наивность, она имела строгий прагматический ум, твердый волевой характер и прекрасно разбиралась в людях. Некоторые историки пишут: *«из-за того, что Изабелла была инфантой, ей не дали должного королевского образования».*

Можно предположить, что принцесса Изабелла от природы была чрезвычайно способной, или сокращению в учебной программе в то время подверглись такие ненужные для управления страной предметы, как алхимия и демонология, но так или иначе, она, как и подобает будущей королеве, никогда не ошиблась в своих назначениях.

Время было крайне жестокое. Действовать приходилось радикально, однако, принимая самые трудные решения. Изабелла старалась хоть как-то смягчить этот мир.

Семья, Церковь, любовь к ближнему оставались для нее маяком во мраке исторических бурь. Переговоры между королем Энрике и его братом королем Альфонсо, настолько склонили ситуацию в пользу повстанцев, что Энрике пришлось пойти на неблагопристойный поступок и отдать им в качестве заложницы свою жену королеву Хуану, но 5 июля 1468 года неожиданно умирает юный король Альфонсо. Полагают, что его отравили, чтобы устранить кандидата на престол.

Мятежники быстро ориентируется, и выдвигают своим новым предводителем инфанту Изабеллу. Посредники Изабеллы Кастильской ис-

кусной дипломатической интригой примиряют враждующие стороны. За королем Энрике IV сохраняется титул, а юная инфанта Изабелла объявляется наследницей королевского престола. Одним из мудрейших дипломатов Изабеллы считался Дон Авраам Сениор – бывший учитель маленькой Изабеллы, теперь же, ее советник. С этого момента и начинается история рода испанских дворян Коронел.

Авраам Сениор

Дон Авраам Сениор родился в 1412 году в семье раввина Сениора. Будучи воспитан в религиозном духе, он пошел по стопам своего отца и стал раввином. С 50-х годов XV столетия Авраам Сениор был откупщиком еврейских налогов.

В 60-х годах XV века вместе со своим зятем рабби Майером Меламедом он основывает крупную финансовую компанию.

Несмотря на беззлобный характер, этот добросердечный мудрец мог в одночасье превратиться в расчетливого дипломата, стратега и воина, если того требовали обстоятельства, подчиняя все свои душевные качества одному – достижению поставленной цели!

Именно такой человек и сыграл решающую роль в переговорах о судьбе Кастильского трона. За что в 1469 году, в знак благодарности был назначен королем Энрике (*проигравшей стороной – прим. автора*) и новой наследницей Кастильского престола – Изабеллой, главой еврейской общины Сеговии. Столь высокий пост, включал в себя право кассационного суда над евреями, а также полный контроль над взысканием налогов с евреев.

Брак Изабеллы Кастильской и Фернандо Арагонского

Казалось, мир и спокойствие, наконец, вернулись на землю Кастилии, но дальний политический расчет не дает покоя королевскому казначею и раввину Дону Аврааму Сениору и королевскому духовнику Томасу Торквемаде, который тоже родом из Сеговии, и именно этот человек впоследствии возглавит Испанскую Инквизицию.

Цель – заключить династический брак между наследницей Кастилии Изабеллой и сыном короля Арагона Фернандо, двоюродным братом инфанты, чтобы создать сильное централизованное государство на Пиренейском полуострове, которое могло бы изгнать до конца мавров из Испании и составить конкуренцию Франции, Священно-Римской Империи и Португалии.

Брак был хорош и в личном плане. Фернандо Арагонский достаточно умен, терпелив и отважен. К отрицательным сторонам его характера можно отнести лишь молодость, крайнюю алчность и жестокость, но разве это пороки для испанского короля? Фернандо прекрасно справится со всеми трудностями и никогда не предаст свою будущую жену

инфанту Изабеллу. Правда, такой союз мог расцениваться, как государственная измена, или интрига в пользу отца жениха – короля Арагона Хуана II, который неоднократно и безрезультатно пытался захватить Кастилию. Вот где полностью проявился дух испанцев, в котором корысть и благородство, любовь и жажда наживы, власть и глубокий патриотизм слились воедино.

В 1469 году, в городе Вальядолиде, восемнадцатилетняя Изабелла тайно выходит замуж за кузена Фернандо Арагонского.

Наглый поступок сестры навлекает гнев короля Энрике, и в 1470 году, проводя последовательную, терпеливую политику борьбы за свою корону и свой род, король Энрике IV лишает Изабеллу прав на престол и возвращает их своей дочери-наследнице принцессе Хуане.

Из-за этого поступка вновь разгорается междоусобная война, в ходе которой, в 1473 году Дон Авраам Сениор ведет переговоры, с целью заключения мира между братом и сестрой. Увы, сердце короля Энрике IV не выдерживает многолетних терзаний и в декабре 1474 года он умирает.

Борьба Изабеллы с Хуаной – дочерью Энрике IV за власть

Несмотря на смерть короля, партия его приверженцев не спешит на плаху, которая ей гарантирована в случае победы Изабеллы, и продолжает борьбу теперь уже под знаменами принцессы Хуаны.

Король Португалии Альфонсо V, желая распространить свою власть на Кастилию, решает поддержать притязания своей племянницы принцессы Хуаны. Альфонсо берет ее в жены и, заручившись военной поддержкой Франции, объявляет войну.

И вот для Кастилии наступает решающий выбор: стать вассалом Португалии, либо быть равноправной союзницей Арагона. Кастилия принимает решение; и в 1475 году Кортесы провозглашают Изабеллу королевой Кастилии, после чего, в 1476 году войска Изабеллы и Фернандо наносят сокрушительный удар при Торо войскам Хуаны и короля Португалии Альфонсо V.

Война между Португалией и коалициями Кастилии и Арагона продолжится еще три года до октября 1479. По ее окончании, во избежание казни принцесса Хуана будет вынуждена отказаться от всех своих титулов, и отправится в монастырь Санта-Клара в Коимбре.

Выдающиеся заслуги перед кастильской короной не остались втуне. Счастливая Изабелла, вышедшая замуж по любви и добившаяся короны, дарует Дону Аврааму Сениору титул главного раввина Кастилии и назначает ему ежегодную пенсию в 100 000 мараведи.

С 1476 года, раввин Дон Авраам становится сборщиком еврейских налогов уже по всему королевству.

Этому богатейшему и умнейшему человеку принадлежат многочисленные земли и замки. В 1479 году Кортесы ввели особый отличитель-

ный знак для евреев, но Авраам Сениор и члены его фамилии в виду больших заслуг освобождены от него.

1492-ой год. Освобождение Гранады. Экспедиция Христофора Колумба. Изгнание евреев

Не останавливаясь на достигнутом, используя военный ресурс двух государств Арагона и Кастилии, внутрифеодальные распри Гранадского эмирата, Фернандо Арагонский и Изабелла Кастильская в 1492 году, наконец-то, освобождают Гранаду от владычества мавров. Но война требует денег, и рабби Дон Авраам Сениор спешит их предоставить. Взаимоотношения еврейского банкира и королевской четы строятся по принципу «ты мне – я тебе». Это очень тесное и взаимовыгодное сотрудничество. Фактически с момента захвата Гранады можно говорить о государстве Испания, хотя формально Испания образуется только при Карле V. Молодые монархи мечтают о сильной европейской державе, оплоте католицизма. На пути к этой возвышенной цели стоят две преграды: сложность территориального расширения из-за сильных государств-соседей, таких как: Португалия, Франция Венеция и многоконфессиональное население страны. У этих двух сложных проблем достаточно быстро находятся простые решения, изменившие историю всего человечества. В 1492 году, сразу после падения Гранады, в монастыре Санта-Мария, Христофор Колумб получает королевское разрешение на предстоящую экспедицию в Индию западным путем. Деньги на экспедицию дает раввин Дон Авраам и его зять раввин Майер Меламед. Наметив решение территориальной проблемы, королевская чета стремительно подходит к решению второй задачи: всем евреям до 31 июля 1492 года предписано покинуть пределы двух королевств Кастилии и Арагона, оставив деньги и драгоценности, либо принять крещение. Монархи обратились к народу:

«Согласно полученным нами сведениям от инквизиторов и от прочих лиц, общение евреев с христианами приводит к ужасным последствиям. Евреи из всех сил пытаются соблазнить новокрещенных евреев и их детей: дают им еврейские молитвенники, сообщают о времени еврейских праздников, дают им мацу на Пасху, объясняют, что нельзя есть свинину, убеждая их соблюдать Закон Моисея. В результате наша святая католическая вера оказалась униженной и обесчещенной. Мы пришли к выводу, что единственное эффективное средство положить конец этим несчастьям состоит в окончательном разрыве всех контактов между евреями и христианами, и это может быть достигнуто только путем изгнания евреев из нашего королевства».

Пять главных раввинов Кастилии во главе с рабби Ицхаком Авраамелем и рабби Доном Авраамом Сениором явились на прием к Фер-

нандо и Изабелле, и предложили щедрый выкуп за право евреев остаться евреями в 30 000 золотых дукатов. Монархи засомневались:

«Принять ли им деньги и оставить в покое еврейский народ, либо сделать ставку на католическое единоверие во имя укрепления Империи».

Но тут, в ситуацию вмешался Томас Торквемада:

«Иуда первый продал своего Господа за тридцать сребреников; Ваши высочества думают продать Его вторично за тридцать тысяч монет. Вот Он, возьмите и потропите Его продать».

Судьба евреев была решена. Раввины смогли выхлопотать лишь кратковременную отсрочку для изгнанников.

Заметим, что в это время Авраам Сениор уже восьмидесятилетний старик, пользующийся особым положением при дворе, его зять Майер Меламед – пятидесяти лет отроду, преуспевающий банкир, королева Изабелла любит и высоко ценит своего учителя за устроенный им счастливый брак с Фернандо Арагонским. Она-то и уговаривает Сениора принять крещение, как бы данное действие не перечило его взглядам и морали:

«В противном случае, королева Кастилии будет вынуждена казнить рабби и всех его родных!».

Ставя Авраама Сениора в безвыходную ситуацию – единственный шанс спастись от плахи и не обречь на тяжкие скитания членов семьи – это крещение. Крещение во спасение, дабы уберечь на своем примере от кровопролития и изгнания несчастный многочисленный еврейский народ.

15 июня 1492 года рабби Авраам Сениор и рабби Майер Меламед с сыновьями, вопреки своим сокровенным желаниям: *«остаться жить на родной земле и не менять веру»*, решаются на столь тяжкий шаг. Крестными выступают первые лица государства: король Фернандо Арагонский, королева Изабелла Кастильская и кардинал Педро Гансалес де Мендоза Архиепископ Толедо.

После надлежащего ритуала новокрещенным даруется знатная фамилия Коронел и наследственное дворянство с правом передачи, как по мужской, так и по женской линии.

Итак; раввин Дон Авраам Сениор становится – ***Фернандо Перес Коронел (в честь короля Фернандо), его старший сын Соломон Сениор делается – Хуаном Пересом Коронел (в честь наследника престола принца Хуана). Второй сын Донна Авраама именуется как Иниго Лопес Коронел, его зять, раввин Майер Меламед нарекается именем – Фернандо Нуньес Коронел.***

Так же, два сына Майера Меламеда получают новые имена и фамилии – Пейро Нуньес Коронел и Франциско Нуньес Коронел.¹

Duques de Medina Sidonia.

DON Alonso Perez de Guzman, hijo natural de don Pedro de Guzman, Adelantado de Castilla, el que tuuo en Encomienda y honor la villa de Alarcón, y su tierra, nieto de Guillen Perez de Guzman, &c. fue valeroso caballero, cuya vida se ha escrito por algunos autores, refiriéndose a vna historia de mano, que esta en san Ysidro, vna legua de Seuilla. Dize que ciertas sucesiones a tiento, bien contrarias à la verdad. Lo q aquí yra escrito, sera comprouado co escrituras ciertas de la casa. Este cauallero tuuo pascion con sus hermanos, Hernan Perez de Guzman, y Aluar Perez: por auer le llamado bastardo: reconocimiento disfavor en don Alonso el Sabio, y por estas causas se pasó a Africa, a ganar sueldo del Rey Abenjufaz, que tenia guerras con otros Reyes comarcanos, y con el tuuo mucha priuanga: en el qual tiempo sucedieron las discordias del Rey don Alonso con el Infante don Sancho su hijo, que se le alçò con el reyno. Ayudose el Rey

don Alonso del Rey Moro Abenjufaz, y entendio quanta parte era Alonso Perez de Guzman. Escriuióle fuesse buen tercero, para que le prestasse sobre la corona Real algùn dinero. Dize el Rey en la carta, que no mire a cosas passadas, sino a su buen linaje. De donde se entendio la verdad, auerle sido contrario en las diferencias con sus hermanos. Entendio en ello con gran voluntad, y así le lleuò a Seuilla 300. doblas, y despues hizo q el Rey Abenjufaz passasse a le ayudar con muchos Moros.

Casose este cauallero en Seuilla, con doña Maria Alfonso Coronel, hija de Hernan Gonzalez Coronel, y de doña Sancha de Acuña, nieta de Gonçalo Nuñez Coronel, bisnieto de Iuan Perez Coronel, tercera nieta de Pedro Perez Coronel, y de doña Iusta de Silua. Trata este matrimonio el Conde don Pedro, y parece por el testameto de Maria Alfonso. Boluiofe el Rey Moro allende, y con el Alonso Perez de Guzman, y su muger: adquirieron en Fez grandes riquezas. Fallecio el Rey, y su cedio su hijo Aben Iacob. Desfa-
uerocio

Список герцогов Медина-Сидония (нынешняя Испания). В правой колонке фамилии Коронел

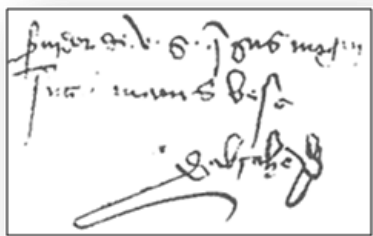
Здесь следует отметить, что в Испании был древний прославленный дворянский род Коронел, что в переводе с испанского означает «**полковник**», который владел областью Медина-Седония. К концу XV века фамилия Коронел в Испании исчезла, и потомки Коронел по женской линии уже не вспоминают прежнюю фамилию, а носят имя Гуzman. В родстве с Гуzmanами был и сам кардинал Мендоза. Со стороны королевской четы, возрождение дворянского рода – щедрый подарок за принесенные терзания Дону Аврааму Сениору и его семье. Вдобавок к королевской милости, новопожалованные дворяне Фернандо Перес Коронел и Фернандо Нуньес Коронел назначаются в королевский совет, а Хуан Перес Коронел становится казначеем принца Хуана – единственного сына Фернандо Арагонского и Изабеллы Кастильской, наследника престолов Кастилии и Арагона. В качестве подарка Дон Авраам получил губернаторство в родной Сеговии, а его зять Майер Меламед стал пожизненным членом муниципального совета Сеговии. Вот таким насильственным но, действительно, щедрым действием, королевская власть наглядно продемонстрировала народу, что крестьян евреев, она приобретает новых верноподданных, а лучшие из них восполняют старинное дворянство. В этом же 1492 году Дон Авраам выи-

грывает суд у самой Инквизиции, что говорит о его уме, и очень значительной поддержке со стороны двора оказываемой ему.

Несмотря на то, что значительная часть евреев последовало примеру дона Авраама Сениора, тысячи и тысячи изгнанников под предводительством рабби Ицхака Абраванеля направили свой путь в другие страны, где им предстояло начать жизнь заново. Это была величайшая трагедия Европы со времен эпохи Великого переселения народов. В толпе изгнанников были родной брат Авраама Сениора не пожелавший принять христианство.

Старость и напряжение последних событий не прошли даром и свели в могилу Дона Авраама Сениора в 1493 году. Он оставил Сеговию в наследство своему старшему сыну Хуану Пересу Коронел, который передал впоследствии губернаторство своему родному брату Иниго Лопес Коронел,² который в 1499, 1501, 1502 годах правит в Сеговии и регулярно скупает земельные участки в селах Бернардс и Мигель Аньес.³ Сам же Хуан Перес Коронел служил Инквизиции и был секретарем Карла V.

Потомки Авраама Сениора



Подпись Авраама Сениора



***Герб испанских дворян
Коронелл***

Мы хотим еще рассказать об Аврааме Сениоре (Фернандо Пересе Коронел). У него было две жены – Дона Виоланте де Кабрера и Донна Мария Санчес-дель-Рио, которая родила ему старшего сына – Хуана Переса Коронел. Племянник Хуана Переса Коронел – Николао Коронел был придворным врачом португальской Королевы Марии дочери Фер-

нандо Арагонского и Изабеллы Кастильской, которая в 1497 вышла замуж за короля Португалии Мануэля I.

Одним из условий их предстоящей свадьбы было насильственное крещение евреев Португалии, которое по своей жестокости превзошло испанскую трагедию 1492 года: у родителей отбирали детей, требуя по-



***Дом Авраама Сениора, ныне музей.
(Испания, Сеговия)***

креститься или расстаться с ними навсегда, людей запирали в порту и морили голодом до полного изнеможения и смерти. В то время, банковскими делами фамилии Коронел заправлял Майер Меламед, который практически стал единовластным хозяином дела. Однако, из-за бегства евреев, клиентура банкиров Коронел оказалась подорванной. Не помогла даже щедрая королевская помощь.⁴

Тяжкие долговые споры, как с должниками, так и между потомками Авраама Сениора, Хуаном Пересом, Иниго Лопесом и их дядей Майером Меламедом продолжались с 1494 по 1497 года.⁵

Но Коронелло не унывали, их путеводная звезда была только в самом начале своего небесного пути!

Начало конкисты

Самым доходным и безопасным делом, уберегающим человека от Инквизиции в те годы, была «Конкиста» – захват вновь приобретенных земель открытых Христофором Колумбом. Конкиста началась сразу по окончании Реконксты и выглядела в глазах современников, как ее логическое продолжение. Конкистадоры официально считались миссионерами несущими свет Христов дикарям. Таких людей очень трудно заподозрить в ереси или неблагонадежности по отношению к Церкви. К тому же конкистадор целиком зависел от своего командира, ведь под

его прикрытием ему не нужно трепетать и опасаться завистливых соседей, а свободных земель можно забрать себе в обработку столько, сколько захочется. Местное население – индейцев, обращали в рабство под предлогом перевоспитания, и, как свою собственность, заставляли работать на конкистадора. Лучше конкистадоров жилось лишь самим командорам, ну и конечно, знати.

Королева Изабелла Кастильская поручает сыну Майера Меламеда – Педро Фернандес Коронел стать участником второй экспедиции Христофора Колумба, отправившейся в путь из порта Кадис 25 сентября 1493 года. В 1494 году Педро делают главным королевским прокурором города Изабелла, названного в честь королевы Изабеллы. Город построили вблизи от сожженного форта Навидад, основанного еще во время первой экспедиции Христофором Колумбом.⁶

24 апреля 1494 года Колумб оставляет значительную часть кораблей в порту Изабеллы и со своими людьми отплывает на трех судах: «Нина», «Сан Хуан», и «Кардера» к острову Куба. Назначив вместо себя губернатором города Изабелла младшего брата Диего Колумба, Христофор дает ему в подкрепление самых умных и преданных конкистадоров. Так создается совет, названный: «Советом пяти». В его состав вошли: Педро Фернандес Коронел и еще четыре дворянина, которые стали советниками дона Диего.⁷ В 1498 году Педро Фернандес Коронел командует двумя судами, поставлявшими необходимые колонистам Сан-Доминго товары, за счет и по личному распоряжению королевы Изабеллы.

Сразу по прибытии Педро Фернандесу выпало не менее опасное поручение. Ему предстояло провести переговоры между губернатором и мятежниками под предводительством дона Рольдана. Вот как это описывает Вашингтон Ирвинг:

«Узнав, что Рольдан стоит со своим войском в пяти милях от Сан Доминго, он послал к нему Педро Фернандеса Коронели, назначенного королем и королевой главным альгвазилом острова с поручением убедить его обратиться к своим обязанностям и обещать забвение всего прошедшего. Он надеялся, что представления столь почтенного и благоразумного человека как Коронел бывшего свидетелем благосклонности, которой пользовался адмирал (Христофор Колумб – прим. авторов) в Испании убедят мятежников в отчаянности их дела. Но Рольдан, чувствуя свою виновность и сомневаясь в пощаде дона Варфоломея, не отважился отдаться в его власть и решился не допустить своих людей до сношений с Коронели, боясь, чтобы обещание всепрощения не обольстило их. Поэтому когда посланник мира подъезжал к мятежническому лагерю, отряд арбалетчиков остановил его в тесном ущелье, устремив против него свои дротики. «Стои предатель!», – закричал ему Рольдан, – «Если бы ты приехал неделей позже мы все были бы заодно». Напрасно Коронель старался

основательными доводами и убедительнейшими просьбами вразумить этого буйного и злого человека. Рольдан с наглостью отвечал ему, что он восстал единственно против тифании и дурного управления адлантадо, но покорится тотчас, как только пребудет адмирал. В том же смысле он и его главнейшие сообщники писали к друзьям своим в Сан-Доминго, прося быть их ходатаями у адмирала, когда он пребудет на острове, и уверить его, что они готовы признать его власть над собой».⁸

Родной брат Педро Фернандеса – Перо Нуньес Коронел служит в Инквизиции, и видит своими глазами, как преследуют его бывших единоверцев. В иностранной литературе пишут, что он: «не упускал случая помочь попавшим в беду людям».

Смерть Изабеллы Кастильской. Вопрос престолонаследия. Восстание коммунарес. О характере Карла V

В 1504 году умирает Изабелла Кастильская, пережив на целых семь лет своего единственного сына – принца Хуана.

Арагон, по-прежнему, остается независимым. Кастильскую корону наследует дочь Изабеллы – Хуана Безумная. Регентом которой, становится супруг Филипп, а после смерти Филиппа, ее отец Фернандо Арагонский, который умрет в 1516 году.

Карл – внук Изабеллы и сын Хуаны Безумной, которая действительно была не в своем уме и содержалась в монастыре, провозглашает себя 14 марта 1516 года королем Кастилии. Это вызывает крайнее недовольство испанцев: *«Как может сын при живой королеве-матери стать королем?!»*. Сеговия приняла сторону мятежников.

Во главе восставших горожан выступает испанский дворянин Хуан Браво (1483-1521), женатый вторым браком на внучке Авраама Сениора (Коронел) – Марии Коронел, дочери губернатора Сеговии – Иниго Лопеса Коронел. (В этом браке у них родилось двое сыновей: Андре Браво де Мендоза и Хуан Браво де Мендоза). Поддерживаемый выгодным союзом с дочерью губернатора города, Хуан Браво получает в свое подчинение народное ополчение Сеговии, которое становится основной силой восстания.

Чтобы начать революцию Хуан демонстративно повесил на центральной площади королевского прокурора Родриго де Тордесильяса, тем самым бросив вызов самому Императору Карлу V. Солдаты, оставшиеся верными престолу, укрылись в замке испанских королей Алькасаре, где были взяты в осаду бунтарями. Авторитет Браво среди восставших поддерживался мужеством, смелостью, благородством, демократичностью, а также деньгами его тестя – Иниго Лопеса Коронел. После разгрома ополчения в апреле 1521 года в битве при Вильяларе, восстание пошло на убыль. Хуан Браво попал в плен и на следующий день был обезглавлен.

Сеговию захватывают войска Карла V. В городе начинаются массовые репрессии, и дело доходит даже до разрушения городского собора, но, благодаря заступничеству родственников, имеющих вес в церковных кругах, Иниго Лопесу Коронелу удастся избежать казни. Однако, Император Карл V, в наказание за поддержку мятежников, отнял у него губернаторство в Сеговии, замки, земли, доходы с аренды, оставив только двух слуг.⁹ Иниго Лопес Коронел, не выдержав потери любимого зятя и утраты положения в обществе, скончался в 1522 году в

Осуне. (*Севилья, Андалусия*). В 1522 году восстание было подавлено, а Карл V решив проблемы с Кортесами, сохраняет за собой престол.

Император Карл был настоящим монархом в нашем понимании. Он уже совсем не похож на средневекового короля. Это монарх новой эпохи, который просит подать карту Европы с целью уточнения границ, позвать писца, чтобы даровать подданным законы на несколько следующих веков. Получив в наследство от отца Филиппа герцога Бургундского – Нидерланды, а от бабушки Изабеллы Кастильской – Испанию,



***Статуя Хуана Браво в
Сеговии***

он зажал Европу в тиски своих владений. С избранием 28 июня 1519 года Императором Священной Римской Империей, его притязания на самого великого и могучего государя Европы становятся достаточно основательными.

Конкиста во времена Карла V

Конкиста во времена Карла V приобретает особый размах. В 1519 году Эрнан Кортес присоединяет к владениям Карла V Мексику. Эта экспедиция была самой настоящей авантурой: всего 518 пехотинцев, 16 всадников, несколько арбалетчиков, сотня матросов и пара сотен рабов составили всё его войско. А намеревались они захватить, ни много ни мало: Империю ацтеков. Губернатор Кубы, понимая, что люди отправляются на верную гибель, запретил военный поход. Но Эрнан Кортес самовольно увел корабли с войском в море. И случилось чудо!

Горстка храбрецов покорила всю Мексику, взяла в плен императора ацтеков и сумела добыть несметные сокровища. В последующие годы отважные конкистадоры покоряют Перу и Чили. Так начинает сбываться мечта Изабелла Кастильской и Фернандо Арагонского – Испания становится империей.

Не остались в стороне от походов конкистадоров и представители славной фамилии Коронел. В 1508 году в Санто-Доминго прибыл Хуан Коронел, родом из Севильи. Он принял участие в завоевание Пуэрто-Рико в 1509 году, служил в Венесуэле и Панаме. В 1519 году Хуан отправляется на Кубу. После захвата Теночтитлана (Мехико), Коронел служит в Энтрада Пануко. Он никогда не был в дружеских отношениях с Кортесом.

В 1525 году он занимает пост прокурора в Медельине, а после в Мехико. В 1515 году Хуан Коронел и Эльвира Фернандес поженились в Пуэрто-Рико. У них родилось шесть детей: три девочки и три мальчика. Старшего сына звали Матиас Коронел, который родился в 1550 году.¹⁰

Религиозная революция. Гуманисты и теологи

Время Карла V – эпоха гуманизма, реформации и инквизиции. Эти три отправные точки – лишь ориентиры в духовной жизни тех лет.

Карл V пытается строить общеевропейскую монархию на основе Священно-Римской Империи. Такая политика вынуждает Испанию к серьезной борьбе с главным католическим конкурентом – Францией. Именно с ней Испанская Империя в ходе длительных войн делит итальянские земли, так и с германскими протестантами, а также с Портой Оттоманской, которая в тот период переживает свой расцвет, и которой совсем не чужда идея веротерпимости и просвещения. Война идет не только на полях брани, но и на церковных кафедрах, в университетах, типографиях. Слово «знание» в эпоху Императора Карла V весьма часто служит синонимом слову «истина». Уставшие от жадности и лжи священников люди, требуют от Церкви обновления. Старое никого не устраивает, а относительно нового царят разные взгляды: Одни, требуют честности, нестяжательства, подвижничества; Другие – просвещения и образования; Третьи, усомнились во всем церковном учении, призывая следовать одной только Библии. 18 октября 1517 года Папа Римский Лев X выпускает буллу, благословляющую продажу индульгенций. (*Церковный документ, заменяющий наказание за грехи, денежной выплатой*). Индульгенции выдавались Ватиканом веками, но на этот раз общество взорвалось. Профессор богословия Виттенбергского университета Мартин Лютер прикрепил к церковным дверям прокламацию, содержащую «Девяносто пять тезисов», в которой он позволил себе усомниться в роли Рима в деле спасения душ человеческих.

Так началась великая эпоха Реформации и борьбы с нею. Несмотря на исторически смутное время вчерашние равнины, нынешние дворяне

Коронел процветали. Их таланты были востребованы новым обществом, которое жаждало знаний чуть ли не сильнее золота.

Братья Майера Меламеда Коронел (*возможно двоюродные – прим. авторов*) – Антонио Нуньес Коронел и Льюис Нуньес Коронел представляют собой элиту европейского богословия.

Льюис Нуньес Коронел (рожденный не позже 1470 года), служит два года Великим Инквизитором (*Генерал Инквизитором Фландрии в 1520-1522 годах*). В 1523 году он оставляет этот пост, оставаясь священником и богословом. Начальное образование Льюис получает в университете Соломанки, с 1500 года учится вместе со своими братьями Франциско и Антонио Нуньесами Коронел в Париже, где проявил незаурядные способности в логике и философии. В 1504-1509 годах посещает университет Сорбонны. В 1512 году он рукополагается в сан священника, а в 1514 году получает докторантуру. Годы, потраченные в Университетах, не проходят для него напрасно: Льюиса Нуньеса Коронел заметил сам король Карл V. И вот, вначале своей карьеры в 1520 году, Льюис отправляется в свите Карла V во Фландрию, где становится проповедником. Результат этой поездки значителен; Льюис Нуньес получает должность Великого Инквизитора в Брюсселе, где и служит по 1522 год.¹¹

В истории Испании 1522 год – дата многозначительная, поскольку именно тогда Император Карл V издает законы против лютеран – последователей Мартина Лютера. И уже в 1523-ем году, в Нидерландах костры инквизиции жгут первых мучеников новой веры. Но, несомненно, гуманист и философ Льюис Нуньес Коронел считает недопустимым казнить за религиозные взгляды. В пользу такого предположения, говорят те сведения, которые нам удалось найти о нем в англоязычной литературе. В Брюсселе в 1520-1521 годах завязывается переписка Льюиса Нуньеса Коронел с великим философом-гуманистом Эразмом Роттердамским, известным русскому читателю своим произведением «Похвала глупости». Эразм Роттердамский – Льюису Коронел:

«Уважаемый сэр Льюис Вивес, дал мне бегло набросок ваших замечательных качеств, зажег в моем сердце огонь желания, заполучить вашу дружбу. Это желание сильно подогревал Людвиг Блэр, который с восторгом охарактеризовал Вас, как богослова, литератора и элегантного математика. Как человек, по нынешним временам, полный свежих мыслей и подлинно христианской воли, Вы были известны мне ещё из письма Ги Мориллона. Я сожалел, что не располагаю дружбой таких людей, как Вы.

*(Базель, 1522)».*¹²

Примечательно, что философу Эразму Роттердамскому рекомендует Льюиса Нуньеса Коронел, всемирно известный философ-гуманист и педагог Хуан Льюис Вивес (6 марта 1492-6 мая 1540), происходивший

из семьи крещенных испанских евреев, друг Эразма Роттердамского и Томаса Мора автора знаменитой «Утопии». Хуан Льюис Вивес вошел в историю науки как первый философ, оценивший роль эксперимента в познании и автор многочисленных работ по воспитанию детей.

В переписке с Роттердамским, Великий Инквизитор Льюис Нуньес Коронел ссылается: «на нехватку времени из-за множества дел, чтобы написать опровержение лютеранства», а в разговорах с Хуаном Льюисом Вивесом, который просит его присутствовать на судебных заседаниях Эразма, признается в своей недостаточной грамотности.¹³

Возможно, что это были лишь уловки: Льюис Нуньес Коронел не хотел преследовать инакомыслящих.

Мы сознательно не рассказываем в этой книге о зверствах инквизиции, добивавшейся признаний под пытками, сжигавшей людей на кострах. Об этом написано множество книг. Мы хотим обратить внимание наших читателей на совершенно иной факт, мало освещенный в русской литературе.

Испанская инквизиция являвшаяся пережитком раннего средневековья, возродившись в результате алчности и амбиций королей, поставила себе на службу самых образованных людей того времени, которые смогли донести до инквизиторов идеи права и гуманизма, несмотря на многочисленную среду подлецов и мракобесов среди церковнослужителей. В самом начале правления Карла V стоял вопрос о том, что инквизиция – суд, а не расправа на основе голословных обвинений. Тогда к обвиняемым начали пускать родственников, давать адвокатов.

Проверялись свидетели: не были ли они людьми порочными, могли ли видеть и слышать то, о чем свидетельствовали? Как результат такого новшества и возникли оправдательные приговоры.

Дальнейшая деятельность Льюиса Коронел непрерывно связана с Эразмом Роттердамским. Сохранилось письмо от 1526 года к Льюису Нуньесу Коронел от монаха Альфонсо Фернандеса:

«Пресвященнейший и благородный господин, после публикации Эразмом Роттердамским «Enchiridion» на испанском языке, который Вы, ваша милость определили, как весьма полезную и благонаправленную книгу, я поручил напечатать в Алькала и послать Вам вместе с моим письмом две пачки копий. Одна для благоговейного господина Архиепископа, другая – для вашей милости. Я считаю свою миссию, выполненной. Теперь хорошо будет для вашей светлости узнать, что францисканский священник в городе Фрай Хуан-де-Сан-Висенте, в большей степени пустослов, чем ученый, пытается разжечь город публичными проповедями, как он уже сделал однажды в Колумерос (Муниципалитет в Кастилии – прим. авторов). В день памяти преподобного Антония, когда духовенство и горожане, и люди из провинций собрались в

кафедральном соборе, он произнес бесчисленные хулы на книги Эразма, говоря, что в них содержатся тысячи ересей. Кроме того, он раздавал прокламации, доставая их из складок одежды, и прикрепил одну булавкой к стене кафедры. Я считаю, что копия этого документа должна быть выслана Вам из Алькала, но я прилагаю ещё одну, дабы Вы, Ваша милость могли её видеть. На следующий день я пошел на публичное обсуждение, но никто не встал, чтобы участвовать в диспуте, поскольку все они — братья, кроме того, в резолюции не содержится никаких конкретных вопросов для обсуждения. Затем, монах взмахнул документом, содержащим около десятка статей, которые взяты из *Paraclesis*, и т.д. (*Paraklesis* — молитва о здравии, как правило, к Богородице, но может быть и к любому святому — прим. авторов). Я клянусь Вам (Бог мне свидетель!), что из десятка статей не было ни одной, что бы можно было понять; и Эразм не скажет, что приписываемое ему — действительно правда, в некоторых главах он говорит прямо противоположное.

В конце концов, я решил выступить против него лицом к лицу, с хорошими аргументами, и без использования софистики. Когда все услышали мои аргументы, поняли суть вопроса и узнали об осмотрительности, оказываемой вашим преподобием в предварительном изучении книг.

Когда они увидели, что Вы на то меня уполномочили, и что правдой не было ничего, из сказанного монахом, а лишь передергивания и плохие манеры, этот священник прошипел, и высмеял меня на глазах у всех присутствующих, и прекратил диспут. Но он не остыл после спора и даже входит в дома всех здешних вельмож, выступая публично и конфиденциально против Эразма и против власти господина Архиепископа и членов Совета. Он осмелился сказать, что они были неправы в утверждении книги Эразма к публикации.

Истиной является то, что каждый из нас жаждет запретного. Деятельность одного священника заключается в том, чтобы тот, кто ничего не слышал об Эразме, никогда бы не открыл его книгу, а больше он ничего не читал, кроме «*Enchiridion*». Хотя я и живу здесь, но не являюсь главным пострадавшим в этом деле. Бога и Церковь наибольшим образом затрагивает автор, который вредит себе, пороча доктрину, которая может быть полезна многим христианам, а члены совета — скромные монахи; Надо быть немного умнее глупца, чтобы осудить за ересь защитников христианской религии, людей пользующихся авторитетом в обществе. И это касается не в последнюю очередь и Ваше Преосвященство, чьи утверждения и рекомендации книги Эразма были опубликованы. Конечно, если этот человек говорит совершенное безумие или некоторые вещи из детского катехизиса, очевидно, ему не придется рассчитывать

на широкую поддержку публики. Но высказывания его, до сих пор, никем не оспаривались, очевидно, в надежде, что его речам не будет придано значение.

Я пишу вам, Ваша Милость, дабы информировать через Вас господина Архиепископа, а также членов Совета, чтобы Вы его наказали или, по крайней мере, восстановили с амвона честь тех, кого он опорочил. Искренне надеюсь, что Вы согласитесь со мной, и окажите тем самым услугу Господу, что заглушит мою невежливость и назойливость. Да сохранил Вас Господь! С нижайшим поклоном,

Паленция. 10 сентября 1526.

Целую Вашу Светлость.

Ваш слуга Алонсо Фернандес».¹⁴

В 1527 году Льюис Нуньес Коронел становится секретарем Архиепископа Севильи Альфонсо Монрегуа, и в том же году, согласно письму Хуана Луиса Вивеса к Эразму Роттердамскому, Льюис назначается на должность епископа в Лас-Пальмас на Канарских островах. Архиепископ Монрегуа использовал познания в логике и богословии Льюиса Нуньеса в своих целях. Например, в 1527 году он посылает Льюиса Коронел с тайной миссией в Толедо, с целью помочь арестованному инквизицией г-ну Ортису.

6 апреля 1529 года, Франциско Ортис, поднялся на кафедру в Сан-Хуан-де-лос-Рейес в Толедо и прочитал столь яркую проповедь, что монах-францисканец стащил его с кафедры, а испанские инквизиторы тут же бросили в тюрьму. Целью поездки г-на Льюиса Коронел было показать Ортису ошибки в его рассуждениях и заставить отказаться от своих утверждений так, чтобы дело не приняло трагический оборот. По прибытии в Толедо, Льюис Коронел использует свои познания в логике, дабы отвести максимум обвинений от Ортиса. Согласно линии защиты, построенной Льюисом Нуньесом: суду стало ясно, что по некоторым пунктам Франциско Ортис не утверждал того, в чем его обвиняют, что некоторые свидетели весьма сомнительны.

Инквизиция, конечно же, заставила Ортиса публично отказаться от своих взглядов, покаяться в неповиновении священноначалию, в помощи еретикам и запретила в течение пяти лет читать проповеди.

Его препроводили во францисканский монастырь Торрекагуна, служивший тюрьмой. Но в те времена, это был весьма благополучный исход дела. Процесс над Ортисом длился с 1529 по 1532 год.¹⁵ Скончался Льюис Нуньес Коронел – Великий Инквизитор Фландрии, епископ Канарских островов, математик и философ-гуманист в 1531 году, за год до оглашения приговора Франциско Ортису.

Известно и еще об одном теологе Пабло Коронел – брате Авраама Сениора (Коронел), который, как и он родился в Сеговии. Пабло принял католическую веру гораздо раньше Дона Авраама, еще до изгнания евреев из Испании в 1492 году, сохраняя фамилию Сениор. После креще-

ния его старшего брата Дона Авраама, он также принял дворянскую фамилию Коронел. Получил образование раввина, был знатоком иврита, библейской литературы и поэтому его назначили профессором иврита в университет Саламанки.

Пабло Коронел помогал Кардиналу Хименсу в издании библейских книг на трех языках: иврите, греческом и латыни. Это первый вклад в сравнительную библеистику. Теперь богословы могли самостоятельно построчно сверять оригинал с переводом, тем самым, проясняя ряд спорных вопросов. До этого им приходилось использовать рукописные свитки, которые были достаточно редкими, дорогими и зачастую содержали ошибки. Богословские традиции в семье Коронел были достаточно крепкие. Сын Авраама Сениора (Коронел) – Пабло Нуньес Коронел (1488–1534), (племянник Пабло Коронел – издателя многоязыковой Библии), преподавал теологию в университете Сорбонны, и тоже, как и Великий Инквизитор Фландрии, Льюис состоял в переписке с Эразмом Роттердамским.

Нам известен еще один теолог из этой семьи – Григорио Нуньес Коронел, который родился в Португалии, (годы жизни с 1548 по 1620).

В раннем возрасте он постригается в монахи Ордена Святого Августина в одном из монастырей Португалии. Вскоре после своего рукоположения в священники он стал знаменит как глубокий богослов и яркий проповедник. В зените славы Григорио покидает Португалию, становится священником и проповедником при дворе Герцога Савойского.

Его вызывают в Рим, где он защищает степень доктора богословия. Он много проповедует в Риме, как раз в то время, когда католическую Церковь раздирают споры между иезуитами и доминиканцами о действии Божественной Благодати. (Считалось, что во время церковных таинств, сам Святой Дух невидимым образом присутствует и совершает определенные действия – это и есть проявление Божественной Благодати). Благодаря своей известности, Григорио Нуньес Коронел становится секретарем Папы Климента VIII. Эту должность за ним оставляет и следующий Папа – Пауль V. Но из-за преклонного возраста, (тогда Григорио было уже шестьдесят лет), он отказывается от столь почетного поста. В 1620 году Григорио Нуньес Коронел принимает участие в собрании ордена монахов-августинцев, в качестве представителя Сардинии.¹⁶

Краткая история Кикладского Архипелага от Крестовых походов, до турецкого завоевания

Отоманская Империя при Сулеймане I Великолепном переживала свой расцвет. Склонный к завоеваниям, но не жестокий, распустивший свой гарем ради одной любимой жены – украинки Роксаланы, Сулейман Великолепный провел целую серию блистательных войн против Австрии и венецианских владений в Греции. Изначально остров Накос принадлежал Византийской Империи, но в XIII столетии он попадает под власть венецианцев. Их присутствие на острове – это следствие Четвертого крестового похода 1204 года, в результате которого крестоносцы отторгли группу островов (Киклады) включая остров Наксос у византийцев, и учредили герцогство Наксоское.

Герцогством распоряжалась Венеция, которая заявила, что оставит остров тому, кто будет править от ее имени. Знатные фамилии острова Накос – Занудо, Криспо, Саморупо правили Архипелагом на протяжении столетий.

На Наксосу, самом крупном из островов Архипелага, коренное население делось на католическую и православную общины. Такое разделение было не только религиозным, но и этническим. На Кикладских островах сложилась поистине уникальная ситуация: крестьяне и рыбаки были представлены коренным греческим населением, исповедующим православие, а верхушка общества принадлежала к католикам-итальянцам.

В 1537-1538 годах турецкий флотоводец Барборос Хевреддин захватывает у венецианцев остров Наксос, но не может оставить на острове регулярный гарнизон, содержать который слишком накладно. Реальную власть в Архипелаге сохранило католическое дворянство.

Иосиф Наси

В 1566 году, во время венгерского похода, умирает Сулейман Великолепный, передав престол своему любимому сыну Селиму II.

Друг и слуга нового султана Иосиф Наси (Хуан Мигуэс, или Жан Миг, или Джузеппе Наси, как его называли в Европе), родился в Испании в 1524 году в богатой семье, тайно исповедующей иудаизм. Из-за преследований со стороны Карла V, молодой человек вынужден бежать в Португалию, но и там, боясь Инквизиции, надолго не задержался.

Иосиф Наси переезжает вместе со своей тетей Грацией Наси в Анверптен (Нидерланды). Учится в университете Левене, и, закончив его,

едет в Париж, где быстро осваивается и через довольно краткий срок, имеет огромный успех при дворе. В 1547 году он переселяется в Венецию, из которой в том же году перебирается в Порту Оттоманскую, где находит себе доходное место при дворе Султана Сулеймана I.

Иосиф становится поставщиком вин к столу наследника престола, будущему султану Селиму II.

Кроме поставок вина он занимается выращиванием шелковичных червей и имеет свою типографию, которую после его смерти унаследует его тетушка Грация.

Наси проявляет себя ярким сторонником будущего монарха в борьбе за престол с наиболее вероятным конкурентом – младшим братом Баязидом. Самая знатная еврейка – Грация Наси, продолжает жить в Венеции, где в 1555 году, по доносу родной сестры Беатриче, которая завидует ей во всем, Грацию арестовывает Инквизиция. Любимой тете поставщика вин грозит неминуемая смерть, но происходит чудо: турецкий Султан, по просьбе Иосифа Наси требует освобождения женщины, угрожая Венеции войной. Таким образом, Грация и другие члены еврейской общины получают свободу и переезжают в Турцию. Случай беспрецедентный даже в наше время. По прибытии в Турцию, Иосиф Наси возвращается к еврейской религии, совершает обрезание и женится на дочери своей тети – Рейне Наси.

Расположение молодого Султана Селима II, позволило Иосифу открыто сделать блестящую карьеру министра и дипломата при Константинопольском дворе. Иосиф, как и Карл V, политик нового времени, который строит государство, держа в кругозоре всю Европу: Испанию, Португалию, Нидерланды, Священно-Римскую Империю, Венецианскую Республику. Иосиф Наси ведет борьбу с влиянием инквизиции: он всячески поддерживает восстание в Нидерландах, направленное против испанского владычества. Борьба с Венецией в глазах Иосифа – это тоже война с инквизицией. На захваченных турками землях у христиан отбирают только «святой трибунал», оставляя храмы, имущество, звания, положение в обществе.

Не забывает Иосиф и о своих еврейских корнях, то ради чего он покинул родину, бежал из одного королевского двора к другому. Он мечтает о собственной стране для своего народа.

С этой целью он создает в 1561 году город Тивериаду (Тверию) в Палестине, чтобы там, на землях подаренных Султаном, основать еврейскую колонию. Иосиф Наси занимается реставрацией города, окружая его стеной, попытался развивать там производства, несмотря на протесты Апостольского представителя в Палестине Бонифация де Рагузе против *«прибытия этих гадюк, которые еще хуже тех, что водятся на развалинах города»*.

Император Священной Римской Империи Максимилиан II – друг его детства, Вильгельм Оранский и Король Речи Посполитой Сигизмунд Август – политический союзники, с которыми он ведет частную пере-

писку. По пришествии к власти своего друга и покровителя Селима II, Иосиф получает в дар острова Кикладского Архипелага и титул герцога Наксоса.

Сам Герцог Средиземного моря, герцог Наксоса – Иосиф Наси живя в Константинополе, не посещает остров Наксос и другие острова Кикладского Архипелага. От его имени островом правит испанский дворянин, доктор права – Франциско Коронелло¹⁷ (Давид Сениор).

Франциско Коронелло

Первое упоминание о Коронелло на острове Наксос относится к маю 1578 года.¹⁸ Когда он покупает у Либрандо де Парио и его жены Анессы дом, когда-то принадлежавший Герцогу Наксоса Николао Занудо.

Вместе с Архипелагом, Франциско Коронелло (Давиду Сениору) досталось и значительная часть имущества прежних герцогов Наксоских из фамилии Криспо, как собственность герцогов. Благодаря этому фамилия Коронелло была самой богатой на острове на протяжении двух столетий. В подтверждение сказанному мы приводим отрывок из дворянского аттестата его далекого потомка Антонио Коронелли:

«Удостоверяем и доводим до сведения всех и каждого, что, согласно аттестату, выданному в Наксии 7-го июня 1785 года отцом Игнатием Лихтле, бывшим начальником иезуитов Левантийских, благородная фамилия Коронелло из Наксии происходит от некоего Коронелло, имевшим крестным отцом Карла V-го, Императора и Короля испанского, и что вышеупомянутый Коронелло и его потомство получили права дворянства от этого государя, дарованные им большою грамотою, снабженную подписями и большою печатью, как о том заявляет вышеупомянутый монах в своем аттестате.

Сверх того удостоверяем, что эта фамилия Коронелло была всегда одною из самых знатных и заслуженных на том острове, как это видно не только из вышеупомянутого аттестата, но также из грамоты самого герцога Эгейского моря – Джузеппе Наци (Иосиф Наси – прим. авторов), данной в 1577 году Франциско Коронелло, его наместнику в управлении всеми островами этого моря. Грамотою этою герцог дарует ему, его наследникам и потомству, в награду за заслуги, в пользование и полное владение, известные поместья и земли, находящиеся на Наксосу и упомянутые в той грамоте. В удостоверение чего дано в Пере Константинопольской, в нашем дворце, 4-го июня 1794 г.

Джузеппе Элиодоро де Булуны».¹⁹

Напомним строки из первой главы про Авраама Сениора о том, что: «при крещении его старший сын Соломон Сениор становится – Хуаном Пересом Коронел, названный так в честь наследника кастиль-

ского престола, принца Хуана». Бывший губернатор Сеговии, служивший Инквизиции, бежит от ее преследований в Константинополь. Попав под покровительство Султана, Соломон Сениор может, наконец, вернуться к религии своих предков – иудаизму.

Хуан Перес Коронелл и его сын Франциско Коронелло прибыли в Константинополь и, хотя Франциско, в отличие от своего отца, был приверженцем католичества, он слыл его «правой рукой», и они вместе служили Иосифу Наси.²⁰

Чрезвычайно высокая степень доверия Иосифа Наси к фамилии Коронелло выражалась в том, что Иосиф называл Соломона Сениора «своим правым глазом», а Франциско «своим сердцем и душой».²¹ Правление островом началось с уменьшения налоговых выплат: сумма годового налога во время правления Франциско Коронелло сократилась до 14 000 дукатов в год. Франциско старался примирить древние дворянские фамилии Архипелага и тем самым добиться политической стабильности.²²

Отдельным пунктом следует отметить борьбу турок под предводительством Франциско Коронелло с Венецией за остров Тинос, входящий в Кикладский Архипелаг, и в те годы принадлежащий венецианцам. Стремясь захватить остров и присоединить его к своим владениям, Франциско принимает военный поход.

Во главе 8 000 турок, под герцогским штандартом Иосифа Наси, ночью он высаживается на Тиносе, но встречает яростное сопротивление и вынужден отступить. С тех пор он личный враг венецианцев. Жители острова Тинос пишут в Венецию жалобу о том, что якобы Франциско Коронелло **«христианин, только для вида, что его родители раввины, и он – предатель»**. К этому присовокупляются интриги Джакопо IV Криспо – законного наследника прежних герцогов Наксоских.

Венецианцы предпринимают беспрецедентную акцию. Дождавшись, когда Коронелло решает посетить остров Сирос, они умело похищают и передают его командующему венецианской эскадры. Жители Тиноса, узнав о пленении Франциско Коронелло, ликуют и предлагают венецианскому командующему крупную взятку, чтобы тот казнил Франциско. Однако Коронелло мудро предложил большую сумму. Его жизнь была спасена, но сам он остался в венецианском плену на острове Крит, где провел несколько лет.²³

Воспользовавшись захватом в плен Коронелло и поражением турецкого флота, во время похода на Кипр в 1569 году, венецианцы приняли поход на Киклады и восстановили власть Джакопо IV Криспо. Правда, военный успех венецианцам закрепить не удалось. Киклады вернулись к Султану Селиму II также быстро, как и были потеряны.

В 1573 году Франциско Коронелло была возвращена свобода. Несмотря на это, смуты не утихали: Джакопо Криспо пытался заполучить помощь венецианцев и вернуть себе герцогство. Но Фортуна ему больше не благоволила. Турция и Венеция заключили мир. За свои за-

слуги Франциско Коронелло был удостоен от Герцога Средиземного моря Иосифа Наси следующим аттестатом:

«Да будет известно, что с учетом хорошего, добросовестную и верную службу Коронелло доктор права и наш заместитель в администрации всех наших Островов, как в вопросах правосудия, так и в других вещах, связанных с нашим правлением, и желая вознаградить его частью. А учитывая, что наш вышеупомянутый заместитель смиренно молит насступить ему нижеследующие земли и пастбища, принадлежащие к господству, которые должны быть найдены на острове Наксос (...).»²⁴

В ЭТОЙ ГЛАВЕ ХОЧЕТСЯ СДЕЛАТЬ НЕБОЛЬШОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ И РАССКАЗАТЬ, КАК СКЛАДЫВАЛАСЬ СУДЬБА ДРУГИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОДА КОРОНЕЛ, А В СЛЕДУЮЩИХ ГЛАВАХ ВЕРНЕМСЯ К РАССКАЗУ О ПОТОМКАХ ФРАНЦИСКО КОРОНЕЛЛО.

Судьба еврея

В разные исторические периоды представители различных ветвей славной фамилии Коронелло отправлялись в Новый Свет в поисках счастья: гонимые евреи, ярые католические миссионеры порой кажутся чуждыми друг другу людьми или попросту – однофамильцами. Но всех их объединяет жажда знаний, именно так в них проявляется неукротимая тяга к абсолютной свободе выбора, авантюризм и предприимчивость, талантливость и терпение, дипломатичность и целеустремленность – основные из многочисленных черт характера, которые и определяют представителей рода Коронелли.

В XVI веке из-за гонений Инквизиции Коронелло спешно покидают Испанию и Португалию. Потомки Авраама Сениора вынуждены бежать в Турцию через Венецию, где многие остаются на всю жизнь. В числе их потомков будет и знаменитый картограф, изобретатель глобуса Мария Винченцо Коронелли, а также известный итальянский художник А. Коронелли. Другие стремятся через Португалию и Нидерланды попасть в Новый Свет. В частности, это Давид Сениор Коронел 1575 года рождения, праправнук старшего брата Франциско Коронелло.

В 1598 году он переезжает в Амстердам, где свободно исповедует иудаизм, и создает свое дело. Амстердам – крупный порт и финансовый центр, подкрепленный сильным сельским хозяйством Голландии, что способствует предпринимательству. В 1601 году у Давида уже свой собственный судоходный бизнес, тогда же он начинает торговать с Бразилией. Главный предмет торговли – сахар.

В 1636 году голландцы захватывают северо-восток Бразилии. Правительство всячески поощряет колонизацию новых земель, и Давид вместе с супругой отправляется в Новый Свет, где становится самым богатым человеком в еврейской общине города Ресифи. Он владелец многочисленной недвижимости и сахарных заводов, которые служат источником доходов для спокойной и размеренной старости. Давид Коронел умирает в Ресифив 1651 году, оставляя огромное наследство своему сыну Исааку. Город Ресифи страдает от португальско-голландской войны. Исаак вынужден заложить предприятие, но это не спасает бизнес, и многочисленные сахарные заводы Коронел арес-

тованы за долги Вест-Индийско-Голландской Компанией. После капитуляции голландцев в 1654 году, Исаак возвращается в Амстердам, где безуспешно пытается отсудить состояние отца. Вместе с ним возвращается и внук Давида Сениора Коронел – Давид, который умрет в 1676 году в Амстердаме, в возрасте 51 года.²⁵ Между тем, фамилия Коронел, довольно распространена в Бразилии. Потомки ли это Давида Сениора или другая ветвь рода Коронел, мы точно не знаем.

Судьба католика

Не менее интересной личностью является испанский дворянин Хуан Коронел, родившийся в Кастилии в 1569 году. По окончании обучения в Университете Алкала, он поступает в орден францисканцев, основанный св. Франциском Ассизийским в 1208 году. Отличительной чертой ордена было не стяжательство: монахам предписывалась абсолютная бедность, проповедь Слова Божьего и уход за больными.

Нелицемерное рвение и возвышенные идеалы привлекали в орден людей благородных и образованных.

Из века в век шла слава об ученых монахах-францисканцах, им доверяли кафедры в соборах, инквизицию. Францисканцы были духовниками королей. Уход в монахи недавнего выпускника университета в то время никого не удивлял. Хуан Коронел учился именно для того, чтобы служить Господу. В 1590 году его направляют в Мексику для миссионерской работы.

В Мексике он познакомился с языком майя и внес немалый вклад в его изучение. Его книга «Доктрина христианства в легендах майя» вышла в свет в 1620 году.²⁶ Отец Хуан имел строгий нрав. До глубокой старости он путешествовал, читая свои проповеди не обуваая ног. Это вызывало чувство глубокого уважения среди братьев монахов, которые избрали отца Хуана Коронел настоятелем францисканского ордена на Юкатане. Скончался отец Хуан в 1651 году в Мехико.²⁷



Франс Пост (Frans Post) Ресифу в 1645 году



*Мировое дерево майя, воспринимавшееся христианскими миссионерами,
как Крест Христов*



***Картина итальянского художника А. Коронелли
начало XIX века***

Весьма схожей была судьба филолога, монаха августинца Франциско Коронел. Его родителями были Франциско Гутиеррез и Ана Коронел. Он родился в 1561 году в Торвихе (Кастилия). Франциско взял фамилию матери, как более знатную. В 1606 году Франциско приезжает на Филиппины в качестве монаха-проповедника. Его основная задача — научить аборигенов писать на родном языке латинскими буквами и описать грамматику местного языка, с чем он успешно и справился, издав свой труд «Капампанган грамматика и правила» в 1621 году. Скончался Франциско Коронел в 1630.²⁸

В ЭТОЙ ГЛАВЕ МЫ РАССКАЖЕМ О ПОТОМКАХ ФРАНЦИСКО КОРОНЕЛЛО, ПОСЕЛИВШИХСЯ НА ОСТРОВЕ НАКСОС. В 1579 ГОДУ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ УМИРАЕТ ИОСИФ НАСИ – ПОСЛЕДНИЙ ГЕРЦОГ НАКСОСА. ТУРЕЦКИЙ СУЛТАН МУРАД III (СЫН СЕЛИМА II) УПРАЗДНИЛ ГЕРЦОГСТВО НАКСОСКОЕ, ЗАМЕНИВ ЕГО АВТОНОМИЕЙ В СОСТАВЕ ОТТОМАНСКОЙ ИМПЕРИИ, ВО ГЛАВЕ КОТОРОЙ СТОЯЛ ИЗБИРАЕМЫЙ ЖИТЕЛЯМИ КАНЦЛЕР. ОСТРОВА КИКЛАДСКОГО АРХИПЕЛАГА ПО-ПРЕЖНЕМУ БЫЛИ ОСВОБОЖДЕНЫ ОТ РАЗМЕЩЕНИЯ ТУРЕЦКОГО ГАРНИЗОНА, НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ ОСТАВАЛОСЬ НЕБОЛЬШИМ, И ЗА ЖИТЕЛЯМИ ОСТРОВОВ СОХРАНЯЛАСЬ СВОБОДА ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ. ЭТО ТОТ РЕДКИЙ ПЕРИОД В ИСТОРИИ РОДА, КОГДА КОРОНЕЛЛО НИ ОТ КОГО НЕ ЗАВИСЕЛИ И БЫЛИ ХОЗЯЕВАМИ СВОЕГО ПОЛОЖЕНИЯ. БУДУЧИ КРУПНЫМИ ФЕОДАЛАМИ, ОНИ ПОЛЬЗОВАЛИСЬ ПОЛНОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ СВОБОДОЙ И НЕ УЧУВСТВОВАЛИ В КРУПНЫХ ВОЙНАХ. ФОРМАЛЬНО ПОДЧИНЯЯСЬ ЛИШЬ ТУРЕЦКОМУ СУЛТАНУ, ИСПОЛЬЗУЯ ПОКРОВИТЕЛЬСТВО ФРАНЦУЗСКОГО ДВОРА, И НАХОДЯСЬ ПОД ВОЕННОЙ ЗАЩИТОЙ МАЛЬТИЙСКИХ РЫЦАРЕЙ – КОРОНЕЛЛО УСЕРДНО ОБУСТРАИВАЛИ СВОЮ ЖИЗНЬ.

Консулы Франции. Получение консульского звания. Общая характеристика работы консула

В XVII веке Французское Консульство острова Наксос было полностью отдано в распоряжение семье Коронелло. Самое первое упоминание столь значительного факта относится к 1612 году, и рассказывает о французском консуле Корсино Коронелло,²⁹ который в 1656 году передал свою должность двоюродному внуку Корсино Коронелло, женатому на его внучке Анне Катерине Коронелло:

«От имени Короля.

Любезному и верному нашему советнику г-ну Корсино Коронелло привет! Любезный и верный наш советник и консул Французской нашей нации в Наксии, г. Корсин Коронелло, дед ваш актом 16 декабря 1655-го года снял с себя достоинство консульское, чтобы, если на то будет соизволение мое, передать его вам, чтобы вы могли пользоваться им вместе или порознь, а после смерти его – вы один. На все это дано мое соизволение, доверяясь уму вашему, пригодности, опытности и способностям во всем, что касается коммерческих отношений, а также усердию вашему, верности и любви, которые вы всегда проявляли на служении этой короне. Побуждаемые всем этим, и еще по другим причинам. Мы вверили вам и разрешили грамотою этою за нашу подпись пользоваться вышеупомя-

путым достоинствам и должностью консула нашей Французской нации в Наксосу, для того, чтобы вы могли пользоваться ею при жизни г-на Корсина Коронелло, вместе или порознь, а после смерти его — вы один, согласно желанию подавшего в отставку, со всеми почестями, правами и преимуществами, прерогативами, вольностями, властью, выгодами и вознаграждениями, сопряженными с этим достоинством и должностью, всем тем, чем пользуется теперь вышеупомянутый г. Корсин Коронелло.

Одновременно даем приказ любезному и верному члену Государственного Совета Нашего и посланнику Нашему на Востоке, г-ну де ла Гей Вантелей принять от вас присягу, обычную и необходимую, и Нашим именем верить вам или приказать верить вам эту должность и достоинство и все с ним сопряженные почести, власть, прерогативы, преимущества, вольности, права, выгоды, доходы и вознаграждения, позволить вам пользоваться всем этим в полной мере, как все это выше изложено, и заставить, чтобы вам повиновались и вас слушали во всем, что касается этого достоинства и должности. Ибо таково желание Наше.

Дано в Париже, скреплено печатью Нашею, 26 мая 1656 года. (Подпись в оригинале — Людовик, а ниже: от имени короля — де Лурени). Переведено нами, секретарем и первым толмачом Е.П. А.В. в Порте Оттоманской, нижеподписавшийся Фонтон.

Подпись эта засвидетельствована французским посланником Шагренем 21 февраля 1794 года».³⁰

О том, какая это была эпоха, говорят имена премьер-министров Франции той поры: кардиналов Ришелье и Мазарини. В основном политика этих двух выдающихся дипломатов была связана с Европой и являла собою утверждение идеи абсолютной монархии, борьбу с протестантизмом.

В Турецких же владениях Франция олицетворяла собой Европу. Французским купцам была дарована привилегия монопольной торговли с Турцией. Все европейские торговые корабли, за исключением английских, входили в порт Наксоса под Французским флагом и контролировались французским консулом.³¹ Также французские короли были покровителями католической веры в турецких владениях. Все это придавало огромный статус консульской должности.

Представление о роли консула дает следующая выдержка из письма Гелпрайкса от 19 июля 1680 года:

«Пираты разбойничают в течение всей зимы. С конца апреля они прячутся в труднодоступных местах или пересаживаются на галионы (крупные парусники — прим. авторов). Есть много портов на острове Парос, где распо-

ложены все базы корсаров, как считают некоторые. Коронелло, консул на Наксосе, а также на Паросе (речь идет о Корсино Коронелло младшем – прим. авторов), заверил меня, что английские и голландские суда в порту бывают часто. Они следуют в Ливорно, проходя через острова, и принадлежат частным торговцам. Коронелло, сейчас, в Пале-де-Франс. Как я разузнал, он там часто бывает. Он хороший человек, имеет большую семью, и он предложил мне помочь нанять моряков, для моей команды».³²

В XVII веке пиратство стало огромной проблемой для жителей восточного Средиземноморья. На острове Наксос каждая семья старалась построить рядом с домом башню, в которой можно прятаться с семьей и имуществом, в случае набега пиратов. До сих пор на острове сохранилось несколько десятков таких башен.

Династическая политика Коронелло в XVII веке

Для укрепления своего влияния, представители фамилии Коронелло заключают браки с членами знатнейших дворянских семей Кикладского Архипелага. Вышеупомянутый консул Корсино Коронелло-старший берет в жены Катерину Криспо – родственницу Джакопо IV Криспо. Эта старинная династия правила островами еще до турецкого завоевания и на тот момент могла оспорить власть Коронелло.

Благодаря заключенному браку, раздора не происходит, а их общие



Герб Коронелло

дети становятся наследниками двух родов. Семья Коронелло также вступает в тесные родственные связи с другой знатнейшей фамилией



***На иконе Лукреция Коронелло и герцог Корсино Саморупо,
сын покойного лорда латинского Андроса***



***Икона Коронелло Святого
Розария в католическом
соборе острова Наксос***

управлявшей вторым по величине островом Архипелага, Саморупо (Sommaripa) – герцоги острова Андрос.

Дочь генерал-губернатора Франциско Коронелло – Лукреция выходит замуж за герцога Корсино Саморупо, сына покойного лорда латин-

ского Андроса. К сожалению, эта пара бездетна, но в Архипелаге осталась историческая ценность и реликвия. В наши дни в пределе Святого Розария в бывшем католическом соборе острова Наксос, можно увидеть уникальную икону, на которой молодожены изображены в богатых одеждах с четками в руках. Они приклонили свои колена пред престолом святого Доминика в самом низу иконы. За их спинами ясно прорисован молящийся сонм святых.

Посередине изображено Древо Жизни и сцены крупнейших христианских праздников. В центре кроны представлена Дева Мария с младенцем на руках, к которой обращены взоры Адама и Евы.

Учение этой иконы следующее: согласно преданию, Богородица подарила святому Доминику четки особой формы – «розарий», по которым следует читать ей «Богородице Дево радуйся». Молитва по розарию считается в католицизме особо благодатной. Сам святой Доминик наставляет молодоженов в богопочитании. Брачная политика, направленная на упрочнения связей родов Коронелло и Саморупо сохраняется и в дальнейшем: на стенах дворца Коронелло на острове Наксос гербы родов Коронелло и Саморупо изображены рядом.³³

Коронелло – покровители католической веры в Архипелаге

Консульское звание и родственные связи обязывали Коронелло насаждать на острове Наксос католическую веру.

В 1627 году Коронелло приглашают на остров отцов-иезуитов, подарив им бывшую герцогскую церковь и один из своих домов³⁴. Этот шаг был не просто благочестивый, а содержал в себе определенный политический контекст. Коронелло таким образом разрешили дилемму выбора между католической Венецией и исламской Портой. Их же выбор был третий – католическая Франция, стремительно набиравшая вес в делах европейских.

Иезуиты были сторонниками Французского двора и народного просвещения. Они проповедовали католицизм в его европейском понимании без всяких учетов местных обычаев. Так, например, проповеди иезуитов в Кафедральном Соборе острова Наксос: «о необходимости уменьшить размер бород по европейскому образцу», что на Востоке считалось бы позором соизмеримым со смертью, вызвали гнев представителей древнейшей католической семьи Приматов Архипелага (*первых лиц острова – прим. авторов*) – Бароцци,³⁵ ведущим свой род со времен Крестовых походов:

«Курьером, а точнее, судя по статусу послания, полномочным послом Императора, стал рыцарь ордена Храма брат, Бароцци. кроме послания, брат Бароцци также вез дары, предназначенные Балдуином для Папы, среди которых отмечены крупный сапфир (карбункул) стоимостью 1 000 серебряных марок, драгоценный перстень и алтарное одеяние, а также «дары для ордена

Храма» (то есть по всей вероятности доставшаяся при разделе награбленной в городе добычи) — две иконы, частица истинного креста, множество драгоценных камней, два серебряных кубка и прочие драгоценности. Упомянутый брат Бароцци происходил из венецианской фамилии сеньоров Санторини и Терази и был ранее командиром тамплиеров в Ломбардии, так что весьма вероятно, что он, будучи участником похода, сопровождал крестоносцев из Венеции на Восток. Все эти подробности оказались документированы по очень прозаической причине. При доставке послания и груза в порту Модоне на юго-восточном берегу Пелопонесса генуэзские корсары ограбили императорского посланника. Венеция и Генуя были в то время соперниками, и так как судно, на котором находился посланник, было венецианским, то корсары сочли свою добычу честным военным трофеем.

Ограбленный Бароцци прибег к защите Святого престола. В письме, написанном в период лето-осень 1204 года подесте (правителю) Генуи, Папа Иннокентий выражает недовольство по этому поводу. Иннокентий потребовал обуздать пиратов через Архиепископа Генуи, пригрозив, что в ином случае и пираты и город будут отлучены от Церкви. По всей вероятности, справедливость была восстановлена».³⁶

Ордену иезуитов не было и века. Основанный в 1534 году Игнатием де Лайоло, он не принимал участия в Крестовых походах, его монахов не брали в Инквизицию, которую контролировали более солидные ордена францисканцев и доминиканцев, но именно орден иезуитов значился самым многочисленным и состоятельным, благодаря первоначальной ставке на образование и миссионерскую работу в колониях европейских держав. Помимо обращения дикарей, иезуиты много делали для возвращения в лоно католической церкви протестантов и православных. В отличие от других орденов, монахи-иезуиты проводили свою политику не угрозами и пытками, а через проповедь и благотворительность: они открывали сиротские дома, больницы и колледжи, в которых обучали всех, — начиная от дворянских сословий до туземных крестьян.

Система этих учебных заведений была одинаковой и для Европы, и для Азии, и для Китая, и строилась по системе разработанной лично основателем ордена — Игнатием де Лойоло, который многое позаимствовал у философа-гуманиста Хуана Льюиса Вивеса, (о нем мы писали ранее).

Уровень преподавательского состава был крайне высок. Чтобы стать отцом иезуитом надо было иметь природный ум, безупречную репутацию, желательно быть знатного происхождения, закончить десять классов иезуитского колледжа, сдать экзамены, и только после этого отправиться в далекие края, чтобы проповедовать католическую веру.

С 1627 года на острове Наксос начинает работать иезуитский колледж: в начальных классах монахи преподают чтение и счет, в старших,

учат литературе, итальянскому, греческому и латинским языкам, в дни православных праздников, организуют театральные представления на религиозные темы, нанимая для этого актеров. Иезуиты усиленно ведут пропаганду обращения греческого населения в католицизм. Но их старания приводят к обратному эффекту: часть населения, исповедующая православие, пытается сохранить свою веру, и оценивает действия «Иезуитского ордена» как миссионерство.

В результате, на острове обостряется межрелигиозный конфликт. Несмотря на разногласия и недовольства православных греков, через несколько лет Коронелло снова приглашают на остров другой монашеский орден – «Братьев Меньших Капуцинов - францисканцев», первоначально носящий такое прозвище, из-за странности в одежде – остроконечному капюшону. Основанный в 1525 году миноритом Басси в Урбино, и утвержденный в 1528 году папой Климентом VII, орден получает чрезвычайно строгий устав, из-за которого в XVIII веке почти исчезает, но в начале XX века его численность вновь увеличивается, особенно в католических странах. Коронелло всячески потворствуют монашеским орденам, поскольку считают, что католицизм в Архипелаге попросту необходим.³⁷

Родной брат французского консула Корсино Коронелло – Джованни Баттиста Коронелло благодушно селит капуцинов в собственном доме, а его жена Мариетта в 1632 году дарит им маленькую церковь «Мадонна», расположенную вблизи от города.³⁸

Заметим, что сами испанские дворяне Коронелло достаточно религиозны и многие из них принимают священный сан; например, в 1628 году сан получает Доминико Коронелло – сын Франческо Коронелло и Марии Сфорца; в 1728 году, монахом становится Гиамбаттиста Коронелло – сын сеньора Аплики Гиамбаттисты Коронелло и Геновевы Гримальди; в 1751 году рукополагается родной брат Гиамбаттисты – Филипп Коронелло.

Религиозное противостояние между православными и католиками.

Убийство французского Консула Коронелло.

Убийство канцлера Константиноса Коккоса

Вернемся к брачной и религиозной политике фамилии Коронелло. Лидер православных аристократов Кикладского Архипелага Константинос Коккос берет в жены красивейшую из женщин острова Наксос из рода Коронелло. В результате этого союза он заручается поддержкой французского консула Корсино Коронелло-младшего и его сыновей – Германо и Джакопо, а также содействием Франческо II Саморупо, мужа сестры консула, у которого есть взрослый сын Мишел Корсино V Саморупо. Он так же принимает участие в этой истории. Вместе они составляют сильный клан, который приводит к власти Константиноса Коккоса над всем Архипелагом. Еще со времен захвата венецианцами острова

Наксос, идет противостояние католицизма и православия, и если рожденным грекам все прощается, то отношение к потомкам венецианских патриций Коко (Коккос), породнившихся с греками, сменивших веру и возглавивших православную общину острова, оставляет желать лучшего.³⁹ Католическую общину Архипелага в конце XVII столетия возглавляло семейство Бароцци. Фамилии Коккос и Бароцци ассоциировали собою противостояние двух вер: православной и католической. Насмешки над православной принадлежностью Константиноса Коккоса со стороны католички жены Бароцци, сыграли трагическую роль в истории острова Наксос.

Оскорбленный Константинос Коккос не выдержал – 22 марта 1687 года случилась беда. Виднейшие представители католической знати острова Наксос, во время охоты на землях Константиноса Коккоса, попали в ловушку и были убиты его слугами. Позже среди умерших были найдены тела консула Франции Корсино Коронелло и его родственника Корсино Саморупо.⁴⁰ Целых два года католические фамилии острова не могли оправиться от страшного удара, нанесенного судьбой, но им помог случай. Проблема пиратства, о которой мы писали выше, заставила европейских монархов принять решительные меры. Эта задача была возложена на рыцарский монашеский орден «Святого Иоанна Иерусалимского» (Иоаннитов), более известного, как – «Мальтийские рыцари». Такое название рыцари получили из-за того, что владели островом Мальта, который был подарен им Императором Карлом V. История самого ордена значительно древнее. Она началась еще до Крестовых походов, когда иоанниты содержали госпитали для христиан-паломников, посещавших Иерусалим. Их роль возросла в период Крестовых походов, когда потребность в госпиталях стала крайне насущной.

В те же годы монахи берутся за оружие, чтобы защищать больных и путников. В конце XIII столетия, из-за поражения крестоносцев, рыцари-иоанниты вынуждены были переселиться на остров Родос, где целых два с половиной века они воевали с турками. После того, как в 1522 году турецкий флот Сулеймана Великолепного изгоняет рыцарей с Родоса, Император Священной Римской Империи Карл V размещает их на острове Мальта. В 1565 году турецкий флот предпринимает попытку захватить Мальту и уничтожить орден. В ходе героической осады, мальтийские рыцари одерживают сокрушительную победу.

Наступает расцвет славы, богатства и могущества ордена. В XVII столетии главным союзником и покровителем иоаннитов выступает Франция, у которой хорошие отношения с Портой Османской и огромная потребность в солдатах, которые бы защитили ее заморские владения, в первую очередь Канаду. В Средиземноморье рыцари были вынуждены довольствоваться исключительно охотой на пиратов. Стать мальтийским рыцарем было крайне престижно. При этом попасть в орден не составляло особого труда; молодые люди проходили четырех-

летнюю военную службу, два года охраняли Мальту, два года служили на галерах, после чего приносили обет безбрачия, после этого посвящались в рыцари, и только потом отправлялись к себе домой, но по первому требованию каждый рыцарь обязан вернуться на службу.



Развалины монастыря иезуитов XVII век



Герб Константиноса Коккоса о. Наксос



Герб Сомарупо. (остров Наксос)

Таким образом, человек, не имевший дворянства, мог получить это звание, и ему открывалась дорога в Высший свет. Слава ордена Иоаннитов была так велика, что дворянство считало за честь служить ордену и вписывать Мальтийский Крест в свой герб.

28 июля 1689 года в порту острова Наксос, пришвартовался французский фрегат «Hirondelle» с флагом на мачте с изображением белого креста на красном полотнище – это отличительный знак Мальтийских рыцарей. Главная и важнейшая задача судна – патрулирование восточного Средиземноморья с целью нахождения и уничтожения пиратов, а также – защита от этих безжалостных мародеров и грабителей всего населения Архипелага. Молодой капитан парусника, рыцарь знатного графского рода Жан Франциск де Раймонд де Моден сразу же после высадки на берег, посетил латинских старейшин и вдову консула Франции Катерину Анну Коронелло. В доме вдовы Корсино Коронелло, перед капитаном Раймондом де Моден, предстала в большом горе восхитительная и юная Катерина Коронелло дочь убитого консула, которая безутешно оплакивала потерю отца. Рыцарь влюбился в прекрасное создание с первого взгляда. Чувство справедливости и риск подвига, определили его дальнейшие решения: *«Де Раймонд Моден докажет, что он достоин прекрасной сироты, и берет на себя месть за консула Франции. А после удачной схватки, как победитель будет просить руки прекрасной девушки!»*.

Как только убийце отца Катерины, православному потомку венецианских патриций Константиносу Коккосу доносят о неожиданно появившемся союзнике Анны Коронелло и всех католических фамилий острова, тот трусливо бежит и прячется в монастыре «Ипсилотера». Крепость и монастырь были построены семьей Коккос, и использовались как убежище в военное время, в мирное же, они служили загородной резиденцией. Тем временем рыцарь де Раймонд спланирует вокруг себя команду из всех дворянских католических фамилий острова Наксос и предпринимает атаку на крепость с моря. Однако люди Коккоса держат осаду и в итоге отбиваются от недругов.

На следующий день после неудачной битвы, де Раймонд идет на обходной маневр. Он инструктирует отряд католиков, возглавляемый сыном убитого консула Корсино Коронелло, родным братом Катерины, дерзким и смелым Джакомо Коронелло, который штурмует монастырь «Ипсилотера». Он врывается под пулями осажденных в цитадель и вонзает шпагу в грудь убийцы. Цель достигнута – крепость взята, Константинос Коккос мертв.

Брак Жана Франциска де Раймонд де Моден и Катерины Коронелло

Капитан Де Раймонд выполнил свое обещание. Он покидает корабль, возвращает рыцарский крест на Мальту и через год 11 октября 1690 года, победитель и герой, влюбленный граф Жан Франциск де



***Дом консула Корсино Коронелло, в котором произошла встреча
Жана Франциска де Раймонд де Моден с Екатериной Коронелло
Герб с пятью голубями. (Фото Яковоса Нафплиотиса-
Сарантиносса)***

Раймонд де Моден женится на дочери отомщенного консула Катерине Коронелло. Возлюбленные живут в Провансе и на Наксосе. Катерина родила Де Раймонду десять детей: пять мальчиков и пять девочек. К сожалению, счастье не длится вечно, и Катерина первой хоронит горячо обожаемого мужа 14 января 1705 года. Всего в сорок лет покидает она этот мир. Катерина Коронелло, всю свою жизнь жаждет встретиться вновь со своим любимым. Она умрет на Наксосе 28 июня 1713 года.

Эта красивая история героизма и любви оставила след до нынешних времен. В монастыре капуцинов на острове Наксос, на надгробии можно прочесть следующую эпитафию:

*«1705 де Раймонд граф, женился на дочери консула Франции Катерине Коронелло, он умер (в третий месяц января) не рыцарь Мальты, пифат».*⁴¹

В следующем параграфе мы немного расскажем о потомках героя Джакоба Коронелло возглавившего атаку при монастыре «Ипсилотера».

Потомки Джакопо Коронелло

Джакопо Коронелло (сын Корсино) заключает брачный союз с Катериной Саморупо на острове Наксос, которая рождает ему трех дочерей: одна из них – Агнес Коронелло, выходит замуж за Григорио Кондил-

лини, знаменитого на весь Архипелаг доктора медицины из итальянского города Падуи. Их сын – Константин Кондиллини, живя на острове Парос, слывет одним из самых богатых людей всех островов Киклад.

Судьба французского консульства на острове Наксос

Традиции наследования французского консульства на острове Наксос, продолжает брат Джакомо Коронелло – Германо Коронелло. Теперь он выполняет обязанности и дела своего отца – Корсино Коронелло. Как только Германо вступает в звание, он тотчас совершает поездку в Константинополь, чтобы дать ответ перед Султаном за убийство канцлера Константиноса Коккоса.

Перед отъездом Германо Коронелло составляет завещание, опасаясь казни. Однако заступничество французского посла в Константинополе Пьерре Жирардина спасает ему жизнь.⁴² Германо Коронелло служит на дипломатическом посту с 1789 года и до последнего дня остается верным Архипелагу и Франции. Он умрет в 1709 году. До сих пор никто из консулов Коронелло не был столь предан французской миссии, как Германо Коронелло. По иронии судьбы, именно он напишет в 1708 году реляцию о том, что греческий митрополит Ферриоль, имеющий кафедру в Салониках, совершил поездку в Голландию с тайной целью – установить тесный контакт с русским Царем Петром Алексеевичем. Это первое документальное подтверждение о сотрудничестве Церкви Киклад с Россией.⁴³ После смерти консула Германо Коронелло, Митрополит Ферриоль, по просьбе отцов-иезуитов, возложит консульские обязанности на брата – Джакомо Коронелло.

Четвертый подряд представитель семьи Коронелло станет французским консулом. Однако приказ не будет подписан королем Людовиком XIV. Отсрочкой воспользуется противник Коронелло – Архиепископ Де Марин, настроенный против нарочито профранцузской политики католической церкви, он стремится ослабить позиции наследственных консулов Коронелло.

Чтобы реализовать свои планы и привести их в действие, он напишет поклев митрополиту Ферриолю о том, что: *«Коронелло никогда не могли должным образом исполнять свои консульские обязанности»*. Хотя это и не соответствует действительности, Митрополит Ферриоль идет на уступки, так как в дело вмешиваются представители Султана, желавшие воспользоваться сложившейся ситуацией и отменить французский протекторат над католиками.⁴⁴ Но посол Франции Йозеф Эммануэль ла Тримольи тут же заявит ноту протеста о том, что покровительство католикам оказывает сам король Франции, а не Султан. Турки, намеревавшиеся устроить религиозную революцию «руками католиков» боятся открытого противостояния между Парижем и Константинополем, и оставляют консульство в Архипелаге за Коронелло.⁴⁵ В 1713-1728 годах дела консульства Франции на Наксосу наследует сын вышеупомя-

нутого графа Жана Франциска Раймонда де Модене и Катерины Коронелло – Шарль де Раймонд де Моден, и фамилия Коронелло снова сохранит свою прерогативу представлять королей Франции в Архипелаге.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В ЭТОЙ КНИГЕ РАССКАЗАНА УНИКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В ПОДЛИННЫХ ДОКУМЕНТАХ, РУССКОЙ ВЕТВИ ФАМИЛИИ КОРОНЕЛЛИ. В НЕЙ ПРЕДСТАВЛЕНЫ: РУССКИЕ КОНСУЛЫ И ПОЛКОВОДЦЫ, ФЕОДОСИЙСКИЕ ПОМЕЩИКИ И ТАМОЖЕННИКИ, ОФИЦЕРЫ РУССКОЙ АРМИИ И ЖУРНАЛИСТЫ, ЖЕРТВЫ СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ И ИХ ДЕТИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НА СЛУЖБЕ РОССИИ

Политическая ситуация в мире в конце XVIII в начале XIX столетий. Екатерина II

Политическая ситуация в мире в конце XVIII в начале XIX столетий, сильно изменилась. Тянется цепь революций и национально-освободительных войн. Вчерашние колонии могущественных империй стремятся получить независимость.

Рабы желают стать господами, а цари стараются удержать власть. На карте мира появляются такие государства, как США, Греция, Италия, Бразилия, Боливия, но исчезает Польша, чтобы снова воскреснуть спустя столетие. Совсем скоро в мире разразятся первые общеевропейские войны. Французская Корона, которой верой и правдой служили Коронелло, официально носившая статус покровительства католической веры на острове Наксос и во всем Архипелаге в конце XVIII столетия лязгая зубцами, покатила к «Великой» революции. Россия в то время переживала свой расцвет. Начиная одновременно с Испанией строить свою Империю, она значительно дольше шла к реализации намеченной цели.

Причины задержки были следующими: отсутствие удобных портов для торговли с Европой и Азией, а также, желание русских царей и императоров доказать, что они являются полноценными европейскими государями. Но Россия, покорив Сибирь, так и не смогла стать Империей ни в глазах европейцев, ни самих русских, которые упорно, четко и последовательно строили свою могущественную державу, заимствуя европейское образование, приглашая «иноземных» мастеров и офицеров. И позже, получив выход к Балтийскому и Черным морям, сумев создать могущественную армию и флот при Императрице Елизавете Петровне, дочери Петра Великого, Россия все же добились того, чтобы, наконец, не стесняясь, она смогла называть себя Империей. А после, крайне неудачная для наследника престола Петра III, но благословен-

ная для подданных, брачная политика Елизаветы Петровны привела на русский престол урожденную немку Екатерину II, которой уже не надо было доказывать самой себе и своим подданным свою «европейскость» Наоборот, Екатерина II старается выглядеть «исконно русской».

*«Екатерина была роста среднего, стройного стана, отличной красоты, следы которой не истребились до самой ее кончины. На голубых глазах изобразались приятность, скромность, доброта и спокойствие духа. Говорила тихо, с выжимкою, несколько в горло; небесная улыбка обворожала, привлекала к ней сердца. Приближенные расставались с нею преисполненными преданности и удивления. Сколь ни старалась она скрывать важность своего сана, но необыкновенно величественный вид вселял уважение во всяком; не выдавший ее никогда, признал бы».*⁴⁶

Общественная жизнь России, во времена царствования Екатерины Великой, становится не западной или антизападной, а ориентируется исключительно в позитивном ключе: на возделывании земель, строительстве заводов, развитии искусств, завоевании территорий, вынося идеологическую составляющую «за скобки».

В 1768 году начинается очередная русско-турецкая война. С 1770 по 1774 года острова Кикладского архипелага захватывает русский флот. Императрица Екатерина II собственноручно записала в те дни:

*«Одержана победа русским флотом над турецким, в Архипелаге между островом Хиосом и Азией в виду Чесменского порта под начальством генерала графа Алексея Орлова, который поднял кейзер-флаг 24 июня 1770 года. Уничтожение турецкого флота в Чесменском порте. 16 военных кораблей с фрегатами, галерами и другими судами, в количестве более ста, были сожжены русскими бомбардирами и брандерами под начальством контр-адмирала Самуила Грейга по приказанию генерала графа А. Орлова 26 июня 1770 года».*⁴⁷

Вступление на службу России

*«Прощай, мой Наксос! Ветер нежный
Наполнил парус и влечет отсюда.
Прощай, жилище скромное наяд!
Торговец пусть не бросит взгляд
На лучший остров из Киклад».*⁴⁸

У вдовы убитого французского консула Корсино Коронелло Анны Катерины Коронелло был родной брат Джакопо Коронелло сеньор Де Коракиа,⁴⁹ а у него был внук Джакопо. В 1748 году Джакопо Коронелло венчается с Флоренцией Спиридо на острове Наксос. **Согласно сообщению известного немецкого историка XIX столетия Карла Хопфа,**

девичья фамилия Флоренции – Спиадатти. Однако в последние годы, версия Карла Хопфа оспаривается председателем Греческого Генеалогического Общества Яковосом Напфлиотисом.

У Флоренции и Джакомо Коронелло рождается семь детей: старший сын (имя неизвестно), Антонио, Регис, Константин, Спиридон, Николай и дочь Елизавета. Дети Приматов Наксоса, а так же многих других представители знатнейших дворянских фамилий католической партии Архипелага: Коронелло, Саморупо, Бароцци поступают на русскую службу, даже не успев толком повзрослеть и окрепнуть, переселяются в Россию. Почему? Вот об этом и будет наш дальнейший рассказ.

Сирия и Египет, принимая в расчет наличие в Средиземном море русских кораблей и полный разгром турецкого флота, подняли восстание против Стамбула. Это доказало, что Османская Империя себя изжила. Россия нуждается в хороших воинах и готова щедро оплачивать их работу. К тому же служение на русском флоте сулило новобранцам заманчивую офицерскую карьеру. Да и казалось тогда, что это не временное пребывание России в Архипелаге, а начало освобождения от власти Турции.

Джакомо Коронелло поддерживает русских в деле строительства и ремонта судов, а также в наборе команды. Такая симпатия вызвана следующими причинами: перед всеми молодыми людьми дворянского сословия тех времён, как не комично это звучит в наше время, стояла огромная жизненная проблема: *«в высшем обществе дворянину неподобало быть простым работником, а наследство Приматов Наксоса передавалось лишь старшему из сыновей. Не сидеть же остальным детям без гроша в кармане?»*.

В дополнение к вышесказанному мы приведем воспоминания немецкого историка Эрнста Куртиса, который подчеркнул в одном из своих трудов этот вопрос на примере Гаттина Коронелло, жившем в середине XIX века на острове Наксос впроголодь из-за средневекового предрассудка. Религия являлась немаловажным фактором, определяющим выбор молодых людей, поскольку Турция была мусульманской державой, а Россия исповедовала христианство, и, несмотря на многие разногласия между католической и православной верами, католическое население острова Наксос все же считало себя единоверным по отношению к Русской Императрице Екатерине II, видя в ней новую заступницу своих интересов. Матушка Императрица прекрасно это понимала и выступила с гарантиями, что все, кто перейдет на сторону российскую, будут иметь её Высочайшее Покровительство.

В 1770 году второй сын Джакомо Коронелло – восемнадцатилетний Антонио записывается на русский корабль.

В «Записке» на имя Министра Иностранных Дел России, с просьбой о материальной помощи Антон Коронелли пишет: *«Командовавший русскими войсками в период турецких войн 1770-74 гг. генерал-поручик Ганнибал в выданном аттестате Антонию Коронелли 2 апреля 1783 г. за № 312-м в*

Санкт-Петербурге удостоверяет следующее: «Морской артиллерии лейтенант господин Коронелли, уроженец острова Наксии, происходит от древней Гишпанской фамилии, в чем свидетельствуют данные сей фамилии Императором Карлом V, государем Гишпанским, дипломы. Предки означенного Господина Коронелли занимали места главных правителей над всеми архипелажскими островами, бывшими под владением герцога Нази, (Иосиф Нази – прим. авторов) от которого в награждение их услуг жалованы им вечноное потомственное владение знатные на острове Наксии феодальные земли, на кои данные им Грамоты по ныне еще существуют; в последующие же времена та же фамилия Коронелли занимала бесперывно Генерал Консульство в Архипелаге, вверенное ей разными Европейскими державами; что явствует из дипломов, хранящихся у неё, которые, как и вышеупомянутые, о происхождение её, я в подлинниках видел.

*«(...) Что касается до отца его Якопа Коронелли, оный в прошлом 1769 году, при прибытии в Архипелаг Российского Императорского флота, занимая первое по тамошнему начальственному управлению место был утвержден на оное Российскими флота начальниками, и во время бытности того флота в Архипелаге, оной Якоп Коронелли, приведен будучи совершенно к Российской державе, не пощадил ничего, дабы оказать оной многие немаловажные услуги, и яко Примаг того места споспешествовал скорейшему набиранию легкого военного корпуса, составленного из тамошних Греков, употреблен был при постройке Гошпиталей для военнотружущих в Наксии и в порте Аузе, равно же и батарей, в том же Порте сделанных, и открывал способы во всякое время, а наипаче при тайных нуждах к снабжению Российского флота разными съестными припасами, с соблюдением тут казенного интереса. Сверх того доставлял часто флота начальникам важные сведения, послужившие к немалой пользе для предполагаемых военных предприятий. По заключении мира с Оттоманскою Портою и по отбытии Российского флота из Архипелага он же Якоп Коронелли, как я неоднократно уведомлен был, подвергался гонению Порты, угрожаем будучи даже лишением самой жизни, а по совершенном разорении всей его фамилии и убиении старшего сына его, умер в Наксии в крайней бедности. Во уверение сего и дал я господину морской артиллерии лейтенанту Антонию Коронелли сей аттестат за подписанием и печатями моими».*⁵⁰

В своей книге ранее, сейчас и далее мы цитируем труд крупнейшего историка Таврической Губернии Вениамина Давидовича Геймана «Потомки испанского Инквизитора Коронелло в Феодосии» в подтверждение найденным нами документам. А так же, для того, чтобы впоследствии, рассказать в нашей книге удивительную историю дружбы, правнука Антонио Коронелло – Виктора Викторовича Коронелли с членом

Таврической Ученой Архивной Комиссии Вениамином Давидовичем Гейманом, которую нам удалось подкрепить документальными фактами. Но об этом позже, а пока вот еще один документ, найденный нами, в котором Антон Яковлевич Коронелли в 1800 году вспоминает о переходе на службу России:

*«Подобное усердие к Российскому престолу пытали в себе и многие родственники мои, а особливо отец мой с братьями моими, которые в прошедшую в 1770-ом году с Портою Оттоманскою войну побуждаемы будучи единоверием и ревностью к службе Ея Императорского Величества и обнадеженные высокомонаршей Ея Величества словом, что оне не будут лишены мзды своея шли на ополчение против неприятеля».*⁵¹

10 июля 1774 года был заключён Кучук-Кайнарджийский мирный договор, из которого следовало:

«Арт. 17. Российская империя возвращает Блистательной Порте все Архипелагские острова, под ее зависимость находящиеся, а Блистательная Порта со своей стороны обещает:

1. Наблюдать свято в расуждении жителей оных островов кондиции, в первом артикуле постановленные, касательно общей амнистии и совершенного забвения всякого рода преступлений, учиненных или подозреваемых быть оными учиненные в предосуждение интересам Блистательной Порты.

2. Что христианский закон не будет подвержен наималейшему притеснению так как и церкви оного, ниже будет препятствовать к перестроиванию или поправлению оных; люди же, в них служащие, равным образом не имеют быть оскорбляемы, ниже притесняемы.

3. Что не будет от них требован платеж никакой подати ежегодно ими платимой, со времени, как они находятся под зависимость Российской империи, по причине великого их претерпения в продолжение настоящей войны, впредь на два года, считая со времени возвращения оных островов ей, Блистательной Порте.

4. Фамилиям, пожелавшим оставить свое отечество и в другие места переселиться, позволить свободный выезд со всем их имением; а чтоб оные фамилии могли иметь удобность к распоряжению дел их, дается им год времени для сего свободного из отечества переселения, считая со дня размена настоящего трактата.

5. В случае, когда российский флот при самом его отъезде, что имеет учинено быть в три месяца, считая со дня размена настоящего трактата, будет

иметь в чем нужду, Блистательная Порта обещает снабдить его всем тем, чем ей возможно будет».

В Архиве Внешней Политики Российской Империи мы нашли послужной список Антонио Коронелли за 1781 год, в котором расписан его боевой путь тех лет: *«Греческой нации. Католического закона из дворян. Крестыян не имею»*.⁵² Очевидно, вот эта фраза: **«греческой нации»** и ввела, в заблуждение доктора исторических наук Юрия Дмитриевича Пряхина, позволив ему поместить главу: «Уроженец острова Наксос Антонис Коронелли – российский воин и дипломат» в своей недавно изданной книге «Греки в Истории России XVII-XVIII веков». На самом деле, русские записывали греками все местное население Архипелага.

Далее из послужного списка Антонио Коронелли:

«Со вступления в службу в 770-м году в Архипелаге находился на разных судах; по 772 годе под командою флота Лейтенанта Псары, в крейсерстве около разных островов определен на корабль Евроту, под командою Флота г. Капитана Поливанова и находился в крейсерстве. В 773-м при береге на острове Паросе под командою Генерал-Майора и Кавалера Ивана Абрамовича Ганнибала, в 774-м на корабле «Всеволод» под командою г. Бригадира Флота Капитана и Кавалера Розбуха в крейсерстве около разных островов и в оном же году из Архипелага, на выше писаном корабле, приплыли в Италию, где и находился при береге в Лаверне под командою выше объявленного Генерал-майора Кавалера Ганнибала по 776 г, и в 776-м из Италии сухим путем в С.Петербурге и по прибытии находился при береге под его ж. г. Ганнибала командою по 778 год, а в 778 с ним же г. Генерал-поручиком Флота Генерал-Цейхмейстером и Кавалером Иваном Абрамовичем Ганнибалом отправились из С.Петербурга в нововозводимый город Херсон, где и поныне нахожусь на фрегате Шестом под командою флота. Капитана 2-го ранга Адинцова».

Из этих скупых строк аттестата трудно понять, что речь идет о закладке главной базы Русского Флота на Черном море на правом берегу Днепра, близ развалин древнегреческого города Херсон (Корсунь). Императрицей было намечено построить цитадель и верфи. Строительство поручено 25 июля 1778 года генерал-цейхмейстеру Ивану Абрамовичу Ганнибалу. Возводили город практически на пустом месте: ни дорог, ни строительного леса. Первыми горожанами Херсона стали те, кто его поднимал – выходцы из Архипелага. Было крайне трудно уложиться в данные сроки, но случилось чудо! Спустя три месяца, осенью того же года, Иван Абрамович докладывает Наместнику Новороссии Григорию Потемкину: *«В присутствии моем крепость и город заложены были»*, а уже в мае 1779 года сообщает о начале сооружения на первой Херсонской судовой верфи линейного 66-пушечного фрегата «Слава Екатерины».⁵³

Антонио Коронелли: Начало дипломатической карьеры, смерть отца

Генерал Иван Абрамович Ганнибал, видя в Антонио преданность России, старательность и исполнительность, а также талант к дипломатической службе, начинает использовать его для ведения переговоров. Коронелли вспоминал:

*«1779-го года был послан от Генерала Ганнибала в Константинополь по делам службы, сие путешествие было весьма опасно, по течению тогдашних обстоятельств, ибо предмет одного было присоединение Крйма к России».*⁵⁴

В те годы возглавлял русскую миссию в Константинополе Александр Стахевич Стахиев, к тому времени уже прослуживший более тридцати лет на дипломатической службе. Работа при столь опытном дипломате была отличной школой для будущего консула Антона Яковлевича, стоявшего лишь на самой первой ступеньке карьерной лестницы в Морском Флоте. Все это показывает ту мудрость руководителей Морского Флота и Коллегии Иностранных Дел, которые готовили будущие кадры для серьезной государственной службы.

Сохранился документ, подробно рассказывающий о роли Антонио Коронелли в той поездке, когда он состоял в свите А.С. Стахиева в церемонии по случаю обмена подписанными листами русской Императрицей Екатериной II и турецким султаном Абдул-Хамидом I об изъятийной конвенции, а также по поводу рождения наследника турецкого престола – принца Сулеймана:

«Записка церемониала, с которым в понедельник июня 24-го дня 1779 г Ея Императорского Величества статский советник, чрезвычайный посланник и полномочный министр Александр Стахиев разменял при Порте с верховным визирем Челеби-Мегмед-пашою императорские ратификации на заключенную в Константинополе.

10-го марта с Портою Оттоманского изъятийную конвенцию. По предварительному условию с Портою о некоторых отличностях противу обыкновенных приемов при Порте всех чужестранных пребывающих здесь министров даже до послов, посланник (А.С. Стахиев – прим. авторов), учредят накануне как мафи, так и другие нужные порядки, в назначенный день около 10-ти часов утра, дождавшись определенного к нему нарочного мигмандаря (мигмандарь – лицо представленное от Султана к посланнику) Едиклиаима, выступив из дома своего, несен в портшезе (портшез – качалка, легкое переносное кресло, прим. авторов) в предшествии свиты своей, караульного чорбаджия с его ортою янычар и пристава, который ехал перед портшезом верхом, все в парадных уборах, нижеследующим порядком:

1. 8 домашних янычар.
2. Караульный чорбаджи верхом.
3. Его орта.
4. Прапорщик Мольенинов в качестве церемониймейстера. За ним унтер-офицеры:
5. Турчанинов, Деделовский, Козлов и Федоров.
6. 16 чегодарей по два в ряд.
7. Швейцарец, за коим 14 лакеев по два в ряд.
8. 6 офицантов по два в ряд, за ними посередине дворецкий.
9. Корабельный писарь Защитин, вахмистр Каракаш, бафатеры, студенты и актуариусы:
10. Исак, Ованес, доктора Тесты два сына, Скарлатов сын Константин, Дандрий, Болкунов, Мариний, Пиний, Форсман.
11. Офицеры: прапорщик Ламир Николаев и морской артиллерии Констапель Коронелю.
12. Переводчики: Антон Палладоклис, Гулелм Дандрий, Иозеф Крута и ассессор Денис Мельников.
13. 4 дивана-чауша, приставленные от Порты к особе посланничей.
14. Титулярный советник Иван Северин с ратификацією.
15. Мигмандарь верхом.
16. Посланник в портшезе, подле оного по правую сторону лейб-гвардии Измайловского полка сержант Цагель и лейб-гусарского эскадрона вахмистр Дмитриев, а по левую — студент Равич.
17. Вслед за посланником: сын его и первый драгоман Пизаний.
18. Подполковник Тир и секунд-майор Аболдуев.
19. Архимандрит Козьма и иеромонах Леонтий.
20. Доктор Беневений и приехавший из Турина доктор.
21. Купцы: Ажамес, Отто, Годде, Хамарта, Маркелов, Селиверстов, Заим, Лаврентьев, учитель Аббате и приехавший из Швеции Норберг.

Пришед на Топханскую пристань, посланник сел в присланную от Порты чауш-башинскую 14-ти весельную шлюпку, имея за собою караульного чорбаджия, подле себя своего сына, а перед собою первого драгоманта Пизания. (драгомант — переводчик — прим. авторов). Титулярный советник Иван Северин, держа в руках всевысочайшую Ея Императорского Величества ратификацию, сел в приготовленную собственно от посланника нарочно для него 10-ти весельную шлюпку, имея за собою байфактара определенной к посланнику

яныгчарской орты, а пред ним сидели ассессор Денис Мельников и переводчик Крута. Мигмандафъ ехал один пред посланником в особенной 8-ми весельной шлюпке, а свита посланничья с яныгчарами поместилась в 50-ти 6-ти весельных от Порты присланных кайках, к коим еще 20 нарочно нанятые от посланника призовокуплены были.

Пристав к константинопольскому берегу, принят был посланник при входе своем из шлюпки мигмандафем и чорбаджием, которые его проводили в обыкновенную комнату неподалеку от пристани, называемую Керечи-Баши, которая на сей случай была приготовлена и убрана приличнее прежнего, где его приняли чаушлар-эмини и чаушлар-киатиби, а не как прежде, что от самой подлости пройти не можно было. С посланником туда же вошли его сын, титулярный советник Северин и первый драгоман Пизаний. Немного погодя вошел туда и чауш-баши, который приказал подносить посланнику и бывшим с ним сласти, кофе, шербет, розовую воду и куренье; а между тем свита разбирала лошадей и строилась в порядок, под которую присланы были от Порты 65 лошадей, изрядно убранных, включительно и посланничью с богатым убором. Когда же все было устроено, то посланник вышел из комнаты, сел на свою лошадь, а в то же время и чауш-баши, и поравнясь по правую с ним сторону, а по левой мигмандафъ, выступили в процессию ниже сего означенным образом:

1. Калаус-чауш.
2. Чорбаджи с ортою яныгчар.
3. Субаши.
4. 40 диванских чаушей, в своих обыкновенных, а не в диванских чалмах.
5. Прапорщик Мольенинов. За ним унтер-офицеры: Илья Турчанинов, Илья Деделовской, Петр Козлов и Василий Федоров.
6. 8 домашних яныгчар.
7. 12 чегодарей по два в ряд, в голубых платьях.
8. За италмейстера актуариус Яковлев. За ним вахмистры: Дмитрий Шашенков и Алексей Переяславцев. 6 парадных заводных лошадей, из коих 2 в турецком, а 4 в европейских уборах, веденные 6-ю чегодарями в красных платьях.
9. Швейцарец, за коим 14 лакеев по два в ряд.
10. 6 официантов по два в ряд. За ними посредине дворецкий.
11. Корабельный писарь Защинин и вахмистр Каракаш.
12. Баратеры, студенты и актуариусы: Исак, Ованес, Тестины два сына, Скарлатов сын Константин, Дандрий, Болкунов, Мариний, Пиний и Форсман.

13. Офицеры: прапорщик Лампир Николаев и морской артиллерии констапель Антон Коронелло. Переводчики: Антон Палладоклисс, Гульемо Дандрий, Иозеф Крута и ассессор Денис Мельников.

14. 4 диван-чауша, приставленные от Порты к особе посланничьей, в обыкновенных чалмах.
15. Караульный 23-й орты чорбаджи, в обыкновенной чалме.
16. Чаушляр-змини и чаушляр-киатиби, в обыкновенных чалмах.
17. Титулярный советник Пв. Северин, держа на руках ратификацию, которого лошадь ведена двумя чегодарями в белых платьях.
18. Посланник, имея по правую сторону чауш-башу, а по левую мигмандаря. Лошадь посланничья ведена четырьмя чегодарями в белых платьях, лакей шел подле оной с епанчею и конюх. С некоторою же уступкою по правой стороне ехал лейб-гвардии Измайловского полка сержант Цагель, а за ним лейб-гусарского эскадрона вахмистр Дмитриев, который вез подарки, завернутые в зеленой тафте, а по левой стороне посланника ехал студент Равич.
19. Вслед за посланником: сын его, при нем два чегодаря в белых платьях и 1-й драгоман Пизаний.
20. Подполковник Тиф и Носербского гусарского полка секунд-майор Аболдугев.
21. Архимандрит Козьма и иеромонах Леонтий.
22. Доктор Беневений и туринский доктор.
23. Купцы: Джамес, Отто, Годде, Хамафта, Маркелов, Селиверстов, Заим, Лаврентьев, Аббате и шведский профессор Норберг.

Приехав к Порте на другой двор, вся свита, не доезжая крыльца, сошла с лошадей, а посланник подъехал к самому крыльцу и возшед наверх, тамо принят был драгоманом Порты (...).⁵⁵ Дальше последовала встреча с Визирем, обмен любезностями и подарками. Встреча прошла на самом высшем уровне. Визирь напутствовал русского посланника следующими словами: «Его сиятельство признает особливым Божиим к себе призрением, что на него пал жребий быть инструментом сего благополучного дела. Впрочем г. посланник может быть уверен, что как его сиятельство, так и всепресветлейший монарх с удовольствием принимают поздравления по случаю рождения принца султана Сулеймана, так и подарки, подносимые сему новорожденному принцу».⁵⁶

За примерное поведение и превосходную службу в составе Константинопольской Миссии Антон Яковлевич в следующем 1780 году был

пожалован чином унтер-лейтенанта (12 класс).⁵⁷ Великое дело на благо России было омрачено личным горем Антонио Яковлевича, он пишет:

*«В бытность мою в 779 году по службе в Константинополе нашел я родителя моего содержащегося в тюрьме и едва через великие издержки преуспел снискать способ к его спасению. (...) По отъезде Российского флота отец мой был совершенно подвержен мщению турецкого правительства. Угрожаем будучи несколько раз лишением жизни, сохранил ее только великими дарами. Однако ж и за сим был он повлечен в Константинополь и обвинен в шпионстве для Россиян. Уже по приказанию великого визиря обрили ему голову для отсечения оной. Но и тут избавился он только пожертвованием почти всего своего имени. Спустя малое время пал отец мой под бременем злосчастия, увидев наперед старшего сына своего умерщвленным и все семейство в разорении».*⁵⁸

Спасение отца Якова Коронелло, скорее всего, произошло во время вышеописанной церемонии визита А.С. Стахиева к визирю:

*«(...) Посланников сын, подойдя со взятыми от подполковника Тифа подарками, сделал визирю на турецком языке следующий комплимент: «Господь да продолжит настоящую дружбу и союз между обеими высочайшими Империями. Аминь. Детские молитвы приятны Богу. А потом положил подарки на софу на левой визирской стороне, к которым приложил по совету и предварительному условию с рейс-эфендием прошение к визирю об освобождении из тюрьмы содержащихся в адмиралтействе разных наций увечных невольников числом до 14-ти, да 3-х здоровых».*⁵⁹ А для Антонио продолжалась дипломатическая служба. В 1799 году, по завершению дел в Константинополе, он был направлен Генералом Ганнибалом к Паше Очаковскому для решения спора по поводу Кинсбургской соли, столь необходимой русским, начавшим освоение черноморского побережья.

«Я имел счастье привести делосие к окончанию в пользу России»,⁶⁰ – вспоминал об исходе этих переговоров Антонио Яковлевич Коронелли.

Далее из аттестата Генерала Ивана Абрамовича Ганнибала:

«(...) По возвращении своем в Херсон послан мною был в Очаков к тамошнему Паше для переговоров о последовавшем тогда неудовольствии и распри между Очаковскими жителями и Российскими подданными в рассуждении отпуска им Кинсбургской соли. Господин Коронелли совершил сие дело с желаемым успехом и к особливому удовольствию моему. До присоединения Таври-

ческой Области к Российской Державе употреблял я его во всех переписках, как по месту начальству моему, относительно греков и албанцев, переведенных в Херсон, так и с близкими сего города местами. А вследствие всех вышеописанных обстоятельств воздая ему должную признательность и сущую справедливость, в оказанных им вышеупомянутых заслугах, в знании, честности, и бескорыстности его, сим свидетельствую сверх того, что он Господин Коронелли в продолжении службы своей столь был прилежен и ревностен к должностям на его возложенным, что не удаляясь от оных ниже на малейшее время и не взирая на совершенный свой недостаток, не мог воспользоваться значным количеством земли, раздаваемой в Екатеринославском Наместничестве многим из числа тех, кои занимали места по должности, возложенной на меня Экспедиции Города Херсона».⁶¹

В этой главе, на примере жизни Антонио Коронелли, мы увидели путь дворянина, уроженца Порты Оттоманской, поступившего на русскую службу во времена Екатерины II. Таких молодых людей были тысячи. Например, брат Антона Яковлевич Коронелли – Спиридон Яковлевич Коронелли в своем прошении на Высочайшее имя писал:

*«Следуя примеру родных моих братьев находящихся в Российской Императорской службе, вступил я в оную в 1789 году и находился во первых во флотилии в Архипелаге; в продолжении кампании за оказания мною усердие, расторопность и верность и за точное выполнение препоручений возлагаемых на меня начальством удостоен чином Капитана, на что имею от Вашего Императорского Величества патент. Потом, в 1803-ем году определен я в Таврическую губернию форшмейстером, где и находился до 1809 года».*⁶²

Помимо дворян, в Россию устремились греки-простолюдины и славяне с Балканского полуострова. Всем давали шанс сделать военную карьеру. Антону Яковлевичу Коронелли повезло больше остальных. Во многом благодаря своему знанию языков: итальянского, французского, турецкого, русского, болгарского, в 1784 году он был зачислен в самое престижное учреждение тех лет – Коллегию Иностранных Дел.

В 1884 году Антонио Коронелли назначают консулом на остров Хио, который находится всего в ста верстах от его родного острова Наксос. Нетрудно представить, каков был восторг молодого человека. Антонио всего тридцать два года, и родные знают, что он тоже консул, как его предки. Только он не унаследовал свою должность, подобно Корсино, Германо, Джакомо Коронелло, а заслужил честной и беспорочной службой.

Хотя время было мирное: русские купеческие суда бороздили моря, чтобы закупать пшеницу и фрукты, в морском воздухе, да и на суше все же чувствовалось напряжение, поскольку Турция хотела вернуть себе Крым, а Россия – сохранить за собой беспрепятственный выход своего флота в Средиземноморье. Конечно, существовал иной путь, которым она пользовалась в военное время: «ходить на судах вокруг Европы». Русские корабли постоянно пришвартовались в портах Италии, а команда добиралась до России верхом на лошадях.

Важнейшей задачей России сейчас была политическая пропаганда среди купцов, дворян, священников, которые могут оказать весьма значительную помощь в предстоящей войне. Антонио Коронелло служит России, и кому, как не местному уроженцу знать, чем и как можно расположить к себе таких людей.

Напомним, что консул и посол – это совершенно разные профессии: посол – дипломат, направляемый ко двору иностранного государя, ведет с ним политические переговоры, консул – находится в подчинения у посла и направляется в крупные города, чтобы защищать права граждан своей страны.

Русскую миссию в Константинополе, в ранге посла, возглавляет выдающийся русский дипломат Яков Иванович Булгаков. Человек, чей характер мягкий, ум зоркий, а самообладание железное.

Будучи в турецком заключении в 1888 году, Яков Иванович продолжал собирать и передавать в Отечество информацию о делах Османской Порты. Этот человек и стал руководителем Антона Яковлевича Коронелли, который пишет:

«Булгакову – послу в Константинополе.

Ваше Превосходительство Милостивый Государь! Имею честь вашего превосходительства уведомить, что, слава Богу, благополучно прибыл в Хио, притом почту за долг мой, изъяснить вашему превосходительству, мою чувствительнейшую и всепокорнейшую благодарность за оказываемые вашим пре-

восходительством мне толь неограниченныя благоденний и милостей (...) 14 октября 1786 Хио». ⁶³

По прибытию на остров Хио, Антонио Коронелли передает сведения русскому послу в Константинополе Якову Булгакову через знатнейшего жителя острова Хио Мавро-Кордати. Впоследствии Мавро-Кордати тоже станет консулом на острове Хио: «(...) что принадлежит до церемониальных дел, окончились по желанию и до сего числа имеют благополучное решение. (...) Дела, посланы через грека Францеско Франдо, он отдаст Николаю Мандсо товарищу Яне Мавро-Кордати в Константинополе. Этот же Мавро-Кордати первый из здешних жителей и усерден нашему двору». ⁶⁴

Русскому консулу в силу своих служебных обязанностей, надлежало представлять Российскую Корону в исламской стране, и Коронелли с этим успешно справился. Антонио сообщает:

«24 числа на тезоименитство Ея Императорского Величества была Литургия, а после молебен за здоровье Императрицы, где и сам архиерей служил с отменною церемонию в придворной своей церкви». ⁶⁵ *«(...) Из шести российских судов была пушечная пальба».* ⁶⁶

В обязанности консула входит сбор информации, циркулирующей среди купцов и местного населения. Так на острове Хио, Антона Яковлевича Коронелли застают слухи о смерти г-на Антонио Константиновича Псаро – человека под началом которого, одиннадцать лет назад Антонио служил юнгой. В своем письме к Якову Ивановичу Булгакову Коронелли пишет: «(...) дошло мне от некоторых посторонних известие, что находящийся в Мальте поверенный в делах кавалер Псаро умер. Но доподлинно неизвестно». ⁶⁷

К счастью, слухи эти оказались ложными. В следующем 1787 году г-н А. К. Псаро был произведен в капитаны бригадирского ранга. Достаточно тревожно выглядит сообщение Коронелли на имя Булгакова о захвате российского купеческого судна пиратами:

«Прибывшие некоторые сюда из Александрии сказывают, что слышно было там яко бы российское судно взято барбаренскими разбойниками и ими продано голландским купцам, но какое судно именно и на оном какой шкипер и откуда следовало и куда неизвестно 14 сентября 1786». ⁶⁸

Тревожные воспоминания о доме не дают покоя молодому человеку, его тянет на Родину в Наксос, где осталась мать, родня, друзья.

В следующем 1786 году, Антонио Коронелли посещает родной остров: «(...) я уже приказал в Хио через моего драгомана всем российским купцам, дабы и впредь не нагружали бы свежими фруктами на турецких

лотках. Будьте Ваше Превосходительство благонадежны, что возложу на свое попечение, я, несомненно, надеюсь исполнить равным образом и все касающееся дела до меня, иметь благополучное окончание. А ожидаю токмо оказию, отправиться непременно в скорости намерен в Хио (...).

28/03/1786. Антон Коронелли».⁶⁹

1-го сентября 1786 года Антонио Коронелли обращается к Я.И. Булгакову:

*«По прибытии моем здесь не находился ни один день здоровым и здешние доктора советуют мне переменять воздух, на что осмеливаюсь просить Ваше Превосходительства дозволения, как расстояние отдаленное только сто верст. То когда дело потребует меня, я могу возвратиться в скорейшем времени».*⁷⁰

Огромным утешением для Антонио Коронелли было известие о скором приезде к нему на остров Наксос его братьев: Региса Яковлевича Коронелло и Константина Яковлевича Коронелло. Регис, получив назначение консулом в Бейрут, ожидая разрешения на поездку от русского посла в Константинополе, решил по пути заехать к брату.

4/18 сентября 1786 года Яков Иванович Булгаков писал к А.Я. Коронелли:

*«(...) братец ваш получил уже свой берат и фермаиш (патент и указ о назначении — прим. авторов) в Барут и вскоре уже отправится, и будет у Вас ожидать ответа на мое представление».*⁷¹

Вместе с Регисом, приехал и другой брат – Константин Яковлевич Коронелли, назначенный драгоманом (переводчиком), при Регисе:

«Вследствие высочайшего Ея Императорского Величества указа за собственноручным Ея Императорского Величества подписания от 16 мая положению при poste Вашем быть одному драгоману, с жалованием по двести по сороку рублей на год. А как доношением в Коллегию представили Вы из их доходов брата вашего Константина Коронелли, то и определено Коллегией поместить его при Вас (...).

Подписано: Г. Иван Остерман, Г. Степан Безбородко, Петр Бакунин 1785».⁷²

Приятная новость, заставила Антонио подняться духом. Он пишет Я.И. Булгакову:

«Покорнейше благодарю Вашего Превосходительства за милость которую не оставили оказать, в позволении мне отлучиться от сем в Наксию, но как я чувствую ныне себя легче, то расудил остаться поколь здоровье мое позволяет.

26 октября 1786г.». Антонио Коронелли указывает в письме на имя Булгакова, что⁷³ «8 ноября 1786 года, Рижес прибыл в Хио».⁷⁴

Эту переписку мы приводим подробно, чтобы показать читателю, человеческую подноготную работы консула, главной задачей которого была забота об интересах России. В Архиве князя Воронцова сохранилось письмо, рассказывающее о целях работы консула:

«Господину Коронелли на Хиосе. Господин, я с удовольствием получил сведения, которые Вы мне даёте в Вашем письме от 20 марта о торговле на острове Хиос, о характере его товаров и о товарах Анатолии. Мне интересно знать какие товары туда импортируются из России и прибыли, которую можно из этого извлечь. Я очень одобряю ваши действия направленные на то, чтобы добиться привилегий, которые были даны русским купцам на о. Хиос в том, чтобы переправлять их зерновые на кораблях других стран. Все что Вы делаете, является для меня свидетельством Вашей преданности. Вы обяжете меня, господин, давая мне как можно больше деталей о торговле в этом порту и отправляя мне в конце каждого года, список кораблей, которые туда приходят и оттуда отправляются. Особенно я прошу Вас давать мне детальную информацию о кораблях с русским флагом, отличающихся от тех, которые принадлежат иностранным государствам, но которым дана была привилегия ходить под русским флагом от действительно принадлежащих Его Императорскому Величеству. Для этого будет необходимо уточнять название каждого корабля, имя капитана, количество иностранных матросов на борту, чем загружены корабли, а также имена купцов, для которых они были загружены и информировать меня в основном обо всем, что может способствовать прогрессу и выгоде, получаемой от торговли России со страной к которой Вы принадлежите.

Примите мои заверения в моем глубочайшем к Вам уважении.

С. Петербург, 8 июля 1786 г.».

(Перевод с французского – Людмила Дринко).⁷⁵

С возложенным на него поручением Антон Яковлевич справился блестяще:

«1784 года пожалован я был Консулом на острове Хио, где я нашел много установлений – предосудительной нашей торговле, как-то:

- 1. Всякое судно погруженное хлебом, какой бы нации то ни было, при- ставши в Хийскую Гавань, принуждено было продавать весь груз хлеба за самую умеренную цену. Я исходатайствовал для Российских купцов*

позволение приставать и выходить из одного порта с хлебным грузом, и даже нагружать сего товара на греческие или турецкие суда и вывозить оттуда в другие места.

2. *Каждое судно, прибывшее в одну гавань, обязано было за то платить определенную подать.*
3. *Равномерно должно было каждое судно платить по прибытии некоторую сумму янычарам сего острова.*
4. *За позволение выгружать товар, обязано оно было также платить пошлины.*
5. *Сверх таможенной пошлины принуждены были там платить с каждого товара, по расчислению, закладочных денег. Моим старанием все сии злоупотребления были отменены в пользу Россиян.*
6. *В самом порте Хийском находится место весьма удобное для нагружения и выгрузки кораблей. Никакому кораблю нейтральной державы не было позволено к сему месту приваливать, а я выходил на то привилегию для Россиян.*
7. *Важные преступления тамо судимы были правительством турецким, по их законам: одни только Россияне были от того исключены по моим представлениям; и во все время моей бытности тамо консулом все сии статьи были во всей точности исполняемы относительно до Россиян; когда напротив никакая другая нация таковыми привилегиями не пользовалась».*⁷⁶

Начало войны. Трудная дорога домой

В 1787 году Императрица Екатерина II совершила путешествие по Крыму, в сопровождении Австрийского Императора Иосифа II. Визит был блистательным и для Императрицы, и для двора, и для губернатора Тавриды, князя Григория Александровича Потемкина. По завершении своей поездки, «из села Коломенское», Императрица писала Потемкину:

*«Мы здесь чванимся ездою и Тавридою и тамошними генерал-губернаторскими распоряжениями, кои добры без конца и во всех частях».*⁷⁷

В Турции же этот визит вызвал волну возмущения. Султан Селим II помнил что Крым принадлежал ему. Заручившись поддержкой Великобритании, он выдвинул ультиматум Российской Империи с требованием: восстановить вассалитет Крыма и Грузии по отношению к Константинополю. Однако 13 августа 1787 года, Турция, получив отказ от русского посланника в Константинополе и непосредственного руководи-

теля А.Я. Коронелли – Я.И. Булгакова, объявила России войну, а самого Я.И. Булгакова взяли под стражу. Русским дипломатическим миссиям в Турции пришлось временно прекратить свою работу.

Путь русских консулов из Архипелага до Петербурга оказался долгим и опасным. Возвратиться в России прямой дорогой, через Константинополь и Крым, не представлялось возможным. Русские консулы Коронелли были вынуждены ехать в Триест, обогнув на кораблях весь Балканский полуостров, а оттуда через Вену, Бухарест, Киев, Москву до Питера. Антон Яковлевич Коронелли вспоминал:

«1787-го года Порта Оттоманская объявила войну. Бывший тогда министр Российского двора г-н Булгаков поручил меня в защиту г-на интернунция венского двора; но сей австрийский министр объявил мне вскоре потом, чтоб я оставил его замок, ибо Порта настояла в выдаче ей меня именно.

И я подвержен был несказанным опасностям и посредством денег спас только жизнь»,⁷⁸ «(...) принужден я был оставить консульский дом, и лишился всего имущества моего, серебра, и мебели, составляющих немало-важную сумму».⁷⁹

Из удостоверения Императорской Коллегии Иностранных дел секретаря Арсения Юлинеца:

«Мы, майор д'Отее генеральный консул Ея Величества Императора Всероссийского в Сицилийском Королевстве. Удостоверяем всякому, кому понадобится, что г-да Антон де Коронелли, капитан Императорского Российского флота и Консул этой нации на острове Хиосе, и Николая д' Анастасио пехотный Капитан и Консул в Сантофино, покидая Константинополь, по причине войны, возгоревшейся между Российской Империей и Оттоманской Портой, сели в Константинополе на венецианское судно «Мадонна делла Грация», под управлением капитана Гафакуккиа, сговорившись быть перевезенными в Ливурн.

После месячного плаванья буря принудила вышеупомянутое судно войти 16-го ноября 1787 года в Мессинский порт, который оно уже было миновало. На следующий день оно вновь вышло в море. На высоте Липарских островов поднялся новый шторм, который в продолжение двух суток нанес судну такие повреждения, что оно, имея течь, должно было, и еще дело обошлось счастливо, вернуться 20-го числа в Мессину. К-н Гафакуккиа заявил, что не может более рискнуть выйти в море, не починив корабль. В виду того, что константинопольский патент был не в порядке, санитарная комиссия этого порта в экстренном заседании решила, что, так как судно не может быть допущено в наблюдательный лазарет, оно должно было нанять другое, высадить туда пас-

сажиров и выгрузить товары, а затем произвести починки и т.д. К-н отказался от этого и решил на свой страх и риск отправиться в Мальту, как ближайший карантинный пункт.

Некоторые пассажиры, в том числе вышеупомянутые г-да де Коронелли и д'Анастасио, решили между собою, чтобы не подвергать жизнь опасности плаванья на сомнительном судне, нанять другое (за большую плату), Рагузский корабль, называемый также «Мадонна делла Грация», под командою к-на Нояновича, чтобы с частью багажа быть доставленными в Мальту и там отбыть карантин. Ко всему этому принуждали их обстоятельства: решение капитана и нежелание покинуть судно, на котором они договорились быть приведенными в Ливурн.

Удостоверяем, что вышеупомянутые г-да де Коронелли и д'Анастасио, консулы на службе Императорской Русской, исходатайствовали у нас это свидетельство, чтобы быть в состоянии доказать, что они принуждены были нанять за большую плату другое судно и следовать за первым в Мальту.

Кроме того (согласно устному заявлению этих г-д консулов, сделанных здесь, в Карантине нам лично), это обстоятельство навлекло на них неприятности со стороны к-на Гаракуккиа и одного пассажира англичанина Бэди, на которых они подадут жалобу в должном месте и в должное время.

Во свидетельство этого мы выдали настоящее удостоверение, чтобы иметь силу там, где это понадобится, подписали его собственноручно и велели запечатать Императорскою печатью этого консульства. Дано в Мессине 30 ноября 1787 года.

Майор Фридрих д'Отее».⁸⁰

Из прошения в Коллегию Иностранных Дел Константина Яковлевича Коронелли:

«По объявлению России Портою войны отправился из Турции в Триест и не получив из Константинополя трехсот пиастров на проезд, как то воздаваемо было и прочим драгоманам, занял таковое число на уплату корабельщикам. По прибытии в Триест пребывающий тамо российский консул Варух объявил мне повеление полномочного при Тосканском дворе министра графа Моценига, чтоб явился я к нему во Флоренцию.

По прибытию в сей город явился я у Графа Монценига (род Монцениго идет от прославленных венецианских доджей — прим. авторов). Которого хотя два раза просил письменно об отправлении меня С.Петербург с снабжением проездных денег, но он министр не только в оных мне отказал, но и в нужном для свободного проезда паспорте и потому принужден будучи прожить в Тоскане два

года с крайним для меня разорением в расуждении дороговизны и низости курса, и неимением способов содержать себя одним жалованием, остался я должен моим заимодавцам двести тридцать червонных, а наконец не видя ни от куда помощи занял в разных местах сто восемьдесят червонных для проезда до С.Петербурга. Поручик Константин Коронелли 20 декабря 1790 г.»⁸¹

Почти вторит Константину Регис Яковлевич Коронелли, однако, нигде его не упоминает:

«По случаю распоряжения турками мира отправился я в город Триест употребив, как на путевые издержки, так и на разные карантинные в оном городе расходы собственных моих денег двести сорок червонных, о коих я уже пред сим имел честь донести Государственной Коллегии Иностранных Дел.

При выезде же из Италии хотя и получил я от полномочного при Тосканском дворе Посланника графа Монциниего на проезд в Россию сто десять червонных, однако, с немалым уменьшением против учиненной выдачи прочим моим сотоварищам в родственном со мною звании бывшим.

Почему выданное мне число денег не могло никоим образом стать на удовлетворение всех нужных в пути издержек. И для того принужден я был в разных местах занять сверх оных еще сто тридцать червонных с платежом знатных процентов.

Сверх того, по переключившейся мне в дороге болезни, остановился я в городе Вене, до излечения оной, куда и жалование мне доставлялось отсюда хотя и полное, но там получал я оное по причине низости курса, с немалою себе потерею. А к тому же и крайняя во всем дороговизна вводила меня неприметным образом в разные, наипаче по долговременной моей болезни, необходимо нужные расходы, так что и от сих обстоятельств понес я знатный убыток».⁸²

Четырнадцатилетний капитан

Пока братья Коронелли, состоявшие на русской дипломатической службе возвращались в Санкт-Петербург, в восточном Средиземноморье шли ожесточенные морские сражения.

Особенно отличился капитан Ламбро Качиони, который родился в греческой Ливадии и поступил на русскую службу волонтером к графу Алексею Орлову в 1770 году. С началом русско-турецкой войны 1787 года он служил на Черноморском Флоте под командованием контр-адмирала Мордвинова и принимал участие в сражении под Очаковым. В конце 1787 года он направлен в Триест для организации корсарской эскадры. Да-да это была настоящая пиратская эскадра, грабившая преимущественно транспортные суда и уничтожавшая патрульные крей-

сера турок. В 1788 году корабли Ламбро Качиони нанесли большой урон транспортным судам турок.

Зимой Качиони отдыхал от разбоев в итальянском городе Триесте, под защитой русского и австрийского флотов, а к весне, он основательно подготовился к новой военной кампании 1789 года. Далее из аттестата Спиридона Яковлевича Коронелли:

№ 1.

Копія. а)

По Указу Его Величества
Государя Императора
Александра Павловича
самодержца Всероссийскаго.

и трога, и трога, и трога.

Объявитель сего Капитанъ Спири-
донъ Коронелли, какъ въ представлен-
номъ аттестатѣ, данномъ ему 1796
Августа 15^{го} отъ бывшаго на Россійской
Архипелажской флотиліи Полковника
Ламбро Качиони значить, имъ Ламбро
Качиони по данной ему отъ Генерала
Лейтенанта Заборовскаго власти
789^{го} въ Іюнь мѣсяцѣ на островѣ Зие:
въ Архипелагѣ назначенъ Капитаномъ
въ Россійскую службу, служилъ усердно
и верно, доставлялъ провизію, и дру-
гіе запасы флотиліи да самою схва-
тивъ плѣну, и да все ему было заплачено;
онъ же Коронелли писалъ ему Ламбро-
Качиону нѣкоторыя известія касательно
расположенія непріятеля, что все было
для него Ламбро Качиони очень поле-
зно, Которой намъ его Коронелли
во вѣхъ службахъ усердно и честно
А 30^{го} Мая 16^{го} помянутый Коронелли
прошнѣсь, при предложеніи бывшаго
Г. военнаго министра Вязмитинова

№ 16021.

«Объявитель сего капитан Спиридон Коронелли, как в представленном аттестате, данном ему 1796-го августа 15-го от бывшего на Российской Архипелажской флотилии полковника Ламбро Качиони значит, им Ламбро Качиони по данной ему от генерал-лейтенанта Заборовского власти 789-го в июне месяце на острове Зие: в Архипелаге назначен капитаном в российскую службу, служил усердно и верно, доставлял провизию, и другие запасы флоти-

лии за самую сходную цену, и за все было заплачено; он же Коронелли давал ему Ламбро Качиони нужные известия касательно расположения неприятеля, что все было для него Качиони очень полезно, который нашел его Коронелли во всех случаях усердным и честным».⁸³

Удивительно, что речь идет о четырнадцатилетнем мальчишке, выросшем без отца. Его папа Джакомо Коронелло умер в 1780 году, когда Спиридону было три года, а старшие братья служили России в Петербурге, Яссах, Константинополе

В ту же войну служил на Российском Черноморском флоте дальний родственник Коронелли, потомок герцогов Андроса Егор (Георгий, Юрий) Мануилович Саморупо:

«1789 года в чине подпоручика служил на Гребном Черноморском Флоте, командуя лансоном № 1 в эскадре контр-адмирала Войновича и августа 2-го участвовал в сражении с турецкою флотилиею при острове Березини, а августа 6-го сентября и сентября 20-го был в сражении при Гаджибес, и при занятии днепровских гирл. (гирлы – рукава устьев рек впадающих в Черное и Азовские моря – прим. авторов). 1790 года командуя тем же лансоном в эскадре генерал-майора де Рибаса плавал от Очакова до р. Дуная и участвовал в овладении килийскими гирлами потом, командуя галетом № 8 участвовал в штурме крепости Измаила. 1791 года января 29-го переименован в мичманы гребного флота. Командовал тем же лансоном в дунайской флотилии. 1792 года находился при Николаевском порте. 1793 года командовал дубель-шлюпкою № 2 в Черном море»».⁸⁴

В архиве графов Мордвиновых сохранился «список обер-офицерам, служащим во флотах черноморских, отличившимся привзятии города и Крепости Измаила, с истреблением турецкой армии, там находившейся, коих по Высочайшему Ея Императорского Величества повелению следует наградить чинами», в том числе:

«Лансонные командиры: Дмитрий Глези, Зосим Куна, Григорий Саморупо отличились трудами и храбростью»».⁸⁵

Герой русско-шведской войны 1788-1790 годов

Возвращение в Северную столицу тоже не сулило покоя, мира и безопасности. Воспользовавшись тем, что Россия ведет крупномасштабную войну с Турцией, шведский король Густав III в 1788 году нападает на Россию. Сразу по прибытии в С. Петербург, Антон Яковлевич Коронелли возвращается на флот в качестве морского офицера: *«По возвращении моем в Санкт-Петербург получил я позволение служить волон-*

тером на галере флотилии против шведов под начальством Принца Нассау Зигена. При сражении, бывшем 13-го августа 1789 года, имел я по повелению принца Нассау и Графа Литты начальство над правым крылом авангарда, состоявшего из осьмнадцати канонерских лодок и семи полушебек. По обращении неприятеля в бегство, дано мне было повеление перейти на галеру Оку, и оною преследовать Шведский Фрегат пушечной пальбою. Я имел щастие завладеть флагом оного, который мною и был поднесен контр адмиралу Графу Литте. После совершенного разбития неприятеля предписано мне было иметь смотрение за всеми взятыми у шведов судами, я исполнил сию комиссию и успел законопатить даже во время ночи один шебек, наполненный войском, который уже тонул.

*Августа 21-го числа во время атаки и десанта близ деревни Питис, находился я 7 часов сряду в огне перед неприятельскою батареею. По завладении батареей, высадил артиллерию по повелению Графа Литты, чтобы погнаться за неприятелем».*⁸⁶

*За успехи и «в воздаяние разных подвигов в бытность во флоте, пожалован сентября 22-го 1789 г. В Капитаны 2 ранга и Орденом Св. Владимира 4 степ. с бантом».*⁸⁷

*«1790 года июля 28 дня, предписал мне контр адмирал Граф Литта остаться на его галере, во время сражения обоих флотов, которое продолжалось более 24 часов. Потом дан мне был от принца Нассау ордер подвести Сикурсу тем из наших судов, которые были разбиты, чтобы спасти экипаж, я оное исполнил с успехом даже ввиду неприятеля, который производил на нас беспреывную пальбу, и не иначе оставил место сражения, как на той же галере, на которой находился, и которая отступила уже по окончанию сражения с последними судами».*⁸⁸

Земли под Феодосией

Тем временем русско-турецкая война 1787-1792 продолжалась. В 1791 году в Россию переезжает мать Антонио Коронелло – Флоренция, потерявшая в результате русско-турецких конфликтов мужа и старшего сына. Едва спасая в 1788 году ее второй мальчик – Антонио Коронелли. Оставаться на Накосе ей было попросту небезопасно. В том же 1791-ом году: «По Высочайшему Повелению ей на переселение из Архителага со всюю семьей пожалована была земля в Феодосийском уезде».⁸⁹

В.Д. Гейман в своем исследовании «Потомки испанского инквизитора Коронелло в Феодосии» упоминает об отводе в 1792 году Антонио Коронелли 2 тысяч десятин земли близь деревни Сарыголь, что в пяти верстах от Феодосии,⁹⁰ и ссылается при этом на дело 1794 г № 21 на 22

листах из Таврического Губернского Архива. К сожалению, в настоящее время ознакомиться с этим делом не представляется возможным, так как оно было похищено неизвестными в начале 90-х годов XX столетия. Об этой краже мы узнали из письма главы сельской администрации «Береговое (Коронель)» Крымской Области, расположенного на землях, данных Антонио Коронелли, Игоря Филиппенко, который очень много делает для сохранения памяти героя.

Так или иначе, но земли близь Феодосии принадлежали Коронелли и были предоставлены за заслуги перед государством. На рубеже 1791-1792 годов между Россией и Турцией был заключен Ясский мирный договор, по которому Россия сохранила за собой Крым и другие земли Причерноморья. Между Россией и Турцией вновь восстанавливают дипломатические отношения.

Константинопольская миссия

В 1794 году Антона Яковлевича Коронелли прикрепляют к Константинопольской Миссии. Из воспоминаний А.Я. Коронелли:

*«1794-го года я отправлен был кавалером при посольстве в Константинополь в Свите генерала Кутузова, который меня употреблял всегда по делам службы и на разрешение тайных замыслов якобинцев».*⁹¹

В этом же году во время поездки в Константинополь, Михаил Кутузов, будучи в ранге посла, писал вице-канцлеру Ивану Андреевичу Остерману:

«Господин кавалер посольства флота капитан второго ранга и кавалер Коронелли подал мне (...) прошение о помещении трех его братьев при миссии здешней, дабы они усовершенствовались в турецком языке и в других науках, могущих их вяще способными сделать к высочайше Ея Императорского Величества службе. Предав все вышеописанное на рассмотрение Вашего сиятельства, доношу токмо, что желательно, чтобы братья г-на Коронеллия следовали стопам его, ибо служба и хорошее поведение его заслуживают некоторого уважения и уже известны Вашему сиятельству,

*Михайла Голенищев-Кутузов».*⁹²

Достоверно известно о службе в свите Кутузова во время Константинопольской миссии младшего брата Антонио Коронелли – Константина Яковлевича Коронелли. Он пишет о себе и тех днях:

«(...) В прошедшем 793-ем году находился в Свите отправленного в Константинополь чрезвычайного Вашего Величества Господина Генерал Поручика и Кавалера Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова и исполнял разныя

его препоручения и в тож время быв отправлен от Господина Генерала Аншефа и Кавалера Петра Богдановича Пассека в Бендеры к начальствующему там трех Бунчужному Гассан Паше с важнейшим по тогдашнему времени препоручением, имел счастье не только оное исполнить с успехом к удовлетворению обоих вышеозначенных Господ Генералов, но сверх того побуждаемый рвением к Высочайшей Вашего Величества службе, в продолжении пятнадцати дневного в том городе пребывания моего, изыскал способы и случаи из единоземельных моих греков находящихся в подданстве у Турок и работавших с поспешением при Бендерских укреплениях подговорить к поверженною в верно-подданичество Вашего Императорского Величества почему тогда и перешло на нашу сторону 1360 душ мужского пола, как сие явствует из всего даней и много при сем прилагаемых Аттестатов». ⁹³

О роли и службе Антонио Коронелли в то время свидетельствует следующий аттестат, выданный Кутузовым:

«Аттестат. — Господин Коронелли, капитан флота и кавалер св. Владимира в бытность свою кавалером чрезвычайного и торжественного посольства, вел себя все время безупречно. Он был очень полезен тем, что открывал и разрушал козни якобинцев. Я также употреблял его в нескольких комиссиях в Небесной Порте во служении Ея Императорскому Величеству. В удостоверение всего этого и направляю ему этот документ (аттестат), подписанный моим именем и снабженный моей гербовой печатью. 15 мая 1794, Дубоссары. — Генерал-лейтенант армий Ея Императорского Величества Государыни всея Руси, Ея Чрезвычайный Посол при Небесной Порте, Генерал Губернатор Казани и Вятки, командир корпуса Бужских стрелков и кавалер Михаил Кутузов». ⁹⁴

По успешному окончании миссии был выдан ордер за № 26 от 14 марта в Пере:

«Ордер чрезвычайного и полномочного Посла при Порте Оттоманской — генерал-поручика кавалера Голенищева Кутузова — флота второго ранга Господину Капитану и кавалеру Коронелли. Отправиться в Россию водою на судне. Позволю, но будучи неизвестны о случае в который можете прибыть как то Херсонский, Севастопольский или Николаевский, почему по прибытии в который из оных, предписываю немедленно отправиться в Санкт Петербург, и явиться у меня на свободной весь проезд и с будущим припас прилагаю у сего мой паспорт,

Михаил Голенищев Кутузов». ⁹⁵

Здесь надо отметить, что характера Михаил Илларионович был обходительного, спокойного и это вводило его оппонентов и сотрудников в некоторое заблуждение, будто дело имеют они с простодушным баринном. Вот что писал о своих подчиненных М.И. Кутузов своей жене Екатерине Ильиничне из Константинополя:

«20 генваря Пера (...) Я здоров, только хлопотно очень; когда приходится отправлять почту, то сию за письмом сутки по три. И материя в письме такая, что всякое слово важно, и чтобы ни соврал не равнодушно. К тому же Хвостов, Пизани, Бороци, между собою злы; друг под друга подкапываются. Также и мелких людей, которые в важные дела употребляются, много; все плуты, и надобно не только стеречься их, но и их обманывать».

Только не надо думать, что и здесь Голенищев-Кутузов Смоленский до конца откровенен. Он ни только не избавился от своей свиты, но более того – до самой своей кончины не отпускал от себя верных себе людей. Хитрый расчетливый дипломат и стратег, частенько стесняющийся сказать правду в глаза – вот, наверное, самая настоящая характеристика Михаила Илларионовича. Кутузов вел себя так по отношению со всеми; и с турецким визирем и с русским Царем, с подчиненными и даже со своей семьей. У некоторых подчиненных, например, у Ивана Бароцци или Антона Коронелли хватило ума, чтобы понять это сразу в начале службы. За что Кутузов их оценил и доверил важнейшие политические дела.

Земли у деревни Куш (Кууш)

В 1795 году, за примерную службу Антону Яковлевичу были пожалованы земли, близ деревни Куш. Ордер Губернатора Таврии Платона Александровича Зубова:

*«439. В Царском Селе, 2-го июня 1795 года. 47. Об отводе по высочайшему Ея Императорского Величества указу флота капитану второго ранга и кавалеру Коронелли из состоящей впусте земли, Симферопольского уезда при деревне Куш лежащей, до 2 000 десятин, да в Судак трех виноградных садов и снабдении законными документами».*⁹⁶

Деревня Куш (Шелковичное) находилась в верховьях Качинской долины, в глубине Второй Гряды Крымских гор, в 5 км выше плотины Загорского водохранилища, примерно в 25 км от Бахчисарая.

Судя по всему, земли эти Коронелли обрабатывать не хотели и они за ними не закрепились. Так в описи земель за 1805 год, т.е. спустя десять лет с момента пожалования А.Я. Коронелли, записано: *«(...) Хозяин земель, на которых живут татары и цыгане деревни Кууш неизвестен».*⁹⁷

Гонения на Родине

В 1796 году против семьи Антонио Коронелли, оставшейся жить в Турции, развязывается настоящая травля. Жалобы к русскому консулу идут одна за другой. Отец Игнатий Лихтле, с острова Наксос, пишет русскому послу в Константинополе, что по просьбе Флоренции Коронелло, вдовы Джакопо Коронелло (матери Антонио Коронелли), он посетил усадьбу Коронелло, с целью зафиксировать факт кражи сеньором Франгопуло камней из башни дома. По словам отца Лихтле, он часто бывал в доме Коронелло и новых повреждений не зафиксировал.⁹⁸

«(...) Что касается до дела одной из моих духовных дочерей, вдовы Коронелли, обратившейся в прошлом году к Его Превосходительству — Русскому посланнику с жалобой на преследования, которые она терпит со стороны турок, из-за долгов одного из сыновей ея — Спиридона, могу уверить Вас, м.г., что в этом было много преувеличения, и что единственная неприятность была та, что кредиторы с Самоса, снабженные фирманом Великого Государя, разыскивали сына ея, скрывшегося тогда, — чтобы потребовать от этого молодого повесы то, что им должен был по закону (Спиридон Яковлевич Коронелли, в это время, служил на Российском флоте — прим. авторов), и что им удалось получить только с большим трудом. В то же самое время г-жа Гумфис, известная, без сомнения, Вам, обратилась ко мне, чтобы потребовать 650 пиастров, одолженных ею тому же Спиридону, от которого она не могла добиться вестей. Сообщив ему о возложенном на меня поручении, я получил от него уверение, что он, намереваясь скоро отправиться в столицу, найдет там способ удовлетворить эту особу, а до тех пор пусть она подождет. Обо всем этом я и извещил ее в ответном письме.

Согласно сведениям, собранным мною тогда, цифра его долгов превышает 2500 пиастров, но до сих пор не могу разузнать, кто одолжил их ему, как и где он их растратил. Один из братьев его, Николай, находящийся здесь, находился несколько дней под арестом, потому что его подозревали в укрывательстве части имущества Спиридона, а кредиторы хотели восполнить уплату долга. Недавно этот самый Николай обратился снова к Е. Прев. Русскому Посланнику по случаю ссоры, которую он имел с неким Франгопуло, который имеет фирман, дающий ему право разрушить часть башни, прилегающей к дому Коронелли, чтобы построить другую на земле, принадлежащей ему — Франгопуло. Уверенный в том, что рассказ, сделанный об этом министру русскому, не вполне точен, прошу вас предупредить его, чтобы он подождал более подробных сведений об этой ссоре. Звание общаго отца и пастыря мирян, которых Господь

поручил моему попечению, не позволяет мне говорить об одном постыдном поступке, совершенном тем же Николаем Коронелли, о котором Капитан-Паша и французский посланник будут извещены, вероятно, до того, как придет это письмо, и о котором будет, без сомнения, положено кому следует.

Та же фамилия Коронелли владеет в Наксии чудной виллой, садом, оливками, принадлежащими старшему, находящемуся в Петербурге, равно как и другим домам в городе, а также несколькими участками, долженствующими быть разделенными, между остальными детьми. Вот, м.г., разъяснения, которые могу дать о теперешнем положении той фамилии, прося Вас засвидетельствовать мое почтение г-ну Русскому Посланнику.

(Наксия. 14 апреля 1796 г.)»⁹⁹

Документы, которые мы нашли, совпадают с теми, которые мы приводим из книги историка Вениамина Геймана. Те же года и снова поклеп, и гонение семьи Коронелло. Вот еще один такой факт:

«Господину Кочубею, посланнику Ея Императорского Величества Государя Всея России в Константинополе.

М.Г., г. посланник! Беру на себя смелость довести до Вашего сведения жалобы, которые были выражены мне здесь на некоего Николая Коронелли, уроженца Наксии, находящегося в настоящее время в Константинополе и пользующегося покровительством Ея Императорского Величества. Человек этот, согласно тому, что мне донесли, осмелился похитить девушку 11-ти лет, принадлежащую к честной семье, и, удовлетворив свою животную страсть, продержав ее три дня в уединенном месте, вернул ее, сняв предварительно все, что было на ней драгоценного. Затем, чтобы избежать преследований жителей того острова, принужден был бежать и укрыться в Константинополе под сенью Вашего покровительства. Родители несчастной, открыв наконец, его убежище, воспользовались мною, чтобы выразить Вам их справедливые жалобы, воззвать к справедливости Вашей и правосудию против этого чудовища-человека, который сверх ужасного злодеяния по отношению к невинному творению, еще злоупотребил свободным доступом, который он имел в этот дом, похитив у матери и дочери разные ценности в золоте, серебре и билетах, которые он увез с собой в Константинополь. Это происшествие известно всем; Вы можете, м. г., собрать необходимые сведения и верные доказательства на этом острове, чтобы действовать согласно Вашему мудрому решению и справедливости. Честь имею быть и пр.

Смирна, 2-го августа 1796 года. Иосиф Франчески».

На документе этом рукою Антонио Коронелли написано:

*«Клевета обнаружена, и невинность Николая признана».*¹⁰⁰

Что стоит за этой травлей? Возможно, месть турецкого правительства за службу России, или осознание того, что крупные землевладельцы навсегда покидают остров, и надо урвать себе больше пока есть возможность? Вероятно, мы так и не узнаем ответ на этот вопрос. В июне того же 1796 года брат Антонио Коронелли – Константин просит земли в Крыму, близь Феодосии:

*«(...) Дерзаю просить о Всемилостивейшем пожаловании чина и в Таврической области земли называемые Сериголь и десяти десятин виноградных садов в Козии для заселения выходящей из заграниц людьми, дабы не имел никакого стяжания после отца моего...».*¹⁰¹

В 1796 году умирает их мать – Флоренция Коронелли. Карьера Региса Коронелли клонилась к закату, вскоре после своего возвращения в С. Петербург он становится пенсионером Коллегии Иностранных Дел.

Константин Яковлевич вышел на пенсию в 1805 году. Однако в 1807-1812 годах он служит: *«(...) в Почтамте города Выборг».*¹⁰² На стезе дипломатической работы остался только Антон Яковлевич Коронелли.

В 1797 году Европу сотрясают революционные войны Франции. На русский престол восходит Павел I. Бог не обделил нового монарха ни умом, ни утонченным художественным вкусом: Павел буквально влюблен в европейское искусство и историю; он вырос на рассказах и книгах о мальтийских рыцарях; в юности увлекался математикой и философией; он знает многие европейские языки. Но, увы, Павел фактически отстранен от управления государством, из-за нелюбви своей матери – Великой Екатерины. Он завидует, ревнует царских фаворитов, которые на его глазах, растаскивают его казну, правят его страной. Павел очень долго ждал своего восшествия на трон. Он подготовил целый ряд реформ, согласно которым, Россия должна стать по-настоящему европейской страной, как мечтал его прадед – Петр Великий. Но отсутствие реального опыта управления, детские обиды, неустойчивые нервы – превратили Павла в оппозиционера-бунтаря на троне, человека способного отправить в отставку весь цвет чиновничества и офицерства. Тогда казалось, он навсегда увольняет без права ношения мундира прославленного русского полководца Александра Васильевича Суворова, которого, правда вскоре все же возвращает к службе, чтобы тот возглавил знаменитые Итальянские и Швейцарские походы русских войск.

Главной стратегической задачей России, Англии и Австрии тех лет была борьба с революционной Францией, которая вела непрерывные завоевательные походы от Италии до Египта. Для Антона Яковлевича Коронелли – это эпоха трудов, по тыловому обеспечению войск. Вдали от Петербурга, от возможных опал и головокружительных карьер, Антон Яковлевич методично работает, по доставке еды и фуража для действующей армии.

Антон Яковлевич Коронелли вспоминал:

«1797-го года прикомандирован к генералу Герману, которой меня немедленно отправил в Яссы, для снабдения всем нужным Корпуса долженствовавшего пройти через Молдавию. По прибытии моем туда имел несколько конференций с Князем Молдавским, которой мне решительно объявил о невозможности поставить такое количество съестных припасов, в каком настояла потребность. Я тогда обратился к тамошнему Митрополиту, которой по моим просьбам склонился запретить под секретом всем монастырям, чинить продажу фуража кому-либо другому кроме Россиян, и я даже довел до того что цена на сено унижена была до 27 копеек, которое в сходственность ноты, полученной Генералом от Консула Северта, тогда оценено было по 1 рублю за пуд.

Подобно сему цена на все прочие припасы съестные, которые надлежало ставить в армии, была также весьма убавлена. В силу данной мне письменной инструкции, должен я был рассылать всюду комиссаров, чтоб получать нужные сведения и иметь всевозможные сношения. Я исправил сию комиссию к полному удовлетворению генерала Германа, которой меня за то начальству одобрить». ¹⁰³

Слова Антонио Коронелли подтверждаются документом, выданном генерал-лейтенантом Германом за № 103 от 12 февраля 1799 года:

«Господину Коллежскому советнику и кавалеру Коронелли — По крайнему затруднению продовольствия корпуса мне вверенного в Молдавии и Валахии и по опасению больших вод и множеству претрудных переправ через большие и малые реки, Государь Император соизволил отменить дирекцию моего марша и повелел следовать мне прямо через Галицию; притом обстоятельства в Италии требуют крайнюю поспешность и предмет — идти через Валахию по покорению Пасван-оглу и по замирении Порты с сим бунтовщиком — почти уничтожен — Уведомля о сем наше высокоблагородие, предлагаю вам, взяв всех чинов отправленных с Вами в Яссы, следовать оттуда обратно на Камеец Подольской и там ожидать моего приказания.

Генерал Лейтенант Герман». ¹⁰⁴

«Когда генерал Герман отправился в Санкт-Петербург, оставался я при том же корпусе, которой продолжал марш свой в Италию, и на новом походе я имел случай оказать также довольно важные услуги.

Корпус наш, будучи оставлен на собственном попечении, претерпел с самого начала недостаток в самом важнейшем.

Я выпросил от Генерала Розенберга позволение разъезжать по городам и селам, чтобы снабдиться нужными съестными припасами и фуражом, а как я один только знал итальянский язык, то принужден был беспрестанно иметь смотрение за всеми движениями неприятеля, и во время осады города Тортоны, одной из важнейших за всю бывшую компанию, вел я один переписку французскую и итальянскую. Принужден, будучи служить Толмачем Генералу, офицерам и даже солдатам, мне же надлежало означить места, где следовало расставлять пикеты и караул, и снабжать наш корпус всем необходимым.

По моему старанию отпускалось на наших рядовых безденежно дважды в неделю мясо, а все наши больные получали оного ежедневно, равно как и вина и уксусу, и имели везде хорошую квартиру. Кроме того дал я им исправить весь экипаж армии, со включением всей артиллерии, и солдатам дано было от жителей более 3 000 пар башмаков, без малейшей ревизии и не допуская ни до

какого грабительства. Письма Губернаторов и начальников уездных коих подлинники я при себе имею, служат доказательством о моем поведении. Герцог Пармский удостоил меня сам учтивым письмом. Генерал Розенберг несколько раз сказывал Генералам Российским и Австрийским, что он мне обязан сохранением Корпуса, находившегося под его начальством, и г-да офицеры, возвращаясь из Италии в армию дали мне такое свидетельство в присутствии Генерала Кутузова в Вильне. По выходе армии из Швейцарии, я получил ордер от покойного Генералиссимуса Князя Итальянского Графа Суворова Рымникскаго пристать к нему в Аусбург. Я был при нем употребляем в делах службы, и имел счастье заслужить благоволение его, которой меня представил к награждению Его Императорскому Величеству».¹⁰⁵

РАПОРТЪ

о числѣ Императорскихъ Россійскихъ
войскъ, составляющихъ корпусъ Генерала
онъ Инфантеріи Розенберга. Апрѣля
дня 1799 года.

Всѣхъ чиновъ строе-
выхъ и нестроевыхъ.

Въ Гренадѣрскомъ Генерала
Розенберга полку . . . 1713 челов.

Мушкетерскіе.

Генераль-Лейш. Швейковскаго . 1710

— — — Львова . 1694

Генераль-Маіор. Милорадовича . 1690

— — — Фершера . 1693

— — — Тыршова . 1693

— — — Дальгейма . 1695

Молодаго Баденскаго (*) . 1690

Егерскіе.

7-го Ген. М. Князя Баграціона 829

8-го — — Чубарова . 834

(*) Принца.

Сводныхъ гренадерскихъ баталіоновъ.

Подполковника Дендрыгина . . .	696	челов.
Маіора Ломоносова . . .	698	
— — Санаева . . .	695	
— — Кавера . . .	694	
Аршиллерійской команды Подполковника Ивакова и при подвахъ состоящихъ . . .	1578	

Итого въ Пѣхошѣ и Аршиллеріи 19402

Донскіе козакъ полки.

Полковника Денисова . . .	501	
Подполковника Сычова . . .	501	
— — — Грекова . . .	500	
Полковника Молчанова . . .	501	
— — — Семерникова . . .	494	
Маіора Поздьева . . .	494	
Итого въ Кавалеріи . . .	2991	

Всего въ Пѣхошѣ, Аршиллеріи и Кавалеріи и съ состоящими при корпусѣ разныхъ чиновъ, какъ-то: Свишы Его Императорскаго Величества Оберъ-Кваршмермейстерской части, Провіантскаго и Коммисаріатскаго шшаповъ . . . 22421.

*Рапорт о числе Императорских
Российскихъ войскъ, составляющихъ корпусъ от
Инфантеріи генерала Розенберга.*

В компании 1799 года принимал участие и младший брат Антона Яковлевича Коронелли — Иосиф Яковлевич Коронелли. В 1796 он был принят Кондуктором (смотрителем над работами) в Инженерный корпус, как пансионер бывшего Греческого корпуса. В журнале «Осады цитадели», при городе Турине Императорскими-Королевскими войсками под начальством Ф.Л. Клейма упомянуто, что «в ночь 3/14 июня надзирали над рытъем траншеи инженер-штабс-капитан Буфцов и инженер-порутчик Коронелли».¹⁰⁶ Война закончилась победой, а дома героя войны — Антона Яковлевича Коронелли ждала первая судебная тяжба по поводу его

поместья под Феодосией, близь деревни Сарыголь: «Дело № 53. Об отобрании у вдовы подполковника Чапониевой отведенной мужу ее в Крыму дачи 23 февраля 1800 года. На 5 листах. Вдова подполковника Чапониева принесла жалобу генерал-прокурору на местное начальство, отобравшее у нее землю, принадлежащую мужу ее по открытому листу губернатора Жигулина. На запрос генерал-прокурора, Новороссийский губернатор Селецкий изъяснял, что означенная земля, находящаяся около гор. Феодосии, не была утверждена за подполковникам Чапониевым, который к тому же в течении трех лет ничего не сделал, для ее заселения, почему она и отдана была по Высочайшему указу капитану 2-го ранга Антонию Коронелли».¹⁰⁷

В 1804 года Коллегию Иностранных Дел возглавил Адам Ежи Чарторыйский, происходивший из старинного польского княжеского рода Чарторыйских.

В 1795 году вместе с братом он прибыл в Санкт-Петербург, входил в ближайшее окружение наследника престола Александра Павловича, будучи его адъютантом. Адаму Чарторыйскому приписывают роман с супругой Цесаревича Великой Княжной Елизаветой Алексеевной. Его влияние на Цесаревича было так велико, что Государь Император Павел Петрович удалил его из столицы. Вернулся Адам Ежи Чарторыйский в Россию только после воцарения Александра I в 1801 году.

Чарторыйский был аристократ до кончиков ногтей, человек с широким кругозором и не менее широкой душой, к тому же иностранец на службе России. Такой человек не мог не благоволить к благородным дворянам, приехавшим в Россию издалека. Антон Яковлевич Коронелли просит его в письме:

*«Статский советник Коронелли в поданном мне письме у сего подносимом объясняя, что тридцатилетняя служба расстроила его здоровье, просит о потреблении его где-либо в полуденной Италии с жалованием им ныне получаемым, а как здесь помянутый Коронелли не употребляется теперь вовсе, то можно бы во уважение долговременной его службе удовлетворить желание его причислить к Сардинской миссии. Впрочем, поверяю сие Высочайшего Вашего Величества Милости марта 20 дня 1805 г.»*¹⁰⁸

Получив монаршее благословение причислить Антона Коронелли к Сардинской миссии, князь Адам Ежи Чарторыйский приказывает:

«Государь Император высочайше повелеть соизволил ведомству Государственной Коллегии Иностранных Дел статского советника Коронелли причислить к Сардинской миссии с тем самым жалованием, которое из обычной Коллегии суммы ныне ему производится».

Посему подписано, князь Адам Чарторыйский».¹⁰⁹

Читая эти документы, невольно складывается впечатление, что речь идет о мирной, размеренной жизни, перед уходом в отставку. На самом же деле, это была достаточно опасная миссия, в «горячую точку» Европы: земли Сардинского королевства опустошали наполеоновские войны, в самом королевстве зрело революционно-демократическое движение. В 1802 году король Сардинии Карл Эмануил II отрекся от

престола в пользу своего брата Виктора Эмануила I. При этом новый король правил только на острове Сардиния, тогда как континентальные земли королевства целиком отошли Франции и попали под морскую блокаду со стороны Англии.

Жизнь населения была невыносимой: «из-за моря не приходили товары, на корабль работать не устроишься, все, что вырастишь, съешь сам, продашь за бесценок или реквизирует армия», поэтому, настроение у жителей было одно: «бежать, куда подальше», а России было что им предложить. Вновь заложенный на черноморском побережье испанским дворянином Хосе де Рибасом город Одесса нуждался в жителях. Городу нужны были моряки и землепашцы, а задачей Антона Яковлевича стала их перевозка из Генуи в Россию.

Детали изложены в следующем письме на имя Коронелли, данном в С. Петербурге 20 мая 1805 года:

«М.Г.!

Его Императорское Величество, благоволив согласиться на предложение сделанное братьями Лоровича из Генуи, заключавшееся в том, чтобы отправить колонистов, выбранных из среды генуэзских моряков, чтобы поселить их в Одессе, а также и других, разного происхождения, для южных губерний России, уполномочил господина статского советника Занковского руководить их отправкой и облегчить её, потому, что дальнейшие хлопоты по поселению их были поручены генералу губернатору Одессы г-ну Генерал Лейтенанту Герцогу Ришелье.

В виду того, что г. Занковский, по непредвиденным обстоятельствам, принужден был покинуть Геную, где присутствие его было необходимо для этого дела, а также и того, что, по дальнейшим сведениям, все колонисты готовы и недостает только уполномоченного лица, которое выдадо бы им паспорта и патенты судам, вы, м.г., избраны по приказу Государя Императора для приведения этого в исполнение.

Следующая инструкция разъяснит вам, как Вы должны будете вести себя, и как привести в исполнение ваше дело:

1. Немедленно по получении этого и 580 дукатов, ассигнованных на ваше путешествие, вы отправитесь возможно скорее в Геную.
2. Прибыв в этот город, вы обратитесь возможно скорее к братьям Лоровичи, которым вы объясните цель вашего путешествия. Затем, не теряя времени, вы приступите к осмотру выбранных ими колонистов. Взятых из класса моряков вы допустите всех без исключения; что же касается остальных, вы будете неуклонно следовать правилам о колонистах, 4 экземпляра которых прилагаю на французском и

немецком языках. Вы не примите колонистов, имеющих неизлечимые болезни, и, если по некоторым наружным признакам, вы будете иметь основания подозревать их в болезни, можете обратиться на этот счет за советом к врачу.

3. Так как братья Лоровичи получили разрешение употребить для перевозки в Одессу колонистов и строевого леса до десяти судов, вы позаботитесь о снабжении колонистов паспортами, по прилагаемой формуле и о выдаче капитану каждого судна патента, форма которого также приложена, засвидетельствовав вашею подписью инвентарь багажа колонистов.
4. Кроме того вы позаботитесь о том, чтобы у капитанов не было на борту судов никаких товаров, кроме личного имущества колонистов и строевого леса. Через посредство каждого капитана вы напишите письмо Ген. Лейтен. Герцогу Ришелье, в котором вы известите его о дне отправления судна, о числе колонистов, которое оно содержит, о фамилиях их, возрасте и профессии.
5. В виду того, что Генуэзский порт блокирован англичанами, препровождаю вам письмо Английского посланника — Лорда Боуэра к Адмиралу Нельсону, в котором он ходатайствует о свободном пропуске всех судов, снабженных вашими патентами. Итак, вы позаботитесь о том, чтобы письмо это достигло своего назначения или через посредство нашего Министра в Неаполе, или уже каким-либо иным путем, который вы найдете более скорым.
6. Вы подадите здесь рапорт о том, как исполнили возложенное на вас поручение, доставив нам список фамилий, возраста и занятий колонистов.
7. Так как официально вы находитесь в Генуе, будто секретарь посольства у Его Сардинского Величества путешествующего для здоровья и по частным делам, вы с величайшей осторожностью будете избегать всего, что может вас скомпрометировать как в лице местного правительства, так и у какого-либо французско-подданого.
8. Немедленно по окончании возложенного на вас поручения, Вы уедете из Генуи, чтобы отправиться к г-ну Лизакевичу в Рим, или во всякое другое место, куда бы ему не понадобилось послать вас.

Ваше усердие в службе, ваши способности и опытность служат нам верной гарантией в том, что вы не пощадите ничего, что будет в ваших силах, для того, чтобы в данном случае дать новое доказательство желания снискать

благоволение Его Императорского Величества».¹¹⁰ Письмо английского посланника при русском дворе лорда Боуэра к адмиралу Нельсону, главнокомандующему английской эскадрой в Средиземном море, помеченное в С. Петербурге 29 мая 1805 года:

«Милорд! Император Всероссийский, даровав некоторым генуэзцам, разрешение колонизировать некоторые из южных русских провинций, поручил г. Коронелли отправиться в Геную и сделать необходимые распоряжения для отправки их в Одессу. Для перевозки этих лиц потребуются десять кораблей. Согласно ходатайству Русского Правительства, я дал г. Коронелли десять паспортов, по одному для каждого судна. Уполномоченному даны особые инструкции не допускать на борт никакого багажа, кроме принадлежащего лично колонистам. В виду всего этого и крайне дружеских отношений между дворами Лондонским и С.Петербургским, надеюсь, что Вы не будете иметь ничего против того, чтобы приказать командирам судов флота Его Величества, крейсирующих в Средиземном море, позволить судам, имеющих на борту вышеупомянутых колонистов и снабженных паспортами, совершить беспрепятственно плавание до Черного моря. — Честь имею быть, с величайшим почтением, Милорд, Вашего Лордства покорный слуга,

Гренвиль Лерсон Боуэр».¹¹¹

Антон Яковлевич Коронелли блестяще справился со своей задачей, доставив переселенцев в Одессу и передав их на попечительство одесского градоначальника – герцога Ришелье, пра-пра-пра-внучатого племянника кардинала Ришелье, которому служил прапрадед Антонио Коронелли – французский консул Корсино Коронелло.

Воспоминания об успехе этой миссии были так велики в Коллегии Иностранных дел, что после Венского Конгресса, состоявшегося в 1815 году, Антона Яковлевича хотели назначить консулом в Геную.

ПОСЛЕ УСПЕШНОЙ МИССИИ ПО ПЕРЕСЕЛЕНИЮ ГЕНУЭЗЦЕВ, СУДЬБА ПРЕДОСТАВЛЯЕТ АНТОНУ ЯКОВЛЕВИЧУ КОРОНЕЛЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ СЛУЖИТЬ ПОД НАЧАЛОМ КОМАНДУЮЩЕМ МОЛДАВСКОЙ АРМИЕЙ АЛЕКСАНДРОМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ ПРОЗОРОВСКИМ, А ПОЗЖЕ ОН ПОПАДАЕТ ПОД УПРАВЛЕНИЕ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ГРАФА МИХАИЛА ИЛЛАРИОНОВИЧА ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА, КОГДА РОССИЯ СТАРАЕТСЯ СОЗДАТЬ НЕЗАВИСИМУЮ БОЛГАРИЮ. АНТОНИО КОРОНЕЛЛИ ПОВТОРЯЕТ ПОПЫТКУ ЕГО ПРЕДКА АВРААМА СЕНИОРА СОЗДАТЬ НОВОЕ ГОСУДАРСТВО.

Русско-болгарские отношения в 1804-1808 годах

Закрепив военные успехи XVIII столетия в противостоянии с Портой Оттоманской, Россия, казалось, зашла в тупик. У турецких Султанов в этой борьбе был мощный козырь – захваченные земли никогда не принадлежали русским Царям.

Турецкая пропаганда преподносила Россию в качестве агрессора, последовательно захватывающего турецкие владения, как это было, например, после визита Екатерины II в Крым, поэтому российская политика сосредоточила свое внимание на подъеме национально-освободительных движений среди народов, поработанных Оттоманской Портой. Русские цари видели в них своих потенциальных союзников.

В 1804 году в С. Петербург, по благословлению Митрополита Софрония Врачанского, прибыли болгарские послы – Иван Зомбин и Атанас Некович, которые просили Государя и Самодержца Всероссийского взять под свое покровительство болгарский народ и защитить его от турецкого гнета.¹¹²

Такая просьба была по сердцу Русскому Царю Александру I, который великодушно пообещал христианам, проживающим под турецким игом, свое высочайшее монаршее покровительство. Был у Государя Императора и свой экономический мотив к принятию такого решения, поскольку присоединив Крым к России и установив контроль над Бессарабией и Валахией, русское государство столкнулась с проблемой пустующих земель. Ибо часть коренного населения, в основном татары, бросив свои дома, бежали в Османскую Империю. Монастырские и помещичьи угодья в Молдавии и Бессарабии перестали обрабатывать из-за смуты переходного периода и отсутствия рабочих рук. Во время русско-турецкой войны 1806-1812 годов огромное значение было отведено миграционной политике. Сербам и болгарам предлагалось заселить Крым, Валахию и Бессарабию. Явной выгодой России в этом переселении было то, что вновь прибывшие с правоберега Дуная селились в тылу русской армии, занимались хлебопашеством и садоводством. Армейские интенданты всегда могли купить у них сено и съестные припасы по

весьма сходной цене. Для современного человека, отоваривающегося в супермаркете, это выглядит достаточно просто. Но для солдата начала XIX века, считавшего сухари и сало в своем пайке – это был самый насущный вопрос, от которого порой зависело состояние всей Армии.

Еще в 1808 году, Командующему Молдавской Армией Прозоровскому, более приоритетной казалась задача помощи сербам, как спасавшимся от турецкого гнета, так и от интриг Австрийского двора. 24 ноября 1808 года он просит Коллегию Иностранных Дел послать ему А.Я. Коронелли:

*«Если бы Ваше Сиятельство могли без замедления прислать сюда способного и достойного для сего употребления чиновника, то он в настоящее время весьма бы был полезен. Я слышу, что ведомства государственных коллегий иностранных дел статский советник Коронелли был бы ко сему способен; но в прочем представляю сия рассмотрение Вашему».*¹¹³

Но жизнь распорядилась по-иному, вспоминает граф Лонжерон следующее:

«Сербь, освобожденные от своих главных врагов, занялись своими внутренними междоусобицами. Господарь Георгий Черный, довольно жестокий и властный в этой, так сказать, республике, имел много врагов и думал, что им покровительствует Родофинаки.

Он жаловался мне на него, прося сменить этого министра; старания же мои успокоить его были напрасны. Он грозил Родофинаки, который, зная хорошо, что Георгий Черный, казнивший своего брата, способен был на всякую крайность, бежал из Белграда в Землин и прибыл ко мне через Трансильванию.

*Побег этот очень не понравился Багратиону и доказал, что Родофинаки обладал больше осторожностью дипломата, чем храбростью военного. Багратион хотел приказать ему вернуться на его пост, но Родофинаки решительно отказался исполнить это, а Коронелли, назначенный на его место, находя более удобным вести свои дела с болгарами и Безаком, остался в главной квартире».*¹¹⁴

Назначение в Молдавскую Армию

В январе 1809 года действительному статскому советнику А.Я. Коронелли было предписано состоять при генерал-фельдмаршале Александре Александровиче Прозоровском, командующем тогда Молдавской армией, а в сентябре того же года сменивший умершего Прозоровского на посту командующего Армией генерал от инфантерии кавалер князь Багратион приказывал: *«Сентября 7-го дня 1809 года, № 35, в лагере при*

крепости Ризовата. Приказом покойного Главнокомандующего Господина Генерал-Фельд-маршала князя Прозаровского отданным в армию 24-го июля текущего года и мною таковым же приказом 15-го августа подтвержденным уже предписано находящиеся на правой стороне Дуная селения христианских обывателей не только отнюдь не грабить и не разорять, но, напротив оказывать им всевозможные ласки, дружбу и братскую любовь, дабы исполнением сих истинно христианских народов к нам, тем самым и исполнится Высочайшая воля Государя Императора.

Многочисленные в самое короткое время над неприятелем одержанные победы, приблизили нас к тем странам, которые населены настоящими болгарскими обывателями, в полной мере чувствующими всю тягость ига турецкого и искони обнаруживавшими даже через депутацию Высочайшему престолу Его Императорского Величества, преданность и приверженность их к России, сие самое и побуждает меня подтвердить наистрожайшим образом, дабы выше упомянутые в армию отданные приказы исполнены были с крайнюю строгостию и точностию, и дабы все христианские обыватели оставались в полном, мирном и неприкосновенном владении их собственностью и не претерпевали бы никаких обид и притеснений под каким бы то предлогом не было. О чем особенно предписывается легкому войску, и если бы и случилось, что некоторые обыватели страху или боязни ради с приближением войск наших удалятся, то и оны имеют быть возвращены на прежние жилища для спокойного наслаждения их собственностью. Я возложил управление всей земли войсками Его Императорского Величества на правой стороне Дуная занятой и впредь занятие имеющей на Господина Статского Советника Коронелли, для чего и дается об оном знать во всю армию (...).¹¹⁵

Начало переселения болгар

К 1809 году, у России уже был накоплен немалый опыт массового переселения болгар «вследствие войны 1787-1791 гг., когда болгары поселились в Буджаке, близ городов Измаила, Килии, Рени, Аккермана и нынешнего Кишинева».¹¹⁶

В начале компании (1806-1808 годах):

«В рядах русской армии действовали волонтерские (арнаутские) пешие и конные команды, сформированные из сербов, болгар и валахов (румын)».¹¹⁷

Однако задача, поставленная перед А.Я. Коронелли, была не такой уж простой. Нужно было организовать переселение значительно большего количества народа, чем в предыдущие годы. Первым делом Антон Яковлевич Коронелли создает структуру управления поселенцами.

Он требует списки уже переселившихся болгар и назначает инспекторов. А. Я. Коронелли пишет Кутузову:

*«При сем Вашему сиятельству имею честь доложить, что сверх Комино приставлены также от меня к переселенцам приставы в малой Валахии».*¹¹⁸

12 (25) февраля 1812 года Кутузов приказывает:

*«Находящимся при болгарских колониях приставам Капитану Комнину, Капитану Коронелли, Нековичу, ротмистру Гринари, Капитану Логофету, Коллежскому протоколисту Македону, Капитану Каравья и Герцеговину Лабобратичу, в следствии рапорта вашего превосходительства от 9-го (22) сего февраля под № 54 назначить каждому жалование 250 рублей серебром в год».*¹¹⁹

Назначив инспекторов, Коронелли оповещает через них болгар об условиях переселения, разослав заверенный своей подписью царский указ гласящий что:

«1^{ое} Правительство российское принимает болгарских переселенцев под особое свое покровительство, предоставляя им право пользования всеми выгодами, преимуществами и покровительством Законов природным российским поданным предписанным.

2^{ое} Требуется от поселенцев сих, чтобы они преимущественно занимались улучшением хлебопашества, разведением садов фруктовых, виноградных и в особенности шелковичных деревьев. Кто к тому способен, а вообще всего того, что свойственно доброму земледельцу и новому поселянину милостью монарха покровительствуемому.

В пособии же к обзаведению их, предоставляется им следующие преимущества:

1^{ое} Свобода от всех податей и земских повинностей, со времени прибытия в Россию и впредь на 10 лет.

2^{ое} Выдается неимущим семействам от казны в ссуду заимообразно на десять лет по двести семьдесят рублей, другим же судя по имуществу, сколько нужно будет для первого обзаведения.

3^{ое} Назначить каждому полному семейству в вечное и потомственное владение шестьдесят десятин земли.

4^{ое} Сверх того, всем вообще — кормовая выдача денег нуждающимся в пропитании со дня прибытия в Россию по пять копеек в сутки, по первую жатву или урожай хлеба.

5^{ое} Освобождаются новые поселенцы, как и потомство их один раз навсегда, от рекрутского набора, равно как и от постоя воинских команд, включая не-

обыкновенные случаи, во время перехода войск через болгарские селения, и то на самое короткое время, как то для ночлега или раздыха.

6^{ое} Булгарам предоставляется право строить церкви, на основании их религии, с произведением колокольного звона, иметь своих священников, а вообще полная свобода веры.

7^{ое} По истечении десяти льготных лет от прибытия в Россию назначаются другие десять лет для возврата денег, кто сколько из казны заимообразно получит.

Копия верна.

Сентября 1-го дня 1807 года.

Действительный статский советник Коронелли».¹²⁰

Фактически, это была попытка создать прототип нового независимого болгарского государства: компактные болгарские колонии со своей администрацией во главе с А.Я. Коронелли, войском и дипломатическим представителем в лице Митрополита Софрония Врачанского. Читая строки о денежной помощи болгарским переселенцам, следует помнить, что русское командование тех лет, особое внимание уделяло тыловому обеспечению.

Генерал-лейтенант Сергей Алексеевич Тучков, служивший в Молдавской Армии, под началом князя Прозаровского вспоминал:

*«Князь Прозаровский поехал сам туда (в крепость Килию — прим. авторов), приказал на довольное пространство очистить камыши, возвысить турецкие строения, в которых помещались солдаты, и в особеннсть госпиталь. В пищу всем давать свежее мясо, приправленное черемшю или диким чесноком и другими пряностями. По утрам давать по чарке водки, с настойкой из трав доктора Трахимовского, — в обед укус и по кружке хренового пива. Такое содержание не только спасло людей от болезней, но и смертность прекратилась. Когда дано ему было почувствовать, что такое средство стоит многих издержек, то он написал Государю: Русский солдат дорожее серебряного рубля».*¹²¹

Первые проблемы

Первой проблемой было решение вопроса: «Где взять лес для строительства домов для переселенцев?». 15 ноября 1811 года А. Я. Коронелли обращается к М.И. Кутузову и настоятельно подчеркивает необходимость оказать помощь булгарам строительным лесом.

По мнению А. Я. Коронелли лес должен отпускаться из государственных средств — бесплатно, а из барских по минимальной цене.¹²²

Второй по значимости проблемой была стихийность переселения. Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов сетовал по этому поводу:

«Прочие же (болгары — прим. авторов) некоторым образом еще кочуют, изыскивая для себя удобнейшие места и прокормление.

*К тому же и жители из некоторых селений, на Дунае расположенных, опасаясь турецких набегов, разошлись во внутрь земли, так что по сие время и сам не получил он (А.Я. Коронелли — прим. авторов) о местопребывании их положительного известия (...).*¹²³

Несмотря на все трудности, условия переселения болгар были столь привлекательными, что послужили поводом к весьма неприятной истории. Местное земское население напросилось к болгарам, дабы получить их льготы. Делалось это с попустительства местного руководства.

24 (08/03) февраля 1812 М. И. Кутузов пишет А.Я. Коронелли:

«До сведения моего дошло, что состоящие под управлением Вашего превосходительства Задунайские переселенцы при пособии надсматривающих за ними чиновников укрывают между собою и коренных жителей здешних, единственно на тот конец, дабы им на равных с переселенцами доставить льготу, сим поселенцам дарованную.

*Во отвращении такового зла, весьма вредного как для земли здешней, так и для самих интересов государственных (...) соделать поспешные публикации переселенцам, что ежели кто либо из них окажется виновным в укрывательстве обывателей, обязанных нести все тяжести земские, тот в наказание за такой неизволительный поступок сам обращен будет в число батраков и обложен податями и повинностями.*¹²⁴

Почитая за страшную крамолу у себя дома одну только мысль об отказе от монархии, крепостного права, свободы вероисповедания, русские с небывалым воодушевлением насаждали свободу и республиканский строй по всему миру, начиная с поддержки зарождающимся Соединенным Штатам (1776 – принятие Декларации о независимости) и заканчивая созданием знаменитой Конституцией Республики Семи Островов (1800-1807).

Однако вернемся к более прозаичной теме. Весьма щекотливо выглядели и следующие вопросы: «Чью землю, и на какой срок заселяют новые колонисты; не обявятся ли хозяин оной земли; не сгонят ли поселенцев после первого урожая?». Все это приходилось улаживать Главному попечителю болгарских переселенцев:

*«Действительный статский советник Коронелли донес мне, что из числа перешедших в разные времена в Молдавию и Валахию задунайских переселенцев многие водворились и сделали хлебные посевы на владельческих и монастырских пустопорожных землях.»*¹²⁵

6 (19) марта 1812 года А.Я. Коронелли пишет М. И. Кутузову:

«Ваше Сиятельство!
Милостивый Государь!

В рассуждении наступающего времени для начатия поставов хлеба, мне нужно вашего сиятельства разрешение позволить ли Задунайским переселенцам таковыя поставы производить на Землях нынешняго их в Валахии и Молдовы место пребывания? Дабы колонисты не понесли убытков.

Если благоугодно будет вашему Сиятельству, чтобы они непременно за наступлением удобного весеннего времени, водворены были на всегдашнее жителство в Бессарабии, на привилегиях высочайше дарованных для болгар в России поселянных на усмотрение я испрашиваю в резолюцию написание». ¹²⁶

Болгары тоже нервничали, они просили, через своего представителя, а по совместительству инспектора г-на Нековича, закрепить полученную землю в свою частную собственность.

На, что Антон Яковлевич ответил, что «**решительно согласиться не может**» на такое требование, ибо в этом нет «**надобности**», да и не имеет он прав на такой шаг.

Патриотизм болгар. Болгарское Земское Войско

Помимо материальных выгод, сказывались патриотизм болгар и их ревность о вере христианской. В 1810 году неоценимым вкладом в дело переселение болгар было обращение Митрополита Софрония Врачанского:

«Дунава още не е тиха, бяла, а е една от многото смъртни реки, родината е тежка, а чужбината лека, човекът ходи и се скита като чужденец в своето си и е приет всеки ден на трапезата на чуждия, гласът, замлъкнал зад изсъхналите от страх устни, е безсилен да изрече варварския спектакъл на злото, а писането е едничката компенсация на оцелелия, а не загинал българин».

Именно мужественность и чувство патриотизма болгар, убедили, в мае 1811-го года, вновь назначенного, вместо графа Николая Михайловича Каменского, главнокомандующего Молдавской Армией Михаила Илларионовича Кутузова создать болгарское ополчение.

«Сии люди весьма нужны и полезны для службы, они в минувшую кампанию неоднократно употреблены уже были в военных действиях и с желаемым успехом», – писал М.И. Кутузов к А.Я. Коронелли. ¹²⁷ Задаче формирования Болгарского земского войска М.И. Кутузов отдает приоритетное значение. Он пишет А.Я. Коронелли: *«Предписываю Вам, не теряя времени в общем рассуждении с находящимся здесь болгарским Митрополитом Софро-*

нием и силистрийским Митрополитом (...) положить на мере правила, которыми управляться должны болгары».¹²⁸

Такие билеты выдавались солдатам болгарского земского войска:

«Билет:

По воле его сиятельства, господина Генерала от инфантерии, Главнокомандующего Молдавской Армиию и всех Российских орденов Кавалера, Графа Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова, поступившего на службу добровольно в земское Болгарское войско, задунайского поселенца (имя неразборчиво — прим. авторов). Доколе он будет в службе, дом освобождается от всех земских податей и повинностей, так же от содержания постоя, от дачи подвод и десятины, во уверение чего и дается сей от меня билет, за подписью и печатью герба моего в Букареште. месяца апреля 1-го дня (14 апреля по нов. стилю — прим. авторов). 1815 года. Его Императорского Величества Всемилостивейшего Государя моего, действительный статский советник, главный попечитель иностранных поселенцев и разных орденов,

кавалер А. Коронелли».

Согласно предложению Антонио Коронелли, болгарское земское войско и болгарские поселенцы должны были составить единое целое¹²⁹: Антонио Яковлевич достаточно четко рассчитал и строго придерживался в дальнейшем соотношения военных и их кормильцев: пять семей поселенцев кормили одного воина. Учитывая, что дети земледельцев работали с восьми-десяти лет, одного солдата кормило 10-50 человек. Для одной болгарской семьи это было вовсе не обременительно.

Принцип формирования войска был строго добровольным: *«(...) кои добровольно желают служить в составе земского войска»*.¹³⁰

Несмотря на всю значимость и масштабность происходивших событий; начинались они с обыденных, для военного времени, разведок. Инспекторам приходилось объезжать вражескую территорию, встречаться с поселянами и убеждать их бросить все имущество и переправиться на другой берег Дуная в поисках свободы.

Главный инспектор болгарских переселенцев, родной брат Антона Яковлевича Коронелли — капитан Спиридон Яковлевич Коронелли впоследствии вспоминал:

«В 1810 году находясь по своей надобности в Валахии, по знанию моему турецкого, греческого, равно и болгарского языков приглашен был покойным генералом от инфантерии Главнокомандующим Задунайской Армии графом Каменским, 2-ое определен по способности моей над Задунайскими болгарскими переселенцами»,¹³¹ *«Главнокомандующий покойный же Светлейший князь смо-*

ленский, по особливому Вашего Императорского Величества повелению и его предписанию поручено мне сформировать в самой скорости, елико возможно будет военную болгарскую команду в подкрепление Российской Армии и готовых поднять оружие на поражение неприятеля на правом берегу Дуная, и притом приказано разведать в каких местах и в каком числе Турецкая неприятельская находилась Армия. В чем с великим моим старанием и опасностью потери жизни успел, но как надлежало иметь частые переезды, и турки начали подозревать, то едва мог избежать плена и самой смерти.

Но с форпостов их был не однажды ранен, к счастью моему не смертельно: и представил к его светлости захваченных мною с помощью болгар из неприятельской армии военных двух турок». ¹³²

Всего было поставлено под ружье 3 000 болгар.¹³³ Для сравнения численность Молдавской Армии (русских войск) составляла 46 000 человек, а турецких войск было более 70 000 человек.

О деятельности другого помощника А.Я. Коронелли г-на Бейна свидетельствует следующая записка А.Я. Коронелли:

«Его Высочородию Паленову. Майя 22, 1812. Милостивый Государь Мой, Василий Алексеевич!

Статский советник Бейн об определении Его в товарищи мне, по части управления задунайскими переселенцами получил от меня Отношение июля 29-го прошлого 1811-го года, вследствие которого он отправившись в Краев для заведывания по Делах переселенцев, занимался там сверх сей должности избором пошлин с провозимой из турецких владений в Валахию товаров; в декабре же месяце того года прибывши с Краева в Букареши просил увольнение от должности на 28 дней и Его Сиятельство бывший Господин Главнотомановавший Граф Михаил Ларионович Голенищев-Кутузов, на представление мое о том изволил изъявить в предписании мною сего года января 6-го. Полученном согласие на увольнение Г. Бейна в отпуск на 28 дней: о чем того же числа ему Бейну отзывом от меня дано знать и он Бейн в след затем отбыл в отпуск. При истечении назначенного срока по просьбе его Бейна изъясненной в письме ко мне, Его Сиятельством Михайла Ларионович изволил приказать продолжить Ему Бейну отпуску еще на двадцать восемь дней, на последок по содержанию предписания его де сиятельства от 24-го прошлого февраля Бейну, по нахождении его в Яссах доставить к Его Высоко Превосходительству Господину Действительному Тайному Советнику и Сенатору Краснамилашевичу нужные объяснения и ходатайствовать по предмету водворению в Бессарабии задунайских переселенцев. Откуда еще и поныне он Бейн не возвратился. По ведомости Г. Бейном прошлого года декабря 30 мне представленной, состоит за

*провоз турецких товаров собранных им Беином у него хранящихся денег сто семьдесят пять голландских полновесных червонцев и шесть левов; и хотя господин Беин просил тогда же позволения на получение из означенного пошлинного добра жалования с 16 июля 1811 года по есть со дня определения его товарищем мне по 1-ое января сего года, но Его Сиятельство Господин Главноткомандовавший предписанием от 26 января сего года за № 75 дал мне знать, что по возвращении Г. Беина из отпуска следующие жалование приказывает выдать из вышеозначенных поступивших в ведение его Беина доходов».*¹³⁴

М.И. Кутузов и А.Я. Коронелли изначально доверили болгарскому земскому войску вполне посильные задачи, и в тоже время важные – охрану крепостей, защиту поселенцев, разведывательные операции в тылу противника. Такое решение себя вполне оправдало. Будучи малочисленно и не обладая полноценной военной подготовкой, болгарское войско буквально спасло всю военную компанию.

В аттестате выданном Антонио Коронелли в мае 1812 года Михаил Илларионович Кутузов пишет:

*«Находившейся тогда в Кузуг всей Армии Артиллерийский парк с помощью российской и вооруженной им болгарской команды защитил от неприятельского нападения, который два раза покушался зажечь оный ночью».*¹³⁵

Широко использовалось «Болгарское Земское войско» и в операциях против турецких разбойников, бесчинствовавших в окрестностях Букареста и вдоль дороги из Силистрии до Шума.¹³⁶

К чести болгар нужно отнести битву за крепость Силистрию в 1811 году, когда болгарское земское войско под командованием Дмитрия Ватикиоти воевало «бок о бок» с русскими и было отмечено Кутузовым. Командующий Димитр Ватикиоти был награжден памятным оружием – золотой саблейю. Кутузов писал:

*«Исполнил с усердием и охотою сделанное ему приказание».*¹³⁷

При взятии Силистрии русскими войсками командовал Иван Никитич Инзов,¹³⁸ который будучи в 1818 году назначен попечителем иностранных колонистов, защитил интересы болгар от притязаний местных помещиков, пожелавших не только отнять земли, но и самих болгар обратить в рабство. 400 болгарских бойцов в 1811-1812 годах охраняли крепость Силистрию.¹³⁹ Помимо военного участия, болгарские поселенцы оказывали помощь припасами и продовольствием. После штурма крепости Силистия, А.Я. Коронелли смог уговорить местное население бесплатно накосить сена для раненных солдат, что спасло немало жизней и сохранило значимую сумму в армейской казне.¹⁴⁰ Пожалуй, во все времена, убедить людей сделать что-то бесплатно – подвиг.

Высокая оценка командующим деятельности А.Я. Коронелли. Завершение войны 1806-1812 годов

Действия Антонио Коронелли и болгарского земского войска заслужили высокую оценку М.И. Кутузова:

*«Занимая, он, Коронелли возложенную на него должность попечителя иностранных переселенцев, доставил более 20 000 с семействами таковых переселенцев из-за Дуная... водворив их временно в Валахии и в Молдавии, каковое водворение и презрение им Коронелли с них немущих не стоит казне никаких издержков, но еще происходит польза из оной, ибо по распоряжению его Коронелли составленная из переселенцев команда была употреблена в разных против неприятеля экспедициях действовала с желаемым успехом».*¹⁴¹

Угроза войны с наполеоновской Францией, а также численное превосходство турок вынудили Россию заключить в мае 1812 года Бухарестский мирный договор.

А.Я. Коронелли увольняют из действующей армии и предписывают вернуться в Петербург:

«№ 28 мая 18 дня Букарест.

*Г. Действительному Статскому Советнику и кавалеру Коронелли. По нынешним обстоятельствам не находя той надобности в устройении перешедших с правой на левую сторону Дуная болгар какая прежде предполагалось предписываю Вашему Превосходительству сдать все дела по сему предмету на руках ваших состоявшие тому кому поручено будет дежурным при армии Генерал Майором Турчаниновым равно и отчет в бывших в ведении вашем суммах, канцелярию вашу распустить, а самими всем от отправиться в С.Петербург и явиться у г. Тат..., советника Графа Александра Николаевича Салтыкова к чему о сем мне и дано знать. Булгарское Комисариатское отделение снабдено от меня повелением удовлетворить вас и канцелярию вашу жалованием по сие число и выдать сверх того на проезд ваш до С.Петербурга следующия по чину деньги».*¹⁴²

Болгария так и осталась под турецким игом. Это была большая трагедия России и Болгарии. Однако, ничто великое и благородное не исчезает бесследно. Славяне помнили свое боевое братство и уже их внуки в 1877 году освободили Болгарию.

Среди них был и Генрих Филипп Александрович Коронелли – внук Антонио Яковлевича Коронелли,¹⁴³ который служил в 13-ой Стрелковой Его Высочества Князя Болгарского батальона, в чине поручика, при госпитале. Ранен в бою при горе Св. Николая в 1877 году, отличился в бою при Шипке, награжден орденом св. Анны 3-ей степени и орденом св.

Станислава 3 степени с мечами и бантом за отличие в сражении при деревне Джуранли.¹⁴⁴

За отличие въ сраженіи съ Турками 19^{го}
Июля 1877^{го}. при деревнѣ Джуранли
Высочайше награжденъ орденомъ Св.
Станислава 3^{ей} степеніи съ мечами и бантомъ 1877^{го}. Декабря 12^{го}
За отличие при оборонѣ перекана на
Шипка съ 11 ротъ 24^{го} августа 1877^{го}. Высочайше
вѣнчанъ награжденъ орденомъ Св. Анны
3^{ей} степеніи съ мечами и бантомъ - - - 1877^{го}. Декабря 12^{го}.

Записка о службѣ Филиппа Коронелли

ЭТА ГЛАВА ЯВЛЯЕТСЯ ДОПОЛНЕНИЕМ К ПРЕДЫДУЩЕЙ ГЛАВЕ
«ПОПЕЧИТЕЛЬ БОЛГАРСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ»

Дело в том, что один из самых храбрых русских генералов – участник войны за независимость США; русско-турецкой войны 1806-1812 годов; герой в битве на Монмартре (1815 г.) и второй по счету генерал-губернатор Одессы (1815-1820) – французский граф Александр Федорович Ланжерон, оставил о Михаиле Илларионовиче Кутузове и его ближайшем окружении, весьма нелестные воспоминания:

«23 июня мы чувствовали себя совершенно покойно, и Кутузов отдал приказание начать постройку укрепления, которое пересекало бы как Черноводскую дорогу, так и равнину, по которой турки обошли наш левый фланг. 24 числа, в 11 часов вечера, он призвал к себе всех генералов и передал мне приказание, чтобы я, вместе со своим корпусом и кавалерией, немедленно перешел бы Дунай, и генералу Эссену он приказал остаться временно в Рушуке, вывезти всю артиллерию и продукты, а затем сжечь город и 26-го вечером присоединиться ко мне.

Все это было исполнено в необыкновенном порядке и в точности, что делает ген. Эссену большую честь. В 2 часа ночи все войска были уже на своих местах, а 25-го, вечером, вся артиллерия, несмотря на то, что было более 150 пушек, была вывезена (...). Несчастные болгарские жители Рушука и некоторые валахские купцы никак не ожидали, чтобы мы покинули город; многие из них имели ценное имущество, богатые товары, и все это они должны были потерять. Так как они нигде не могли достать себе повозок для перевозки вещей, то, несмотря на невыносимую жару, они сами, на своих спинах, перетаскивали все более ценное из Рушука в Журжево, а это составляло около 4 верст пути. Мы с грустью смотрели на это печальное зрелище. (Судьба этих несчастных снова была поручена ст. сов. Коронелли который смог так отлично устроить свои дела через них в Болгарии в 1809 г. и в Силистрии в 1810 г. Гр. Каменский, враг всех этих грабежей, выгнал его, а Кутузов снова его принял. Он был один из самых близких людей его, двор, которого состоял из подобных личностей.)».¹⁴⁵ «(...) Во время пребывания своего в Бухаресте, Кутузов, не стесняясь более ничем, предавался самому постыдному

беспутству. Он до такой степени забыл стыд и приличие, что публично увез от мужа ту маленькую валашку 14 лет, о которой я уже говорил. Ее звали М-те Гулиани. Это похищение было произведено днем; совершил его г. Коронелли, о котором я уже говорил, и которого мы называли болеарским королем, он был действительно назначен для этого. М-те Гулиани вышла от мужа, и Коронелли ее сопровождал с каретой Кутузова, он посадил в нее молодую женщину, уложил ее вещи и отправил в приготовленный для нее дом. Сам же он следовал за каретой пешком (...).

Она сделалась его (Кутузова — прим. авторов) фавориткой; каждый вечер она приходила к нему, и он относился к ней в присутствии всех с такой фамильярностью, которая переходила все границы пристойности и вооружала против себя всех честных людей, которые были принуждены ходить к нему. Когда же он бывал приглашен на обед куда-нибудь, он считал себя в праве приводить с собою М-те Гулиани, а после обеда он запирался с ней в отдельной комнате (...).

Валахский вице-президент Г. Кумено имел неосторожность пригласить к себе обедать, вместе с этой счастливой парочкой, других дам и генералов, но все гости, кроме Кутузова, вскоре принуждены были оставить его дом.

На балах, в клубах, во всех общественных местах можно было видеть эту маленькую бесстыдницу около Кутузова (...).

Часто она усаживалась на руки к своему 70-ти летнему любовнику, играла его аксельбантами и позволяла себе целовать его, помирая со смеху. М-те Гулиани, разведенная со своим мужем, венчалась с греком, секретарем при русской миссии в Константинополе, по имени Левенди (Legendi).

Интимное общество состояло из людей, соответствовавших нравам и обычаям его дома. Вот кто были его поверенные, его избранные, его лучшие друзья: Мать М-те Гулиани (М-те Варканеско), которая тайно учила дочь тому, что она должна была знать, чтобы возбуждать истощенные чувства генерала, а затем приходила пользоваться результатами своих уроков.

Угодник Кутузова по имени Коронелли, самый глупый и низкий из всех этих недостойных, составлявших это стадо. Другой грек — Баротци, который в течение 30 лет состоял в департаменте иностранных дел как шпион и таковым был послан военным министром в Константинополь, под предлогом обмена пленников».¹⁴⁶

Примечательно, что эпитеты «самый глупый и низкий» показывают в рассказе графа А.Ф. Ланжерона степень влияния Коронелли в кругу друзей М.И. Кутузова, которого граф просто ненавидит. У неиску-

шенного читателя мемуаров графа Ланжерона может запросто возникнуть ощущение, что так и было на самом деле. Александр Федорович так красочно описывает похищение г-жи Гулиани, что кажется, уже слышишь цокот копыт, видишь улицу Бухареста, загадочную, зашторенную карету, ведомую под уздцы стройным, сухощавым пожилым человеком с вьющимися седыми волосами, большими итальянскими глазами и орлиным носом, одетого в темный полукафтан с вышитой красной нитью воротником. Ты смотришь по сторонам и ищешь рассказчика – графа Ланжерона. А его нет... Александр Федорович не делится своими воспоминаниями, а всего-навсего пересказывает сплетни тех лет. В его словах столько же правды, как и в нашем портрете Антона Яковлевича Коронелли, который мы придумали по ходу рассказа, просто для красоты сюжета.

В этом и отличие «исторического романа», от исторического исследования, и что историку надлежит работать с фактами, а они следующие: Луксандра Гулиани, в девичестве Барканеску, была в тринадцать лет выдана замуж за Николао Гулиани.

Согласно преданию, которое сохранилось в румынских источниках,¹⁴⁷ прожив год с мужем в законном браке, бросила его и ушла жить к Михаилу Илларионовичу Голенищеву-Кутузову в качестве любовницы. Так ли это? Можно только гадать.

О любовных интрижках М.И. Кутузова слагались легенды. Например, Александр Иванович Михайловский-Данилевский вспоминал:

*«Известно, что он (М.И. Кутузов – прим. авторов) был обожателем женского пола; однажды, в Калише на бале, я вышел из танцевальной залы в удаленные комнаты, где никого не было; наконец в одной из них слышу хохот, захожу туда, и что же вижу? Обремененного лаврами Фельдмаршала, привязывающего ленты у башмаков прекрасной шестнадцатилетней Польки Маяцкой».*¹⁴⁸

В бухарестском обществе тех лет проследить за моралью было кому: в Бухаресте жили два Митрополита, один из которых Софроний Врачанский, впоследствии был прославлен Болгарской Церковью как святой. Вызывает серьезные сомнения в наличии любовной связи между знаменитым полководцем и Луксандрой Гулиани письмо М.И. Кутузова к своей любимой дочери Елизавете Михайловне:

*«Ты увидишь новые лица, среди прочих, женщину, (уже) замужнюю на 14-м году жизни, такую простушку и такую милочку».*¹⁴⁹

Неужели, любящий отец приглашал бы дочку полюбоваться своей новой содержанкой?

Тем более что десятилетний внук Михаила Илларионовича от дочери Прасковьи Михайловны Толстой, жены сенатора графа Матфея Федоровича Толстого – Павел Матфеевич Толстой находился тогда в

Бухаресте и все видел собственными глазами. В 1811 году М.И. Кутузов пишет о внуке в письме, адресованном своей супруге Екатерине Ильиничне Кутузовой: *«Об Павлуше скажи матери, что он в Бухаресте у Коронелли»*.¹⁵⁰ Известно также и трогательное отношение к своей семье со стороны Михаила Илларионовича. Он пишет 6 января 1794 к жене, находясь в окружении тех же людей: Коронелли, Бароцци, из Константинопольской Миссии:

«Пе́ра (...) Портреты детские и твой берегу так, что уже в четвертую комнату переносят. В иной дымитя, в иной пыльно, в иной солнце, не знаю куда деть».¹⁵¹

Но если любовную связь, тем более внебрачную, отследить по документам крайне сложно, то проверить рассказ графа А.Ф. Ланжерона, относящийся к службе Антона Яковлевича Коронелли достаточно просто. А.Ф. Ланжерон пишет:

«Гр. Каменский, враг всех этих грабежей, выгнал его (Коронелли — прим. авторов), а Кутузов снова его принял».

Мы не нашли этому никаких документальных подтверждений. Напротив, в своем аттестате, выданном А.Я. Коронелли, М.И. Кутузов пишет:

«(...) Находясь при Дунайской Армии для употребления по части дипломатической поручаемые ему, как от бывших господ главнокомандующих Князя Прозоровского, князя Багратиона, графа Каменского, так и от меня разные важнейшие политические и по другим обстоятельствам дела исполнял к моему полному удовольствию и моих предместников».¹⁵²

Мы также нигде не встречали плохие воспоминания болгар о князе Голенищеве-Кутузове. Все это вызывает серьезные сомнения в достоверности воспоминаний графа. Хочется прокомментировать и сообщение графа А.Ф. Ланжерона о греке:

«(...) Баротци, который в течение 30 лет состоял в департаменте иностранных дел как шпион и таковым был послан военным министром в Константинополь, под предлогом обмена пленников».

Баротци (Barozzi, Бароцци, Бараци) – древний аристократический венецианский род (итальянцы), потомки крестоносцев, обосновавшиеся на острове Наксос, в родстве с Коронелли.

О предках И. С. Бароцци мы упоминали в своем рассказе об убийстве французского консула Корсино Коронелло и последовавшей за тем мести. Иван Степанович Бароцци (Иван Францевич Бароцци, Иван Францевич Бараци), о котором пишет граф А.Ф. Ланжерон – выдаю-

щийся русский дипломат, много сделавший для присоединения Крыма к России. Его непосредственный руководитель граф Александр Андреевич Безбородко, с 1797 года – канцлер (чиновник I класса – это высший чин до которого можно дослужиться), охарактеризовал Ивана Степановича Бароцци, в своем письме к графу А. Р. Воронцову:

*«Увидев их (бумаги, высылаемые А.Р. Безбородко в С. Петербург – прим. авторов), Ваше Сиятельство, сами лучшие можете судить о способности сего человека. Я бы не всему поверил, еже ли бы не взял осторожности послать с ним сына Панаиодисова, человека верного и не дальше как отец, а притом весьма честлюбивого. Он был на всех конференциях и все переводил. Сверх того, подполковник Ширай, живя вместе, не мог надивиться смелости Бароцци против турок самых именитых и драгомана их, и слышал многие истинны, которые мой посланный им говорил. Связь у него великая с Кегаем-беем, фаворитом султанским, ненавидимым от визиря, но который, по мнению всех, при падении сего первого министра, займет его место. Премножество знакомых, также и по разным департаментам; и так все, что он говорил или, что писал, есть верное».*¹⁵³

И. С. Бароцци в своей деятельности и в правду опирался на личные связи в высших кругах Порты Оттоманской, но повод ли это к обвинению в шпионаже?

Знакомство И.С. Бароцци с А.Я. Коронелли началось задолго до их появления в России. Они родились на одном острове Наксос и ходили в одну католическую Церковь. Интересно, что сослуживцы настолько ассоциировали Ивана Степановича Бароцци с Антоном Яковлевичем Коронелли, что когда последнего увольняли из Дунайской Армии, в приказе первоначально написали «Бараци», зачеркнули и поправились «Коронелли».¹⁵⁴

В 1801-1805 годах Бароцци занимал пост генерального консула России в Венеции. В 1806-ом уходит в отставку, однако начавшаяся русско-турецкая война, потребовала его перевода в Молдавию, где он пребывает в свите М.И. Голенищева-Кутузова, как чиновник Коллегии Иностранных Дел.

У Ивана Степановича Бароцци было два сына: Антон и Яков. Первый сын, майор Антон Иванович Бароцци, кавалер орденов св. Владимира 4 степени с бантом и св. Анны 4 степени, награжден именной серебряной медалью 1812 года, с 1823 года служит полицеймейстером в городе Бендеры.

Второй сын – Яков Иванович Бароцци, действительный статский советник, кавалер орденов св. Георгия 4 степени, св. Владимира 4 степени с бантом, св. Анны 2 степени, прусского ордена «За заслуги» и шведского «Меча Кавалер», награжден именной золотой шпагой с надписью «За храбрость» и серебряной медалью 1812 года. Яков Иванович

был женат на Евдокии Ивановне Пущиной – сестре лицейского товарища Александра Сергеевича Пушкина.

«Формулярный список о службе сорокского полицеймейстера полковника Бароцци, учиненный Августа 11 дня 1838г. Полицеймейстер полковник Яков Иванов сын Бароцци, 52 лет. Кавалер орденов Св. равноапостольного князя Владимира 4 степени с бантом, Золотой шпаги с надписью «За храбрость», Св. Анны 2 степени, Святого Георгия 4 степени, королевско-прусского «За достоинство», Шведского меча, имеющий серебряную медаль, в память 1812 года установленную. Римско-католического исповедания. Недвижимого имущества не имеет.

В службу вступил в 26 Егерский полк: Юнкером – 1806, 1 августа Прапорщиком – 31 июля 1807.

Подпоручиком – февраля 11, 1808. За отличие против шведов произведен поручиком – декабрь, 12, 1808. По Высочайшему приказу переведен из оного в Нарвский пехотный полк – октябрь 29, 1809.

Штабс-капитаном – 1812, 5 июня. За отличие в разных сражениях произведен в Капитаны – 1813, 25 февраля.

За Лейпцигское дело произведен Майором – 11 января 1814. За отличие в Краонском и Наонском сражениях произведен Подполковником – 1814, 26 февраля. Отставлен при отставке с чином полковника с пансионом – 1834, 1 сентября. Определен полицеймейстером в Сорокскую Градскую полицию указом Бессарабского областного правления.

За время нахождения на службе в 26 Егерском полку прикомандирован был к Казанскому пехотному полку, с коим находился за границею в Пруссии 807г., января 27., при деревне Янкове 26 и 27.

При Прейсишлау, а по прибытии в 26 Егерский полк Мая 24.

При д. Цецах и Петервальде с преследованием неприятеля до г. Гонштадта 25.

При д. Опендорф 26 и 27. при д. Колнстин у реки Писаржи 28. Под Гутштадтом 29 и 30.

Под Гелезбургам июня 2.

Под Фрисландом 808 февраля 9.

В Шведской Финляндии 12.

Под киркою (кирхой – Рум) Арцию, 14 под киркою Арматино 16, при д. Анкеропе 26 июня и 2 июля (л. 131).

Под киркою Липто 28, при кирке Лаево, 5 августа при оной же, где и ранен в правую руку картечью с оторванием двух пальцев 4 и 5-го и повреждением кости у среднего 810. По нахождению его при главной армии в дежурстве был

при блокаде крепостей Силистрии 11и12 июня при обложении Шумлы во время вылазок, июля 22. При штурме Рузюка 25. Августа при нападении на аванпосты в окрестности Ботина 26. При сбитии соединенного турецкого из Батинских укреплений, находясь при дежурном генерал-майоре Булатове был от него посылаем с разными приказами к частному начальству исполнял всюду с неустрашимой деятельностью, несмотря ни на какие опасности, опровергая неоднократно жесточайшие неприятельские выстрелы и за сие награжден орденом святого равноапостольного князя Владимира 4 степени с бантом, 812.

В пределах России Августа 4 и 5. при городе Смоленске 24-25 и 26 при селении Бородино противу французов и за отличие в оном награжден золотой шпагой и надписью «За храбрость». Октября 6 при разбитии неприятельского авангарда у селения Вороново. 12 при городе Малом Ярославце, где и ранен в правую руку пулею навывлет и за отличие награжден орденом св. Анны 2 ст. Ноября с 2 по 7 при г. Красном и в преследовании неприятеля до г. Вильно в разных авангардных делах за что и произведен в капитаны и за кампанию 812 года имеет Серебряную медаль в память того года установленную.

1813 года с отрядом генерал-лейтенанта графа Воронцова также в преследовании французских войск, генваря 29. в герцогстве Варшавском (что ныне Царство Польское).

При м. Рогозине мая 24 в Саксонии, при г. Лейпциге августа 16 под Ютербоком 22. при с. Шмакендорф, октября 6 и 7. вторично под Лейпцигом за отличие в этом сражении произведен майором, потом в разных партизанских делах до Гамбурга, за что и награжден орденами: королевско-прусского за достоинство и Шведского меча, 1814 во Франции февраля 18 и 19 при занятии крепости Саусон 22 и 23 при м. Краон при славной атаке неприятеля 26 и 25, при г. Лаоне, и за отличную в сих сражениях храбрость произведен в подполковники Марта с 1 в преследовании ретирующегося к парому неприятеля.

18 при городе Паркон и при занятии оного в действительных сражениях и за отличие награжден орденом св. Георгия 4 кл. и оттоль обратно чрез Бадандию, Винтембергину, Веймарию, Саксонию и Пруссию в Польшу 815. Вторично во Францию Апреля 8-го чрез польскую границу в Пруссию 18 в Баварию Июня 13.

В Рейнские владения с Августа 23. Сентября по 1 в королевстве Французском близ местечка Вертию на полях Шампани на Ревы, где и получил общую монашескую благодарность, в тридцатый день августа того же года чрез приказ по армии объявленный 1818 года по выходе из Нарвского пехотного полка со-

стоял по армии на жаловании. В штрафах, под судом не был. К продолжению службы аттестован способным и достойным. В отпусках не был.

В отставке не был. Вдов, имеет двух дочерей Адолинду 20 л. и Екатерину 15 лет при нем находятся, вероисповедания римско-католического».

Все эти факты прямо указывают, что Бароцци были людьми родовитыми, талантливыми и трудолюбивыми, много сделавшими для блага своего нового Отечества, что вовсе не состыковывается с характеристиками графа А.Ф. Ланжерона.

Для понимания теста «Записок графа», следует учесть, что смелый и решительный генерал был шесть долгих лет «в тени» еще более блистательных главнокомандующих: Прозоровского, Багратиона, Каменского и Голенищева-Кутузова.

А.Ф. Ланжерон, видимо, не мог простить М.И. Кутузову, что в 1809 году его назначили командующим Молдавской Армией, когда сам граф мог рассчитывать на такое назначение.

Очевидно, что А.Ф. Ланжерон наговаривает на М.И. Голенищева-Кутузова и его ближайшее окружение. Для нас, авторов, воспоминания графа Ланжерона ценны в первую очередь тем, что доказывают близкую дружбу между А.Я. Коронелли и прославленным полководцем, а также свидетельствуют о совместной службе на благо России потомков двух известнейших фамилий острова Наксос: Коронелли и Бароцци.

Что же касательно дальнейшей судьбы Луксандры Гулиани, то вскоре после окончания русско-турецкой войны, она развелась с мужем Николао Гулиани и вышла замуж за генерала Г. Левенди (не позднее 1827 года),¹⁵⁵ участника греческой революции. Ему она родила сына Ахилла.

Война 1812 года. Заграничный Поход 1813 года

В связи с прекрасным исполнением миссии по переселению болгар в Валахию и Бессарабию, карьера Антона Яковлевича становится безоблачной. Время бежит, меняется эпоха.

К 1812-му году Французская революция уже полностью себя изжила. В 1799 году, в результате блистательного похода русских войск под командованием А.В. Суворова позиции Франции в Европе настолько ослаблены, что французы боятся вторжения в свою страну со стороны Австрии и Англии, а возможно, и России. Опасения иностранной агрессии подталкивают Францию отдать власть в руки популярного генерала республиканских войск Наполеона Бонапарта, который в 1804 году провозглашает себя Императором, а в 1810 году, желая подтвердить самопровозглашенный титул, женится на дочери австрийского императора Марии-Луизии. Но, если с Французской Республикой было покончено, то внешняя агрессия революционных лет очень скоро переросла в «наполеоновские войны». Новый Император быстро поработил почти всю континентальную Европу. Одна только Испания продолжала вести партизанскую войну.

Война с Турцией Наполеону не льстила, и Император обратил свой взор на Россию. Поводом к войне послужило желание заступничества за Польшу. Лозунг этот был прост и понятен – мы видели в предыдущих главах, что Россия очень много делала для освобождения болгар и сербов, но в тоже время, буквально поработила другой славянский народ – поляков. В 1795 году у польского народа фактически отняли собственное государство, подавив восстание Тадеуша Костюшко. Противостояние между русскими и поляками было достаточно велико: во время Войны Четвертой Коалиции 1806-1807 годов, поляки воевали на стороне Франции. Учитывая вышеизложенное, призвать поляков под свои знамена, пообещав им свободу, было достаточно просто.

Александр I прекрасно знал о планах Наполеона Бонапарта и старался им противостоять: выведя Молдавскую армию из войны и прикрыв границы России от возможной агрессии Австрии – новой союзницы Франции, а также перебросив лучших своих генералов на оборону предполагаемого направления наступления французских войск. Но 24 июня 1812 года французские войска все же захватывают город Каунас. Так начинается Отечественная война 1812 года. Мы не будем подробно расписывать подвиги героев, планы сражений этой войны. Отметим лишь её характерную особенность: исход войны решило не генеральное сражение, штыковые атаки, кавалерия, скачущая под огнем артиллерии,

а маневры, тыловое обеспечение войск: обмундирование, провиант, доставка фуража и сена, партизанское движение – весь опыт, который накопил русский генералитет в предыдущей русско-турецкой войне 1806-1812 годов. Есть в этом и личная заслуга Антона Коронелли

К началу войны 1812 года Антон Яковлевич Коронелли – 60-ти летний старик, которому война в тягость, но Кутузов нуждается в проверенных не на одной войне друзьях. Он их не отпускает, ни на покой, ни в другую часть.

В ноябре 1812 года указом Коллегии Иностранных Дел Антона Яковлевича приписывают к дипломатам, состоящим при великом полководце. В тоже время, близкий друг и соратник Кутузова, сослуживец и коллега Антона Яковлевича, Иван Степанович Бароцци в 1812 году получает назначение: стать директором высшей полиции (начальником контрразведки) в 3-ую Западную армию. Должность это была почетной и ответственной. Но он отказывается от этого поста, заявив по прибытии в 3-ую Армию, что имеет от командующего Молдавской Армией *«особое поручение к Царю»*.¹⁵⁶ Позже Иван Степанович служит при ставке Кутузова вместе с Антоном Яковлевичем Коронелли.

Вскоре неприятель будет пусть не разбит, но все же изгнан из России. К несчастью через полгода (16/28 апреля 1813 года) умрет Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов Смоленский, а уставший от личной потери и войны Антон Яковлевич почувствует себя усталым и невостребованным. Он отправится на отдых в Италию:

«Государь Император снисходя на всеподданнейшее прошение находившегося при действующей Армии Коллегии Иностранных дел действительного статского советника Коронелли, Высочайше повелеть, соизволил г. Коронелли для поправления расстроенного его здоровья уволить в отпуск к теплым водам, с производением ему во время отпуска получаемого им теперь жалования».¹⁵⁷

Следом за А.Я. Коронелли, в декабре того же года из армии увольняется его сослуживец Иван Степанович Бароцци и отправляется, через Киев, в свое Волынское имение в Бухаресте, (где у него 200 крепостных).¹⁵⁸

Смерть братьев, отпуск в Италии

Давно заслуженный отдых не дает Коронелли расслабиться, вслед за смертью Кутузова, продолжится в его жизни «черная полоса».

В следующем, 1814 году (11 ноября), в чине надворного советника умрет брат Антона Яковлевича – пенсионер Коллегии Иностранных Дел Регис Яковлевич Коронелли, а всего год спустя, скончается от ран на поле брани (в октябре 1812 года) еще один его брат – майор Московского Гренадерского полка, участник Бородинского сражения – Иосиф Яковлевич Коронелли, командовавший Московским Гренадерским Пол-

ком, «*после ранения его командира И.Я. Шатилова*».¹⁵⁹ Лишь пребывание во Флоренции с женой, графиней Констанцией де Фалькенау, скрасит боль утрат старого дипломата, его окружает родная итальянская речь и милые, близкие сердцу лица давно знакомых ему людей.

На «*теплых водах*» встречает он назначенного в 1815 году временного поверенного в делах России во Флоренции генерала Николая Федоровича Хитрово – мужа любимой дочери М.И. Кутузова Елизаветы Михайловны, (вдова первого своего мужа графа Тизенгаузене), которая собрала здесь, вокруг себя, почти всю русскую диаспору.

Среди прочих знакомых отдыхающих в Италии, на балах можно встретить подруг ее дочери Долли, и среди них красавицу Изабеллу – дочь Адама Чарторыйского, который когда-то причислил (в 1805 году) Антона Коронелли к Сардинской Миссии, а также много других представителей известных русских фамилий.

Семья Хитрово стала для Коронелли почти родной; сколько пройдено дорог и войн вместе с отцом Елизаветы Михайловны, сколько радостей побед и печалей поражений прожито за всю длинную жизнь пожилого человека. Есть о чем вспомнить и погрузиться.

Отголоском этого русского кружка во Флоренции в последующем станет петербургский литературный салон повзрослевшей дочери Н.Ф. Хитрово и Е.М. Хитрово, Долли – Дарьи Федоровны Фикельмон (Тизенгаузене), вышедшей замуж в 1821 году за австрийского посланника во Флоренции генерала графа Карла-Людвига фон Фикельмона.

Салон этот будет известен благодаря тому, что его постоянно посещает неудавшийся дипломат и великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин.

Рождение сына

Следующий 1816 год оказался для Антона Яковлевича, наверное, самым главным в его жизни. Отдохнув от войн и тревог, наконец-то, в шестьдесят четыре года он становится отцом своего первого и единственного сына.

Из документа:

*«Я нижеподписавшийся Секретарь Приходской Церкви Святой Марии Забениго в Венеции, удостоверяю, что метрическим книгам оной Церкви значится следующее: «Декабря 1-го дня 1816 года Александр Антон, сын дворянина, тайного советника (так в документе – прим. авторов) Его Величества Всероссийского Императора кавалера разных орденов Антона Коронелли и супруги дворянки Констанции графини де Фалькенау дочери покойного Франческа из Вены родился первого числа прошлого ноября месяца в 11 часов утра, и, будучи опасно болен, был крещен преподобным священником Пьеваном Джуовани Фульдо (...).»*¹⁶⁰ Это была огромная радость для старика Антонио.

Консульство в Иллирийском королевстве

Давно закончился отдых, чуть подрос Александр, названный, в честь великого русского Императора. И, несмотря на преклонный возраст, в 1819 году Антон Яковлевич Коронелли снова на службе России.

Он получает новое назначение от Александра I на должность Генерального Консула в Далмации и Рагузе. Патент для направления Консулом выдан действительному статскому советнику Коронелли:

«Божию милостью Мы Александр Первый Император и Самодержец Всероссийский и прочая и прочая и прочая.

Всем кому сие объявится наше здравие! Заблагорасудив определить Генеральным Консулом нашим в Рагузе и Далмации действительного статского советника Коронелли дабы подданные наши приезжающие туда для отправления торговли и других промыслов своих могли иметь нужное вспомоществование и защиту, просим его Величество Императора Австрийского, а от наместников его и других чиновников требуем, дабы упомянутому действительному статскому советнику Коронелли дозволено было в Рагузе и Далмации отправлять должность его и пользоваться всеми правами, преимуществами и вольностями какие к данному от нас ему званию принадлежат могут и которыми Генеральные Консулы других держав во владениях Его Величества пользуются. Во взаимство чего обещаем и Мы в подобных случаях равное воздавать, когда нам о том прошение учинено будет.

*Во свидетельство того сей Наш патент собственноручно подписав повелели Мы утвердить оный нашею государственной большею печатью. Дан в С. Петербурге июля 29 дня 1819 государственного нашего 19 год».*¹⁶¹

Город Дубровник, в котором располагалось Консульство, находится на периферии огромной Австрийской Империи и главной дипломатической задачей, помимо защиты русских подданных, это налаживание контактов с правительством Черногории.

В те года управлением делами консульства занимался энергичный и талантливый дипломат Иеремей Михайлович Гагич.

Именно к нему поступило известие о назначении Антонио Коронелли 12(25) августа 1819 года И.М. Гагич доложил Коллегии Иностранных Дел о том, что получил два конверта на имя Коронелли, который живет во Флоренции.

Этими письмами он уведомил его о назначении консулом в Рагузу и Далмацию.

Второе письмо касалось денежного содержания сестры Антона Яковлевича – Елизаветы Яковлевны и ее мужа Белло.¹⁶² После длительной переписки для получения денег на дорогу,¹⁶³ А.Я. Коронелли

прибывает в Дубровник и 13/26 июля 1820 года вступает в должность Консула.¹⁶⁴

Купцы Мальцевы

Тем временем дом Коронелли во Флоренции не пустовал. В Италию приезжает семья известных промышленников-старообрядцев Мальцевых. Сергей Акимович с супругой Анной Сергеевной. Граф Михаил Дмитриевич Батурлин писал:

*«Осенью того же года приехал во Флоренцию Сергей Акимович Мальцев со своим семейством. Мальцевы поселились на всю зиму во Флоренции, в отдаленной части города, за площадью «Дело Каролине», в доме рагузского уроженца Коронелли. Жена была из обреченных на смерть неизлечимым недугом. Сопровождали их известный московский врач г. Левенталь».*¹⁶⁵

Мальцевы надеются, что мягкий климат Флоренции поможет Анне Сергеевне, но их надеждам не суждено было сбыться. 24 апреля 1820 года Анна Сергеевна скончалась.

Греческая революция

В 1821 году, на родине Антона Яковлевича – острове Наксос, греческими революционерами распространяется воззвание Александра Испиланти, с которым он вместе служил в Молдавской армии. В своем обращении Александр Испиланти призвал греков к восстанию против турецкого гнета. Так началась Греческая революция, завершившаяся через девять лет обретением независимости Греции. Для семей католических Приматов (первых лиц острова) – это означало потерю власти и богатства. Им предстояло стать рядовыми гражданами Греческого Королевства, что для вчерашних господ было унижительно и неприемлемо. Здесь мы можем оценить всю мудрость выбора Джакомо Коронелло, отправившего своих детей на службу в Россию.

Старый долг М.И. Голенищева-Кутузова. Тяжба с его наследницей А.М. Хитрово

В исторической литературе, в частности сербским профессором истории Раде Петровичем приводится мнение, что Антон Яковлевич недостаточно уделял внимание консульской работе, по причине своего небрежного отношения к службе и чрезмерным амбициям:

«Никто так халатно не относился к своей работе, как А. Я. Коронелли. С 1823 по 1827 гг. он и вовсе пребывал в Петрограде, так как был недоволен командированием в Дубровник и постоянно требовал перевода в, крупнейший в

то время, австрийский порт и более оживленный и интересный город Триест. Такое отношение свидетельствует об атмосфере, царившей в Дубровнике во время австрийского правления (...). В 1825 г. он получил повышение по службе и был назначен русским генеральным консулом в Иллирийском королевстве, а с 1827 по 1834 гг. — работал в Триесте. На его место в Дубровник приехал Еремей Михайлович Гагич, который уже работал в русском консульстве в Дубровнике с 5 декабря 1815 г., а с 1823 г. — в то время как А.Я. Коронелли гулял по Петрограду, исполнял обязанности генерального консула. 3 января 1825 г. он был назначен вице-консулом, а в марте 1845 г. — консулом».

Изучив материал, хранящийся в Архиве Внешней Политики Российской Империи, мы установили следующие:

Спустя три года, финансовые проблемы вынуждают А.Я. Коронелли прервать свою консульскую миссию в Далмации и ехать в С. Петербург, для того чтобы получить деньги по старому долгу М.И. Голенищева-Кутузова и уладить конфликт с братом Спиридоном, который требует разделить с ним наследственное имение под Феодосией. Покидая Дубровник, Коронелли передает свои полномочия И. М. Гагичу, формально сохраняя за собой консульский пост. Он пишет:

*«В Государственную Коллегию Иностранных Дел. От Действительного Статского Советника Генерального Консула в Далмации и Рагузе. Донесение: Вследствие Высочайшего повеления сообщенного мне Государственной Коллегией Иностранных Дел о позволении мне отлучиться от моего поста, препоручил я здешнему начальство Господину Титулярного Советника Гагича, яко управляющего здешним консульством нашим впредь до рассмотрения нашего Министрства поручил ему печать с архивом и отправляюсь в дорогу, о чем честь имею оной Коллегии донести».*¹⁶⁶

Должница — дочь Кутузова (1782-5.2.1848), фрейлина Их Императорского Величества, по смерти матери получала «кутузовский пенсион» в 17 тыс. рублей, которая, как и Елизавета Михайловна Кутузова-Тизенгаузене, породнилась с фамилией Хитрово, и вышла замуж за Николая Захаровича Хитрово (1779-27.1.1827) — сына действительного статского советника Захара Алексеевича Хитрово и Масловой Александры Николаевны. Из писем Кутузовак дочерям:

«Я надеюсь, что Вы, Аннушка и Лизанька, напишите, как вы дежурите, что у Вас за порядок, и ужинают ли нынче дежурные с Государем, и с кем вы на балах танцевать будете. (Ок.1800)».

«Друг мой, Аннушка, мне очень жаль, что ты так печалишься о своем отъезде. Ты молода, тебе надобно когда-нибудь из Петербурга выехать. Николай Захарович имеет теперь почтенный чин и время; учиться службе. Нет

худа без добра. Ваше состояние меньше расстроится, и с нами часто будете видаться. Поцелуй Николая Захаровича. К нему буду писать наставление о службе. (Из имений в Житомирской губ. 2 сент. 1803?)».

Николай Хитрово был флигель-адъютантом императора Павла I, затем генерал-майором. Участвовал в войнах 1800-1811, но в самом начале Отечественной войны удален в Вятку, (обвинен по делу Сперанского), где пробыл около года; затем жил в своем имении под надзором полиции, от которого был освобожден лишь по просьбе своего тестя, М. И. Кутузова-Смоленского. Помещик Нижегородской губернии, он имел там 900 душ крестьян, а так же был хозяином имения в Тарусе, и владел 600 душами (1817-1821).

А еще Николай Захарович Хитрово был славен тем, что в 1824 году выкупил у московских погорельцев после пожара 1812 года земли. Расчистил их и подарил городу. Место это стало называться – Хитровская площадь, на которой расположился знаменитый московский рынок или просто – Хитровка. Владимир Гиляровский в своей книге «Москва и москвичи» пишет: *«Большая площадь в центре столицы, близ реки Яузы, окруженная облупленными каменными домами, лежит в низине, в которую спускаются, как ручьи в болото, несколько переулков. Она всегда курится. Особенно к вечеру. А чуть-чуть туманно или после дождя поглядишь сверху, с высоты переулка – жуть берет свежего человека: облако село! Спускаешься по переулку в шевелящуюся гнилую яму. В тумане двигаются толпы оборванцев, мелькают около туманных, как в бане, огоньков. Это торговки съестными припасами сидят рядами на огромных чугунах или корчагах с «тушенкой», жареной протухлой колбасой (...))».*

В качестве характеристики Николая Захаровича мы приводим исторический анекдот:

Генерал-майор Хитрово слыл за историка серьезного. Он был почетным членом Московского Университета. Как и у лидера православных аристократов Кикладского Архипелага Константиноса Коккоса (о судьбе которого мы писали в предыдущих главах – прим. авторов), у Николая Захаровича Хитрово тоже имелся семейный монастырь, прозванный – Лютиков (Троицкий Лютиков монастырь), который располагался в фамильном поместье Калужской губернии на реке Оке. Здесь находилась и родовая усыпальница Хитрово.

Однажды, наслушавшись рассказов Антона Яковлевича Коронелли о том, как он в детстве молился в пределе Святого Розария в Латинском соборе острова Наксос иконе, на которой изображены его предки – Приматы острова Андрос, Николай Захарович Хитрово решил не отставать от древнего рода Коронелло. Он приказал дорисовать на храмовой иконе Лютикова монастыря портрет своего предка – Богдана Хитрово, служившего Царю Алексею Михайловичу. И все было бы ничего, если бы не вышел конфуз – Лютиков монастырь был освящен в честь Пре-

святой Троицы и храмовой иконой стал образ «Гостеприимство Авраама», весьма почитаемый русским народом, особенно крестьянством. Николай Захарович, не будь дураком, просто взял, да и закрасил на старинной иконе образ Сары вместе с дарами, а поверх верной жены Авраама, изобразил своего предка Богдана.

Пикантность данной ситуации придает еще и то, что Лютиков монастырь был мужским. Но, увы, никто из монахов и крестьян Хитрово так и не посмел возразить барину о богохульстве. И лишь спустя



**Икона из Лютикова
монастыря**

двадцать лет после смерти Николая Захаровича, срамное изображение было спрятано под серебряный оклад.

Вот как Н. З. Хитрово призвал: «Сеять в миру хлеб духовный», – своих сторонников и последователей. Что же касается самого Богдана Хитрово, именитого предка Николая Захаровича Хитрово, который был одним из основателей Симбирска. То, видимо, это вполне заслуженная кара человеку, который заведовал Оружейной палатой Московского Кремля, чьи иконописцы буквально глумились над древнерусской живописью.

Современник и оппонент Богдана Хитрово протопоп Казанского собора на Красной площади Авааким Петров писал:

«(...) Пишут Спасов образ Еммануила, лице одутловато, уста червонная, власы кудрявые, руки и мышцы толстые, персты надутые, тако же и у ног

бедры толстыя, и весь яко немчин брюхат и толст учинен, лишь сабли той при бедре не писан».

Николай Захарович подарил любимому городу Хитров рынок, в то время, когда его супруга не могла расплатиться по долгу своего отца М.И. Голенищева-Кутузова перед Антоном Яковлевичем Коронелли:

«В 1815 году при разделе между наследниками имение покойного Генерал-Фельдмаршала Князя Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова Смоленского дочь его Генерал-майорша Анна Михайловна Хитрова приняв в вечное



**Единственный дошедший до нас
портрет Богдана Хитрово основателя
Симбирска**

и потомственное владение, лежащее во Псковской Губернии в уездах Псковском и Опочинском, имение с тем вместе согласно раздельному акту приняла на себя и платеж занятый покойным ея родителем у г. статского советника (что ныне действительный статский советник) Антона Яковлевича Коронелли серебром 10 000 рублей.

После чего она г-жа Хитрово уплатив в разное время г. Коронелли большую часть означенного долга, остальную затем сумму 32 170 рублей ассигнациями, включая в то число и проценты, обеспечив доставшийся ей после родителя с имением Псковской губернии состоящим, на которое и дана ему г. Ко-

*ронелли г-же. Хитровою от крепостных дел С.Петербургской Гражданской палате с формальных закладных, с таковой в оной оговоркою, что буде она Хитрово тех денег по показанной сумме всех сполно не заплатит, то посроке волен он г. Коронелли ту закладную, где следует явить и удовольствие получить, как законы повелевают. Каковую сделкою и прекращена претензия по покойного Князя Михаила Ларионовича Голенищева Кутузова. По прошествии срока закладной г. Коронелли через поверенного своего относил к г-же Хитровой и просил об уплате должной ему суммы, но она на сие отозвалась, что не имеет в наличии денег для удовлетворения долгу, представляет ему г. Коронелли с принятым в залог имением поступить по закону».*¹⁶⁷

Теперь поразмыслим, а что это были за деньги? Сумма-то немалая. Жалование действительного статского советника составляло 2 000 рублей серебром в год, при этом он на них жил, то есть Антон Коронелли одолжил своему старому другу свое жалование за 5 лет!

Антон Яковлевич Коронелли имел виноградники под Феодосией, но едва ли это доход с них. Для Коронелли сумма долга А.М. Хитрово, несоизмеримо больше, чем доход с виноградников, а именно – 32 тыс. рублей ассигнациями, что составляло порядка 6,5 тыс. рублей серебром. Остается только предположить, что это деньги от продажи садов, дома и виноградников на острове Наксос, о которых есть упоминания в главе «Русские консулы». Эти деньги Антон Яковлевич хранил на «черный день», зная точно, что Михаил Илларионович всегда их вернет. Но Михаил Илларионович почил в Бозе, а наследница отдавать долги не торопилась. В имени дочери Кутузова Анны Михайловны Хитрово, которое было отдано в залог уплаты долга, проживало семьдесят шесть крепостных, многие из которых по старости были непригодны к работе. Такое имение никто бы за тридцать тысяч рублей не купил.¹⁶⁸

Госпожа Хитрово в то время жила в Неаполе и на претензию А.Я. Коронелли ответила письмом: «...не знаю, ...не в курсе». Посему А.Я. Коронелли вынужден обратиться в Коллегию Иностранных Дел:

«Государственному Министерству Иностранных Дел от действительного статского советника Коронелли. Записка.

Истекает уже 15-ый год, как нижеподписавшийся действительный статский советник Коронелли дал в заим покойному Генерал-Фельдмаршалу Князю Голенищеву-Кутузову Смоленскому десять тысяч рублей серебром сроком на 6 месяцев по истечении коего срока неоднократно побуждал он покойного Князя к заплачению помянутой суммы с указанными процентами, но всегда обнадежен был им провожаем положительными обаяниями, что скоро будет удовлетворен. По кончине Князя, неизменно писавшийся, находясь в бедственном положении, будучи в чужом крае, болен и без жалования многократно и

*разнообразно побуждал наследнику покойного Князя, чтобы прислали ему на счет помянутого долга их Родителя, немного денег к его содержанию».*¹⁶⁹

Вот как пришлось унижаться за свое доверие и доброту души заслуженному консулу, чтобы он смог прокормить свою семью. Кроме того, брат Антонио Яковлевича – Спиридон Яковлевич Коронелли, выступавший доверенным лицом при взыскании долга с покойного Генерал-Фельдмаршала князя Смоленского Михаила Илларионовича Кутузова, сам заявил о денежной претензии в адрес брата:

*«(...) С ноября месяца 1808 г. почитаю на брате моем долга капитальной суммы с интересом более 30 000 рублей».*¹⁷⁰

В 1818 году Спиридон Яковлевич заявляет свои претензии к Антону Яковлевичу:

«(...) Сверх того, по высочайшему повелению блаженной и вечной памяти достойных Императрицы Екатерины II в 1794 году вдовствующей роди-цельнице нашей Флоренции де Коронелли на переселение из Архипелага со всею фамилиею всемилостевейше было пожалована и отдана земля казенному ведомству принадлежащая состоящая Таврической Губернии Феодосийского уезда к округе деревни Сарыгаль и по случаю кончины матери нашей наследовал ту землю 20 ноября 1796 г(...), Антон Коронелли».

Со слов Спиридона Яковлевича, Антону Яковлевичу был выдан открытый лист, по которому он должен был разделить землю между 3-мя братьями: собой, Константином и Спиридоном. Земля была освоена: был построен дом, разбит виноградник, однако за отсутствием хозяина она пустовала.¹⁷¹

Мистика какая-то – когда переселяли болгар и строили все на трудолюбии и патриотизме, то через 70 лет появилась страна Болгария, а на месте зажиточного долга бывшего боевого товарища (Николай Захарович Хитрово служил в Молдавской Армии), появилась воспетая Гиляровским Хитровка или Хитров рынок.

После длительной переписки разных чиновников, Коронелли все-таки сумел получить часть причитающейся ему суммы. А. М. Хитрово пишет в Коллегию Иностранных Дел:

*«По сделанному мной в настоящее время распоряжению не премину представить в Министерство Иностранных Дел к 1-му апрелю 1823 года, причитающиеся процентные деньги, для удовлетворения требования г. Коронелли».*¹⁷²

«Вексель в 2 720 рублей, считая рубль 9 15/32 пенни, доставленных в оную Коллегию Господином Генерал Майором Хитровым на счет должных мне покойным князем Голенищевым Кутузовым Смоленским сумму первый

векселем мая 2/14, а второй же мая 9/21 дня сего года мною исправно получены. Рагуза мая 11/23 1823 г.». ¹⁷³

Из Коллегии Иностранных Дел к Антонио Коронелли:

«От другой дочери Фельдмаршала графини Прасковьи Михайловны Толстой выданы процентные деньги брату вашему капитану Спиридону Коронелли по данной ему от Вас доверенности, а от Дарьи Михайловны заплачены процент самому Вам». ¹⁷⁴

Чем закончилась претензия Спиридона Яковлевича, и получил ли Антон Яковлевич деньги с г-жи Анны Михайловны Хитрово нам доподлинно неизвестно.

Последний документ в деле, относящийся к 1828 году, содержит прошение Антона Яковлевича Коронелли к Коллегии Иностранных Дел с просьбой: *«принять непосредственное участие, дабы не лишился он прав своих за истечением законодательных сроков на рассмотрение дела».* Сумма долга на тот год составляла – более 30 000 рублей ассигнациями. Но ясно, что за 17 лет мытарств Кутузовы-Хитрово весь долг так и не отдали.

Назначение консулом в Триест

В 1825 году Антон Яковлевич Коронелли получает свое последнее назначение – принять Генеральное Консульство в Триесте, само престижное во всей Австрии:

«Генерального Консула в Рагузе действительного статского советника Коронелли перевести в Триест с жалованием, которое он получает по нынешнему его посту, а именно 2 000 и почтовых 300. На проезд выдать ему годовой оклад 50 штаверов». ¹⁷⁵

По получении нового назначения, Антон Яковлевич Коронелли отметил заслуги Иеремея Михайловича Гагича, исполнявшего консульские обязанности в Дубровнике, в то время, когда А.Я. Коронелли получал свои деньги с г-жи Хитрово:

«Генеральный Консул Коронелли особенно одобряет титулярного советника Гагича и исправлявшего должность вице-консула (...) поручика Мекиссо и за усердие их испрашивает их награждение орденом св. Анны 3 степени». ¹⁷⁶

Рескрипт находящемуся в Вене по особым поручениям действительному тайному советнику Татищеву:

«Определить действительного статского советника Коронелли Генеральным Консулом в Королевство Иллирийское, а титулярного советника Гагича консулом в Рагузу и препроводя к Вам изготовленные для них патенты повелеваем

*Вам известить о токовом соизволении нашем Австрийское Министерство и учинить домогательство как о признании в возложенных на них званиях так и о дозволении им пользоваться всеми правами преимуществами и вольностями».*¹⁷⁷

В 1825 году И.М. Гагич получил лишь должность вице-консула.¹⁷⁸ Столь энергичного и умного дипломата, видимо, просто «зажимали». Вероятно, из-за «недворянского происхождения». Тем ценнее для истории оценка его заслуг Антоном Яковлевичем Коронелли, которую Иеремея Михайлович Гагич полностью оправдал, сыграв значительную роль в русско-черногорских отношениях. Его переписка с Петром II Негошем – неоднократно была издана и в Сербии, и в России.

Поистине, Иеремя Михайлович заслуживает отдельной книги. Найдется ли автор, который напишет ее, покажет время. В том же году, родной брат Антона Яковлевича – Константин Яковлевич Коронелли просит Коллегию Иностранных Дел отправить его служить переводчиком при брате, и вежливо напоминает, что уже служил переводчиком 1786-88 годах, но ему отказывают без указания причин.¹⁷⁹ А не возвращенный долг со стороны г-жи Хитрово мешает Антону Яковлевичу Коронелли вернуться к службе.

Продолжение тяжбы о долге М.И. Голенищева-Кутузов

Его положение поистине бедственное. Жена Констанция Коронелли (урожденная Фалькенау из Вены) с малым сыном Александром живет за границей, а Антон Яковлевич ждет денег в России.

Ради справедливости следует отметить, что Анна Михайловна Хитрово потеряла, за год до этого, своего супруга Николая Захарьевича Хитрово, скончавшегося в Москве 27 января 1826 года.

16 октября 1826 года Констанция де Фалькенау пишет в Коллегию Иностранных Дел:

«Уже прошло шесть месяцев, как я, вместе с сыном моим Александром не получаю писем от моего доброго супруга действительного статского советника и Генерального Консула Антона Коронелли, который как я уже давно слышала, располагал выехать из С.Петербурга.

Неизвестность о его состоянии, жалостное положение, в коем я нахожусь, вместе с сыном моим, подало мне смелость отнестись к известной благосклонности и к великодушию Вашего Сиятельства. Прошу покорнейшие уведомить меня, для моего спокойствия выехал ли мой муж из Петербурга или проведет там зиму, сверх того покорнейшие прошу вашего Сиятельства дабы Вам благоугодно было дать знать моему супругу, чтобы он принял нужные меры, к нашему содержанию, поелику здешний Российский в Феуле Агент Кавелер Мелессино, коему мой супруг меня рекомендовал, сослав распоряжения о вы-

даче мне пенсии, отказывается мне впредь ее выдавать, так что я нахожусь в унижительном положении для содержания себя просить пособие местного начальства поскольку характер г-на Мелессино слишком для меня опасен, по причине претерпенных здесь от него неудовольствий и по тому, что я не могу с ним переписываться по незнанию им грамоты. Притом я мучаюсь тем, что уже шесть месяцев не получала писем и не имею причины сомневаться что оных удерживает Мелессино. Пользуясь случаем дабы поручить себя и сына своего благосклонности и высокому покровительству Вашего Сиятельства».¹⁸⁰

Мы убеждены, что такую жалобу жена подала по просьбе мужа, с одной единственной целью – заставить Коллегию Иностранных Дел помочь семье заслуженного дипломата.

Наше предположение подтверждается письмом Антона Яковлевича Коронелли:

*«Милостивейший Государь Василий Алексеевич! Имею честь получить от Вашего Превосходительства приказание Его сиятельства Графа Карла Васильевича, чтоб я отправился в начале наступающего апреля к своему посту в Триесте долгом почтитою объяснить, что для выполнения того всеми мерами старался и стараюсь не взирая на все трудности во вред моего здоровья и на издержки ввергающие в вящее разорение. Его Сиятельству неизвестно, что если я не успею получить хотя бы половину части суммы от наследниц Князя Смоленского на расплату некоторых возникших для меня долгов. То я и семейство мое доведены будем до совершенного разорения. В охранение себя от того, так как из оных наследниц **Анна Михайловна Хитрово и Прасковья Михайловна Толстая** (вторая дочь М.И. Кутузова, жена сенатора Матфея Федоровича Толстого, умершего в 1815 году, их сын Павел наследовал фамилию деда Голенищев-Кутузов, упомянут в главе «Ланжерон и Коронелли» — прим. авторов) торжественно обещали удовлетворить меня в скорости. Я считаю необходимым, чтоб достигнуть намеченной цели, для которой единственно прибыл сюда, пробыть недале исхода наступающего апреля.*

Марта 28 дня 1827 год».¹⁸¹

Долгие отпуска, потраченные на возвращение долга покойного Фельдмаршала, отрицательно сказываются на карьере Антона Яковлевича Коронелли. Ему было отказано в получении весьма престижной награды тех лет – «Знак отличия беспорочной службы», с формулировкой: **«находился в отпуске более 2-х лет в протяжении 5-и летнего срока, т.е. 1823 по 1827».** В отличие от орденов, такой знак давали один только раз в жизни в самом конце карьеры, тем самым давая официальную оценку трудам и усердию. Это был настоящий удар для пожилого и заслуженного дипломата. Никакие заслуги за 60 лет службы

не были учтены, зато припомнили вынужденный отпуск. Если бы Коллегия Иностранных Дел вовремя помогла Антону Яковлевичу, не было бы таких мытарств из-за долгов, и попуска в службе. Стоит отметить, с каким достоинством принял Антон Яковлевич Коронелли этот отказ:

«15/27 ноября 1830 в Государственную Коллегию Иностранных Дел. Генерального Консула, действительного статского советника А. Коронелли. Репорт. Честь имею донести Государственной Коллегии, что получив сообщение оной от 1 Апреля 1829 года под № 2446 о знаке отличия беспорочной службы; Я с крайним удивлением известился о сем и дабы отвечать сообразно с важностию предмета принужден был употребить время нужное для убеждения себя в оном.

*Вследствие сего я пересмотрел все бумаги мои того времени, дабы с точностью отвечать Государственной Коллегии по делу сему; но все розыски мои остались тщетны, ибо я именно ничего не нашел, что могло бы хотя несколько пояснить мне сие обстоятельство и могу уверить Государственную Коллегию что, сколько помню, никогда даже и не думал каким бы то нибыло образом просить увольнение от службы. Покорнейше прошу Государственную Коллегию приказать учинить наиточнейшие справки в Архиве того времени для совершенного удостоверения, что я никогда не просил увольнения от службы».*¹⁸²

Смерть Антона Яковлевича Коронелли

О службе Антона Яковлевича Коронелли в Триесте нам удалось узнать следующее: по воспоминаниям правителя Черногории Петра II Петровича Негоша, Антон Яковлевич передал ему корреспонденцию от Синода Русской Церкви с богатыми дарами:

*«Господин Коронелли предоставил мне, 2 конверта от Святейшего Синода, чрез Дмитрия Павловича Татищева, посылка на моё имя, содержащая крест, перстень и золотую цепь, дошла».*¹⁸³

Это и есть прямое доказательство того, что политические контакты с Черногорией являлась приоритетом в работе Антона Яковлевича до самых последних его дней.

16/28 октября 1834 года в Триесте на службе, в почете и уважении, скончался Антон Яковлевич Коронелли в возрасте 81 года.

На его место пророчат Гагича. Великий сербский филолог, историк и общественный деятель Вук Стефанович Караджич писал:

*«Ви гледаите од Ваше стране да Гд. Гаги ђа натерате, да како је конзул овде Россиски Коронели умро, да гледа преко свои пријатела, а ту б јаму и Владика могал добро послужити, овде у Трсту конзулом постане».*¹⁸⁴

Под владыкой подразумевался Черногорский правитель и поэт Петр II Негош. Сын Петра I Негоша. Негоши были известны, как друзья России, связь с которыми поддерживалась через Дубровник, а конкретнее через Иеремею Михайловича Гагича. Петр II Негош, как раз в то время собирался посетить Россию:

«Негош был знаком с поэзией Державина и Пушкина задолго до своего второго визита в Россию в 1837 г. Известно также, что Пушкин проявлял большой интерес к сербскому народному творчеству: он не только имел о нем представление благодаря П. Мериме, но и сам был читателем сборников Вука Стефановича Караджича. В библиотеке Пушкина был «Српски ријечник», огромный, заключавший в себе около тысячи столбцов, сербско-немецко-латинский словарь (Вена, 1818), в котором русский поэт своею рукою заключил в скобки текст, относящийся к городу Цетинье, реке Цетинье и цетинцу (жителю Цетинье).

В конце 1836 г. Негош собрался в Россию, чтобы просить помощи для своей страны. Однако из-за происков и интриг австрийских шпионов поездка задержалась. Русские власти долго не давали ему разрешения на въезд в Россию.

С 13 ноября 1836 г. по 4 февраля 1837 г. Негош находился главным образом в Вене, ожидая решения этого вопроса. Наконец разрешение было получено, и Негош через Варшаву направился в Петербург. Однако в Луге его встретил офицер Ф. С. Ракеев и, выполняя указание К. В. Нессельроде, попросил Негоша вернуться в Псков, где он должен был ожидать разрешения продолжать путешествие. 22 февраля Негош ответил графу Нессельроде, что покоряется его распоряжению и, как только отдохнет от длительного пути, поедет в Псков.

В Псков он прибыл 25 февраля, и в своем письме оттуда сообщил Нессельроде, что виновным себя не чувствует, но что против него плетут сеть интриг сторонники Австрии и Турции.

*Пока Негош оставался в Пскове, русское Министерство Иностранных Дел изучало вопрос о возможных связях черногорского владыки с Францией. Однако для подобного обвинения не оказалось никаких оснований, и 12 мая 1837 г. Негошу было разрешено прибыть в Петербург. 18 мая 1837 г. он приехал в столицу России, где и находился до 15 июня того же года».*¹⁸⁵

Встретиться Петру Негошу с великим поэтом Александром Сергеевичем Пушкиным, было не суждено. Пушкин погиб на дуэли зимой 1837 года.

Но мы хотим рассказать о другом, любимом авторами этой книги, великом русском поэте. И как он связан с А. Я. Коронелли, вы узнаете, дочитав этот параграф до конца. Из школьной программы всем нам известно знаменитое стихотворение М.Ю. Лермонтова «На смерть поэта»:

*« ...А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправившие обломки
Игрою счастья обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и, правда – все молчи! ».*

Сам Михаил Юрьевич, как и его современники, особого значения этим пафосным строкам не придавал, как он показал на следствии в дальнейшем:

*«Тем не менее, я слышал, что некоторые люди, единственно по родственным связям или вследствие искательства, принадлежащие к высшему кругу и пользующиеся заслугами своих достойных родственников, – некоторые не переставали омрачать память убитого и рассеивать разные, невыгодные для него слухи. Тогда, вследствие необдуманного порыва, я излил горечь сердечную на бумагу».*¹⁸⁶

Однако стихотворение молодого поэта искренне возмутило вышеупомянутую должницу А.Я. Коронелли, бывшую фрейлину Ее Величества А.М. Хитрово.

Вот что об этом пишут ее современники:

«Государь об них (стихах Лермонтова) ничего не знал, потому что граф Бенкендорф не придавал стихам значения, пока дней пять или шесть назад был бал у графа Ф(икельмона), где был и граф Бенкендорф в числе гостей. Вдруг к нему подходит известная петербургская болтуня и, как ее зовут, la lepre la societa (язва общества), Х(итрово), разносительница новостей, а еще больше клевет и пасквилей по всему городу, и, подойдя к графу, эта несносная вестовица вдруг говорит:

– А Вы, верно, читали, граф, новые стихи, на всех нас в которых la creme de la noblesse (сливки дворянства) отделаны на чем свет стоит?

– О каких стихах Вы говорите, сударыня? – спрашивает граф.

— Да о тех, что написал зуфар Лермонтов и которые начинаются стихами: «А вы надменные потомки...», — то есть, ясно мы все, toute l'aristocratie russe (вся русская аристократия).

Бенкендорф ловко дал тотчас другое направление разговору, и столь же ловко постарался уклониться от своей собеседницы, которую, как известно, после всех ее проделок, особенно после ее попрошайничеств, нигде не принимали, кроме дома ее сестры, графини Ф(илькемон), которая сама, бедняжка, в отчаянии от такова кровного родства. Однако после этого разговора на рауте граф Бенкендорф на другой же день, перед отправлением своим с докладом к Государю Императору, сказал Дубельту: «Ну Леонтий Васильевич, что будет, то будет, а после того, что Х(итрово) знает о стихах этого мальчика Лермонтова, мне остается ничего больше, как только сейчас же доложить о них Государю».

«Когда граф явился к Государю и начал говорить об этих стихах в самом успокоительном тоне, Государь показал ему экземпляры их, сейчас, им полученный по городской почте, с гнусной надписью: «Воззвание к революции». Многие того мнения, что это работа de la lepre de la societe, которая недовольная уклончивостью графа на рауте, чуть свет послала копию на Высочайшее Имя».¹⁸⁷

Государь в злой умысел молодого поэта не поверил, но ради приличий отправил Лермонтова в ссылку на Кавказ.

С землями А.Я. Коронелли изначально происходит какая-то путаница. Еще в 1790 году эти земли просил у Екатерины Великой Константин Яковлевич Коронелли:

*«(...) Дерзая просить о Всемилоостейшем пожаловании чина и в Таврической Области земли называемой Серыголь и десяти десятин виноградных садов в Козии для заселения выходящими из заграницы людьми, дабы не имел никакого стяжания после отца моего и всем имением своим и самою жизнью Высочайшего Вашего Величества службе пожертвовавшим чрез то прийти в состояние продолжить Вашему Императорскому Величеству службу».*¹⁸⁸

Далее в документе никаких упоминаний о роли Константина Яковлевича в получении земель нет. Также абсолютно непонятно кому принадлежала земля близ деревни Сарыголь с 1792 года по 1794 год. Возможно, Флоренции Коронелли, (матери братьев Коронелли) или все же старшему из ее детей – Антону Яковлевичу. Все вышеперечисленное свидетельствует о весьма небрежном отношении со стороны Коронелли к оформлению документов на землю, что в свою очередь, и привело к длительному судебному разбирательству. Дело в том, что любой город должен был иметь вокруг себя выгонные земли, на которых горожане могли выпасать свой скот. Законодательством было строго прописано, каким должен был быть размер этих земель. Так получилось, что земли, подаренные А.Я. Коронелли Екатериной Великой, размещались на территории «выгонных» земель города Феодосии. Конфликт начался в 1834 году, незадолго до смерти Антона Яковлевича Коронелли:

«Дело № 601 «По отношению графа Воронцова по делу Коронелли о земле, 10-24 ноября 1834 года». На 14 листах.

*Гр. Воронцов обратился к министру юстиции с ходатайством о скорейшем разрешении в Правительствующем Сенате дела о спорной выгонной земле, лежащей между гор. Феодосией и дер. Сырыголь помещика Коронелли. По справке оказалось, что это дело за несогласием министра внутренних дел с резолюцией межевого департамента должно проследовать в общее собрание Сената».*¹⁸⁹

«Дело № 614. «О встреченных Таврической межевой комиссией сомнениях о правах прокурора оной комиссии 12-13 апр. 1835 г.» на 19 листах. Таври-

ческая межевая комиссия просила у министра юстиции разъяснения, имеет ли право прокурор оной, пропустив журнальное определение, как это было допущено им по делу о земле помещика Коронелли г. Феодосии. После обсуждения сего обстоятельства, Сенат высказался за право прокурора поступать таким образом».¹⁹⁰

«Дело № 615 «О землях г. Феодосии 15 апр. — 31 июля 1835 г». На 7 листах. По совершении генерального размежевания земель. Гор. Феодосии в 1830 году землемером Томашевским, поверенный дейст. Ст. сов. Коронелли, находящегося на службе за границей, не явившийся в свое время по вызову Томашевского, подал жалобу на то, что этим последним отмежевана к гор. Феодосии земля его доверителя, принадлежащая к дер. Сарыголь.

Межевая контора, приняв во внимание, что при производстве межевания не сделано законного освидетельствования неудобных земель, превышающих четвертую часть всех земель г. Феодосии, допущена некоторая небрежность при составлении плана и ведении полевого журнала, постановила межевание землемера Томашевского отменить.

Это решение вызвало апелляцию со стороны поверенного г. Феодосии в межевую комиссию, которая однако, приняв во внимание главным образом то, что землемер Томашевский основываясь на отводе поверенных г. Феодосии, при составлении плана крымской комиссии по земельным спорам, и тем с одной стороны припустил к земле дер. Сарыголь землю г. Феодосии, утвердила постановление межевой конторы. Прокурор Таврической межевой комиссии доносил рапортом министру юстиции о неправильном постановлении, по его мнению, комиссии по этому делу.

Прокурор находил уместным по поводу этого определения поставить два вопроса: 1) возможно ли настаивать на том, чтобы землемер, производящий межевание, во всем следовал бы старым планам вопреки бесспорным отводам поверенных, и 2) возможно ли заявление протеста со стороны лица, своевременно не явившегося, даже после троекратных повесток, к производству межевания. Министр юстиции, согласно мнению III-го отделения департамента, нашел протест прокурора заслуживающим уважения и предложил оный на рассмотрение межевого департамента».¹⁹¹

«Дело № 729 «Жителей города Феодосии с помещикам Коронелли о земле 31 дек. 1838 г - 8 марта 1839 г». На 45 листах. Межевой департамент, равно как и общее собрание Сената, рассмотрев дело помещика Коронелли, нашло, что споры между ним и гор. Феодосией о выгонной земле происходили и раньше и были окончательно решены в крымской комиссии по земельным спо-

*рам, которая постановлением своим утвердила межу между владением Коронелли и города, которая не была принята во внимание землемером Томашевским. Посему Сенат и постановил, уничтожив межевание Томашевского, установить межу выгонной земли, во всем согласную с планом, выданном из крымской комиссии».*¹⁹²

*«Дело это тянулось до 1874 года, и в конце концов Коронелли получил эту землю в полную собственность».*¹⁹³

ДРУГОЙ ВЕТВЬЮ ФАМИЛИИ КОРОНЕЛЛИВ РОССИИ ЯВЛЯЮТСЯ
ПОТОМКИ ЕГОРА ЕРМОЛАЕВИЧА КОРОНЕЛЛИ.

Егор Ермолаевич Коронелли. Начало службы

В послужных списках тех лет подробно указывалось происхождение, вероисповедание и семейное положение служащего. В послужном списке Егора Ермолаевича Коронелли от 1819 года записано:

*«Греческой нации и закона из архонтских детей, женат на дочери корфиотского Примата Писхили, Розе Николаевне детей имеет: сыновей Антонию, Либерала, Аристиды, Фемистокла, Спиридона и дочерей Клеопатру, и Анну, кои находятся при нем».*¹⁹⁴

Разберем подробно эту запись:

«Греческой нации» – в документах Военно-Морского Флота Российской Империи она ничего не значит, поскольку тогда это носило политический характер, в греки могли записать кого угодно, родившегося в турецких владениях.

«Греческого закона» – это уже куда серьезней, поскольку, православная вера – государственная религия России тех лет и играть ей никто не позволит.

«Архонтские дети» – от слова «архонт» – князь, богач, начальник. Очевидно, что речь идет о том же роде Приматов острова Наксос – Коронелло. Даже подписи под документами Егора Ермолаевича и Антона Яковлевича похожи. К сожалению, нам не удалось установить, кто его отец, когда он принял православную веру. Наличие сыновей Антона и Спиридона дает нам повод предположить, что его отец – старший сын Джакомо Коронелло – отца Антонио Коронелли, но это лишь наша догадка. Далее идет запись: *«дочери корфиотского примаса»* – дочери Примата острова Корфа, что лишний раз доказывает его благородное происхождение.

На службу Егор Ермолаевич поступает в декабре 1794 года в Греческий Корпус. В феврале 1797-ого переведен в Морской Кадетский,¹⁹⁵ и произведен в гардемарины, по окончании Кадетского Корпуса, в 1799-ом году его назначают мичманом.¹⁹⁶

Следует отметить, что возглавлял это учебное заведение родственник Михаила Илларионовича Кутузова, столь сильно покровительство-

вавшего Антонио Яковлевичу Коронелли, – Иван Логинович Голенищев-Кутузов, 8 (21) декабря 1796 года получил Высочайший рескрипт:

*«Господин Адмирал Голенищев-Кутузов! С получения сего имеете вы немедленно принять в свое ведение дом Корпуса Чужестранных Единоверцев, с принадлежащими к нему строениями и местом, и обратить оный под Морской Шляхетный Кадетский Корпус, который и начать переводить из Кронштата немедленно. Ту часть чужестранных единоверцев, которая обучается наукам, принадлежащим до мореплавания, приняв поместить в Морской Корпус в кадеты; равно как и сумму денежную положенную на содержание оных; а буде есть и экономическая, то и сию, по пропорции имеющихся поступить воспитанников, потому ж принять вам в свое ведение и распоряжение. Наконец, буде бы всего Морского Корпуса поместить было не можно, в таком случае стараться прикупить прилежащие к оному дома, сколько понадобится к помещению, или сделать нужные пристройки; о чем и подать НАМ подробные планы и сметы на усмотрение НАШЕ. Пребываем в прочем вам всегда благосклонны».*¹⁹⁷

Вероятно, что именно так попал в Морской Кадетский Корпус Егор Ермолаевич Коронелли.

Списание на берег. Спасение людей от бурь

В январе 1808 года Егора Ермолаевича производят в лейтенанты,¹⁹⁸ в том же году, находясь в плавании, ночью во время сильного шторма Егор Ермолаевич случайно падает с большой высоты внутрь корабельного трюма и получает очень сильный удар в грудь. После этого удара он до конца жизни харкает кровью, и у него случаются припадки, из-за которых в 1814 году его списывают на берег, приписывая к Одесскому порту.¹⁹⁹ Но слабость телесная сполна компенсировалась храбростью духа и чувством ответственности за жизни других людей:

«В 1815 году при сильной метели, шторме, состоящем в Одессе на военной брандвахте (сторожевая команда – прим. авторов) бриг, обрубив такелаж и реи и потеряв якоря, оставался только на одном и то неблагонадежном канате. Потому командир оного пал из пушек, требовал помощи, и я решил сделать оному бригу возмездную помощь испрося баркас по неимению при порте с купеческого судна 30 числа ноября месяца, отрядив оный с людьми, и конец перлина один привязав к гавани, а другой завес на бриг, и тем подтянув оный к гавани, спас его и на нем людей от совершенной гибели. За что был представлен Главным Командиром к 2-му Морскому Министру 1816-го года марта 4-го, сверх того в том же году спас с разбитых в Одессе купеческих судов 18-ть

*человек вольных людей, за что от Одесского Коммерческого Общества получил на открытом листе благодарность, с наградою золотых часов, с надписью «Благодарная Коммерция», а 1817 году награжден орденом св. Владимира 4-го класса за спасение от гибели более 10-ти человек людей».*²⁰⁰

В 1816 году, приказом № 3284 от 26 ноября Егор Ермолаевич Коронелли был награжден орденом Святого Георгия IV класса *«за выслуги на море узаконенных восемнадцати шестимесечных кампаний»*.²⁰¹ В следующем 1817 году Егора Ермолаевича производят в капитан-лейтенанты.²⁰²

Одесский чиновник

1 апреля 1820 года в Одессе начинает выходить первый печатный журнал «*Messenger de la Russie Meridionale, ou Feuille commerciale*», в нем публикует свои переводы Егор Ермолаевич, за подписью «дворянин Коронелли».²⁰³

В 1825 году Егор Ермолаевич Коронелли увольняется из флота в звании Капитана II ранга с половинным жалованием.²⁰⁴ Этот ранг равнялся чину надворного советника и давал право на наследуемое дворянство.

В 1825 году учреждается Измаильский Коммерческий суд. Егор Ермолаевич, будучи в чине надворного советника и кавалером ордена Святого Владимира 4 степени, председательствует в этом суде.²⁰⁵

«(...) В службе оказал следующие отличные деяния:

Во-первых, приготовил в самопоспейшие времена все нужные судопроизводству Законы, книги и прочие вещи;

*Во-вторых, по великому недостатку в Бессарабии Канцелярских Чиновников расторопным распоряжением своим преодолел трудности в собрании таковых».*²⁰⁶

Кроме того, с 1826 по 1831 год Егор Ермолаевич ведал выдачей Императорских патентов на подъем Российского Торгового Флага:

*«Кроме обязанности председательской должности, по особой опытности его в искусстве мореходстве, с 1826 по 1831 год, т.е. до учреждения в Измаиле Градоначальства выдавались под личным его надзором высланные было по ходатайству Полномочного Начальника Бессарабской Области графа Воронцова в Измаильский Коммерческий Суд с Высочайшего соизволения Императорские патенты на большое мореплавание для поднятия Российского Коммерческого Флага, на морях».*²⁰⁷

В 1829 году на Юге России свирепствовала эпидемия чумы, которую завезли корабли, приплывшие из-за моря с контрабандным грузом, не

прошедшим карантин. В одной Одессе умерло за всю эпидемию более двух сотен человек. Не обошла беда и город Измаил.

*«По предложению г. Бессарабского Градоначальника Губернатора Сорокунского № 379 назначен в Комитет учрежденный было в г. Измаиле для прекращения свирепствовавшей заразы, первенствующем членом, и вступив в отправление должности с 14 августа 1829 года продолжал оную по день закрытия комитета с примерным усердием».*²⁰⁸

Заслуги Егора Ермолаевича Коронелли не остались незамеченными:

*«1830 года июня 10 дня получил похвальный лист Бессарабской Области от всего Измаильского Коммерческого Общества за подписом в том числе господами Гражданского Главы и Бургомистра, которое единодушно в знак чувствительности своей к нему оставаясь трудами его совершенными благодарным, адресует что он во все время существования в городе Тучкове, хуторах и селениях оному принадлежащих чумной заразы, быв по служению своему с назначению Начальным Членом Комитета в сем городе для прекращения той заразы учрежденного и когда оные Комитет и весь город находились в самом бедственном и опасном положении вступив в означенную должность, неустанным старанием, деятельностью и благоразумным по части сей /яко опытный/ распоряжением своим содействовал весьма много к прекращению заразы и спасению города, чем и чумное отделение гражданское в котором страдало наиболее человечество, приведено в должную исправность и больные получили все способы избежать напрасной смерти. При каковых неутомимых действиях его он подвергая жизнь свою столь важным и явным опасностям всегда был сопряжен с благородным, истинно бескорыстным и кротким со всеми вообще общением».*²⁰⁹

Егору Ермолаевичу доверяло начальство и поручало самые ответственные дела:

«Онъ г. Губернатор предложением своим от 14 марта 1830 года № 5327 по случаю сомнения о наклонности Измаильского Общого Присутствия к прикфитию злоупотребления Измаильского Уездного Казначейства чрез несвоевременное освидетельствование казны и казенного имущества, вследствие того и что Его Превосходительство не полагалось на Общее Присутствие по обнаружившемся уже упущению в исполнении данного оному Присутствию стороной того предписания об освидетельствовании, Его Превосходительство согласно заключению Казенной Палаты поручил ему принять участие в сем деле и настоять на немедленном произведении освидетельствования означенного Присутствием и при бытности его Казны и Казенного Имущества в Изма-

ильском Казначействе, каковая порученность исполнена им во всей точности, и об оказавшемся донес Его Превосходительству».²¹⁰

Столь ревностная служба порождает не только уважение и чин Коллежского Советника (VI класс), но и зависть. Мы нашли документы, относящиеся к событиям 1830-1831 годов, когда Егор Ермолаевич, будучи человеком пожилым, заслуженным, мог едва прокормить себя и свое семейство:

*«(...) Чиновник сей находясь совершенно в расстроенном положении здоровья и лишен отставки с заслуженным пансионом, дошел до ужаснейшей крайности, так, что лишен даже средств пропитать себя с обширным своим семейством: Издержки на беспрерывное лечение увеличивают его крайность и доводят до бедственного состояния».*²¹¹

И все это случилось из-за доноса, временно исполняющего должность юрисконсультанта Измаильского Коммерческого Суда Провинциального Секретаря Лаверова.

К счастью Коронелли, через год разбирательств, правда восторжествовала: Егора Ермолаевича оправдали, а доносчик предстал перед Уголовным судом за ложный донос на чиновника.²¹² Измученному нехваткой денег Егору Ермолаевичу Коронелли выдают разовое вспомоществование в размере 1-ой тысячи рублей²¹³ и назначают пансион.

Сыновья Егора Ермолаевича Коронелли

Старшие сыновья Егора Ермолаевича – Аристид и Либерал посвятили себя карьере морских офицеров, дослужившись до капитан-лейтенантов Морского флота:

*«Коронелли Аристид Егорович 1819 года февраля 12-го поступил на службу в Черноморский Флот гардемафином. 1827-1829 на корабле «Париж» и бриге «Орфей» плавал в Черном море. 1830 год августа 2 прикомандирован к морскому корпусу для прохождения морской фронтовой службы 1831 года января 1-го произведен в мичмана, со старшинством 22 января 1830 года. 1830-1839 годов на корабле «Нарва» плавал в Финском заливе Балтийском море. 1835 года апреля 6-го произведен в лейтенанты 1840-1842 на фрегате «Венус» и тендере «Снапоп» плавал по портам Финского залива, а затем переведен в Черноморский флот. 1843 и 1844 года на корабле «Гавриил» и фрегате «Флора» плавал по Черноморским портам. 1845 года марта 14-го уволен от службы чином капитан-лейтенанта».*²¹⁴

«Коронелли Либерал Егорович 1819 года марта 20 поступил на службу в Черноморский флот гардемафином. 1824-1826 годы на кораблях «Пармень»,

«Святой Пантелеймон», транспорте «Змея» и фрегате «Штандарт» плавал между Николаевым и Севастополем. 1827 года января 19 произведен в мичмана с назначением в Балтийский Флот. 1827-1829 на шлюпе «Смирный», бриге «Коммерстранс» и корабле «Тангут» плавал в Финском заливе. 1830 года на фрегате «Принц Оранский» плавал от Кронштадта до острова Исландия и обратно. 1831 г. на корвете «Альвица» плавал от Кронштадта до Портсмута и обратно. 1832 года января 27 произведен в лейтенанты. 1832-1838 года на кораблях «Березина», «Фершантенуаз», фрегате «Кастор», корветах «Наварин» и «Князь Варшавский» плавал в Балтийском море, а затем переведен в Черноморский Флот. 1839 года на пароходе «Колхида» ходил у восточного берега Черного моря. 1840-1843 г. на кораблях «Варшава» и «Трех Святителей», фрегатах «Флора», «Месембрия» и бриге «Персей» крейсерствовал в том же море. 1843 года декабря 6-го произведен в капитан-лейтенанты. 1845 и 1846 года на транспорте «Рион» фрегате «Месембрия» плавал между Севастополем и Николаевым. 1847 года августа 13-го скончался».²¹⁵

Кроме того Общероссийский Адрес-календарь за 1833 год сообщает, что Либерал Егорович Коронелли служил в 1833 году в чине лейтенанта в Учебном Морском экипаже,²¹⁶ учрежденном для подготовки унтер-офицеров морской артиллерии, в котором обучались юнги и кантонисты – дети нижних чинов морского ведомства.

Два других сына Егора Ермолаевича Коронелли – Спиридон (1819 г.р.) и Фемистокл (1818 г.р.) служили на таможне. Спиридон – на Одесской Портовой, а Фемистокл – на Одесской Сухопутной, в чине титулярного советника.

Примечательно, что вместе с Фемистоклом служил и потомок Саморупо – Юрий Константинович Саморупо,²¹⁷ ставший впоследствии надзирателем Одесской таможни и снискавший себе на этом посту всеобщий почет и уважение.²¹⁸

Не позднее 1858 года, чин титулярного советника получил Спиридон Егорович Коронелли. Это следует из записи в метрической книги Свято-троицкой Греческой Церкви (г. Одесса) от сентября 28 о рождении Розалии Коронелли.

Внуки Егора Ермолаевича Коронелли

Сын Спиридона – Александр Спиридонович всю жизнь прослужил писарем в армии. За выслугой лет 14 марта 1893 года произведен в Коллежские Секретари.²¹⁹ Другой сын Петр Спиридонович занимался революционной деятельностью:

«3 ноября 1895 года на станции Волочиск были задержаны, приехавшие из-за границы Петр Коронелли и его жена. Под одеждой у них были обнаружены

25 нелегальных брошюр, в том числе изданная в Женеве книга Маркса «Гражданская Война во Франции»».²²⁰

Мы не знаем, на ком был женат Петр Спиридонович Коронелли, но в Российской Национальной Библиотеке хранится книга «Батлер Ж.Э. Воспоминания и мысли», в переводе Екатерины Коронелли, посвященная жизни известной женщине социал-реформатору Батлер Жозефине Элизабет (Грей), которая всю жизнь вместе с мужем боролась за права женщин, в частности:

«Более всего известна организацией широких кампаний протеста против Акта об инфекционных заболеваниях, в соответствии с которыми проститутки должны были находиться под постоянным полицейским и мед. контролем, что нередко оборачивалось для них жестоким обращением и насилием.

*Батлер была ярой сторонницей высшего образования для женщин и предоставления им социальных и политических прав. В 1866 г., поселившись с мужем в Ливерпуле, посвятила себя делу спасения и реабилитации проституток. Она также активно боролась против попыток вербовки молодых девушек».*²²¹

Революция 1917 года не обошла стороной одесских Коронелли. Есть упоминания о переводчице Коронелли, служившем при французском генерале в те времена, когда войска Антанты отступали из Одессы. Участвовали в гражданской войне и представители дворянской фамилии Саморупо.

Например, в августе 1920 года в бою за переправы через Днепр, при наступлении на Каховку, был убит корнет лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка Мстислав Юрьевич Саморупо.²²²

Многие представители фамилии Саморупо бежали из России. Сейчас в книжных Интернет-магазинах продается книга Amory m Sommaripa «Diary of a Mad Russian: A Tribute to Alexis Sommaripa 1900-1945», про Алекса Саморупо *«родившегося (как пишет автор) в 1900 году в Одессе, в семье мелких дворян».*

Вот так, увы, Итальянские аристократы, герцоги острова Андрос становятся мелкими русскими дворянами, а впоследствии, просто гражданами США.

Коронелли и Саморупо в годы Второй Мировой Войны

Национализация, «красный террор», «раскулачивание», «ежовщина», подтолкнули многих русских эмигрантов в объятия другой чело-веконенавистнической идеологии – национал-социализма.

Им казалось, что Гитлер несет свободу от большевиков. Они не хотели видеть, ни геноцида, ни узурпации идеологии, ни миллионы бес-

смысленных жертв. Они искренне спорили с теми представителями русской интеллигенции, которые сбежали от коммунистов за границу:

*«Второй оппонент (г-жа Саморупо) также возмущена возможностью предположения «кривды» фашизма и протестует против устроителей докладов о фашизме, допускающих неортодоксально-фашистские содоклады. «Отцом фашизма» г-жа Саморупо признает Владимира Мономаха. Равенство всех перед судом ее особенно не прельщает; хорошо было в России, когда дворянина наказывали строже, чем крестьянина, и когда крестьянина нельзя было описать за долги. Призыв К. II. Зайцева к русскому «белому пути» ее не трогает. Этот путь был испорчен тем, что вождей окружали социалисты (?!), а молодежь, жертвуя своими жизнями, шла, не зная за что и не зная почему».*²²³

Однако не все Саморупо уехали за границу. Во время Второй Мировой Войны прославился штурман-пилот Саморупо, перегонявший из США в СССР тяжелые бомбардировщики:

*«В августе 1941 года было получено, например, задание правительства направить в США группу летного и технического состава для овладения самолетами, купленными по ленд-лизу. Группу, которая должна была научиться эксплуатировать, а затем и перегонять из Америки четырехмоторные дальние бомбардировщики Б-29, возглавил М. М. Громов. Его заместителем был назначен А. И. Кабанов, комиссаром группы был И. Петров, штурманом М.Х Гордиенко. В группу входили летчики А. Б. Юмашев, Г. Ф. Байдуков, Леонтьев, Костюк и Романов, штурманы Саморупо, Молчанов, Перевалов, инженеры: Успенский, Доронин, техники Селезнев, Дегтяренко, Алысено и другие товарищи».*²²⁴

Также в рядах Красной Армии в годы Второй Мировой служили и дети Петра Спиридоновича Коронелли: Николай и Александр были героями Великой Отечественной войны. Ветеран Дагаев Владимир Васильевич в своих мемуарах пишет:

«Необычную задачу получил взвод старшего лейтенанта Н. П. Коронелли: воины подразделения должны были, разместившись на танках, обеспечить продвижение 3-го стрелкового батальона 83-го стрелкового полка.

— Не представляю, как можно, сидя на танках, прорваться в тыл? — недоумевал старший лейтенант, впервые столкнувшийся с таким заданием. В полдень после артподготовки 83-й полк при поддержке танков атаковал гитлеровцев. На танках, плотно прижавшись к броне, сидели автоматчики и саперы. Натиск наступающих был столь энергичен, что противник не выдержал и начал отход. Танки, а за ними пехота вошли в прорыв и продвигались дальше. Сбравшись с силами, гитлеровцы контратаковали наступающих, им

удалось отсечь пехоту, но остановить продвижение танков не смогли. Танковый десант и часть прорвавшейся за ним пехоты 76-го гвардейского полка вступили в бой в окружении. Гитлеровцы, поддержанные 27 танками, ответили сильной контратакой, немного потеснили наши цепи, но вскоре вынуждены были залечь. Танки же продолжали движение.

И тогда саперы, взяв по две мины, перебежками устремились вперед, выставили минное поле внаброс. Такое было не впервые, и каждый раз приходилось преодолевать страх, «включать» предельное напряжение физических сил и воли.

Бойцы и командиры полка стояли насмерть. Все попытки гитлеровцев смять наши боевые порядки успеха не имели, и они отошли на исходные позиции. Еще через пару часов контратака повторилась, но и на этот раз саперы не дрогнули. В результате тяжелого боя в 76-м полку выбыли из строя многие командиры. Пришлось весь оставшийся личный состав полка свести в одну группу. На поле боя помимо шести подбитых танков врага осталось много трупов солдат и офицеров. Наш взвод потерял четырех человек. Несколько большие потери понес взвод лейтенанта Попова. Ранен был и он сам.

— Как это тебя угораздило, дружище? — спросил я Николая.

— Слегка задело, черт побери! Но мне еще повезло, а вот Зенин рядом стоял — и убит. Меня спасли письма от матери. Пуля пробила полушубок, нагрудный карман с пачкой материнских писем и застряла под кожей против сердца. Вот и не верь после этого в амулеты! — воскликнул Николай». ²²⁵

«5 мая 1942 года (...) Лейтенанты Н. П. Попов, А. П. Коронелли и автор этих воспоминаний стали командирами взводов 2-й саперной роты, которую возглавил прибывший с нами лейтенант С. П. Сильвестрович». ²²⁶

«А на исходе Сталинградской битвы выбыл из строя старший лейтенант Александр Петрович Коронелли. В его руках по неведомой причине взорвался капсюль-детонатор, и множество мельчайших осколков врезалось в тело. Получили ранения и шесть саперов его взвода». ²²⁷

В ЭТОЙ ГЛАВЕ РЕЧЬ ПОЙДЕТ О ПОТОМКАХ АНТОНА ЯКОВЛЕВИЧА КОРОНЕЛЛИ, ОБОСНОВАВШИХСЯ В ГОРОДЕ ФЕОДОСИЯ, ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ С ПРИХОДОМ К ВЛАСТИ НИКОЛАЯ I ПАВЛОВИЧА СИЛЬНО ИЗМЕНИЛАСЬ. ВМЕСТО ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНОСТРАНЦЕВ ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ, ЩЕДРОЙ РАЗДАЧИ НАГРАД И ПОЧЕСТЕЙ, ПРИШЛО ВРЕМЯ ЖЕЛЕЗНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ.

Служба Александра Александровича в Министерстве Иностранных дел. Получение российского дворянства. Крымская война 1853-1856 годов

Молодому человеку, Александру Антоновичу Коронелли повезло. В начале своей карьеры он работает в Министерстве Иностранных Дел, где еще помнят его отца – действительного статского советника Антона Яковлевича Коронелли. Из послужного списка Коллежского Регистратора Александра Коронелли за 1842 год:

*«Коллежский Регистратор Александр Антонов сын Коронелли от роду имеет 25 лет. Департамент Хозяйственных и счетных дел. Вероисповедания Католического. В службу вступил Министерства Иностранных дел в Департамент хозяйственных и счетных дел в число канцелярских служащих 1837, 22 февраля. Пожаловано ему в награждение 300 рублей 26 марта 1838. Указом Правительствующего Сената от 13 октября 1839 произведен в Коллежские Регистраторы 22 февраля 1839. В 1841 году отправлен был курьером в Грецию».*²²⁸

Видимо, во время этой поездки за море, Александр Коронелли и оформил себе греческое подданство. В 40-х годах XIX столетия он женится на дочери феодосийского купца второй гильдии Ивана Ивановича Брачер – Екатерине Ивановне.

Ее отец Жан (Иван Иванович) Брачер (Брахер, Брагер) известен тем, что в мае 1812 года, совместно с графом Александром Федоровичем Ланжероном, да-да, с тем самым, о котором мы писали в главе **«Ланжерон и Коронелли»** и другими знатными феодосийцами, преимущественно итальянцами и французами, основал масонскую ложу «Иордана». Надо заметить, что масонство в те годы было легальным и крайне популярным. К этому было несколько причин: европейская мода, низкий авторитет Церкви, которая представляла в те годы государственно-идеологический институт, а также желание обзавестись знако-

мствами и связями с влиятельными людьми. Жан (Иван) Брачер не имея дворянства, занимал престижное положение в их «закрытом клубе»: «2-й надзиратель в 1815 и в 1818-1819, 1-й надзиратель в 1817-1818».²²⁹ В обязанности надзирателя масонской ложи входил контроль над соблюдением устава и ритуалов общества. Мастером в ложе, в те годы был вице-консул Королевства Обеих Сицилий купец Феликс Лагорио. В 1819 году ложа распалась, а в 1822 году Государь Император Александр I запретил масонство. Иван Иванович взялся «за ум» и стал в 1821 году представителем купечества в Феодосийском Коммерческом Суде, а также был членом Феодосийского Ссудного Комитета. Известно, что в 30-х годах он продолжал работать в суде.²³⁰ В 1850 году Александр Антонович предпринимает попытку записаться в Русское Дворянство, но сталкивается с враждебно настроенной бюрократической машиной. Несмотря на редкую, иностранную фамилию и записи о подвигах на русской земле его отца, чиновники почему-то сомневаются: вправду ли это сын того самого Коронелли из знатного, дворянского рода Приматов о. Наксос?

*«В Таврическое Дворянское Депутатское Собрание. Помещик Феодосийского уезда Губернский Секретарь Александр Коронелли при объявлении ему содержания онога Собрания от 31-го числа истекшего июля № 671 об от- казе ему в дворянстве по не доставлению доказательств представил ко мне за- свидетельствованную копию с свидетельства выданного Министерством Ино- странных Дел Департаментом хозяйственных и счетных дел 4-го декабря 1840 года под № 3848 из коей можно видеть, что он есть родной сын дей- ствительного статского советника Антона Коронелли, просит меня сделать вновь представление о внесении его в дворянскую Родословную книгу (...) Феодо- сийский Уездный Председатель Дворянства (...)».*²³¹

Рассмотрению дела о причисление рода Коронелли к Таврическому дворянству помешала Крымская война, начавшаяся в 1853 году. Политика царя Николая Павловича Первого, направленная на пресечение всякого вольнодумства привела к тому, что офицерская среда сильно деградировала. Кроме этого, росту антироссийских настроений в Европе способствовала внешняя политика, утверждавшая доминирующую роль России. Самые верные союзники России – Австрия и Греция смотрели на Россию, как на потенциального врага, который желает подчинить соседей своей воле. Конфликт открыто разразился, когда царь Николай Павлович отказался признать нового короля Франции – Наполеона III (племянника Наполеона I Бонапарта). Претензия Николая I была обусловлена решением Венского конгресса, состоявшегося в 1815 году, согласно которому представители династии Бонапарт не могли занимать Французский престол. Николай Павлович не пожелал учесть тот факт, что Венский конгресс защищает права европейских

монархий, и брать его решения «на свои знамена», не имея поддержки Европейских дворов, было крайне неблагоприятно. Оскорбленная Франция в союзе с Англией и Турцией, немедленно развязывает войну, используя территориальные претензии Турции к России – это земли, которые завоевала в XVIII-XIX веках Россия у Турции.

9 октября 1853 года, командующий русскими войсками в Молдавии – Михаил Дмитриевич Горчаков получил от турок ультиматум – покинуть Дунайские княжества. Так началась Крымская война. Накануне которой, на флотах Англии и Франции на смену легким парусным судам, подчиняющимся ветрам и штормам пришли тяжеловесные теплоходы.

Когда-то, отец Александра – Антон Яковлевич Коронелли служил на фрегатах и командовал галерами, но теперь, в открытом морском бою, фрегат уже не имел никаких шансов на победу.

Красивейший, прославленный Черноморский Флот, был собран Адмиралом Нахимовым и безжалостно затоплен при входе в Севастопольскую бухту, чтобы не дать пройти вражеским кораблям и захватить Крымское побережье. К счастью в сухопутных вооружениях Россия отставала от захватчиков не так сильно, что и определило характер войны на Крымском полуострове – море контролировалось вражескими судами, а суша российскими войсками:

*«19 января 1854 года, около 4 часов дня явились на Феодосийском рейде четыре винтовых парохода большого размера, два под французским и два под английским флагом, не бросая якоря, обошли в течение часа бухту и ушли в море. Жители были взволнованы появлением этих судов до такой степени, что многие оставив свое имущество на прислугу, стали выезжать из города. 20 числа также были видны на горизонте неприятельские суда, как оказалось купеческие. Жители продолжали выезжать в ближайшие деревни и колонии».*²³²

Феодосия на долгих три года превращается в прифронтовой город.

*«16 июля два неприятельских судна появились у Феодосии, производили рекогносцировку, спускали шлюпку на левый берег гавани. Жители со скарбом спешили уходить из города, казенные суммы и документы вывезены были на полученной с трудом пароконной почтовой подводе».*²³³

Особенно осложнилась ситуация, после оккупации Евпатории:

«1 сентября 1854 года, в 8 часов утра, появился в виду Евпатории неприятельский флот, от 70 до 80 вымпелов, со стороны карантина. Оставив около 40 кораблей возле карантина, неприятельский флот двинулся к Севастополю. 2 числа неприятели спускали ялик с просьбой позволить выйти на берег для закупки съестных припасов. Было отказано. 3-го сентября два парламентера – штаб-офицера, английский и французский, прибыли на ялике в карантин на пристань и подали заявление на имя коменданта, заведовавшего

*слабосильной командой, что так как гор. Евпатория беззащитен, то они объявляют жителям, что не причинят ему какого-либо вреда, и за всё будут уплачивать звонкой монетой, но имеют вступить в город и занять его для квартирования своими войсками».*²³⁴

К чести французов и англичан следует отнести то, что слово свое они сдержали. Однако, всю картину испортила турецкая политика. Татары 70 лет прожившие под властью русских, свято верили, что в составе Османской Империи жить им будет лучше и привольней. А если восстановленное Крымское ханство возьмет под опеку сама Франция, то горы Крыма покроются золотом:

*«7 сентября письмоводитель Евпаторийского городского управления Лихошерстов доносил Пестелю (губернатору Тавриды – прим. авторов), что после того как он ушел из Евпатории к семейству своему в имение Раковых при д. Майфем 5 числа вечером туда приехали два татарина, поселяне д. Тузлы Евпаторийского уезда, Аблез Кадыричны-оглу и Ибрам Абдулкадыр-оглу, которые говорили, что посланы англичанами забирать у русских помещиков весь скот; но когда им ответили, что скота не дадут, то они сказали, что скоро придут другие подобные им и разделаются иначе, а сами слезли с лошадей и расположились около ворот двора. В это время один из наследников Раковых подошел к стене и услышал такой разговор между означенными татарами и рабочими Раковых: «Смотрите, когда мы будем драться, то Вы отойдите дальше, чтобы не было свидетелей. Кому они пойдут жаловаться?».*²³⁵

Грабежам предалось не все татарское население. Многие татары жертвовали крупные суммы и имущество для нужд русской армии, беженцам и раненым:

*«В том же злосчастном Евпаторийском уезде (...) при транспортировке раненных из позиций близ Евпатории в Симферополь в феврале 1855 года, татары деревень Котур и Конбар оказали скорое и неусыпное содействие в отводе квартир и предоставлении удобств, добровольно и охотно оказывали помощь раненым, в особенности д. Конбар мурза Ислам Джаминский, а в д. Котур поселянин Сеит Мамут Бекир-оглу. Они отдали добровольно лучшие помещения в домах, постели, одеяла, простыни, помогали сносить больных и разносить пищу. Некоторые татары Евпаторийского уезда и других были впоследствии представлены к получению медали за усердие. Агажан мурза Караманов (из д. Шули) получил золотую медаль на Владимирской ленте».*²³⁶

Можно только представить весь ужас, который тогда царил в Крыму. Поскольку Александр Антонович Коронелли имел земли у моря, то в случае высадки неприятельского десанта, грабить окрестности Феодо-

сии начали бы с его усадьбы. Доподлинно неизвестно, где была его семья в эти дни. Скорее всего, Александр Антонович увез своих двух малолетних детей и жену Екатерину Ивановну Брачер подальше от войны. Вернулись Коронелли в Феодосию не сразу. В документах, которые нам удалось найти в архиве князей Раевских, сказано, что после войны судьбой Коронелли интересовалась княгиня Анна Михайловна Раевская (в девичестве Бороздина). Родившись в 1820 году в семье генерал-лейтенанта М. Бороздина, Анна Михайловна получила прекрасное образование. Выйдя замуж за друга А.С. Пушкина Николая Николаевича Раевского – младшего начальника Черноморской береговой линии, Анна Михайловна поселилась с мужем в Керчи. Николай Николаевич скончался в 1843 году. После смерти мужа Анна Михайловна нашла свое призвание в науке, в частности в археологии, что для женщин той поры было весьма необычно.

Из архива князей Раевских:

*«А.И. Казначеев – А.М. Раевской 29 мая 1856 года. Москва. «(...) О Коронелли еще не имею положительного сведения, а надеюсь скоро иметь и как только получу его – Вам сообщу»».*²³⁷

Прошел без малого год и А. Казначеев снова пишет Анне Михайловне:

*«20 февраля 1857года. Москва. О Коронелли ни слуху, ни духу. Со всем тем, я не теряю надежды открыть его местопребывание, если он жив. К тому приняты меры по моему сношению с крымскими приятелями моими».*²³⁸

После смерти в 1855 году Императора Николая I, и по восшествии на престол его сына Александра II, в 1859 году, спустя почти десять лет после просьб о приеме его в Дворянское Собрание, Александр Коронелли, все же получает от церкви св. Марии Забиниго в Венеции «Свидетельство о Рождении», подтверждающее его дворянское звание.

За долгие годы борьбы с чиновничеством, он перестал верить в свою победу над царской бюрократией, и от дальнейшего доказывания своего древнего происхождения отказался. Он пишет в Родословной, что происходит из Приматов острова Наксос, начиная ее со своего отца – Антона Яковлевича Коронелли, ссылаясь на послужной список Коллегии Иностранных Дел, хотя в первом варианте послужного списка, хранящегося в том же Архиве Российской Империи, значится происхождение его отца – Антонио Коронелло *«из гишпанских дворян»*.²³⁹

«Отец просителя Действительный статский Советник Антон Яковлевич Коронелли происходит из Архителагских приматов острова Наксос, в службу вступил волонтером на флот, находившейся под командой Лейтенанта Псары в 1770 году; произведен в Капралы в 1772, в Констатели /13 класса/ в

1773, в Унтер-лейтенанты /12 класса в 1780, в Лейтенанты /10 класса/(...)).²⁴⁰

В 1860-ом году Александр принимает Российскую присягу:

*«Предъявитель сего бывший греческо-подданный, происходящий из дворянского звания Александр Антонов сын Коронелли, 8 ноября приведен в присутствии Таврического Губернского Правления на верность подданства России присяге».*²⁴¹

Феодосия после Крымской войны 1853-1856 годов

Идет 1860 год, а через год, Высочайшим Указом Александра II Освободителя, отменяют крепостное право. Правительство России, наученное горьким опытом Крымской войны, когда морские пути были перекрыты, и переправлять войска, раненых, боеприпасы, провизию приходилось сухопутным путем, решается на строительство Крымской железной дороги, которая в сочетании с портом, должна превратить город Феодосию в важный транспортный узел.

Одних слухов об этих планах достаточно, чтобы Феодосия начала торговать землей под застройку:

*«В 1857-1860 годах город пережил строительный бум. Стоимость земельных участков возросла в несколько раз. Возникали новые фирмы, конторы. Феодосийцы начали ощущать себя частью Европы. Тихую жизнь феодосийского общества взорвали хлынувшие в город иностранцы-инженеры, коммерсанты, впрочем, авантюристы и мошенники тоже».*²⁴²

Этнограф и путешественник Александр Афанасьев-Чужбинский в 1859-м году дважды побывал в Феодосии, изучая вопрос прокладки путей:

*«Собственно возле Феодосии ничего ещё не начато, как говорят, потому, будто неопределена линия и неизвестно, пойдёт ли она левее или правее. Если не ошибаюсь, всей работы произведено на шестьсот сажень, считая и небольшое пространство, высыпанного землей. Болтливый француз, под начальством которого работают человек семьдесят рабочих, рассказывал, что в нескольких местах начаты работы и дело пойдёт быстрее в следующем году. Не знаю, как это будет».*²⁴³

Финансовые трудности не позволили завершить начатое строительство, и в 1860 году работы по укладке железнодорожных путей были прекращены, чтобы возобновится лишь в 1899 году, когда из Севастополя в Феодосию, наконец, переведут коммерческий порт. И город Феодосия

досия, наконец-то приобретет тот статус, которого добивался со времен Крымской войны.

Во многом, это предприятие оказалось завершенным, благодаря финансовой помощи художника-морениста И.К. Айвазовского, пожертвовавшего крупную сумму своих денег на строительство железной дороги.

На службе Отечеству

Поражение в Крымской войне способствовало росту патриотических настроений среди дворянства. Высший Свет охотно посылает своих детей в офицерские училища. Самым престижным тогда в Крыму считается Одесское Юнкерское Училище. Его заканчивают два старших сына Александра Коронелли, впоследствии служа Отчизне верой и правдой.

Антон Виктор Александрович Коронелли (1847 г.р.) впоследствии становится подполковником Русской Армии,²⁴⁴ а Генрих Филипп Александрович Коронелли (1851 г.р.) – героем русско-турецкой войны 1877 года. Вот строки из «Краткой записки» о службе командующего ротой Поручика 13-го Стрелкового Его Высочества Князя Болгарского Батальона Филиппа Коронелли:

*«Составлена 19 марта 1880. Родился 25 ноября 1851 года. Из дворян Та-врической губернии. Вероисповедания Римо-Католического. Окончил курс по 2-му разряду в Одесском юнкерском училище. В службу вступил в 13-ый Стрелковый батальон 24 марта 1870. Переведен в Унтер-офицеры 12 мая 1871 года. (...) Назначен и утвержден членом батальонного суда 23 июня 1873 года. (...) Произведен на вакансии в Поручики 1 мая 1877 года. Вследствии полученной раны отчислен от должности Заведующего лазаретом 1 декабря 1877 года. За отличие в сражении с турками 19 июля 1877 при Деревне Джуранлы Высочайше награжден орденом св. Станислова 3 степ. с мечами и бантом октября 17/ сентября 25 1877 за отличие при обороне перевала на Шипке; с 11 по 12 августа 1877 всемилоостейшие награжден орденом св. Анны 3 степени с мечами и бантом 1 декабря 1877 года».*²⁴⁵

«13 апреля перешел границу России у деревни Бентамах и вступил в пределы княжества Румынии, находясь в составе отряда генерал-лейтенанта Скобелева 1-го. В походах был, в делах против неприятеля участвовал:

15 июня при переправе через реку Дунай в составе отряда свиты Его Величества генерал-майора Драгомирова; 2 июля при переходе через Балканы у деревни Ханькиной; 4 июля в сражении при деревне Уфлани; 5 июля при взятии гор. Казанлыка; 6 июля при деревне Шипке; 19 июля при деревне Джуранлы в составе отряда генерал-адъютанта генерала от кавалерии Гурко; с 11 по 12 августа при обороне Шипкинского перевала в отряде генерала от инфантерии

Радецкого. 12 августа 1877 года при обороне Шипкинскогo перевала был ранен ружейною пулею на вылет в левую руку».²⁴⁶

Во время боев на горе св. Николая в Болгарии, Генрих Филипп Александрович Коронелли получил ранение в левую руку. Из дела об увольнении в отпуск 15-ти раненных офицеров:

«Поручик Коронелли, 29 лет от роду, телосложения умеренного жалуется, что вследствие, полученной им 12 августа 1877 года раны ружейной пулею на вылет в плечевую кость левой руки в настоящее время, несмотря на принятое лечение, чувствует сильные боли в левой руке, несвободную подвижность в локтевом и плечевом сочленениях, невозможность сгибания и разгибания в локтевом суставе. Кроме того жалуется на беспокоящую его рану, оставшуюся еще после ранения на пораженной конечности.



**Генрих Филипп Коронелли
с супругой Анной**

*Из доставленного им свидетельства переязочного пункта от 12 августа 1877 года за № 148 видно, что он, Коронелли, 12 того же августа, на горе св. Николая, на Балканах, был ранен ружейною неприятельской пулею на вылет в переднюю верхнюю треть плеча левой верхней конечности с повреждением плечевой кости».*²⁴⁷

Генриху Филиппу прописали лечение на водах в Пятигорске. По прохождении лечения, он продолжил службу в Армии и дослужился до чина полковника в отставке. Обратимся к воспоминаниям Людмилы Воскобойниковой (внучки Генриха Филиппа Коронелли):

«Долгими зимними вечерами мама вместо сказок рассказывала нам, пятерым малышам, сказку о ее детстве и юности. Она говорила нам, что дедушка Генрих Филипп Коронелли был очень богатым и знатным. Архитектор-энтузиаст, он построил много домов и дворцов в Феодосии, в том числе и дом, где мы жили. В возрасте 37 лет дедушка женился на 18-летней красавице-немке Анне Михайловне. Девичью фамилию бабушки сейчас не припомню. Она родила троих детей: двух дочерей – Лидию и Ларису (мою маму) и сына Евгения. Однако вскоре бабушке наскучила семейная жизнь, и она убежала с молодым итальянцем, прихватив все семейные драгоценности Коронелли. Несмотря на богатство, дедушка особо детей не баловал. Определил в Москве дочек в институт благородных девиц, а сына (он погиб в первую миро-

вую 17-летним юношей) – в юнкерское училище. II Институту, где учились моя мама и тетюшка, покровительствовала сама императрица Мария Федоровна. Она часто приезжала к ним на праздники и балы, старалась устроить их быт и всегда следила, чтобы девочек никто не обижал. После окончания института мама вернулась в Феодосию. II всегда повторяла, что ее жизнь до революции была самой счастливой и беззаботной».²⁴⁸

Проанализируем текст Людмилы Ивановны: Генрих Филипп был женат дважды: первый брак с дочерью статского советника (V класс) Александра Тулубова,²⁴⁹ которая ждала его с Балканской войны 1877 года, но не родила детей. Мы точно не знаем, что с ней произошло, но в 1888 году Генрих Филипп женится второй раз на немке Анне Михайловне Лессер – дочери Михаила Карловича Лессера. Брак длился достаточно долго, так как в 1897 году у них рождается сын Евгений, который погибнет на фронте Первой Мировой Войны, в 1914-ом. Следовательно, сбежала Анна Михайловна Лессер не ранее 1898 года. Родной брат Анны Михайловны В. М. Лессер был художником. Он с рождения плохо видел, так как «ресницы росли внутрь века». Свой природный недостаток он с лихвой компенсировал своим талантом и уроками у Ивана Константиновича Айвазовского. В семейном архиве автора книги Джулии Коронелли сохранилась открытка нарисованная братом Анны Михайловны. Семейный талант передался его племяннице – дочери Генриха Филиппа Ларисе Филипповне Коронелли, которая окончила Институт благородных Девиц в Москве, и стала замечательным художником-портретистом.

Но, вернемся к сыновьям Александра Антоновича Коронелли. После Крымской Войны у него и Катерины Брачер родились еще двое сыновей. Они посвятили себя банковской деятельности. Служба эта требовала образования, пунктуальности, исполнительности и безупречной честности ничуть не меньше, чем военная, а то и больше первой. Третий сын Александра Антоновича Коронелли – Павел Коронелли (1863 г.р.) в 1890 году работает преподавателем Феодосийского городского училища: *«утверждены в чинах со старшинством: коллежского секретаря, учитель Феодосийского городского училища Коронелли»*,²⁵⁰ а в 1899-1901 годах Павел Александрович Коронелли служит в чине Коллежского асессора, помощником контролера в Оренбургском отделении Государственного Банка.²⁵¹

«16 августа 1899 года управляющий Оренбургским отделением Государственного банка поручил помощнику контролеру, коллежскому асессору П.А. Коронелли немедленно отправиться на хутор и провести осмотр предлагаемого к залогоу зерна, а также взять пробы и опечатать их двумя печатями».²⁵²

В 1910 служит в вместе с родным братом Александром Владимировом Александровичем Коронелли в Симбирском отделении Государствен-

ного Банка.²⁵³ Накануне революции, в 1916 году, Павел Александрович Коронелли работает в Феодосийском Общественном банке на должности товарища Директора.²⁵⁴ В 1938 году проживал на Северном Кавказе.²⁵⁵

Нам также известно, что четвертый сын Александра Антоновича Коронелли – Александр Владимир Коронелли был крестным у своего племянника Виктора Антона Викторовича Коронелли, родившегося в 1887 году.²⁵⁶ В 1914 он продолжал служить в Симбирском Отделении Государственного Банка.²⁵⁷

Его сын Владимир Александрович Коронелли, рожденный в Симбирске в 1912 году продолжил дело отца и дяди: он работал счетоводом (бухгалтером) в 1938 году в Государственном Банке в городе Симферополе.²⁵⁸ Умер в 1948 году.

Виноградники Коронелли. Феодосия в конце XIX столетия

На протяжении всего XIX века основным источником доходов семьи Коронелли было виноградарство, на землях Феодосии и ее окрестностях, подаренных Антонио Коронелли Екатериной Великой. Из-за этих земель шли постоянные судебные тяжбы:

*«После долгих ходатайств, ему (А. Я. Коронелли – прим. авторов) отвечено было приказом Потемкина от 15 июня 1792 г. 2 тыс. дес. Земли при дер. Сарыголь, в 5 вер. от Феодосии. Из-за этой земли город Феодосия вел столетний процесс с наследниками Коронелли, причем в 1809, особая комиссия по размежеванию утвердила за Коронелли 2 тыс. дес., а городу и казне отвела спорные 779 дес. Дело это тянулось до 1874 г. и, в конце концов, Коронелли получили эти земли в полную собственность».*²⁵⁹

До середины XX века поселок, возникший на их землях (нынешнее Береговое), носил название Коронелли или Коронель, Коронелевка. Помимо участка земли близ деревни Сарыголь, у семьи Коронелли была дача недалеко от Феодосии рядом с церковью Святого Ильи, дачами Мазировой и Герценберг.

На этой даче Коронелли также возделывали виноград, их участок был включен в «Альбом планов виноградников Южного Берега Крыма и Керченского градоначальства», ныне хранящийся в фонде научной библиотеки «Таврика» (г. Симферополь). О тех временах записки «Старая Феодосия» (1892-1900 годов). Далее из воспоминаний профессора Ивана Михайловича Саркизова Серазини:

«Не одна часть Феодосии так быстро не застраивалась и не развивалась, как рабочий поселок Сарыголь. Можно смело сказать, что и весь город удвоился в размерах и в количестве населения исключительно за счет Сарыголя. Он и сейчас растет, расширяя свои пределы до старого вокзала, ему предстоит

завидная участь и в будущем, так как остальным частям некуда больше расти. II Форштадт, и Карантинная слободка живут прошлым. Они в стороне от жизни порта и полотна железной дороги, от путей на север.

До постройки порта вдоль шоссе, идущего на Старый Крым, было немного домов. Одним из первых учел все значение этой местности немец-колонист Риль. Обладая капиталом, он построил склад земледельческих орудий. Следом за ним и другие стали строить новые лавки, магазины, дома. Возникли новые улочки.

Пустынная Сарыгольская возвышенность, на которой высится водонапорная башня, еще в 1898 году имела только одну улицу, затем начался неудержимый рост домов и дач. Будучи в 1913 году в Феодосии я не узнавал местности, на которой мы с таким успехом запускали когда-то по воздуху змей. В



том же 1895 году пустынно было все пространство между дачей Грамматикова и «Добрый приют» Рукавишников. Пустыри подходили под стены подворья Топловского монастыря. Сейчас здесь целый город. Время изменило Сарыголь. Возникли новые слободки, как Вострековская, Бобриковская. С такой же закономерностью изменилась и центральная часть. Все то, что тяготеет к порту и железной дороге, изменило свой облик. Незменными оставались улицы, грани-

Раритет библиотеки «Таврика»

чившие с Форштадтом, Карантинной и Караимской слободками.

Почти не изменилась Айвазовская улица, где родился художник, Гаевская, Армянская, Суворовская, Георгиевская, Военная, часть Итальянской улицы до угла Греческой. Значительные постройки возникли ближе к вокзалу (Азовский банк, гостиница «Астория» и др., на Дворянской улице, на Сарыголе. Это развитие было несколько заторможено империалистической войной и последовавшими за ней событиями. Жизнь Феодосии середины девяностых годов ничем не отличалась от жизни других приморских городов юга. Отличительной чертой города была его космополитичность. В этом отношении Феодосия сохранила свою особенность едва ли не со времен генуэзского владычества, когда Кафа открывала ворота грозной цитадели всем торгующим народам Востока и Запада. Конгломерат различных народностей, населявших город, объединяла

одна идея: торговать и богатеть. Только под этим углом и приходится рассматривать прошлое города в общем плане развития Тавриды. Не случайно многие наблюдатели, как, например, Филиппов, иронизируют в своих очерках над несообразным количеством торговцев над покупателями. Почти половина населения торговала, перепродавала, комиссионерствовала и всячески спекулировала. Жители Феодосии напоминали мне левантинцев Перы и Галаты в Константинополе.

В населении, состоящем из русских, украинцев, татар, армян, греков, евреев, караимов, цыган, немцев, итальянцев, болгар и турок наиболее крупные капиталы концентрировались в руках караимской, армянской и греческой буржуазии. Они владели торговлей, скупкой и перепродажей хлеба, табачными фабриками, крупнейшими домами и участками земли. Кому не известны в Крыму имена рыцарей наживы фабрикантов и заводчиков Стамболи, Мачгола, Бедризова, Алтунжи, капиталистов и банкиров, подобно фамилии Крыма, Хаджи, Грамматиковых, Неофитовых, Багдасаровых и пр.»

Авторам книги хочется поподробнее объяснить, что такое благотворительный фонд купцов Грамматиковых:

*«Род Грамматиковых играл роль первенствующей фамилии в Феодосии в течение всего XIX столетия, и только в последние годы фамилия эта начинает исчезать с общественного поприща в нашем городе. Родоначальником этой фамилии в России (в Феодосии) был Эммануил Эммануилович Грамматиков. (...) Предки его некогда прибыли в Салоники из Сербии, и в некоторых документах, сохранившихся в Феодосийском карантинном архиве, Эммануил Эммануилович именуется славянином. В Россию он прибыл в 1795 г., будучи вызван в числе прочих обитателей Греции для колонизации южного побережья».*²⁶⁰

Свое состояние чета Грамматиковых завещала городу. Причем таким образом, что имение Грамматковых не могло быть продано и им руководили наемные управляющие из числа дальних родственников Эммануила Эммануиловича и Смарагды Грамматиковых. Прибыль, получаемая от имения, тратилась на благотворительность. Подобная форма управления имением, способствовала различным злоупотреблениям, из-за которых деятельность благотворительного фонда находилась под постоянным наблюдением журналистов. Продолжает свой рассказ о Феодосии профессор И.М. Саркизов-Серазини так:

«(...) II вот в этом забытом городе Тавриды, в этом уголке, лишенном нарядной красоты южного побережья, возникла целая художественная школа с именами, известными всей России и даже всему миру. Выжженные, безлесные

холмы киммерийских гор, широкие голубые заливы, изрыженные веками башни генуэзских строений, овраги, размытые ливнями Тавриды, волшебные ночи с лунными восходами над крепостными бастионами смелых кондотьеров, построенных ими в ущельях кафинских холмов, перенесенные на полотно искусными руками феодосийских мастеров, начинают проникать в музеи России, Европы и даже Америки. Никому неизвестная долгие годы Феодосия привлекает к себе внимание художников России, коллекционеров Европы, историков искусства и крупнейших музеев. И еще одно интересное обстоятельство. Иностранцы-ученые, как Граперон, Бертран, Колли, отец известного художника Лагорио, связывают навсегда свою судьбу с тихим городом, посвящают ему свою жизнь, свое насыщенное любовью перо. Где причины появления перечисленных фактов? Их нет ни в западном, ни в южном Крыму, ни даже в соседней Керчи.

Пройдемся по городу и взглянем на его улочки, на его дома, на памятники былого великоления, на эти разрушившиеся стены и башни, принадлежавшие некогда могущественным обладателям колониальных земель по всему Черному морю. Тридцать-сорок лет назад Феодосия еще сохраняла свой облик итальянского городишки с побережья Средиземного моря.

Внешнее сходство усиливалось обилием итальянцев на городских улицах, которыми была усеяна портовая улица, также часто слышался итальянский говор, как турецкая речь или отрывистое бормотание английских матросов, приезжавших в Феодосию на своих паровых или парусных судах за таврическим хлебом.

Итальянские потомки Гарибальди благословляют встречу своего народного героя в Таганрогском кабаке с бежавшим из Италии мадзинистом, сумевшим своими речами зажечь огонь ненависти к поработителям у молодого моряка. Мне кажется, что этой беседе предшествовали горячие речи и в кабаках Портовой улицы, которые в свой проезд в Феодосию посещал Гарибальди.

(...) Улицы, города, тротуары Итальянской, наконец, дома мало чем отличались от таковых где-нибудь в Болонье. Анатолий Демидов, посетивший Феодосию в конце сороковых годов, подчеркивает это сходство в малейших деталях. Связь прежней итальянской колонии со своей прежней метрополией сохранялась до самых последних дней.

До отъезда из Феодосии я не мог не почувствовать отзвуков прошлого в фамилиях своих товарищей: Фракотти, Винцетти, Рубини, Сальгари — фамилии итальянцев по происхождению не то русских, не то украинцев, не знавших другого языка, кроме русского, другой религии, кроме православной. В этом городе не

только внешний облик всего городского пейзажа уносил мысли куда-нибудь в Англию, но и типы жителей иногда заставляли задумываться над их происхождением».

Мы не будем спорить относительно общей тенденции к ассимиляции Феодосийского населения в целом, однако отметим, что благородная фамилия испанских дворян Коронелли всячески сопротивлялась этой тенденции, как путем сохранения истории своего рода, так и прямым указанием на национальное происхождение. Так, например, Леонид Викторович Коронелли, о котором пойдет речь ниже, в советском паспорте значился как испанец. Также и его сестра Валентина Викторовна была записана в паспорт испанкой.²⁶¹

В.Д. Гейман и Коронелли

Прочитайте очень занимательную и значимую историю о внуке Александра Антоновича Коронелли – Викторе Антоне Викторовиче Коронелли, родившемся в 1887 году. В свои двадцать три года, вместе с родным братом – Леонидом Викторовичем Коронелли, родившемся в 1886 году, он помогает издавать газету, и в результате знакомится с талантливым журналистом, впоследствии выдающимся исследователем архивов Таврической Губернии – Вениамином Давидовичем Гейманом, ссылки на его труды о роде Коронелли приведены во всей нашей книге. Об этом знакомстве мы узнали из интереснейшей, на наш взгляд, переписки, развернувшейся на страницах газеты «Феодосийские ведомости». В 1911 году в Таврической губернии выходила либерально-буржуазная газета «Южные Ведомости», где работал молодой журналист Вениамин Гейман. Наряду с «Южными Ведомостями» в Феодосии с 1910 по 1912 год выпускалась внепартийно-прогрессивная, а с 1911 года – общественная, литературная и экономическая газета «Феодосийские новости».²⁶² Издателем и главным редактором был А. А. Шик. В 1911 году А. А. Шик получил благотворительную премию из Грамматиковского капитала (крупного благотворительного фонда – состоящего из состояния купцов Грамматиковых). По получении премии А. А. Шик отправился на учебу в Петербург, оставив издание газеты правнуку А. Я. Коронелли – Леониду Викторовичу Коронелли. 25 октября (ст. стиль) 1911 года в «Феодосийских новостях» выходит статья некоего Мойры «Лгуны»:

«Встречаются, и нередко такие господа, что способны выкинуть такого рода штучку, что только руками разведешь. Прочтите, к примеру, заметку известных сыскных дел мастера в «Южных Ведомостях», которую этот, с позволения сказать, господин думает бросить на нас тень. В своей заметке он ссылается на корреспонденцию базарной газеты типа «кто больше даст» под

наименованием «Южн. Мысль», корреспонденцию принадлежащую перу близкого родственника корреспондента «Ведомостей»; настолько близкого, что он с ним не расстается ни на момент, ни днем, ни ночью.

О чем же сообщает корреспондент? Шик у выдано пособие из Грамматиковского капитала на окончание образования и с этого времени в «Новостях» появляются дифирамбы управлению капиталом. Корреспондент «Ведомостей» это проверил и нашел правильным. Получил ли пособие Шик — нам неизвестно, потому что Шик на время своего отсутствия из города редактирование газеты передал другому лицу, что видно из подписи редактора в каждом номере газеты. За то нам достоверно известно, что дифирамбов управлению Грамматиковским капиталом у нас не появлялось ни единого. Что г. Корреспондент в луку сел — неважно, потому что он весь с головой окунулся в самую грязь уже давно и чувствует себя там как дома. Отмечаем мы заметку корреспондента лишь для того, чтобы подчеркнуть, как можно верить его замечкам. Вранье, грязное, низкое вранье — его стихия, и без него существовать ему нет возможности.

Вы думаете, он единственный в своем роде? Нет, нашелся у него товарищ по искусству. Товарищ этот корреспондент «Крымск. Вестника», поместивший заметку о том, что городского архитектора Кейль и ветеринарного врача Туркина в Управе застать нельзя, так как они преподают в гимназии Георгиевич. Врет г. Корреспондент, так как и г. Кейль и г. Туркин преподают в гимназии в свободное от занятий время. Занятия в Управе начинаются в 10 час утра, а г. Кейль и г. Туркин заканчивают занятия в гимназии в 9 с половиной часов утра, так как им принадлежат лишь первые уроки. А если в обычное время эти лица и не бывают в управе, то по каким-либо иным причинам. II хорош был бы архитектор, не выходящий из управской комнаты, или ветеринарный врач, принимающий своих больных в управских приемных. Таких бы служащих метлой со двора. А таким корреспондентам, как автор заметки, задрать бы рубашонку и всыпать горяченьких, чтобы и до новых веников помнили». ²⁶³

11 ноября (ст. стиль) 1910 года в Феодосийских новостях с разъярением выступил сам г-н А. А. Шик:

«Читатель поймет по справедливости и оценит мое молчание по поводу тех клеветнических выпадов против меня лично и моей газеты, которыми, благодаря стараниям и энергии сыскных дел мастера пестрят страницы «Южных Ведомостей» на пространстве уже многих номеров. Необходимость пребывания в Петербурге, ибо я связан с местным университетом государ-

ственными экзаменами с одной стороны, с другой — отсутствием под руками «Южных Ведомостей», ставят меня в исключительное положение, выгодное для моих недругов и невыгодное для меня, так как они лишают меня возможности быть в курсе «Феодосийских дел» вообще, а в частности принять живое участие в той полемике, которая ведется в настоящее время между моими товарищами по перу, сотрудниками «Феодосийских новостей» и «известным» сыскных дел мастером Феодосийским корреспондентом «Южных Ведомостей». Нужно, мне кажется, обладать слишком пылкой фантазией, чтобы на основании тех отрывочных фактов, которые запечатлены на страницах, получаемых мною «Феодосийских Новостей» воссоздать всю картину этой полемики со всеми её деталями, а они имеют в данном случае огромное значение, дабы понять те внутренние причины, которые порождают известные факты, постигнуть ее внутренний смысл, найти, так сказать, ее душу. Холодный, расчетливый разум прямо указывает, что человеку, поставленному в такие условия, в каких нахожусь я, приходится волей не волей стоять пока в стороне от этой борьбы, выжидая для себя более благоприятного момента, и тогда уже разам: «воздать каждому по делам его» таковы требования разума, но не возмущенного чувства, требующего от меня, не откладывая в долгий ящик, сказать несколько слов лишь о тех инсинуациях со стороны Феодосийского корреспондента «Южных ведомостей», касающихся меня лично и моей газеты, которые стали мне известны, ибо они, как цитаты приведены в ответах моих товарищей по перу, на все потуги «журналиста» облить меня помоями и мою газету и на которые в данную минуту я могу ответить. Что же касается всего остального, то об этом в свое время... colleg'i Мойры под названием «Агуны», видно, что Феодосийский корреспондент «Южных Ведомостей» ссылаясь на корреспонденцию газеты «Южн. Мысль», сообщает о том, что Редактор «Новостей» Шик получил субсидию из Грамматиковского капитала и после этого появляются дифирамбы управлению капиталом.

Кто читал мои статьи по поводу благотворительного имущества дворян Грамматиковых, тот вероятно прекрасно помнит, что дифирамбов управлению капиталом я никогда не пел, напротив, я всегда указывал в своих статьях, что Греческое общество в борьбе за свои права с попечителями по благотворительному имуществу Эммануила и Смарагды Грамматиковых, узурпировавшими права общества, действует недостаточно энергично, и что всю борьбу со всеми ея перипетиями приходится выносить на своих плечах одному человеку, а именно Фоме Константиновичу Алексееву. Характерно, что, когда Греческому обществу, после долгих и невероятных усилий почти удалось подчи-

нить себе попечителей и тем самым заставить их выполнить волю завещателей, корреспондент «Южных Ведомостей» приветствовал этот момент в жизни греческого общества и прямо таки ругал попечителей, упорствовавших в своем нежелании подчиниться ему, т.е. обществу, и тем самым приносявших вред делу благотворения.

В это время я работал в ныне покойном «Феодосийском Листке», и в нем я посвятил несколько теплых слов этому моменту в жизни Греческого общества, моменту, действительно имевшему громадное значение, так как отсюда дело благотворения, если так можно выразиться, начало бы течь правильным руслом. По мнению «читающего в сердцах» корреспондента «Южных Ведомостей» я должен был, очевидно, или ругать греческое общество или в крайнем случае молчать. Какой абсурд?! Какая глупость?! Единственный раз, это именно в «Феодосийском Листке», я посвятил, как я уже сказал, несколько теплых слов победе Греческого общества, но этот момент приветствовал, я еще раз повторяю и корреспондент «Южн. Ведомостей», правда в некоторых моих статьях я в теплых выражениях восторга и преклонения отзывался о деятельности Ф.К. Алексеева, о его непоколебимой энергии, о его талантах ума, сердца и воли, проявленных в борьбе за попранные права общества. Но это были слова моего сердца и не запачкать их корреспонденту «Южных Ведомостей» своими грязными руками, привыкшими рыться в грязном белье. Вот пока все что я могу сказать в опровержение гнусной клеветы, возводимой на меня и мою газету корреспондентом «Южных Ведомостей». Пишу эти строки, а предо мною, как и перед Вами, читатель, все тот же роковой вопрос: За что, за что же так сильно рассердился на меня корреспондент «Южных Ведомостей»?!. Мои товарищи по перу ведь только спросили у него, почему он ни слова не сообщил в корреспондируемые им газеты о крахе С. Аб. Крыма, в то время как о разной ерунде сообщает: кто кому на мозоль наступил, или, например, в свое время, чуть ли не каждый день телеграфировал в «Русское Слово» о том, какой приблизительно хвост у кометы Галлея, а между тем этот крах имеет большое значение не только для Феодосийцев, но и для всех тех, вне его находящихся, кто вместо рубля пятак будет иметь в кармане. И вот осведомленный во всем корреспондент, вместо ответа, начал обливать меня и мою газету помоями.

В детстве я читал «Жизнь животных» Брема. В одном месте своего знаменитого сочинения Брем пишет: «В Америке живет зверек, носит он довольно оригинальное название «вожничка» происхождение этого названия станет ясным до очевидности, если только обратить внимание на главное средство

еязачиты, именно испускать зловонье. Пробегая статьи, моих товарищей, в которых иногда попадаются цитаты из произведений Феодосийского корреспондента «Южных Ведомостей» от которых так и несет зловоньем у меня невольно так и напрашивается сравнение его с вонючкой.

Вонючка то вонючка, но все-таки читателю интересно знать, почему нам на наш вопрос не ответил наш «приятель» об этом я скажу в следующий раз.

Издатель «Ф.Н.» А. Шик.²⁶⁴

Рождественский выпуск «Феодосийских новостей» уже издавал брат Леонида Викторовича – Виктор Викторович Коронелли. Почему? Несложно догадаться из материалов номера:

«За некоторые бранные выражения, употребленные в статьях Мойфы и Шика, помещенных в номерах № 82 и 89 нашей газеты под заглавиями «Лгуны» и «Письмо с севера». Феодосийский корреспондент газеты «Южные Ведомости» г. Гейман привлек к ответственности редактора Л.В. Коронелли и А. А. Шика по 1040 ст. ул. о нак., т.е. за оскорбление в печати. Признавая выражения, употребленные авторами статей по адресу корреспондента газеты «Южные Ведомости», оскорбительными, редактор газеты «Феодосийские Новости» Л.В. Коронелли приносит г. Гейману свои извинения. Этим извинением конфликт между г.г. Гейманом и Коронелли исчерпывается».

Конфликт может и исчерпался, но прямо на этом же газетном развороте помещена статья неугомонного Мойры:

«Маленький фельетон. По поводу, в чем главная суть, в факте или в словах? Вопрос этот невольно напрашивается, когда дело касается преступлений и проступков в печати. Допустим, в газете сказано: «Игреков – вор, он занимается кражами, и на днях совершил кражу у Эстонского», или: «неизвестный – лгун, он занимается тем, что лжет направо и налево, и вот только на днях соврал там-то и там-то». К чему должен придраться Игреков и Неизвестный, за что обидеться и за что привлечь автора к ответственности? Казалось бы, если сообщенное не соответствует истинности, то привлечь нужно газету за клевету, дать авторам возможность доказывать, что они писали правду, и, если они этого не докажут, подвергнуть их должному наказанию.

Только таким путем восстанавливается честь и доброе имя Игрекова и Неизвестного. Если же эти оскорбленные и обиженные поступают иначе, видят оскорбление в отдельных словах и фразах, и привлекают газету к ответственности лишь за слова, они этим самым доказывают, что все, сообщенное о них, правда, обидно же им только то, что за воровство их называли вором, а за ложь – лгуном и т.д. В последнем случае на лицо знаменитая 1040 ст.,

*трактующая о диффамации и не дающая обвиняемому возможности доказывать, что все, сообщенное им, правда. Ко второму именно способу и прибег корреспондент газеты «Южные Ведомости» г. Гейман и потому только я лично признаю, что своим извинением г. Коронелли не уронил достоинство нашей газеты, г. Гейман обиделся на слово «лгу» и другие подобные выражения. Слово и выражения эти безусловно обидны; против фактов же изложенных в моей статье и в статье colleg'ы Шика, г. Гейман не возражает, ergo — все изложенное — правда. Мойфра».*²⁶⁵

В 1916 году В.Д. Гейман избирается в Таврическую Ученую Архивную комиссию: он и есть, тот самый скандальный корреспондент газеты «Южные Ведомости»:

*«Председатель Комиссии и член ея А.Я. Гидалевич предложили в члены Комиссии главного врача Феодосийского карантина Кесаря Александровича Белиловского, помощника присяжного поверенного Вениамина Давидовича Геймана и преподавателя Симферопольской гимназии М.А. Волошенка, Алексея Ивановича Царика. Постановлено: избрать этих лиц в члены Комиссии в настоящем заседании».*²⁶⁶

И уже в 1917 году В.Д. Гейман читает в заседании Таврической Ученой Архивной Комиссии доклад «Потомки испанского инквизитора Коронелло в Феодосии».²⁶⁷

Работа стала фундаментальной в области изучения российской ветви рода Коронелли. После Вениамина Геймана публикуется в 1918 году: в журнале «Феодосия в прошлом», в который вошел этот и его другие исторические труды такие как «Грамматиковский капитал и Духовное завещание П.А. Ладинского».²⁶⁸

Виктор Викторович Коронелли

Его крестными родителями были: выше упомянутый Александр Владимир Александрович Коронелли и Варвара Ревелиотти,²⁶⁹ происходящая из очень известного в Таврической губернии дворянского рода. Генерал Феодосий Дмитриевич Ревелиотти, который:

«(...) Будучи командиром Балаклавского батальона в 1809-1831 гг., постепенно скупил большое количество земель в районе Мухалатки, Кукук-Коя, Кекенеиза, Симеиза, Алупки, Ореанды. Только в одной Ливадии ему принадлежало свыше 200 десятин земли, на которых он начал разводить виноградники». Французский путешественник и исследователь XIX в. К. Монтандон, посетивший Крым и издавший в 1834 году «Путеводитель путешественника по Крыму» писал:

«(...) У подножия горы справа от дороги замечают несколько недавно посаженных виноградников, принадлежащих г-ну Качиони. Поднявшись на расстояние приблизительно двух верст, подъезжают к дачному дому, окруженному маленьким цветником (...). Это имение г-на генерала Ревелиотти; оно состоит из 209 десятин земли и виноградников, которые, занимая его часть, имеют уже 44 тысячи кустов; посадки маслин насчитывают 400 деревьев. Если г-н Ревелиотти осуществит свои намерения, в несколько лет это имение, откуда открываются великолепные пейзажи, превратится в одно из самых красивых и самых доходных мест на берегу».²⁷⁰

В 1875-1880 годах, его родственник Аристид Федорович Ревелиотти был предводителем дворянства Таврической губернии.



**Виктор Антон
Викторович Коронелли с
супругой Александрой**

В отличие от отца и дяди Генриха Филиппа, Виктор Викторович Коронелли в армии не служил, в Первой Мировой и Гражданской участие не принимал. До 1923 года жил тем, что содержал гектар виноградников, которые арендовал у своего брата. Однако, когда Феодосийскому порту, во время революционного хаоса стало угрожать разорение от бандитов и мародеров, он сформировал и возглавил портовую полицию. Этот шаг вполне достоин подвига его прадеда, сформировавшего Болгарское Земское Войско. Благодаря службе портовой полиции, Фео-

досийский порт был сохранен. В город поступали товары, людям было, где работать. Вскоре Виктор Викторович стал главным экономистом Феодосийского Порта.

Виктор Викторович Коронелли, испанец, дворянин, был женат на Александре Георгиевне, гречанке по происхождению, и к 1938 году у них уже было двое взрослых детей: дочь – Валерия Викторовна Коронелли, у которой в 1937 году родился сын Евгений Викторович Коронелли и сын Ростислав Викторович Коронелли, который впоследствии был женат на Анне Кузьминичне Савостьяновой и воспитал сына – Виктора Ростиславовича. Ростислав Викторович, начав свою трудовую биографию с комсорга, вырос до начальника Отдела реализации Леспромхоза города Кирова.

Вот такая большая семья из дворянского рода крещеных испанских евреев из Сеговии, той самой фамилии, что пятьсот веков назад начала свой род от раввина Кастилии Авраама Сениора – Фернандо Переса Коронел, а после обосновалась на острове Наксос, мирно проживала в те смутные и кровавые «сталинские» годы в городе Феодосия, в большом доме, стоявшем на углу Итальянской и Суворовской улиц.

Этот дом известен в истории Феодосии благодаря тому, что в нем располагалась фотоателье Ф. Гольдштейна. Старинные фотографии до сих пор хранятся во многих семейных альбомах феодосийцев. В этом доме Марина Цветаева фотографировалась с дочкой Алей, о чем пишет в своих «Записных книжках»:

«В 8 ч. пришла Ася. Пили чай. В 8 1/2 спустились с горы... Оказалось, что ровно 8 1/2. Пошли по Итальянской – почти пустой – в сторону дачи Айвазовских, но не дойдя и до площади, повернули обратно. На углу Суворовской ул. (где фотография Гольдштейн) нам повстречался полицеймейстер, маленький, корректный, сияющий (...).»

31 марта 1938 года, Виктора Викторовича Коронелли арестовывают по фальсифицированному обвинению в шпионаже.²⁷¹

«Определение № Н-0340. Военный Трибунал Одесского Военного Округа в составе: председательствующего полковника юстиции Горбачева Н., членов: полковника юстиции Шевченко, подполковника юстиции Горбачева В., рассмотрел в заседании 18 июня 1957 года протест военного прокурора, Одесского военного округа на постановление тройки НКВД Крымской АССР от 27 октября 1938 года, на основании которого расстрелян Коронелли (по материалам дела Коронелли) Виктор Викторович, 1887 года рождения, уроженец г. Феодосии. Заслушав доклад подполковника юстиции Горбачева и заключение заместителя военного прокурора Одесского военного округа полковника юстиции Корнейчука, поддержавшего протест, – Установил: Коронелли обвинялся в том, что он с 1923

года является агентом японской разведки и по заданию резидента Манцеводо, завербовавшего его, занимался шпионской деятельностью. В протесте ставится вопрос об отмене указанного выше постановления в отношении Коронелли и прекращении о нем дела за отсутствием состава преступления. Свой протест прокурор мотивирует тем, что обвинение Коронелли было основано исключительно на его признательных показаниях, которые опровергаются



**Угол Суворовской и Итальянской. Ныне Циолковского и Горького 26 Скорее всего, именно здесь, стоял дом Коронелли.
Фотография Vladimir Shliahov
<http://grammatikov.blogspot.com/>**

материалами проведенной по данному делу дополнительной проверки. Как видно из дела, Коронелли на протяжении трех месяцев с момента ареста никаких показаний о своей причастности к иностранной разведке не давал и ни в чем себя виновным не признавал. Затем, на допросе 29 июня 1938 года от Коронелли были получены признательные показания о том, что он в 1923 году в гор. Феодосия был завербован начальником Феодосийского порта Манцеводо в качестве агента японской разведки и по его заданию собирал сведения шпионского характера, которые и передавал ему. Однако, как показала проверка, осужденный по другому делу Манцеводо Леонид Фамич, который якобы

завербовал Коронели и сам являлся резидентом японской разведки, был арестован в 1937 году как участник право-троцкистской организации.

О принадлежности к японской разведке и о вербовке в качестве ее агента Коронели Манцеводо ничего не показывал и это ему не вменялось. Архивы МВД никакими данными о принадлежности Коронели и Манцеводо к какой-либо иностранной разведке не располагают.

Органы КГБ по Крымской области никакими компрометирующими материалами в отношении Коронели так же не располагают. Специальной комиссией НКВД Крымской АССР, производившей в июне 1939 года проверку ряда дел в связи с привлечением к уголовной ответственности некоторых работников XI отдела УГБ НКВД Крымской АССР, установлено, что дело в отношении Коронели было сфальсифицировано. Рассмотрев материалы дела и дополнительной проверки, и учитывая, что никаких объективных доказательств антисоветской деятельности в деле нет, а имеются лишь одни сфальсифицированные признательные показания, военный трибунал Одесского военного округа, руководствуясь Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1955 года, определил: Протест военного прокурора Одесского военного округа удовлетворить.

Постановление тройки НКВД Крымской АССР от 27 октября 1938 года в отношении Коронели (Коронелли) Виктора Викторовича отменить и дело о нем прекратить за отсутствием состава преступления по п. «д» ст.4 УПК УССР».²⁷²

Особенно поражает этот абзац:

«Специальной комиссией НКВД Крымской АССР, производившей в июне 1939 года проверку ряда дел в связи с привлечением к уголовной ответственности некоторых работников XI отдела УГБ НКВД Крымской АССР, установлено, что дело в отношении Коронели было сфальсифицировано».

Выходит, что не прошло и года, как убийцы испанского дворянина жившего с семьей в Феодосии и честно служившего в порту были наказаны, но почти двадцать лет, Виктор Викторович Коронелли числился шпионом, исключительно в силу того, чтобы «не марать честь мундира» правоохранительных органов СССР. Причем, явно прослеживается аналогия с обвинением турками прапрадеда Виктора Викторовича Коронелли – Джакопо Коронелло в шпионстве на россиян. Только у турок к этому хоть основания были, все же Джакопо Коронелло Флоту Русскому помогал, детей служить в Россию направил. Да и выкупил своего отца у турок прадед Виктора Викторовича Коронелли – Антонио Яковлевич Коронелли. Вот и говори после этого о вреде взяток.

Валерия Викторовна Коронелли

В тот злосчастный 1939 год, в жизни Коронелли приключилась еще одна аналогия с историей их рода. В пятой главе «Консулы Франции», рассказано о том, как в конце XVII века, люди Константиноса Коккоса убили Корсино Коронелло, а рыцарь Раймонд де Моден совершил подвиг ради дочери французского консула и женился на ней.



Родейро-перейра Хесус Мануэль, флот. Испания

Через много веков этот поворот судьбы повторился: дочь Виктора Викторовича Коронелли встретила своего рыцаря. Как и положено, он приплыл из-за моря. Это был молодой офицер Флота Республиканской Армии Испании – Родейро-Перейра Хесус Мануэль, с которым Валерия Коронелли отправилась в путешествие «длиною в жизнь».

А вот и автобиография Родейро-Перейра Мануэля, которая составлена им самим в 1983 году:

«Автобиография. Я, Родейро-Перейра Мануэль родился в 1911 году в Эль Ферроле Неда (Испания). В 1917 г. пошел в школу, где учился до 1925 г. В 1925 по 1927 г. работал учеником каменщика. В 1927 по 1930 учился в военной морской академии на парусных судах «Наутилус» и

«Галатея». С 1930 г. по окончании военно-морского училища всё время был военным моряком в Испанском военном Морском Флоте в Испании и служил в Главном Штабе Эскадры. С 1936 по 1937 г. участвовал в боях в республиканском Военно-Морском флоте в Испании. В 1937 г. по спецзаданию добровольно был командирован в СССР на испанском военно-транспортном теплоходе «Августин» в г. Одессу. В 1939 г. по собственному желанию остался в СССР и пошел работать на завод им. Марэти в г. Одесса, в качестве ученика токаря.

С 1939 по 1941 года работал учеником токаря на Автооборочном заводе и заводе «Сельмаш» в г. Ростове-На-Дону. В 1941 году вместе с испанским коллективом эвакуировался в Орджоникидзевскую Область, где работал токарем на Садонском колбинеате. В 1942 году вместе с предприятием эвакуировался в Алматинскую Область Талдыкурганский р-н и так как был болен – не рабо-

тал. С февраля 1943 по июнь 1943 служил в Отряде Особого Назначения при Обороне Кавказа. С ноября 1944 года член коммунистической партии Испании. По приезде в Москву, из отряда был передан в войска НКВД, а затем НКГБ, где прослужил до апреля 1945 года. В апреле 1945 года был послан учиться в Ленинградское Красного Знамени, Ордена Ленина Военно-Инженерное училище им. Жданова А.А., которое окончил в марте 1946 года, получив звание мл.лейтенанта. В апреле 1946 года демобилизовался и по 1948 работал в Союзвзрывпром при Цементном заводе «Спартак» в Рязанской области, Михайловский район. В 1966 году в сентябре пошел на пенсию. Являюсь персональным пенсионером Союзного значения. В марте 1967 года работал директором клуба «Спартак». В декабре 1968 уволился в связи с переменой места жительства. С января 1970 работал в качестве техника-смотрителя в Москве. В октябре 1978 уволился по собственному желанию. С мая 1957 г. являюсь членом Коммунистической Партии СССР.

В 1952 году получил Советское гражданство.

Имею медали:

1-«За оборону Кавказа» – июль 1945 г.

2-«За победу над Германией» – ноябрь 1945 г.

3-«20 лет Победы в Великой Отечественной Войне» – июнь 1966 г.

4-«50 лет вооруженных сил СССР» – февраль 1979 г.

5-«За доблестный труд в ознаменовании 100 лет со д/р В.И. Ленина» – апрель 1970 г.

6-«60 лет Вооруженных Сил СССР» – февраль 1979 г.

7-Ветеран труда – май 1979 г.

8-Удостоверение участника войны – декабрь 1980 г.

Имею два значка отличника соц. Соревнования.

Имею удостоверение ударника коммунистического труда.

Отец каменщик, мать домохозяйка.

Составлено в мае 1983 г.».

За этими простыми строчками стоит большая, долгая, трудная жизнь.

Джулия Коронелли

КАЛЕЙДОСКОП

Повесть-воспоминания



Моему сыну Артёму



Джулия Евгеньевна Коронелли из рода испанских дворян Коронелли является прямым потомком главного раввина Кастилии Дона Авраама Сениора – губернатора Сеговии Хуана Переса Коронел – управляющего острова Наксос Франциско Коронелло – консула Франции Корсино Коронелло – Джакомо Коронелло – Джакомо Коронелло сеньора де Коракиа – Марчетто Коронелло – Джакомо Коронелло – Антонио Коронелло – Александра Коронелли – Виктора Коронелли – Виктора Коронелли – Валерии Коронелли (в замужестве Родейро-Перейра) – Евгения Коронелли. Написала автобиографическую повесть «КАЛЕЙДОСКОП», о жизни семьи Коронелли в XX век. Эта повесть была частично опубликована в газетах: «Еврейское слово»²⁷³ и «Информпространство».²⁷⁴

Мы полностью публикуем её далее.

ЧАСЫ УЖЕ ПРОБИЛИ ДВЕНАДЦАТЬ, И ОПУСТОШЁННЫЕ БОКАЛЫ ВНОВЬ НАПОЛНИЛИСЬ ШАМ-ПАНСКИМ. ВСЕМИ ЗАБЫТЫЙ КОТ КУЗЯ ПРЫГНУЛ НА ЁЛКУ. ХЛОПОК – РАЗБИЛАСЬ РАЗНОЦВЕТНАЯ ИГРУШКА. Я ВЗЯЛА ВЕНИК И СТАЛА СОБИРАТЬ ОСКОЛКИ. СТРАННО. ПОЧТИ КАЛЕЙДОСКОП ИЗ ДАЛЁКОГО ДЕТСТВА. ВОТ БЕЛЫЙ, ПРОЗРАЧНЫЙ ОСКОЛОК, СЛОВНО ОТ МОЛОЧНОЙ БУТЫЛКИ

Ранним летним утром 1964 года я проснулась и увидела огромного серого кота, серьёзно смотревшего на меня своими круглыми жёлтыми глазами.

– Ты кто? – спросил он озабоченно. Хмуро и укоризненно пробормотал себе под нос: «Ух, толстая какая, значит, ест много».

Я ничего не могла ответить от ужаса и заорала. Кот обиделся и, грациозно спрыгнув с моей подушки, поспешил скрыться в прихожей, поскольку на мой крик сбежалась куча народу: мама взволнованно охала, ещё совсем слабая после тяжёлых родов, в смешной голубой ночной сорочке; папа разглядывал меня, учащённо дыша, быстро-быстро хлопая своими длиннющими чёрными ресницами удивлённых карих глаз, даже баба Груша в ситцевом платочке и с палочкой, без помощи домочадцев, дошла из дальней комнаты, чтобы посмотреть на розовое чудо, улыбнулась мне и, подымая вверх, скрюченный от тяжелой работы длинный указательный палец, мудро изрекла: «Валюша, мокрая, небось, девка-то».

МОЙ ВЗГЛЯД УПАЛ НА МАЛЕНЬКОЕ ИСКРЯЩЕЕСЯ СОЗВЕЗДИЕ ОСКОЛКОВ-ЗВЕЗДОЧЕК

В престижном московском районе Сокол, в громадной 3-х комнатной квартире, бывшей «коммуналке», которую получил мой дед Яков Аронович Глусский от авиационного завода, где работал большим начальником, проживала обыкновенная семья простых советских людей. Здесь ютилось всё его многочисленное семейство: мать Роза и её муж Арон, жена Антонина и её родители – моя прабабушка Груша и прадед Иван, единственная дочь – моя мама Валя со своим молодым мужем и мной, грудной и вечно орущей. Хорошо если вы не в силах представить, что творилось в те дни на кухне с утра. Она напоминала огромный тонущий фрегат. По палубе бегали матросы, пытающиеся то откачать воду из трюма, то спустить шлюпки, а также перепуганные пассажиры 1 класса, боящиеся на эти шлюпки не попасть.

Первой за штурвал вставала баба Тоня, сухонькая, немолодая, но очень энергичная женщина, с пышной кудрявой седой шевелюрой, стриженной под «боб» и всегда весёлым лицом. Ловко увёртываясь от свисающих с верёвок мокрых пелёнок-парусов и тряпок-флагов, она кормила на завтрак супом двух капитанов: старшего – проектирующего для «Страны Советов» ракеты и самолёты, и младшего – строящего всевозможные здания для «Дорогой моей столицы – золотой моей

Москвы». О том, как ужиться двум начальникам в одном доме – это отдельный рассказ-триллер.

Когда «склянки» били 8 утра, чуть не «отдав концы» и выпроводив на службу командующих без рупора, вечно спорящих и не уступающих ни в чём друг другу горлопанов, она шла поднимать на вахту никогда не высыпающуюся маму и, накладывая ей еду в огромную тарелку, твердила:

– Врач сказал, чтобы у тебя пришло молоко, необходимо не нервничать и пить коровье. Пей!

– Мама, отстань, ну какое ещё молоко?! Ну как можно тут ненервничать, если Юлька не ест, – причитала моя мама, поднося к капризным искусанным губам тонкую, бледную, трясущуюся от переутомления руку с фарфоровой чашечкой из старинного сервиза.

Скажу по секрету, не голодала я вовсе, наоборот, не могла уже видеть эту бутылочку с противной белой смесью, которую мне приносила восьмидесятилетняя баба Груша, самостоятельно ковыляя с палочкой каждое утро до пункта детского питания в соседний подъезд. Возможно, я и ценила столь трепетную заботу обо мне, но есть отказывалась наотрез: «Взрослые, разве вы можете понять нежную душу ребёнка-а-а-а-а?!».

***СВЕТАЩИЙСЯ НЕЖНЫМ СВЕТОМ ВОСТОКА, ПРЕ-
КРАСНЫЙ ГРАНАТ. СМЕСЬ ЦВЕТОВ – РОЗОВОГО И
ЧЁРНОГО***



***Роза (Рейзя) Вольфовна
Палирблех***

Вот кого я совсем не помню, так это мою прабабушку Розу (Рейзю) Вольфовну Палирблех, которая вязала мне белоснежные чепчики и вышивала распашонки. Мама часто рассказывала о ней, когда я подросла: красивая еврейская барышня, знала пять языков, окончила с похвальной грамотой частную повивально-фельдшерскую школу доктора медицины П.Т. Нейштубе.

До революции она работала практикующим фельдшером. Я постоянно слышала, как мама всю жизнь сокрушалась и отчаянно корила злую насмешку судьбы: «Надо же, твоя прабабушка приняла так много родов, а мы с тобой «по блату» влипли: я чуть не умерла, а ты будешь всю жизнь, теперь, мучиться и страдать из-за дуры-практикантки, которая испугалась, что ты перевернулась во время родов ягодичками вперед. Пока эта идиотка бегала за глав.врачом, ты задохнулась на целых десять минут! Мне обещали «кесарево», но почему-то передумали, а я тужиться не могла, у меня сердце слабое. В самый престижный роддом Москвы имени Клары Цеткин, на Таганке, меня заранее отправил твой отец – Евгений Викторович Коронелли. Хватило же у него ума выбрать роддом с таким названием! Все беды от этих революционеров».



Грамота прабабушки Рейзи об окончании частной Повивально-Фельдшерской школы П.Т. Нейштубе. (с отличием)

Из-за неизлечимой болезни врач посоветовал маме вывезти меня как можно быстрее в деревню, где «мозг ребёнка постоянно снабжается кислородом». «Родового имения» на тот момент у родителей не было. И дождавшись, когда мне исполнится год, «семейный совет» постановил: «отправить дитё на выселки» к родителям папы Жени в пыльный, рабочий посёлок «Спартак» под Рязанью. Подальше от московской суеты и пререканий руководителей двух «соперничающих держав». Больше всего расстроился от этого указа серый кот.



Табличку для звонка делал мой папа Маноль, для того, чтобы двери не перепутали. Фотография А. Зыбина пос. Спартак

– Ну вот, а как же моё детское питание? – жалобно промяукал он мне на ушко и обиделся, как в первый день нашего знакомства.
– Бись, Куся! – ответила я, сильно потянув его за хвост.
– Ой, больно, дура-Юлька-д-уррра! – пропищал он и поцеловал меня мокрым кожаным носом в пухлую щёку.

ЗЕЛЕНЬЙ ИЗУМРУД, КАК ДАВНО Я ЕГО НЕ ВИДЕЛА. ОН СЛОВНО ЗАТЕРЯЛСЯ В КОМНАТНОЙ ПЫЛИ, ПОТУСКНЕЛ. НО СЛУЧАЙНО СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧИК УПАЛ НА НЕГО И ОН ЗАСВЕРКАЛ

Моей второй маме (на самом деле она – мне бабушка) Валерии Викторовне Коронелли было на тот момент всего сорок три года. Но мне очень повезло! Молодая бабушка приняла меня – пухлое годовалое со-

здание. И стала я для неё любимой доченькой. Её родная дочь Анхела умерла в трёхлетнем возрасте в войну в какой-то захолустной, казахской деревеньке, в степи под Алма-Атой, куда мама попала с двумя маленькими детьми.



Валерия Викторовна Коронелли, Анхела, Родейро-Перейра Хесус Мануэль

Испанских коммунистов с семьями эвакуировали из Ростова-на-Дону, спасая от немцев. Мама провела в эшелонах два долгих года с остановками в разных неизвестных местах. Мой дед-отец, её муж, испанец, Родейро-Перейра Мануэль ухитрялся и воевать, и сопровождать семью. Когда Анхела погибла, он чуть не попал под трибунал: выхватил из кобуры именной пистолет, чудом не пристрелил коменданта, ответственного за поселение. Этот татарин с самого начала знал, что здесь останавливаться нельзя – все дети до трёх лет вымерли от кори. Моему папе Жене исполнилось пять, и он выжил, а могилу дочери никогда уже не найти.

Потеряв ребёнка, мама утратила всякий интерес к жизни. Она ужасно страдала. От самоубийства её спасла любовь. Ведь у неё остались: маленький сын и нежный, преданный муж.

С Мануэлем мама познакомилась в феодосийском Клубе Офицеров на танцах. Да-да, именно на танцы посылали старшеклассниц от школы по комсомольской линии развлекать иностранных военных граждан, скрывавшихся от фашистского режима Франко. В свои слишком юные

годы мама уже была замужем за Виктором Иогелем, который старше на восемь лет. Расписали их по блату, ведь отец мамы – начальник. Моего папу Женю она родила в четырнадцать лет.

И это дочь всеми уважаемого Виктора Викторовича Коронелли? Главного экономиста феодосийского порта?!

Её мама, моя прапрабабушка, Александра Георгиевна снова лежит с сердечным приступом, отец запирает дочь на ключ, а старший брат Ростислав вопит: «Убью дуру такую!». Но всё напрасно. Она влюбилась, но теперь в испанца.

И скоро у неё будет от него ребёнок – доплясалась! Ничего, первый муж Виктор – здоровенный детина! Он одним махом прибьет этого «воробья заморского» – зло шушукается народ в городе. Испанец уплывёт, а она останется с двумя детьми. Останется одна, останется одна, останется...

К удивлению феодосийцев, Мануэль побил Иогеля и никуда не уехал. Он женился на Лерочке, и они прожили в любви и согласии до самой смерти. Эту историю мне рассказала мама Лера, когда умер дед. Он воспитал папу Женю и меня, как своих родных детей.

***А ВОТ И ТЁПЛЫЙ СВЕТ ЯНТАРЯ, ПРИВЕЗЁННЫЙ,
КОГДА-ТО ДАВНЫМ-ДАВНО ИЗ ПРИБАЛТИКИ, НЕИЗВЕСТНО
КЕМ И НЕИЗВЕСТНО КОМУ...***

Хорошо мне живётся на моей «маленькой Родине» в посёлке, при цементном заводе «Спартак», где если ветер дует с завода, то вся листва во дворе становится белой, будто выпал первый снег! В двухэтажке двери квартир никто не запирает, все ходят друг к другу в гости когда вздумается. По вечерам в доме становится шумно и весело.

Лучшая мамина подруга – Нина Харитонова. Она мне кажется маминной сестрой – настолько они близки. С большими, как переспелые оливы, глазами, с черными кудрявыми волосами и хриплым низким голосом, она напоминает Шахерезаду из «1000 и 1 ночи». Сказочные «рецепты молодости» Нина и мама испытывают на себе каждый день, потому что Нина вечно болеет надуманными болезнями, которых нет ни в одном медицинском справочнике, а мама ей «ассистирует». За компанию.

Нинин муж, дядя Павел, работает на заводе вместе с папой Манолем (именно так в посёлке называют деда). В шестилетнем возрасте я с родителями переехала в Москву. Но каждое лето мы ездили в посёлок «Спартак» и останавливались у тёти Нины. Привозили ей и всем друзьям гостинцы – московские продукты и хлеб. Да-да, московский хлеб для них был намного вкуснее, чем спартаковский: серый, вязкий, как глина и с «устюками». Каждый год, еле дождавшись каникул и, наконец, очутившись у Нины, я с трепетом шла в дом, загадывая желание: «если на полу террасы сохнут самые сладкие в мире яблоки, значит на этот раз соседский Юрка, наконец-то влюбится в меня». Не торопясь, я про-

ходила в большую, светлую комнату, где на трюмо в ряд стоят матрешки, от самой пухлой и здоровенной, до самой маленькой с полминци. «Всё как обычно!» – отмечала я, с удовольствием плюхаясь на уже застеленную для меня кровать, над которой висит гобеленовый коврик, с изображением толстых курчавых детей и узкомордых собак.

А пока мы живём в посёлке. Ходим с родителями в гости к Нине почти каждый день, на другой конец «Спартака», через лесопарк, за которым течёт широченная речка Проня. В такую даль меня водят специально, чтобы мои ножки окрепли. Обратного папа везёт на черном, блестящем мотоцикле, усадив спереди на бензобак. И я ужасно воображаю перед соседями.

Мамина подруга Кава (Клара Васильевна) Федорова – учительница английского языка в школе: полная, смешливая, любящая над всеми подтрунивать, особенно над своей мамой Катей.

– Юлька, скажи: «Катка-дура!»

Я как попугай повторяю:

– Катка-дула!

И все смеются.

Однажды Клара снова просит меня сказать любимую издёвку. Я задумываюсь и вдруг произношу:

– Катюшечка!

Баба Катя улыбается:

– Какая умная девочка, не то, что вы взрослые дураки!

Другая мамина подруга Кува (Шура) Горшкова – художавая, вечно работающая в огороде, где стоит выкрашенная в жёлтый цвет будка, в которой живёт пёс Шарик: чёрный, огромный, смесь дворняги с водолазом. Он на всех рычит и зло лает, показывая здоровенные, крепкие клыки. А со мной дружит и позволяет кататься на себе верхом. Зимой я запрягаю его в санки, и Шарик, радостно виляя хвостом, возит меня по заснеженным дорогам посёлка. У Шуры есть муж дядя Коля и сын Витька – мой «жених», к тому времени уже взрослый парень, заканчивающий школу. Приходя на обед, он дразнит, пугая меня каждый день до слёз стуком в дверь, мерзким голосом произнося неизменное: «Я – Фантомас!».

Мне года четыре. Однажды осенью я возвращаюсь от своей подруги Ленки из дома напротив. Дороги раскисли от непрекращающегося уже несколько дней холодного морозящего дождя. Я неосмотрительно наступила на смешно чавкающий под резиновыми сапожками край лужи и неожиданно, словно на лыжах съехала на её мутное дно. Всё. Ноги накрепко увязли в грязи. Без посторонней помощи мне никак не выбраться. Я стою одна посреди дороги и реву-у-у! И тут, к моему счастью, вдалеке замечаю тёмно-зелёный дождевик дяди Коли. Шутник и любитель выпить – он всё время обзывает меня ужасно непонятным словом «хунвэйбиночка» моя. Только бы он меня заметил! Я кричу во всё горло: «Дядя Хунбинбин, вытащи меня!». Услышал... Оглянулся... По-

дошёл и выдернул как гриб из сапог, взяв подмышку, отнёс домой, хоча на весь посёлок. Так и прозвали его после этого случая «Красноносый Хунвэйбин».

***А ВОТ И БЛЁСКИ, ЕЩЁ МИНУТУ НАЗАД СИЯВШИЕ НА
ПЁСТРОЙ ПОВЕРХНОСТИ, ЁЛОЧНОЙ ИГРУШКИ***

Помню себя года в два, когда по уши влюбляюсь в мужа Нининой дочери Лёльки и съедаю целую тарелку нелюбимой противной манной каши, чтобы он меня похвалил.

Мне года три. Мы с папой ходим по вечерам к школе «смотреть на Луну», и во время этих прогулок он вслух придумывает сказки: про дворец Султана Паши, про верблюда, который прошёл в игольное ушко, про огромный арбуз – в нём живёт школьный сторож дядя Коля.

СЕРДОЛИК – КРАСНЫЙ КАМУШЕК

Никто и не догадывается, почему я до сих пор плачу каждый раз, когда смотрю «мультик» про Винни Пуха и Пятачка.

Мне уже лет пять. У меня огромный красный бант на макушке в каштановых, кудрявых волосах, новое, сшитое мамой, розовое платье в рюшечках. Тёплый весенний день. Блестят на солнце раскрытые вымытые окошки. Первое мая – всенародный праздник и мамин День Рождения!

Нарядная и важная я выхожу во двор, где меня ждет подруга Ирка Леонова.

– Юлька, к нам за дом старьёвщик приехал. Меняет ненужные вещи на пластмассовых кукол-пупсов и шарики.

– Пойдём посмотрим.

Старик-татарин в синей грязной телогрейке, жмурясь, греется на солнышке, свесив ноги в поношенных башмаках с телеги, запряжённой старой худой кобылой, жующей молодую травку. «Меняю вещи! Подходите! Меняю старые вещи!».

– Ирка, у тебя есть старые вещи? – слабеющим голосом спрашиваю я, с тайной надеждой взирая на горку не надутых ещё разноцветных шариков.

– Не-а, зато в огороде у дяди Миши валяются ненужные резиновые сапоги.

– Ты уверена, что он их не носит?

– Точно уверена. Были бы нужные – дома бы лежали.

Надо проверить. Мы идём в соседний подъезд.

– Дядя Миша куда-то пропал, – огорченно вздыхаю я после длительного долбления ногой в закрытую дверь.

– Надо спешить, старьёвщик уедет! – зудит Ирка.

Незамеченными продираясь сквозь колючий крыжовник, мы лезем через дырку в заборе в огород. Ну вот и сапоги, тяжеленные, болотные. Мне немного не по себе: ведь взрослые учили не трогать чужое. Но

старьевщик сейчас уедет, и я не успею обменять эти ненужные дяде Мише сапоги на подарок для мамы – красный заветный шарик! Мы ужасно спешим, хотя и очень устали.

– Дети, это точно ваше? – недоверчиво спрашивает старик.

– Наше, – честно глядя в его узкие щёлки глаз, дружно врем мы. И вот, наконец, у меня в руках красный огромный воздушный шар. Он нетерпеливо рвётся в синее праздничное небо! Я несусь по посыпанной гравием дорожке, крепко держа его за нитку. Шарик летит за мной как верный друг. Воздушное чудо для мамы... И тут, я спотыкаюсь о камень... Раздается хлопок!... Я чувствую сильную боль в коленке. На белоснежных колготах огромная дыра с алой каёмкой. А где же мой шарик?

Вместо чудесного волшебства в ободранном грязном кулачке нитка и остаток красной резинки... Я уже не ощущаю боль в колене, вскакиваю с дороги и бегу... Я забываю есть ли у меня дом... Я снова падаю, и уже не могу подняться с земли от слёз, бессилия и обиды.

Дома мама долго ругает меня за разорванные колготки и грязное платье. А дяде Мише повезло – он успел забрать сапоги у старьевщика, и может, поэтому нас не выдал?...

ПЛОСКИЙ СЕРЫЙ КАМУШЕК-ГАЛЬКА... ОТШЛИФОВАННЫЙ ФЕОДОСИЙСКИМ МОРЕМ. В НЁМ ОБРАЗОВАЛАСЬ ДЫРА, И ЕСЛИ ПОСМОТРЕТЬ СКВОЗЬ НЕЁ, ЖЕЛАНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО СБУДЕТСЯ...

У моей мамы Леры был старший брат. Звали его Ростислав. Он был высокий, худой и казался очень мудрым в отличие от сестры – небольшого роста, полненькой и смешливой. Мы с бабушкой – мамой, и моим дедом-папой жили в Москве, а дядя Слава, родом из жаркой Феодосии, каким-то для меня и сейчас загадочным образом, сразу после войны очутился в городе Кирове.

Помню, он работал начальником Отдела Реализации Леспромхоза, и может, поэтому, разводил кроликов во дворе собственного двухэтажного дома.

А ещё у него был огромный лохматый сторожевой пёс и ручной ворон Яшка, такой вредный и кусачий, что запомнился мне на всю жизнь. Мне было лет семь, когда однажды летом, мы приехали в Киров. Вот там-то я и познакомилась со своими родственниками: с тётей – Татьяной Яновной и её дочерью Лорой, а так же со своими двоюродными сёстрами – Ирой и Светкой. С Ирой мы сразу подружились, поскольку обе были примерно одного возраста, да и характером оказались похожи – шустрые, шпанистые, непоседливые. А Света была младше, и брать с собой играть эту плаксу и ябеду, было не интересно. Тем более, что игры у нас придумывались экстремальные, за которые родители по головке не погладят, а всыпят «по первое число» если узнают.

Например: мы прыгали с крыши высоченного сарая в стог сена, ведь классно, если дух захватывает от ужаса, когда летишь с высоты, лазили

по деревьям, обедаюсь иргой, от которой рот был чёрен и болел живот. Читали в шалаше, построенном нами из старых досок, очень страшную книгу «про Щелкунчика и Царя крыс». А ночью нам снились одни и те же сны о том, что этот Царь съел наших мам. Знать про всё это Светке было нельзя, она ещё маленькая... и противная. Мы же, ходили на рыбалку.

Оторвав доски от забора и привязав к ним на бельевую верёвку крючки, согнутые из гвоздей, имея в запасе белый хлеб, мы гордо шли на пруд, и, закинув удочки, торчали у воды полдня, недоумевая: «Почему все над нами смеются, а рыба не клюёт даже на огромный ломоть». Почему? За дыру в заборе дядя Слава ругать нас не стал, он был заядлым рыбаком, только спросил: «Девоньки мои, а кто же это придумал?». Пришлось мне сознаться, что я.

Дядя Слава со всем своим семейством приезжал к нам в Москву. Он привозил маме белые кроличьи шкурки и мясо, а мне – варенье из ирги. Я говорила: «Спасибо за сладкое, дядечка Слава», и хихикала.

Увы, он так и не узнает, почему я вечно улыбалась, глядя на него. Меня всегда поражали дяди Славины уши. Таких здоровенных ушей я не видела ни у кого из людей и предполагала, что у дяди они выросли не случайно, а потому что он любил кроликов.

**МЕДНЫЙ КОЛЧЕДАН. ЧЕМ-ТО ПОХОЖИЙ НА ЗОЛОТО,
НО ТОЛЬКО ТУСКЛЫЙ, СЛОВНО СТРЕМЯЩИЙСЯ
СЛИТЬСЯ С ПРОСТЫМ НАРОДОМ, ЖАЖДУЩИЙ В
ТИГЕЛЬ**

*Испания, Испания –
Прекрасная страна.
Наверное, в Испании
Есть дом, где я жила.
Мне пели серенады,
И ночью под луной
Мое шептали имя,
Зовя меня с собой.
Корнелло благородный,
Слыл крестным короля.
Имел в Эгейском море,
В Наксии острова.
И я – его дочуркой
Единственной была.
Испания, Испания –
Прекрасная страна.
Сеньоры, синьорины:
Вот дом где я жила.
Оливки, мандарины,
Чужие острова.*

*Пускай я – Коронелли.
Я, русская душой,
Но все же серенады
Поют лишь мне одной.*

Папа Маноль часто вспоминает про свою маму, которую любил и очень уважал. Звали её Мария. Дома он вечно что-то делает: строгают или точат в своей мастерской, расположенной в тесном коридоре и громко рассказывает мне о ней на ломаном русском языке, немного щурясь от дыма папиросы с крепчайшей махоркой, прилипшей к широкой нижней губе.

– Марррия, одна совсем, воспитывала шестерых мой сестра. Седьмой, самым последним в семья я рродился и в нашей маленький городок меня называли Неньо так назовут всех малыша в Испании, пока они не начнут ходить в школа. Отец мой уехал на заработка в Америка, да так и пропал там. В четыре года мать посадила меня на лошадь, хлестнула что было сила кнута, и крикнула вслед: «Держись, Маноло!». Вот и держусь с той поры в седло», – смеётся отец, сверкая белоснежными крепкими зубами, как-то неестественно выделяющимися на смуглом морщинистом лице. Его чёрные глаза блестят детским лукавством. Я обнимаю его за шею, висю на ней, ерошу кудрявые, седые волосы, и спрашиваю:

– А дальше что было? Пап, ну скажи, ты упал?

– Нет, голубка, я же говорю, держусь. Вот так!

Он хватает меня и легко подбрасывает к потолку. Ещё, папа рассказывает: про то, как юнгой лазил босиком по реям парусного фрегата, про то, как ступни ног, ладони рук грубеют до такой степени, что уже не чувствуешь боли от тросов и канатов, про то, как засыпал под звёздным небом и солёными ветрами в качающейся люльке на самой верхушке мачты. И про то, как учил свою жену и сына Женью испанскому, а они его русскому – вот так и общались.

– Па-ап, а как по-испански картошка, а книга? – спрашиваю я года в четыре, мечтая стать настоящей испанкой и уехать в таинственный волшебный город эль Ферроль.

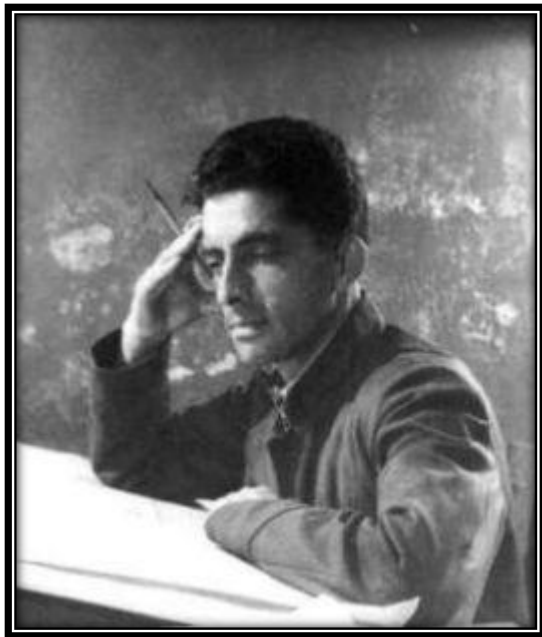
– Патата, а книга – либро, а зачем тебе? – смеясь, отвечает папа, он не хочет, чтобы я знала испанский. Он уверен – этот язык не может мне пригодиться, но догадывается про мою несбыточную мечту и удивляется моей хитрости. Папа считает, что нам нечего делать в Испании – там буржуи, а коммунисты построят Светлое Будущее, в которое он свято верил. Это сейчас я понимаю, как трудно ему было морально, конечно же, он тосковал по сёстрам, по Испании, но вся его жизнь и здоровье была отдана этой, неблагодарной, на мой взгляд, родине. Я до сих пор слышу голос моего принципиального отца.

Хорошо говорить по-русски папа стал только после учебы в Ленинградском Краснознаменном Военно-инженерном училище имени Жданова – это было уже второе его военное училище. Первое он окончил в

Испании, выучившись на офицера, а после служил в Главном Штабе Эскадры!

– В тридцать седьмой я был командирован в СССР на Испанский Военный транспортный теплоход «Агустин» в город Одесса, а после я был в Феодосия, где встретил Леру. В тридцать девятый я остался в Россия насовсем и пошёл работать учеником токаря на завод.

Пройдя через гражданскую войну в Испании 1937 года, и Великую Отечественную, имея ордена и медали, папа остался всего лишь лейтенантом запаса. Он тщательно скрывал свою боль. Папа пошёл воевать добровольцем в Красную Армию, в Отряд Особого Назначения при Обороне Кавказа, хотя мог бы отсидеться в тылу – он же иностранец.



***Родейро-Перейра М.Х. в
Ленинградском КВИУ им. А.А.
Жданова.***

Папа не был ранен на фронте, а в мирное время дважды попадал на карьеру под взрыв. Оба раза он закрывал собой разгильдяев-подрывников. И полагал, что в последний, его спас партбилет, лежавший в нагрудном кармане рубашки задержавший в двух миллиметрах от сердца осколок, отприкошетивший от сводов шахты. Папу контузило, и он плохо слышал, ему перебило позвоночник и левую руку, а он – «левшак», так смешно себя называл. Дед научился здоровой правой рукой перешивать костюмы моего папы Жени, который в то время занимал в Москве немалый пост – не пропадать же добру! Когда он шил,

то просил меня подобрать нитки под цвет материала. Папа с рождения был дальтоником, что не помешало ему пройти медкомиссию с проверкой цветового зрения. Выучил для ГАИ каким-то образом изохроматические таблицы. Как говорится: «для пользы дела».

Мы живём в московской, тесной квартирке в Кузьминках. В перешитом костюме, в защитного цвета рубашке из «Военторга», в галстук и чёрном берете, тщательно выстиранном и высушенном на специально придуманном круге из толстой негнущейся проволоки, и начищенных до зеркального блеска поношенных ботинках – «морской флот Испания – Россия» – шагает на работу в ЖЭК, по привычке отдавая честь:

– Салют!

– Родейро! Салют! – отвечают встретившиеся на пути знакомые и друзья.

Только мне папа показывает, как надо правильно «заныкивать» от мамы мизерную тогдашнюю зарплату, зная, что не выдам. Не всю, конечно, рублей, эдак, с десять-двадцать в месяц: в записную книжку со специально приклеенным кармашком. Ещё небольшой кармашек был пришит к поясу внутренней стороны брюк. На скопленные деньги папа покупал гостинцы. Подарки на праздники дарил нам с мамой со «значением», что-нибудь полезное. Мне раз – часы, а обычно – книги, маме – вечно туфли, мягкие, кожаные – у нее болели ноги... А я рисовала, как по спецзаказу, праздничные картинки, уж очень они ему нравились. Наш диалог с папой продолжается.

– У человека должен быть присутствие чувство долга! И если он считает себя гражданином, то обязан защитить ту страну, в которой он находится! Нельзя остаться дезертиром, если кругом война!

– А как же мама, дети, тебя же могли фашисты убить? – упрямо спрашиваю его.

– Леричку, дочь и сына я не оставил. Я следовал за эшелонами повсюду, как только возможно. В разные города побывал: Ростов, Орджоникидзе, Алма-Ата, там малышку-Анхелу похоронили. А после война – учёба на горняка в Ленинград, работа в Москва и на «Спартак».

– Папа! А почему ты выбрал посёлок, а не город? – удивляюсь.

– Так послали, – хмурился отец. Он отлично знал, что мама Лера всегда хотела жить в Москве, но он не мог вот так просто взять и бросить завод. Он начальник карьера и его уважают. Но ради своей Лерочки – боготворимой и обожаемой, мы все же уехали со «Спартака».

Такой у меня был папа: прямолинейный, героический и, в то же время, очень чуткий и романтичный. Характером я на него очень похожа.

БЕЛЫЙ ОСКОЛОК КИРПИЧА

1971 год. Кузьминки. Мне 7 лет, и в школу я пойду на будущий год. По тем временам в Кузьминках кооперативные «высотки-девятиэтажки» были довольно престижными домами, стоящими в ряд вдоль Зелено-

дольской улицы, которая словно наша широкая река Проня плавно текла вдоль плотных зарослей сирени, густой зелени тополей и берез. Мои окна смотрели именно на эту улицу, по которой машины тогда почти не ездили, а важно шествовали лошади в упряжке из Кузьминского парка, звучно цокая копытами по асфальту. Ночами я иногда просыпалась от резкого звука гармони, и, глядя в темноту комнаты, внимательно прислушивалась к пьяным голосам дядек и тёток, орущих постоянно одну и ту же странную, непонятную мне песню: «Ты, моя, ты моя, Сивая Калоша!». «Вряд ли они поют про калоши, которые надевают на валенки»: думала я, но кто такая – эта «сивая как лошадь» не знала, и представляла себе маленькую рыжую лошадку, скачущую как Сивка-Бурка из сказки по нашему огромному кукурузному полю за школой в посёлке. На «Спартаке» мы жили на втором этаже, а я всегда мечтала жить не на шестом, как сейчас, а на первом и прятать от мамы под одеялом малюсенького слоника и собаку, чтобы тихо вылезать в окно, пока она спит, ставить слоника на тротуар, рядом – верного пса Шарика, и чтобы: «Раз!» – и они вырастали, когда я прошепчу волшебное слово «Рямба». Я бы каталась всю ночь на слоне, а рядом бежала моя собака. А утром, я бы возвращалась, и мои верные друзья становились крошечными и сидели тихо до следующей прогулки. В Москве мама Лера не разрешала принести в дом даже котёнка, поэтому на подоконнике, в горшке герани цветущей огромными красными зонтиками, жил дрессированный паук, которого я кормила свежими мухами. А ещё, у меня в книжных полках между журналами «Мурзилка» и «Приключениях Тома Сойера и Гекльберри Финна» всегда были запрятаны сухари и конфеты «на случай обвала». Почему-то мне мерещилось, что большая комната, где спят мои родители, может вдруг рухнуть, и как тогда я доберусь до выхода? Умру с голоду как многие люди в войну, веря рассказам папы. О съестных припасах знали только мои друзья, которые потом часто приходили в гости и охотно лакомились моей скромной добычей.

Солнечным днем, уютный двор, окруженный пятиэтажками, манил своей шикарной детской площадкой: с деревянной высокой горкой; большими качелями, и песочницей. Рядом с футбольным полем и помойкой располагалось небольшое белое зданье из кирпича с двумя, всегда закрытыми, огромными металлическими дверьми, к которым шурупами были прикручены таблички с нарисованным черепом и зигзагообразной красной чертой.

Наверное, именно изображение смерти привлекало к себе повышенное внимание нас, детей: «А что внутри? Наверное, там живут скелеты, которые вылезают по ночам и бродят по городу в поисках жертвы?».

«Там живёт Ток, и лазить туда нельзя – убьёт!», – коротко и, как казалось ему ясно, объяснил мне папа Маноль. Я сразу согласилась, что «Тока тоже надо бояться»: вспомнив, как его пугалась мама Лера на «Спартаке», быстро надевая калоши и резиновые сапоги на все розетки

в нашей квартире, из которых всякий раз во время грозы с треском разлетались синие искры. Но то, что «лазить туда нельзя», взяла под сомнение. Может и не стоит, но когда нельзя – то почему-то ужасно хочется! Гулять пока мне не разрешали, поскольку недавно возили в ЦИТО, где загипсовали обе ноги, чтобы вытянуть ахиллесовы сухожилия, и я научилась, наконец: «правильно ставить стопу, а не бегать на цыпочках». Торчать в гипсе и терпеть боль нужно целый месяц, а после, надевать на ночь высоченные, жёсткие и очень тяжёлые туторы на завязках. Они были жутко неудобные, спать в них можно было только на спине, а не на пузе, как я любила. Я сидела на столе, свесив свои белые гипсовые колодки, и с грустью наблюдала за ребятами, играющими в мяч под табличкой с черепом из окна своей комнаты, понимая, что трансформаторная будка – это классное место. Вот бы и мне туда! А ещё, в это время вышел новый советский фильм «Тайна железной двери» про мальчика Толика, про волшебные спички, про роботов, и про юного волшебника-олигарха, которого звали «Я», жившего в такой же трансформаторной будке. Мне казалось, что этот злой чародей-задавака прячется именно за нашими огромными железными дверьми. Это потом я с друзьями, с превеликим удовольствием чертила камушком или монеткой на белёсых стенах «нехорошие слова», давая понять всем несведущим в дворовой жизни Кузьминок «последние новости» о том, что «Сидор – дурак, а Димка + Светка = Любовь до гроба».

У будки мы играли с теннисными мячами, которые нам часто бросал прямо из окна восьмого этажа «толстый дядька в трениках». Били ими в чёрные решетки над железными дверьми будки, пытаюсь не упустить из рук ровно 21-ин раз. На асфальтированной части площадки мы прыгали в «классики на строгоньках», ударяя ногой железную битку, сделанную из банки из-под гуталина, наполненную землёй, скакали через прыгалки или натянутую резинку от трусов, играли в «штандер», или в «баночку» – что-то сродни игры в «городки». А на песчаной территории – резались в ножечки летом, а зимой, катались на картонке с небольшой ледяной горки, по весне отпускали в далекое плаванье бумажные кораблики. Играть в куклы я терпеть не могла, а вот стрелять из рогатки или самодельного лука – это да! А ещё, мы ловили у помойки голубей, подманивая их хлебной дорожкой в центр петли из нитки.

Двор у нас был жестокий. Возможно, потому что в основном там обитали дети заводчан с «Фрейзера» и «Карачаровского» заводов, а может, потому что мы были все разновозрастными. Я до сих пор так и не поняла, почему? Ведь на «Спартаке» дети были очень дружны, а тут оказалось вот что...

Прошел месяц, как мы переехали и наконец-то, смоих ног сняли гипсовые кандалы, и ко мне пришла долгожданная свобода. Я впервые вышла на улицу, но как только мой детский сандаль, ступил на нагретый летним солнцем песок дворового кузьминского Колизея, я поняла что «влипла». Бойцовский дух римского гладиатора видимо, сидел у

меня в крови. А пока... Не успев, как следует осмотреться на новой, неизведанной территории яувидела троих взрослых парней, которые торопясь шли прямо ко мне.

– Привет, ты кто такая, на... почему не знаю? – бесконечно сплевывая слюну, сквозь большую щель между передними зубами, спросил меня круглолицый мальчишка в серой кепке, съехавшей на оттопыренное ухо. Тогда было ужасно модно плевать, произнося через слово понтовое «на».

– Юля, – ответила я.

– Ах, Юля на...?! – ребят, это та самая хромая, у которой дед не русский на...

Пацаны дружно зареготали, и один из них стал кривляться, показывая как я хожу.

– Сам ты не русский. Это мой папа, он – испанец, а ты дурак! – крикнула я, сжимая кулаки.

– Ага! Испанец на... Еврей он, а ты хромая еврейка, – заорал круглолицый.

– Отвали! – ответила я гордо, и хотела было пройти вперед, но ребята встали плотной стеной. Я знала, что убежать не смогу. Не умею. А значит, наверняка придётся драться. Круглый, видимо, тоже понял, что драться необходимо и что-то шепнул пацанам, те пошушукались, и оба его друга внезапно схватили меня за руки. А кругломордый приблизил свое веснушчатое, грязное лицо к моему, сплюнул мне под ноги и сказал: «Вон, видишь трансформаторную будку. Если ты сейчас же не залезешь на крышу и не спрыгнешь, я переломаю тебе ноги на..., поняла?».

– Ломай! – как можно твёрже ответила я, смело глядя ему в глаза, стараясь не выдать свой нестерпимый страх. Ещё никто и никогда так со мной не разговаривал. Ребята были вдвое старше, их было много, и я понимала, что мои слабые, тонкие после месяца растяжки ноги сломаются легко как прутки от веника.

– Значит, ты трусиха и тебе слабо спрыгнуть, тоже мне – испанка на... недоделанная. Тьфу!

– Я не боюсь, – соврала я. – Подумав, что смогу оттянуть время ломания моих «новеньких» ног и может всё изменится к лучшему. Вдруг, меня кто-то спасет?! Ребята, держа мои руки, заломав за спиной и подталкивая, подвели к дереву.

Для того чтобы взобраться на крышу надо было залезть по тополи, что рос у помойки и однажды склонил свои могучие ветви на будку, а после спрыгнуть на землю туда, где не было асфальта с довольно большой высоты.

– Видишь тополь на...? Залезешь на крышу и прыгнешь, а иначе, я тебе точно ноги сломаю. Веришь?

– Не боюсь, – снова ответила я и полезла вверх. Лазить по деревьям я умела хорошо, потому что мы с моими друзьями со «Спартака» часто воровали зеленные яблоки из соседских палисадников.

Но ветви яблонь будто бы приспособлены для того, чтобы на них забираться, а вот тополь...

Взобраться мне было трудно, но когда я все же добралась до верхушки и, поставив одну ногу на крышу, посмотрела вниз, то поняла, что очень высоко над землей. И удрать не представляется никакой возможности, а если я не прыгну, то будут меня дразнить всю мою жизнь. Выбора не было.

Крыша будки прогибалась под моим небольшим весом, вся усыпанная осколками от бутылок, которые противно хрустели, впиваясь в подошвы сандалий. Вокруг валялись головы от кукол с растрепанными грязными локонами, смотревшими на меня пустыми глазницами и дразнящие раскрытыми красными ртами. Другие оплавленные пацанами, искореженные пластмассовые остатки их тел чернели, вызывая о помощи, рядом пестрели разноцветными обломками мелкие части игрушек с помойки, а большой полосатый драный мяч скалился жаркому солнцу своей огромной пастью. Было очень страшно, но я подошла к краю крыши. Ребята, задрав головы, молча, смотрели на меня. Нестерпимый ком ужаса подкатил к горлу, медленно спустился в живот и сжал его мышцы до тошноты. Ноги стали ватными. Подлые слезы сами потекли по моим разгоряченным щекам. Я присела на корточки и свесила голову над бездной. Мое сердце бешено колошматилось о грудную клетку, то замирало вовсе.

– Прыгай иначе ноги поломаю! – услышала я голос Круглого.

Глубоко вдохнув и набрав побольше воздуха в лёгкие, чтобы стать невесомой как воздушный шарик, я усилием воли оттолкнулась от жестяной нагретой крыши и полетела вниз...

Я лежала на траве и смотрела в небо. Оно было чистое, синее и без единого облачка. Я глядела в его глубину и думала, что хочу лежать вот так всю жизнь, и никогда не шевелится.

– Дуррааа, ты с ума сошла?! – надо мной склонился круглолицый пацан в кепке, сдвинутой на ухо. – Разве надо было прыгать! – Вставай. Идти можешь?

Ребята подняли меня под локти и отнесли на лавку.

Как оказалось позже, самым опасным и почетным занятием для взрослых парней считалось прыганье с крыши. Круглый был уверен, что я в курсе, заплачу как все нормальные люди, и буду молить о пощаде. А я не знала, а если бы и знала, не смогла.

Просто удивительно, как я тогда не сломала себе ноги. С тех пор никому и никогда, сколько я жила в Кузьминках, и в голову не приходило меня дразнить. У меня даже никакого прозвища никогда не было.

**ХА, СТРАННЫЙ КАМУШЕК. БИРЮЗА ЧТО ЛИ? ОЙ,
РАССЫПАЛСЯ**

Помню себя десятилетней московской девчонкой, которую папа Маноль учил драться с сорванцами, показывая «морские приёмчики».

Признаюсь, я успешно их использовала и учила девчонок-рёв нашего шпанистого кузьминского двора биться «до последней капли крови». Мама Лера от этого была в ужасе и говорила, что девочкам не полагается драться, а нужно уметь вязать, вышивать и хорошо готовить, как умеет это она.

Мама Валя наоборот, поддерживала мнение папы Маноля. Папа Женя придерживался мнения мамы Леры, и все вечно спорили об этом на кухне за чаем, когда «младшие» мои родители приезжали к «старшим» в гости по выходным на пирожки с капустой. А у меня было своё мнение на этот счёт: «Бороться и искать, найти и не сдаваться!».

Отчётливо вижу себя юной барышней, мечтающей о принце на белом коне. Дед учил меня, что прежде чем выходить замуж, надо переспать с любимым, чтобы лучше узнать друг-друга. И это в стране, где секса не было, представляете? А ещё он говорил, что мой возлюбленный должен быть ответственным и надёжным. И – работать.

– Вот я в десять лет был уже помощником каменщика в Испании, помогал брату своего отца. В семнадцать лет ходил на морских судах «Наутилус» и «Галатея», а деньги посылал матери. Поняла, голубка моя?

– Да, папочка, он будет похож на тебя. Ну что ты смеёшься. Вот увидишь!

Много у меня мам и пап! Все завидовали и говорили: «Богатая ты, Юлька! Счастливая». Да, я счастливая. И хотя никого уже и не осталось – в моей памяти все живы.

**А ВОТ И ЖЕМЧУЖИНА, БЕЛАЯ И БЕЗЗАБОТНАЯ,
ПРИВЫКШАЯ К ЛАСКЕ ТЁПЛОЙ МОРСКОЙ ВОЛНЫ**

*Плачь комариный под вечер,
Тихо вздыхает ковыль.
В путь по тропинке на встречу:
Поле поплыло, да пыль.*

*Грустно, дощатая дача,
Ветошь запущенных дней.
Как-то всё было иначе
В памяти детской моей.*

*Солнце. Плескал рукомойник
Струйки весёлой воды.
Что нам на завтрак сегодня?
Мамочка, яблоки-сны...*

*Там, за кустами малины
Ёжик живёт нелегко,
Ночью ворует из крынки
Кузьки-кота молоко.*

*Яблони, яблоки, книжки...
Тайный шалаш из досок,
Олька, с серёжкой из вишен,
Юлька – июльский цветок.*

*Нету пруда, тут, Ба – рыбина!
Плещемся как пескари.
Дед неизменно хохочет:
Рыбину в поле словил.*

*Просекой травы примяты,
Вновь воскресенье – жара!
Мама, сегодня мне с мятой
Чай завари, до утра*

*Будем с тобою про старость,
Молодость вспоминать,
Мама, мне мало осталось.
Я не хочу умирать.*

*Грустно, дощатая дача,
Ветошью брошенных дней.
Лето отпущено, значит –
Ливень по крыше моей.*

*Слышишь, кукушка всё плачет,
Рожь переспела – смелей!
В детстве рыдалось иначе,
Радостней и веселей.*

С мамой Валею мы ездили в отпуск на подмосковную дачу деда Яши в Барыбино, или к друзьям в Прибалтику. Она отпускала меня гулять допоздна, чему я была несказанно рада. И, по-моему, нарочно рассказывала о своих воздыхателях, о любимых, о мужьях своих подружек, о любовниках и любовницах друзей подружек. Почему-то доверяла все свои сокровенные тайны, может от внутреннего одиночества, несмотря на свою общительную натуру.

...Часто по вечерам, мама рассказывала мне, своей маленькой дочурке о приключениях, которые происходили с ней, в её юные годы.

Я, словно кожей, впитывала эти истории, зажав от удивления раскрытый рот ладшкой. Сидела на расстеленной кровати, и молча, кивала головой в такт её слов.

**ВОТ ОДНА ИСТОРИЯ, КАК МЛЕЧНЫЙ КАМЕНЬ
ХАЛЦЕДОН, КОТОРАЯ ПОРАЗИЛА ХРУПКОЕ ВООБРА-
ЖЕНИЕ, И НАВСЕГДА ОСТАВИЛА СЛЕД В МОЕЙ
ПАМЯТИ**

Был 1947 год. Маме исполнилось всего 8 лет. Дом, где она жила с родителями находился в самом центре Москвы на улице Миусской. Каждый день маленькая мама ходила гулять в самый обычный послевоенный двор, и дружила с самыми обычными послевоенными шкетами, вечно голодными, но по-детски весёлыми и беззаботными.

Да, голодно было тогда. Доступное лакомство для детворы – это сушёные груши для компота, скрюченные и очень жёсткие от долгого лежания на прилавке соседнего магазинчика, которые никто из взрослых не брал, поскольку, они были совсем не дешёвые.

От этих груш у мамы вечно болел живот, но все ребята, которые сумели каким-то образом купить вкусность, были чрезвычайно горды, и хвастались друг перед дружкой, смачно жуя чёрные высохшие дульки. Это тебе не нынешний «Сникерс», «Марс» или «Чупа-Чупс».

Но однажды случилось чудо! Ранним утром огромный грузовик привёз и с ужасным грохотом свалил прямо в мамином дворе гору деревянных бочек, и уехал. Разбуженные жители близлежащих домов вышли посмотреть: что же случилось?! Бочки были не пустые, как вначале показалось. Они были со сгущенным молоком!

Реки сладкой, белой сгущенки потекли вдоль мостовой в июньскую пыль и мятый тополиный пух. Ошарашенный народ стоял и молча смотрел на это белоснежное чудо. Послевоенные голодные люди не стеснясь друг друга, не могли сдержать слёз, видя, как молочные ручейки быстро становятся серыми, чёрными и высыхают, как сушёные груши. Не растерялся лишь пятилетний Голый Колька! Он всегда ходил голышом, давно ни кого не смущаясь, поскольку родителям не на что было купить ему штаны.

Колька тихо вылез из песочницы, взял свою зелёную лопатку для песка, нырнул в бочку, которая лежала на боку, и принялся деловито и бережно соскабливать с деревянных стенок толстенный засахаренный жёлтый слой сгущенки в своё ведёрко. Не обращая внимания на жужжащих ос и мух, облепивших его истощённое, костлявое тельце.

Глядя на него, народ оживился. Ведь бочек было полным-полно!

**РУБИН, ХРАНЯЩИЙ И НАПРАВЛЯЮЩИЙ. НЕЖНО
СИЯЮЩИЙ В ПЕРСТНЕ**

*«Три красавицы небес
Шли по улицам Мадрида:*

*Донна Клара, Донна Рэс
и прекрасная Пепита.*

*Вдруг на площади, хромой
Нищий с робким ожиданием
Руку протянул с сумой
За насущным подаянием.*

*За реал, что подала,
Помолился он за Клару,
Донна Рэс щедрей была
И дала реалов пару.*

*А Пепита так бедна –
Не имела ни реала.
Вместо золота она
Старика поцеловала.*

*В это время проходил
Продавец букетов рядом,
И его остановил
Потрясённый нищий взглядом.*

*За букет душистых роз
Нищий отдал три реала!
И красавице поднёс,
Что его поцеловала».*

Дворовая песенка

Мама Лера была полненькой с юности. Самодостаточность так ей шла, что невозможно было представить эту красавицу иной. Ни кому из постоянно окружающих и восхищённых особей мужского пола, не могло прийти в голову, что моя мама может не нравиться. Более того – это не могло прийти в голову и женщинам, видевшим её, провожавшим завистливыми взглядами её звонкий смех: «Как она это делает?»: недоумевали её «кузьминские» подруги. Вот она только вышла на улицу во двор. Села на лавочку, которую папа специально для неё сам вкопал около подъезда нашего большого дружного девятиэтажного кооператива, и буквально через пять минут, вокруг неё словно мотыльки вьются кавалеры – «барышню хочут украсть». «А как же мы?», – гремя костями, злились они, не подавая вида, сидя с ней на той же скамейке.

«Всё дело в состоянии души!», – хитро учила их Лерочка, изящно поднося к прелестному рту третий пирожок с вишневой начинкой. «Я

тоже пробовала худеть, поскольку мне не нравится носить ту одежду моего размера, что продают в московских магазинах», – говорила она, грациозно вставая со скамьи и аккуратно отряхивая новое, цветастое, пошитое ею платье от крошек.

«Всего неделю ешь только чёрный хлеб и воду, после чего падаешь в обморок, приобретаешь гастрит или язву желудка и нервный стресс, но худеешь!», – поясняла она. «После чего, целых пять дней модничаешь в роскошном пышном белом платье и снова толстеешь, но всегда становишься в два раза больше прежнего». – «Маноль, после очередной моей попытки стать тростиночкой сказал: «Лера, ещё раз узнаю, не пушу даже на лавочку к подружкам» – «Вы же знаете Родейро! Сказал, как отрезал. Ревнует ко всем, не знаю почему?... Хым... Верно, у них в Испании так принято». – «Соня Репина, Сметанина, Тамарочка, чего вы хохочете? Вот дурочки-то».

Лера очень любила готовить. Кулинарное искусство требует не меньшего таланта, чем у художников и поэтов. Стол ломился от холодцов, из свиных ножек, заливной рыбы, украинских борщей, по-особому консервированных томатов.

Особенно давались ей огромных размеров пирожки с разными начинками, покрытые для блеска куриным желтком: «Большому куску рот радуется!». Двенадцатислойный «Наполеон» густо пропитанный заварным кремом, так и таял на языке, а капельки янтарного «Царского варенья» из крыжовника, стекающие с боков пузатой вазы пронзительно сверкали солнечными лучами.

Обед всегда был ровно в три часа и не минутой позже. «Юлька, сейчас же иди кушать!», – кричала бабушка из окна во двор. И мне приходилось бросать игры и идти есть.

Семья дружно садилась за стол: «Еда должна быть наслаждением, а формы тела для большинства мужчин не имеют значения. Главное – это характер, не обязательно мягкий, и грациозность рук... У кавалера всего несколько секунд, чтобы предварительно оценить даму. В движениях женщины мужчина должен угадывать и темперамент, и душевные качества незнакомки. Делает он это автоматически. Если ответ отрицательный, то он и близко не подойдёт», – философствовала моя обаятельная бабушка.

Серьезного, упрямого характера Мануэль слушался Лерочку беспрекословно. И никогда не догадывался об этом. Так умело управляла им моя хитрая бабушка.

«Показал чёрт моду, а сам в воду!», – хихикала она, глядя на худеньких барышень, наивно опуская не окрашенные, длиннющие чёрные ресницы, спрашивала мужа:

– Вон, наша первая красавица Нюська пошла, тебе нравится её осыная талия?

– У Нюськи твоей, ладони влажные, а рукопожатие как у рыбы варёной. Что до талии, я и не заметил, – отвечал Мануэль. – Мне нравится

талия у Анны Герман, потому что у неё удивительный голос и поёт она легко и красиво. Когда слушаю, кажется, будто бы испанка исполняет, а язык – русский. Удивительно!

*«У нашей Наталии тонкая талия,
Античный нос и характер купорос.
Вся Наталия приталенная,
Знойная убойная.
Взглянет она – и вам хана.
Выпьем за Наталию, за счастливую талию,
За античный нос и характер купорос!».*

(мост)

Сама мама Лера не отпускала меня от себя ни на шаг. Она научилась делать мне лечебный массаж и заставляла каждый день заниматься специальной гимнастикой и пить разные настои из целебных трав (не доверяла врачам). И, наверное, только благодаря её усилиям я ещё жива. В меня она вложила всю свою жизнь!

Гулять мне разрешалось только во дворе у тополя, где меня было видно из нашего окна, и моим многочисленным друзьям ничего не оставалось делать, как тоже торчать под деревом. Зато, училась я тоже под этим тополем, потому что в школу ходить не могла, падала в обморок примерно через месяц после ежегодного «пробывания» её посещать. Учителя ходили заниматься к нам домой и почему-то меня любили. Хотя лодырь я ужасный. Не знаю, почему все считали, что во мне сидит талант и упорство?

Об этом задумываться мне было некогда, поскольку главное, что двигало моим разумом в то время: «Смыться к ребятам во двор!». И я всячески пыталась обмануть родителей и учителей, чтобы добиться вожаемой свободы. Вы скажете: «Подумаешь, ведь это так легко, пропускать уроки!». Увы, не в моем случае – попробуй тут удрать или не выучить урок, если каждый день ты должна ждать учителя. Я считала себя несчастнейшим человеком во всей Вселенной: ни списать, ни улизнуть.

А ещё, я до сих пор не умею зубрить и если что-то не понимаю, то не могу рассказать. Приходилось докапываться до сути под гнетом постоянного желания выкинуть все учебники в помойку и «вздыхнуть свежий воздух безделья». Видимо, эту безысходность и принимали мои наивные учителя за талант и упорство.

А ещё, мой дурацкий мозг всё время протестовал, например, против таких тем сочинений, как: «Почему мы жалеем Герасима, в рассказе Тургенева «Му-му?».

«Светлана Михайловна, объясните мне, почему я должна его жалеть, если мне его не жалко? Собаку жалко, барыню немного жалко – ночи не спала, а Герасима что-то не очень», – пыталась я учительницу

литературы, – «Был бы Герасим добрым и смелым, не утопил бы Муму, а отпустил или сам утопился что ли?». «Юля, ты что? Как это – сам», – вытаращивала на меня глаза Светлана Михайловна, – «Его же угнетали, использовали, били. Он был работ...». «Да уж, бедный раб, а собаку беззащитную убил», – думала я, но спорить было бесполезно, и я писала: «Герасим бедный, барыня злая».

Но почему-то, после моих упорств, Светлана Михайловна, дарила мне серёжки с синим камешком, и приносила читать Конан Дойла.

Моя учительница по-английскому языку Алла Сергеевна почему-то хотела, чтобы я стала переводчиком. Вот кто мучил меня любя по полной катушке!

Это было невыносимо – переводить не только школьный текст, но и дополнительный. Лёжа на пузе, и «давясь» чёртовым «инглишем» в солнечный погожий денёк, слыша Надькин свист, означающий: «Все собрались играть под дерево в футбол. Юлька, двигай сюда!», – моя душа изнывала от муки и желания выпрыгнуть во двор прямо с дивана.

По окончании школы к выпускному балу, Алла Сергеевна подарила мне золотое кольцо и отрез крепдешина на платье. За что? Я так и не выучила английский... А жаль.

Но что самое удивительное, когда закончилась школа, и надо было выбирать профессию и институт, я точно знала, кем я хочу быть – учительницей русского языка и литературы! Моя мама Валя была очень счастлива, что я выбрала именно этот путь и сама повела меня в Педагогический институт на первый экзамен. «Сочинение ты точно напишешь на пять, поскольку ты очень талантливая», – уверенным тоном говорила мама, зажимая ярко накрашенными губами таблетку валидола. – «Твои работы до сих пор висят в школе на Доске Почёта, ты всегда выигрывала Олимпиады по литературе, так что я не волнуюсь».

А я... Я на этот раз не написала, что мне жалко Герасима, потому что не смогла бы обманывать своих будущих учеников. И получила первую в жизни двойку. Как же потом плакала и просила меня переписать сочинение преподавательница литературы, принимающая экзамен!

Ни в один очный институт больше меня не взяли, поскольку все приемные комиссии шипели, что я – инвалид и буду занимать чужое место, требуя от меня справку с места работы. И чтобы я прошла со своим Красным дипломом хотя бы на заочное отделение, да хоть в ПТУ, папа Женя, после очень долгих уговоров моей мамы Вали, все же сделал мне «липовую справку», будто я секретарь, и я легко и без всякого «блата» поступила в очень престижный вечерний Полиграфический техникум. А я и не знала тогда, что профессия – технический редактор книг и журналов, не хухры-мухры! 100 человек на место.

Про мою учебу в техникуме рассказывать не интересно, так как коллектив у нас был «девчачий» и разновозрастной, от того и скучный. Единственное, что мне запомнилось – это ужасное отношение ко мне

нашей преподавательницы по основному предмету, она была чуть старше меня и завидовала, что я первая из всего курса вышла замуж. Остальные учителя меня любили, особенно преподавательница по рисованию. Она отлично знала, что я рисую почти за весь класс, так как девочки работали и им было некогда, а мне в кайф.

**МАЛАХИТ – СОЧЕТАНИЕ ЗЕЛЁНОГО И ЧЁРНОГО. ЧАСЫ
В ОТДЕЛКЕ ИЗ ЭТОГО КАМНЯ И ПОДСТАВКА ДЛЯ
РУЧЕК ИЗЯЩНО СМОТРЯТСЯ НА РАБОЧЕМ СТОЛЕ**

*Папа мой, ушёл зачем ты так поспешно?
Семьдесят три,... встал часам к шести.
Торопился жить. Вот остался прежним
Бежевый твой плащ. Плачу я... Прости.
Он перерастет в город-Сад, что песней...
Здесь оркестр смолкает – улиц тоньше нить.
Пропасть навсегда, кланяется Пресней,
На Смоленской площади тебя похоронить?
Знаешь, просят мальчишки тут на Карачаровском,...*

*А теперь в Сокольниках сливы не растут,
И вдоль Ленинградки нам сломали яблони,...
Но врубили оперу «Сколково-Салют».*

*Памятники да, переносят снова.
Твой нелюбимый в честь гнома Петра,
И его корыта с бельём Казановы...*

*Трубы оркестра заиграли марш
Траурный...*

Прощай, папа

**Умер 21 сентября 2010. Похоронен на Николо-Архангельском,
вместе с папой Мануэлем Родейро – моим дедом и его отцом и
моим отцом, и мамой, моей бабушкой Валерией Викторовной Ко-
ронелли.**

*Скоро станет день хрустальным
В звонком шелесте листвы.
Скрипнув золотом сусальным,
Сбросит маску лик Москвы.*

*Вдоль замёрзших переулков,
В тёплом, вязаном шарфе*

*Выйду утром на прогулку...
Мимо старого кафе.*

*В даль Чапаевского парка
Незамеченной пройдусь.
Так сквозит из старой арки –
На скамейке нет бабусь!*

*Узкобёдрые рябины
Предлагают сползший плед.
Осень в рыжей шкуре львиной
Ставит лапы след вослед.*

В доме на Соколе всегда многолюдно: мой дед Яков, отец мамы Вали и его жена Антонина обожали шумные весёлые компании друзей и родных. Мы часто приезжали к ним с моим папой Манолем и мамой Лерой.

Дед Яша был не только начальником. Элегантный и важный с виду, он обожал кривляться и пародировать комика советского кинематографа Игоря Ильинского. У меня остался целый альбом с его «фотопробами». Он – хохмач и поэт. Это в него я пишу стихи. Дружья у него, соответственно, – поэты. Папа Женя тоже не просто начальник: внешне похожий на актёра Юрия Яковлева, он – грустный талантливый музыкант. Его легко приняли в Музыкальное Училище имени Гнесиных, но папа Маноль отговорил и заставил учиться на строителя. Он дружил в основном с актёрами и джазистами. Мама Валя – цветущая, утонченная. Она хорошо рисовала и всегда считала меня гениальной. А я любила учиться, только тому, что мне нравилось.

Закончив учебу, после практики в издательстве «Современник», и после того как я проработала три года нормоконтроллером на ВЦ от «Главмосмонтажспецстроя» Карачаровского завода, куда устроил меня папа Женя, я ушла в декрет. А в 1988 году началась «Перестройка» и я больше не вернулась к совершенно не нужным тогда, на мой взгляд, перфокартам для ЭВМ, документам-программам, которые я корректировала, и которые потом пылились годами на стеллажах. А года через три, этот дом выкупил под МММ, знаменитый на всю страну аферист Мавроди.

***БЕЛЫЙ ХОЛОДНЫЙ МРАМОР, КАК СНЕГ ПЕРЕЛИ-
ВАЕТСЯ НА СОЛНЦЕ***

11 февраля 1988 года родился мой единственный и любимый сын Артём. О том, как я рожала – это отдельный рассказ. Вот он:

*Медсестра Тоня, дело молодое,
сказала – за полотенцами...*

*Крыса в родильном доме
проела щёку младенцу.
«Сейчас введем против шока
Я одна, а крыс много...»
Крыса, почти с дипломом,
крыса, забывшая Бога,
крыса в родильном доме
проела младенцу щёку!
Крыса мы, все долдоним,
все обо всем высокою.
Крыса в родильном доме
проела щёку младенцу!
Спасаем людей на льдине,
на Марс засылаем проекты,
Крыса в доме родильном
младенцу щёку проела.
Крыса в доме родильном
Проела младенцу щёку.
Дай Бог тебе, Тоня сына.
Храни его, ради Бога.*

Андрей Вознесенский

А я и не знала тогда, что рожала именно в роддоме (№ 68, город Москва), почти сразу же после написания этих строк моим любимым поэтом.

Когда-то в детстве мой дед Маноль, заменивший мне отца, учил: «Хочешь чего-то достичь – борись!».

Вот с тех пор и борюсь, сколько себя помню. За жизнь, место под солнцем, за завтрашний день, да мало ли за что. Воин я. Явно в прошлой жизни была эдаким Шварценеггером. Воин-одиночка, воин-победитель. Ура! Happy end... Правда, до аплодисментов мне ещё далеко. Хотя кто знает? Ой! О чем это я? Ах, да! О том, как я рожала.

Дело было в феврале 1988 года. Зима, холод, на работу в ВЦ – на двух автобусах, как селёдки в банке. Хоть бы раз кто место уступил! Да я не об этом. Главное – у меня будет сын. Почему сын, поясню. Дар у меня такой, иногда точно знаю, что со мной случится, когда и где.

Я воин-одиночка с даром предвидения. Почти что Ванга с бластером. Что будет мальчик, знала без всяких УЗИ. А зачем мне это самое УЗИ, если врач из женской консультации, узнав, что срок семь недель, округлив и без того, огромные, как у совы, глаза, строго скомандовала: «Быстро к глав. врачу!».

Я покорно направилась к указанной мне двери. «Коронелли рожать?! Вы что, с ума сошли?» – услышала я голоса. Через минуту дверь широко распахнулась. Толстая тётка с белыми, крашеными волосами, за-

мотанными в пучок, очки в пол лица. «Дело – труба», – мелькнула мысль.

– Вот направление в Институт матери и ребенка. Вы на себя посмотрите! Куда Вам рожать? Аборт и точка!

«Соппротивление бесполезно»: сразу поняла я и трясущимися от страха руками взяла листок.

Тот самый знаменитый институт. Ну, думаю: «Сейчас «светила» докажут этой тётке, что рожать необходимо». Зря надеялась...

– Нет! – хором сказали два генетика, с виду умных, бегло просмотрев предоставленную мною выписку.

– Даун! – вынесли приговор.

Я вышла в коридор, меня трясло. Правильно, у меня может родиться только псих. Я схватилась за рукав проходившего мимо старичка в белом халате, как за спасительную соломинку.

– Меня – на аборт, – реву я, – даун, у-у-у!

– Дитя моё, кто даун? А ну-ка пойдёмте.

Осмотрел, и тихо мне на ухо:

– Рожайте себе на здоровье. И не такие рожают. А в консультацию – ни-ни, нервы-то не железные, поди.

Я, кивая головой, говорю:

– А диагноз?

– Да плюньте Вы на всё. Ешьте витамины и рожайте. Ясно?

Ну, думаю: «Витамины я люблю!».

– Спасибо Вам, доктор!

Прошло восемь месяцев. Бужу мужа.

– Борис. Пора!

Поехали. Роддом близко.

– Что Вы, девушка? Мы Вас взять не можем. Срок-то маленький. Поезжайте в специализированный роддом.

– Как маленький? – я в недоумении. Опять в «скорую» и впёрёд!

«*Фигаро – тут, фигаро – там*». Из «спеца» меня отправили обратно – срок вдруг оказался в норме.

– Это опять Вы? Мы же сказали...

Муж молчит, а я, блин, по натуре воин-одиночка. Мой кулак ударил по столу и чашки с чаем, подпрыгнув, жалобно звякнули.

– Остаюсь!

Сорочка была в дырочку, как сейчас помню. Одеял и простыней вообще не было. Из окна дует, а дверь закрывать нельзя. Камера пыток прямо! Никого. Медперсонал вымер.

– Доченька, ты что, мёрзнешь? – окликнул меня рабочий в синем халате.

– А Вы кто?

– Лифт ремонтирую. Я сейчас... Вот тебе два одеяла, грейся. И пошёл, ругаясь, на чем свет стоит. «Мир не без добрых людей!»: подумала я, засыпая перед рассветом. Но, поспать не удалось. Безжа-

лостная медсестра тормошила: «Пора на УЗИ!». Еле разомкнув глаза, поплелась в кабинет.

– Это Вы Коронелли? А я Вам не скажу, кто у Вас будет, – объявляет «добрый» доктор, ехидно улыбаясь, сверкнув белоснежными зубами.

– Почему? – устало спрашиваю, не удивляясь уже ничему.

– Зачем Вы стучали кулаком по столу? – мстительно отвечает он.

– Не надо. Скоро сама узнаю, – гордо парирую я. «Вот гад!».

– Ах, вот ты какая?

Предродовая палата. Лежу. Рядом – девушка, с опытом, советует:

– Кричи, а то никто не подойдёт.

– Что кричать-то? – вспоминаю Кэт из «Семнадцати мгновений весны». Мюллер её раскусил: она мама кричала по-русски. Значит, буду кричать по-испански. Но тут волна боли захлестнула с такой силой, что я заверещала как свисток. «Какая мама?». Даже охрипла. Сама не ожидала.

Я же воин-победитель. А войны, как известно, не визжат. Потом три дня весь роддом приходил посмотреть на меня, как на местную достопримечательность. Вот она – слава!

– Ой! Лезет! И-и-и!

Прибежала медсестра.

– Давай вставай, хватит орать, иди вон в ту комнату.

– Я не могу, ребенок выскочит.

– Ничего.

– Мне бы каталку.

– Сама дойдёшь.

Иду, даже бегу. Лезу, как скалолаз, на высоченную кровать, придерживая свой огромный живот.

– Помогите, трудно же.

– Ничего, сама, сама. Как рожать – трудно, а как (мат опускается), то как кролики.

– От хамства, теряю дар речи.

– И-и-и!

– Ох, оглушила. Тужься.

– Не могу, сил нет. Обещали же кесарево.

– И так сойдёт, тужься.

«Я-воин»: вспоминаю я в перерывах между схватками. Беру командование на себя. – Делайте мне надсечки, ребенок задохнётся, – ору!

– Нет, тужься.

– Делайте! И-и-и!

Спорить нет сил. Боль – дикая. Но я не уступаю. Победители не сдаются! И тут я отрываю железную ручку от кровати. У акушерки истерика.

– Сломала! Инвентарь! Ах, ты...! Надсечки сделаны, боль ушла. Спать...

– У тебя мальчик, смотри.

– Знаю,– говорю сквозь сон. Меня – на каталку, в очередь часа на четыре, «зашиваться», как объяснил народ. Всё это – ерунда по сравнению с рыжим хирургом, похожим на таракана и фашиста одновременно. «Шил» без наркоза для быстроты процесса. Моему мужу, Борису сказали, что я и сын умерли. Похоронив нас мысленно, он просидел всю ночь в приёмном покое. А куда идти? – жизнь-то кончена.

И только утром пробежавшая мимо медсестра небрежно бросила пару слов:

– Живы. Перепутали.

Когда мне, наконец, принесли сына в палату, прижав к груди крошечное хрупкое тельце, нежно глядя его голову, уже покрытую чёрными кудряшками, я вдруг подумала: «Вылитый Пушкин, надо же! Как мне повезло». Мой сын Артёмка, я так тебя люблю!

КАМЕШЕК ОТ ПЫЛЬНОЙ БУЛЫЖНОЙ МОСТОВОЙ

*Полумертвы твои снега, столица,
А мне ни плачется, ни спится.
Февральский дождь наморщит лица
Всех тех, кому давно за тридцать.*

*Век нов и ловок на издёвки.
Вполне зловещ, немного робкий,
Но устремится в лживость башен,
Туда, кто храм ломал вчерашний.*

*А я как воздух беззащитна,
И мне ль не плачется за сына?
До дна глаза, душа – мишень.
И с каждой каплей в новый день*

струюсь, чтоб уберечь...

Началась «Перестройка». Кушать стало нечего, одевать – тоже. А я не могла устроиться на работу, сын постоянно болел. У меня не было возможности отдать его даже на несколько дней в неделю в детский сад. Поэтому я решила начать свой бизнес.

Я ездила по комиссионкам города и пыталась купить что-то фирменное, заграничное, джинсы, например. А после, перепродавала то, что смогла достать. В лютый мороз и в жару, накормив ребенка, я ехала на «толкучку». Это называлось тогда – «фарцевать».

Я фарцевала, да ещё как! По крайней мере, у меня всегда были деньги на детское питание сыну.

Однажды на Таганке, в «комке» я познакомилась с Лолитой, нет, не с набоковской, а из тогдашнего «Дуэта Академия», мы подрались с ней из-за ультрамодных джинс, и как вы думаете, кто выцарапал их себе?

Нет, не я. Но я дипломат, когда надо. И я сказала, держа одну штанину, яростно вися на другой: «Иди и померь, всё равно тебе они малы!». Так мы подружились. Она стала певицей, а я – фарцовщицей, а после журналистом.

***А ВОТ, СЕРЫЙ ПЫЛЬНЫЙ БУЛЫЖНИК ПОСРЕДИ
МОСТОВОЙ, ВОКРУГ КОТОРОЙ БЕГАЮТ МУРАВЬИ***

1992 год. Про то, как я попала в РИА «Новости», тоже рассказ отдельный. Если честно, то я детства мечтала стать знаменитой. Не то, чтобы на улице узнавали, а просто цитировали: «Помните, из Коронелли?». Или картины в музее – были же художники, не то, что «нынешнее племя». Даже стихи в «Пионерскую правду» послала:

*«Апрель, апрель,
Звенит капель...».*

Напечатали, надо же! Мама Лера всегда считала: «Нечего работать. Тоже мне, работник! Ну, ладно. Пусть учится. Ладно, в техникум поступила. Но работать!» А папа Маноль ехидно так усмехался.

«К чему бы это?»: думала я. Закончив учебу, решила сбега на поиски. Дома сидеть – тоска зелёная! Зря училась что ли? Все коту под хвост? Пошла я искать заработок, так как сидеть на шее у родителей мне не в кайф. А потом, как же слава?! Пошла-то, пошла, но облом вышел – чудовищный. Без блата – фигушки!

Я же квалифицированный специалист? Бегаю из редакции в редакцию со своим новеньким синим дипломом. Ответ один: «С улицы – не берём!» Будто я дворняга какая-то! В итоге, мои планы превратились во что-то совсем недостижимое.

Плюнув на это гибельное дело, я решила передохнуть, развеяться; сходить куда-нибудь; в библиотеку, на концерт, ну, в гости, в конце концов. Подвернулись билеты в театр. Взяла мужа Бориса и потащила. Его всегда тащить приходилось, тем более «в Свет».

Сидим, смотрим, не помню что. Помню, мужа постоянно толкаю, чтобы не храпел. После антракта жду «начало конца», но люстры не гасят и вместо артистов выходят какие-то «люди в чёрном», в костюмах т.е. И громко, в микрофон:

– Кто из вас технический редактор, прошу после спектакля пройти в фойе.

– Я! – кричу, собрав всю волю в кулак!

Муж держит, шипит:

– Ты што, с ума шошла?

Не слушаю.

Вот оно, счастье! Мысль материализовалась. Говорят ведь, если сильно чего-то хотеть, всё получится! И вообще, нужно поменьше

суетиться, тогда всё само собой образуется. Даже восточное учение есть на эту тему, не помню, как называется.

Не могу дождаться конца спектакля, чёрт его дери! Народу тьма. Дорогу прокладываю локтями, как ледоход «Ленин», извиняясь, и наступая на ноги. Пропихиваюсь к выходу. Отыскиваю глазами «людей в чёрном». Смущённо представляюсь.

– Диплом есть? Тогда завтра к девяти часам в редакцию. Вот адрес.

По дороге из театра, уговариваю мужа ничего никому не говорить.

Ночью не могу заснуть. Речь в голове прокручиваю. Есть такая методика: на альфа-частотах, то есть в полусонном состоянии поговорить с человеком по душам и все само собой образуется.

Утро. Проснулась, как ужаленая. Накрасилась. На ходу – бутерброд. Бегу, опаздываю, как всегда. Метро «Парк культуры». Где этот Зубовский бульвар? Тоже мне, коренная москвичка! «Вот, – показывает молодой человек, – Вам сюда».

Рядом с метро огромное серое здание. Читаю: АПН! Обалдеваю. Звоню из проходной.

– Алло! Будьте добры, пожалуйста, позовите Калиничева! – говорю очень вежливо, уняв заикание.

– Минуточку – значит, правда, – фигею окончательно.

Надо же, взяли. Работаю, клея макеты будущих книг. Казалось бы, что ещё надо для счастья?...

«Славы добиваться!»: долдонит назойливо, упрямая мысль. «Может статью написать? А что идея, попробую».

Накатала. Несу к главному редактору, наглая я!

– Коронелли? Я почитаю, почитаю...

Каждое утро ловлю в коридоре его, или Татьяну Калиничеву, его жену:

– Прочитали?

– Да, да почитаю...

И так раз сто. «Терпение и настойчивость, вот главный двигатель»: утешаю я себя.

Наконец, добила. Вызывает. «Ну, всё, кранты», сейчас будет разгром. Иду на «ковёр». «У Вас способности, вот адрес, я договорился. Вас будет учить наша журналистка, езжайте к ней», – улыбается мой главред Владимир Алексеевич Калиничев.

Потрясающе! Как я смогла его убедить?

Дверь открывает бабушка в инвалидной коляске.

Робею от неожиданности.

– Мне Мюду Ивановну. (Людмина Деревянкина).

«Проходите, присаживайтесь и показывайте свой талмуд», – просит гостеприимная, с виду бабулька, дымя трубкой, как детектив Холмс.

– Вот, пожалуйста, – обалдеваю я, не показывая вида.

– Что это? – прочитав, спрашивает она.

– Деточка моя, запомните: у любого произведения должно быть три вещи: голова, туловище и хвост. Как у дракона, ясно?

– Я сама Дракон по знаку Зодиака – говорю, чуть не плача.

– Вот и докажите это, – смеётся моя мучительница.

После груды измятой бумаги, выкинутой в помойку, а так же изгрызенных ручек, карандашей и перечитанной литературы. После «битья головой о стену, что бы пришла Муза» и утере последних мозгов: «сдохну, точно сдохну», прошел целый год.

Однажды утром я проснулась и почувствовала себя – драконом. Мифическим чудовищем с ручкой в зубах.

Спасибо вам, дорогая Мюда Ивановна. Как жаль, что Вас давно уже нет. Я никогда Вас не забуду.

А как же известность, спросите? Вы должны были слушать мои передачи по Народному радио, в журнале «Преодоление для инвалидов» я была первой ведущей рубрики «Госпожа удача», писала стихи и сказки для детского журнала «Голубой вагон».

Например, такие:

МАЛЕНЬКИЙ ЖИРАФ

Жираф был маленьким. У него даже чёрных пятна ещё не прилипли к жёлтой нежной шкурке.

Когда он пытался достать самое нижнее яблоко с самой маленькой яблони, прибегала шимпанзе, корча рожи срывала плод и, прыгая по дереву вверх смеялась вот так: «Хо-хо-хо!» Или так: «Хи-хи-хи!». Какая разница, всё равно – весьма обидно.

Маленький жираф наклонялся, пытаясь сорвать губами нежную ромашку, но его длинная шея вместе с большой головой перетягивала туловище, и он падал оттого, что его плохо держали коротенькие маленькие ножки.

Он вставал с земли и шёл к кусту лавра, жевал его противные, жёсткие листья, то и дело, чихая от едкого, маслянистого привкуса, и крупные жирафьи слёзы падали в траву, притворяясь там росой.

Однажды, маленькому жирафу надоела такая жизнь, он решил измениться: вырасти и стать как все; только бы не щипать снова и снова противный кустарник, чтобы ущипнуть шимпанзе за ухо и хотя бы один раз испытать блаженство от сладости трав и цветов.

В джунглях он нашёл длинную лиану, один её конец привязал к кокосовой пальме, а другой – держал сам, прыгая через неё как через скалку на трёх свободных ножках.

Сначала не очень-то получалось, но маленький жираф был упорный и стал тренироваться: а после расчертил песок на квадратики и скакал то на одной, то на другой, то на передней левой или правой ножке аккуратно стараясь попасть плоской косточкой плода манго в центр каждого

квадрата. По утрам он бегал вдоль берега реки, по вечерам – тоже, а днём скакал и прыгал, забывая о пище и воде.

Сначала ему было очень трудно, очень сильно болели ножки и спинка, он похудел и устал, ночью плакал от безысходности и нелепости этого странного мира, – на самом-то деле ему совсем не хотелось быть большим и таким как все, а хотелось, что бы его любили таким, каков он есть. Но когда солнце стало светить и жарить всё сильнее, а русло реки поменяло направление, наш маленький жираф понял, что вырос и окреп. Он без труда теперь мог достать яблоко с самой высокой ветки, аромат цветов оказался действительно – прекрасен, а шимпанзе боялась дразниться.

Шкурка жирафа покрылась чёрными пятнами. Он мог быть важен; его слушались даже тигры и слоны, поскольку считали мудрым.

Жираф же приходил по ночам к кусту лавра и втихоря жевал его противные, жёсткие листья, то и дело, чихая от едкого, маслянистого привкуса, и крупные жирафьи слёзы падали в траву, притворяясь там росой. Мудрый жираф понимал, что мир так и остался несовершенным, несмотря на то, что сам он изменился, что вокруг много маленьких жирафов, и он не в силах им помочь, пока те сами не захотят изменить себя и этот Мир.

Пока он размышлял, к нему подбегала маленькая дочь старой шимпанзе, корча рожи срывала плод и, прыгая по дереву вверх, смеялась вот так: «Хо-хо-хо!» Или так: «Хи-хи-хи!» Какая разница, всё равно – весьма обидно.

Или такие:

ЛУННЫЕ МЫШИ

*Гляжу я в
окошко:
По лунной
дорожке
взбирается тихо
когтистая кошка.
«хвостом
прижимается,
выше и выше», –
в усы усмеваются
лунные мыши и
нагло сгрызают
луну словно сыр.
От ужаса
сыр улыбнулся до
дыр. А луч
не становится
хрупок и пол –*

он гибок и
кошка
скатилась на...
...стол
и кошка и я
замечаем: у крышки
«Рокфор»
уплетают
наземные
мышки
Спросил я у
кошки: «зачем
на Луну?»
поймай-ка ты в
доме хотя бы
одну.

**ЗЕЛЁНЫЙ ИЗУМРУД И СИНИЙ САПФИР – ЭТО СО-
ЧЕТАНИЕ ЛЕСА И МОРЯ**

А потом меня послали работать за границу в Финляндию, писать о том, как у них там хорошо дела с инвалидами обстоят, не то, что у нас до сих пор.

В 1995 году я была уже замужем за другим человеком, его звали – Максим Исеев. Это единственный мужчина в моей жизни, который оказался предателем, но об этом позже. А пока, о хорошем – этот мой рассказ.

*«Ваше благородие, госпожа Чужбина,
жарко обнимала ты, да мало любила.
В шёлковые сети
постой – не лови...
Не везёт мне в смерти,
повезёт в любви».*

Б.Ш. Окуджава

Первый раз в жизни я на работу не опоздала, пришла выспавшаяся, и в отличном настроении, несмотря на понедельник, а тут как назло к начальнику вызывают:

– Собирайтесь, поедете завтра в Финляндию по «обмену опытом».

– Как завтра?! По какому ещё обмену? – думаю, но сначала всё ещё радуюсь. В «загранку»-то посылают не каждого!

Но тут же радость моя мигом улетучивается, потому как узнаю, что срок отбывания – неопределённый, да ещё в лесу жить, правда, машину мужа перегонят, чтобы из финского леса, где фирма сняла дом,

легче нам было добираться до города Лаппеэнранта, где наш офис. Одну бояться пускать – ещё останусь.

Какой там – «останусь»?! Мама моя рОдная. Дорогая мамочка-а!!! Никогда нигде не была, и не надо. Мне и тут хорошо: и сын тут, и родители. За что?! Всех бросить из-за какого-то там «обмена»? Но, поразмыслив, успокаиваю себя: «Деньги-то немалые. Можно и в квартире ремонт сделать, шубку норковую купить, шмотки разные».

Соглашусь, но Родину не продам. Патриот – я!

Вещи не собирала, а просто набрала всего-всего и побольше, (а вдруг там ничего не купишь), одних лекарств пол-аптеки скупил, на всякий случай, мало ли чего заболит, а у этих, небось, дорого – уезжаю-то не на день.

Еле-еле в вагон поезда втиснулись с бесчисленными сумками и пакетами, благо, что фирма выкупила все четыре места.

Сидим с Максимом на нижней полочке: я реву – он утешает.

Так всю ночь и утешал под мерный стук колёс.

А утром, только я уснула, барабанят в дверь.

– Приготовьте ваши паспорта – таможня! – Видимо, так надо было понимать тарабарский финский язык.

Обыск производился женщиной в комбинезоне цвета хаки, толстенькой страшненькой... Да всё вроде бы ничего – обе декларации аккуратно заполнены, но, как я поняла по её выражению лица, с выпученными глазами и вытянутым носом с шевелящимися ноздрями, – ищет.

И, чего привязалась? Копаются, рыскает по сумкам, будто унюхала что-то. Странно? Может на неё запах «валерианки», или валокордина так действует?

Пока я размышляла, эта мымра ка-а-к рявкнет по-фински, но что именно я так не поняла, хоть по-английски несколько раз переспросила. А она перед моим носом пакетом с лекарствами, как погремушкой трясёт и на выход нам с мужем указывает.

«Раньше таможня давала добро, а теперь его забирает» – мелькнула фразочка из кинофильма «Белое солнце пустыни». Ну, какой к чёрту выход, если мы до Хельсинки ещё не доехали? Сопротивляясь, я орала на весь поезд – ядрёным! (Ведь не ругаюсь вроде бы никогда?). Муж меня одновременно и утешает, и шипит:

– Молчи милая, сопротивление бесполезно! – хуже будет. А куда хуже-то? Благо, автомобиль нас, как потом оказалось, именно около этой станции ждал, но в тот момент я этого ещё не зала. Я много чего тогда не знала, оказывается...

А дальше, как в детективе.

Кровавая заря раскинула свои крылья над дремучим лесом, над верхушками ещё не проснувшихся синих сосен. На опушке торчал малюсенький домик, будто мухомор, один-одинёшенек, проклюнулся незначай в этой глуши. И в этом, ёлки-палки, домишке, уже четыре часа нас пытала ведьма-Толстуха в комбинезоне и Главный по Нарко-

тикам из города Лаппеэнранта со своей «Анкой-Переводчицей», которых мы прождали три часа после: высадки из поезда, слива бензина из машины, обыска меня и Макса с раздеванием, конфискацией ремней и выниманием шнурков из ботинок. О такой «загранице» я не знала и ни ведала. Такое и в кошмарном сне вряд ли приснится.

Трясли нас качественно, технически грамотно, и по инструкции, от которой ни один финн отступить не сможет ни за какие коврижки. Это вам не Москва с её милой, родной, понятливой за «бабки» милицией.

В Финляндии никакие деньги не помогут, тем более нам, простым русским гражданам, приехавшим по работе, (или туристам, как мне потом рассказывали), от незнания и наивности не ведавшим, что закон – это Закон, и хоть ты тресни.

В перерывах между, допросами, чтобы увидеть Максима и как-то развеяться, я просилась в туалет, куда меня сопровождала всё та же «милейшая особа».

Шагая под конвоем по «Зелёной миле», Макса я так ни разу и не встретила: «*Не думай о секундах свысока*». Где же ты теперь, моя Родина-а? В «Дамской комнате» из синего с жёлтыми египтянками кафеля, (вот бы отковырять), я ревела, сидя на унитазе, и пыталась представить свою ванную вот с такой же голубой раковиной и краном с блестящей ручкой – балдёж!

Такой роскоши я никогда прежде не видывала и просилась в туалет часто, чтоб хоть это запомнить перед ссылкой в Москву или, скорее всего в их тюрьму, что совсем не в кайф.

И тут после посещения в очередной раз туалета, снизошло на меня озарение! Я поняла, что действовать надо китайским способом – отвечать одно и то же, при этом кивая и не меняя выражения лица.

Что успешно и применила. Выглядело это примерно так:

– Вы везёте на территорию страны незаконные лекарства, не указанные в декларации, – монотонно бубнил Главный по-фински, Переводчица в унисон тараторила за ним на ломаном английском.

Позже я поняла, что ни один уважающий себя финн не знает международного языка или знает, но говорит на нём так, что понять его простому смертному практически невозможно.

– Я везу с собой лекарства, не считающиеся ни у вас, ни у нас наркотиками. Кивая, гордо отвечала я, усердно стараясь вывести из себя «Начальника».

– Вы везёте незаконные лекарства...

– Я везу лекарства, не считающиеся наркотиками (кивок)...

– Не-е-ет, Вы везёте...

– Я везу (кивок), я везу (кивок), я везу, я ве-зууу. Угу...

Через час Главный эксперт по наркоте вышеуказанного города не выдержал и сдал позиции.

И, что удивительно, не попросив Переводчицу из кабинета, на чистейшем русском языке он внезапно произнес:

– В Выборг надо ехать, чтобы лекарства купить, туда и виза не нужна, и добираться на «тачке» всего час от вашего будущего дома, – и он мило растёкся в улыбке, увидев моё искреннее изумление, быстро переходящее в ненависть.

Долго ещё я не могла забыть своё первое впечатление о «бугре». Уже после я полюбила эту страну: с её северной красотой и холодным чистым морем; голубыми лесными озёрами с мостиками для купания и с нетронутыми плантациями черники. Не забуду, как мы чуть не врезались на большой скорости в лося, который является своеобразным символом Финляндии, и встречу с медведем, и милое Привидение из дома с бассейном и сауной, в котором нас поселили.

Славная страна – эта Финляндия, с её полицией и ровными дорогами с жёлтой разделительной полосой; с ненакрашенными и непонятно во что одетыми тётками и спокойными дядечками; с пивом «Кёфф» и свежекопчёной форелью, выловленной вами же и приготовленной поворотом тут же у пруда – вкуснотища!

А чего стоит «Сухой закон», который они честно блюдут, отбывая в Питер по субботам, и прибывая по воскресениям с «развозом» по домам, вот бы и нам такую службу... Я предалась мечтаниям, жуя бутерброд с «Финским сервелатом» и ломтиком «Российского сыра» сверху, запивая всё это уже давно остывшим чаем... Но тут, почему-то снова мелькнула фразочка из фильма «*Таможня даёт добро, Махмуд поджигай!*», – к чему бы это? Тьфу-тьфу-тьфу!

Позже обо всём этом и о многом другом я написала роман «Love phantom».

Вот несколько строк из него:

«Здравствуйте, глубокоуважаемый сыщик мистер Шерлок Холмс!

Двенадцать лет я молчала о том, что не даёт мне покоя ни на минуту, что занимает все мысли днем, все сны – ночью с того памятного события и по сей день. Двенадцать долгих лет я лелеяла мысль о том, что когда-нибудь соберусь с силами и напишу Вам это письмо. И вот, наконец, я осмелилась просить Вашей помощи из нашего XXI века в ваш XIX-ый. Посылаю этот конверт на Бейкер стрит, 221-б, точно зная, что разобраться в этой, поистине странной истории, случившейся со мной в августе 1995 года в окрестностях небольшого городка, Лаппенранте в Финляндии, не сможет никто кроме Вас. В этом я уверена так же, как уверена в том, что таинственная связь, существующая между Вами и мной, тянется со дня моего рождения и до нынешних дней».

Вот так закончился этот славный рассказ, и началась другая, страшная для меня история.

ЧЕРНЫЙ ОСКОЛОК

1997 год.

*Соком граната, как кровью, запачкаю пальцы,
Кислый такой, что набила оскомину враз.
На антресолях разохлись старинные пальцы,
Можно бы вышить рисунок из правильных фраз.
Знаю, что крестиком – гладью совсем не получится,
Цвет мулине подбираю пастельных тонов.
Скромнен орнамент, но теплая гамма лишь чудится –
Ветхая ткань, рвется истина в петельке слов.
Ох, маета... распускаю ненужную вышивку.
Капельки с зерен так трудно слизнуть по одной,
Не насладиться, – и косточки белые выплюнув,
Тонкие нити души, перепутав, кладу на ладонь*

Была зима.

Я неподвижно лежала на диване и смотрела в одну точку, «точкой» была люстра с тремя пыльными матовыми плафонами или вернее на крючок, который не виден за незатейливым керамическим колпачком, прикрывающим провода. «Можно снять люстру, взять верёвку... и», – мысль о смерти неотступно преследовала меня уже три месяца, после того как тихо и подло сбежал от меня мой муж Максим.

Меня недавно выписали из больницы, где поставили диагноз: «ступор в связи с общим нервным истощением», назначив успокоительные и антидепрессанты, от которых кружилась голова, тошнило, и всё время хотелось спать. Только сон отступал, я снова разглядывала люстру, и думала о том, как будет легко, если сделать шаг навстречу бездне, но не было сил встать, совсем не было. Моя Душа, сдавливая грудь, мучительно болела, ощутимо ная, даже во сне, искусственном сне...

Ещё бы, ведь Максим вымуштровал, вернее, приучил мою Душу, дал надежду и веру в незыблемое счастье, и нерушимый покой? Все долгие годы совместной жизни я шла за ним как Павка Корчагин за, «Светлым будущим» интуитивно чувствуя, что обманываюсь, но каждый раз после очередной ссоры гнала от себя нелепую мысль, окунаясь в его виденье мира полностью, до донышка, до последней капли крови. Его проблемы стали моим смыслом жизни.

Ради любви я переехала с Сокола в его малюсенькую квартирку в «спальном районе» на Планерской – забыла мать, друзей. Оставила интересную перспективную работу. Бросила сына Артема на маму Валю, поскольку он ходил в четвертый класс престижной немецкой школы рядом с домом, из-за которой я и попала на Сокол из своих любимых Кузьминок.

Муж Макс завидовал моему успеху, неиссякаемому общению и любви окружающих. Я дала ему денег, которые остались у меня после

смерти мамы Леры, чтобы он пошел на Таможенные курсы и устроился на хорошую должность. Плюнув на свою карьеру, я научилась сидеть в четырёх стенах со своим неуёмным темпераментом. Стала варить борщи и вышивать носовые платки крестиком. «Любовь ли это?»,— думала я всякий раз, стараясь из-за всех сил угодить мужу, когда он приходил недовольный отменённой сделкой, и, срывая на мне злость, выливал борщ в унитаз: *«потому как, картофель или свекла нарезаны не таким ломтиками, а крестики – не такого цвета»*. Я утешала его, давая рекомендации по работе и успокаивая себя – вышивая нолики, и выслушивая что: «я-то, конечно, умнее, ха-ха! А, он – дурак!». Но почему-то, Макс всё же, прислушивался к моим советам и заключал выгодные контракты.

Потом я стала ощущать дрожь в Душе. Меня трясло как перед экзаменом, когда муж звонил и говорил, что будет через полчаса. Я нервничала, но, переборов себя, бежала разогревать ужин и ждать очередного недовольного взгляда.

Когда надо было уехать на Сокол, чтобы ухаживать за мамой Валец, умирающей от рака груди и за маленьким сыном, он заявил, что устал. И не переехал. Я моталась к нему на другой конец города, чтобы накормить, сделать уборку. И обратно, чтобы провести бессонную ночь под стоны матери, а днём делать ей уколы морфия. Иногда, надолго оставалась возле родных. После смерти мамы, в Душе будто что-то надломилось... Потом, оказалось, что я беременна.

Я позвонила ему сообщить радостную весть – мы так хотели девочку. Но молоденький женский голос подозвал моего мужа: «Делай что хочешь, – ответил он, – отстань от меня». В трубке раздались короткие гудки.

Борис, мой первый несчастный муж, который до сих пор любит такую дуру как я, отвез меня в «склиф», где меня проконсультировали и сказали, раз я пью сильные успокоительные таблетки, ребенок может родиться умственно отсталым, и я согласилась сделать специальный укол, после которого на следующий день случился выкидыш...

А потом, потом я шагнула в окно к манящей бездне, я точно помнила, что шагнула.

Сталинские дома Сокола, в отличие от кузьминских девятиэтажек отличаются тем, что на лестничной площадке есть окна, с широкими подоконниками. На своем этаже я часто сидела и смотрела вниз, (на площадке чувствуешь себя не так одиноко как в огромной пустой квартире). Я знала, что шагнула, но Борис рассказал мне уже в «кремлевской» психушке, куда устроил меня папа Женя, что поймал – буквально за шкурку как котёнка, вытащил – а жаль. Беспомощная, лёжа уже в своей квартирке, я во всём винила себя и Любовь?

Наступила весна.

Я чуть-чуть ожила и, решив для себя: *«Клин клином вышибают!»* – нашла в Интернете подходящий сайт знакомств, кинула туда «дурац-

кую» анкету, выбрав самую красивую фотографию, где я кареглазая и рыжеволосая, в открытом вечернем платье смеюсь, откинув чуть назад кудрявую голову,— давно это было. Когда? И почти через минуту уснула, а проснувшись, забыла об анкете и снова усталилась на люстру.

Приблизительно через месяц я получила первое «электронное письмо», а вскоре, посыпалась куча выгодных и не выгодных предложений со всех стран мира. На письма я не отвечала, бегло прочитывая, нажимала на кнопку «удалить».

Пришло лето.

Я, то спала, то по трое суток не могла сомкнуть глаз и почти ничего не ела. Главным и основным занятием было разглядывание люстры и обоев на стене. Иногда, всё же проверяла почту, видимо Душа немного отогрелась в душевой квартирке, но ещё сильно ныла как старая рана...

На улице был воздух! Я удивилась, что никогда раньше не замечала, есть он или нет. Впервые за долгие месяцы прошлась вокруг дома и обессиленная, плюхнулась на лавочку. Поняла, что разучилась улыбаться и, не отвечая на приветствия соседей — просто кивала головой. Ещё поняла, что не могу радоваться зелёным листьям на деревьях, цветам, играющим в песочнице детям, тёплым солнечным лучам. Мир выглядел как старые выцветшие кадры диафильма. Он не сиял, как прежде, а существовал отдельно от жизни, как фон.

Удивительно, но поток писем не прекращался — много на земле одиноких людей? Однажды мне понравился на фотографии белобрысый парень с голубыми глазами, мускулистый, хорошо одетый. Я набралась храбрости и позвонила по указанному в письме мобильному телефону:

— Алло, будьте добры Николая.

— Слушаю.

— Здрасьте, это Алевтина — соврала я.

А-а, вспомнил, я писал Вам. Вы свободны сегодня? Давайте встретимся!

— Да, — сразу согласилась я, — Буду вас ждать около моего подъезда в семь вечера.

— Хорошо, запишите номер моего «BMW».

Я увидела «BMW», и, проверив номер, подошла к машине.

Молодой человек вылез, галантно распахнул дверцу, предлагая сесть в автомобиль. Я насторожилась, съезжилась, но, вспомнив про «клин клином», — покорно села на переднее сиденье.

— А давайте поедем ко мне, — хитро сощурившись, предложил Николай. — Сейчас, тортик купим и вина, — какое Вы предпочитаете?

— Мне всё равно.

— Тогда подождите, я сбегаю, — рассмеялся он и поспешил в магазин. Я подумала: «Можно прямо сейчас выйти из машины и удрать домой. Ясно же, чего этот «милый Коля» от меня ждёт», но, представив свою квартиру, тени от люстры на белом потолке, осталась. Мы ели торт, запивая красным дорогим вином. Точнее Коля ел торт, а я пила вино из

граненого стакана, рассматривая кухоньку: непонятного цвета обои, годов шестидесятых с жёлтыми разводами, облезлая мебель, газовая плита с двумя недостающими конфорками. Пахло сыростью, хотя на улице была жара. В квартире, явно, не живут или бывают, но редко.

– Выйду на балкон, – сказала я – Душно!

Николай, дожёвывая торт, поплёлся за мной. Посреди комнаты стояла не застеленная постель со свежим бельём. Рядом на тумбочке светил синим экраном дорогой ноутбук, остальная мебель была такой же старой и облезлой, как и на кухне. Я вышла на балкон, вдохнула больше воздуха и хотела закричать, но вместо этого, плотно сжала губы. Возвращаясь, случайно взглянула на подоконник, разглядела спрятанные за полинявшими шторами хаотично разбросанные и стоящие в стаканах тонкие церковные свечи, наполовину оплавившиеся, сплывшие друг с другом от нагретого солнечными лучами стекла.

«Маньяк! – За каждую дуру отмаливается. Так мне и надо...», – испугавшись всерьёз, подтвердила я неприятным зрелищем свои мысли. Николай сидел за ноутбуком спиной и что-то печатал. Можно двинуть ему по башке вот этой латунной вазой и убежать. Но вместо этого я громко спросила:

– Что ты там делаешь?!

– Письма пишу, – серьёзно ответил Николай.

Я присела на скрипучий стул и стала ждать. Ожидать чего? Чуда? Возможно ли, что всё происходящее мне кажется, а Николай хороший и порядочный человек?

– Чего сидишь? Иди в ванную – мойся, – оглушающее крикнул он и швырнул мне на колени огромное махровое полотенце.

И тут я не выдержала:

– Иди сам мойся! Не боюсь тебя! Ну, убей меня, убей! – с отчаянием закричала я.

Николай удивлённо посмотрел на тоненькую хрупкую девушку с огромными серыми кругами под горящими глазами, полными слёз и ненависти.

– Чего ты орёшь? Гордая, да?! – рассмеялся он, показывая белоснежные зубы.

Встал во весь свой огромный рост, упёрся рукой о дверной косяк.

Ненавижу! – закричала я и сжала кулаки так, что длинные ногти впились в ладони. – Это вы всё, вы, мужики, – недоговорив вдруг, твёрдо и спокойно спросила:

– Что у тебя случилось?

– Тебе рассказать, хочешь знать правду?! Все вы одинаковые, все! Я оставил жене свою квартиру, и все что у меня было, только из-за дочери, у меня дочка маленькая, два годика всего, а она не дает с ней встречаться. Я буду-у-у жить где попало, жрать как попало, трахать вас и звонить ей! Специально снял эту дыру-у-у! Понимаешь? Да куда тебе, ты тоже – сука! – он брезгливо скривился. «Красивый, сильный мужик

вопил, визжал, что его жена – глупая кукла, на которую он угрохал кучу «бабок», молодость и веру в Любовь?»: думала я слушая исповедь, уже не страшась и чувствуя, что сильнее: «не может быть!».

– Я звоню и рассказываю о каждой новой бабе, пусть знает, пусть!

– Да, пусть знает, – спокойно сказала я, глядя ему в глаза – Я тоже сука, слышишь?

– Ах, так?! – тогда катись в душ, и чтоб вышла оттуда голая, и, в сапожках, поняла?!

– Мне всё равно... Если тебе будет от этого легче.

– Господи, да что ж это такое ты что, проститутка? – мне не нужна блядь.

– Нет, я – сука, ты же сам знаешь, это же видно по мне, видно? – спросила я.

– На колени встанешь и поползёшь, – прорычал он, вытаскивая ремень из брюк, я тебя отхлестая!

– Куда ползти? Мне все равно, только бы тебе было хорошо...

– Что ты мне голову морочишь?! Можешь проваливать! Убирайся! Уйдёшь же ты, наконец, – вдруг, жалобно простонал он, сел на постель, обхватив голову руками.

– Не уйду! – крикнула я, схватила полотенце и бросилась в ванную – там было мерзко. Мерзко как на душе: шторы не было, коврика тоже – холодный пол из отбитого по краям рыже-белого кафеля, тёмно-зелёные, заплесневелые стены.

Я заперла дверь на щеколду, прижалась к ней всем телом, сползла на пол, закрыла лицо руками и заплакала, впервые за всё это время – «время чёрной полосы» в моей жизни, которая была пропастью до сегодняшнего дня. «Клин клином?!»: подумала я, стягивая с себя платье. Положив одежду на бачок унитаза и, стараясь не касаться телом холодных краёв чужой ванны, я быстро ополоснулась под тёплым душем, не вытираясь, прижимая к груди свои вещи, вошла в комнату. Николай так и сидел на постели и не было в нем уже того азарта, он как-то весь сжался, будто ему было холодно в этот летний жаркий день.

– Чего расселся! Раздевайся, скомандовала Коронелли!

– Все вы суки, – упрямо прошептал Николай.

– Презерватив на тумбочке! Давай надевай! А то ишь, все у него суки!

«Он растянул брюки и навалился на Алевтину.

– Но тебе же нравится! Нравится?

– Ненавижу тебя, – прошептала она.

Он довёз меня до подъезда. Всю дорогу мы молчали. Лишь когда подъехали к дому, я заревела и уткнулась в его крепкое плечо.

– Почему! Ну почему? – всхлипывая, повторяла я, вглядываясь в его голубые глаза полные слёз.

– Почему? – повторил он и погладил по волосам, – можно я тебе завтра позвоню?

– Нет, мы никогда больше не встретимся!
– Береги себя. Не знакомься по Интернету, там одни подонки как я. – Прости. На следующий день я поехала в магазин «Свет» и купила новую, зелёную люстру с десятью плафончиками в виде лепестков тюльпана. Попросила соседа срочно её повесить и, когда он, наконец, снял старую, пыльную страсть, я залезла на стремянку и дотронулась пальцем до крючка – он оказался, действительно прочным, но неудобным, наверняка верёвка соскользнула бы...

Зря я столько думала о тебе, Максим. Ты был недостоем меня и моей любви. Вот какую ошибку я сделала и, за неё, мне придется распла-

чиваться. К сожалению, моё и без того слабое здоровье было окончательно подорвано на всю оставшуюся жизнь. От неминуемой смерти спас меня мой третий муж Вячеслав.



**Мама – Валентина
Яковлевна Коронелли**

*мама, помнишь, ходили за травами,
зверобой собирали, пустырник...
в погребушке сушили их,
правильно:
жарким днём и без солнца
настырного,
я запомнила....*

*а в лесу волчьи бусинки просят,
впереди – земляничные ягодки,
мудрость, мама, с годами.
не просто как...
привести надо мысли в порядок.
я запомнила...*

*возвращаться так трудно домой,
я стою на холме
и седые берёзы,*

*но, всё кажется, мама со мной...
и трава-мурава,
и горючие слёзы,
а бумажные мятые розы,
кто принёс их тебе?
ну, и пусть,
значит, я лишь запомнила...*

**А ЭТО – ЖЁЛТЫЙ ОСКОЛОК ОТ НЕЗАТЕЙЛИВОЙ, НО
ВЕСЁЛОЙ ЁЛОЧНОЙ ИГРУШКИ**

1998 год.

Как правило, в выходной, мы с мужем Вячеславом и моим сыном Артёмкой идём в Кузьминский парк. За спиной у Славки огромная сумка, там провизия: бутерброды, помидоры с огурчиками. В руках удочки, а в пакете банка дождевых червей, добытых втихаря за домом, (если положить доску или трухлявое дерево и регулярно поливать – червей будет тьма, даже в нашем цивилизованном городе). Ещё я беру акварель или пастельные мелки, и бумагу. Липа расцвела и сладко пахнет мёдом – красота. Влахернское-Кузьминки – бывшая усадьба князей Голицыных. Сейчас все постройки, а их немало, реставрируют. Проводятся выставки клумб.

Зимой Дед Мороз в выстроенном для него в нашем парке деревянном коттедже, принимает письма от детей, а летом тут можно купить мёд «лужковских» пчёл. Наш мэр Москвы Лужков даже памятник пчёлке Кузе поставил. Существует поверье – если дотронуться до её крылышек и загадать желание, то оно исполнится. Но, я бы не советовала, есть этот мёд. Правда, если у вас есть деньги на памятник себе, то можно!

А вот и моё любимое местечко у пруда, где поменьше народа, который, не смотря на раннюю весну, уже повсюду гуляет, загорает и с удовольствием купается в мутной грязновато-болотной воде. Москвичи – что с них взять?

Мы троим дружно закидываем удочки и смотрим на красные поплавки. Главное в ловле сам процесс – выловленную рыбу даже наша кошка не ест, зато дворовые уплетают за обе щеки. Мутанты кошки, мутанты рыбки... Кстати, однажды, я щуку поймала небольшую, но вполне симпатичную. Рыба стала хитрая – просто так не клюнет. То ли манку ей, то ли червя – не поймёшь! Не то, что на Валдае. Там подлещики – красавцы и угри в своих подводных норках, плотвичка пестрит красными плавниками, а из ершей уха – пальчики оближешь!

В Кузьминках улов нам не нужен – воздухом бы не отравиться. Вот дожили! Зато места красивые.

Я кладу удочку на рогатину из ивы и рисую пейзаж: размытые в пруду деревья, небо, чайки. Любопытные прохожие, советуют, следят за моей работой, я киваю им, соглашаюсь, но рисую, как хочу, а потом раздариваю свои картинки друзьям. Солнце щекошет наши ресницы, звенит листва, перешёптываются травы, поют серенады лягушки, суеются у берега мальки в поиске мошек.

К вечеру совсем неохота возвращаться в «бетонный рай». Но скоро солнце зайдёт за горизонт, бьёт колокол в белоснежном храме Влахернской иконы Божией Матери. Пора. Нас с нетерпением ждут чумазы кошки – вот у кого будет праздник!

МАЛЕНЬКИЙ КАМУШЕК НА ПАМЯТЬ

Зима. Раннее утро.

В метро совсем мало народу. До дома ехать долго, почти час. Я возвращаюсь после страстной ночи любви.

Усталая и очень счастливая!

Полупустой вагон мерно укачивает пассажиров.

Напротив отмечаю мужчину лет сорока: красивый, седой, загорелый. Просто вылитый Ричард Гир.

Украдкой разглядываю его необычную внешность. Такие супермены в метро – редкость, – отмечаю я.

Ужасно хочется спать. В полудреме вспоминаю изысканный ужин и то, что было после... Милый, я уже соскучилась!

– Следующая станция «Пушкинская», – объявляет машинист.

«Долго ещё...»: думаю я, и снова дремлю...

Вдруг, чувствую чьё-то осторожное прикосновение.

Вздрагиваю от неожиданности.

Представьте моё изумление: седовласый незнакомец бережно берет мою руку, нежно и с достоинством целует мне пальцы, ласково смотрит в глаза и... выходит, не говоря ни слова.

Люди вокруг «сверлят» взглядами и шушукаются. От смущения – еле жива, но делаю вид, что мне целуют руки каждые пять секунд, все мужчины мира. Нагло улыбаюсь, а потом ныряю в уютный воротник шубы, как в спасительный домик. Ощущая себя женщиной – гламур: очаровательной, сексуальной, просто, обворожительной. Всегда приятно, когда тебя ценят!

Поезд трогается, унося меня всё дальше и дальше...

Порой, я вспоминаю того седовласого рыцаря. И становится тепло на душе. И не страшно, что время медленно исчезает, стекая циферблатом со стола...

*я смогла укрыться от твоего взгляда
я ушла от насмешки – горького яда
душу держа взаперти на замках пудовых
не сумею увиливать ящеркой слова снова*

*я сижу на дороге она посреди поля
рожь волной золотой бежит а где моя воля?
взаперти душа в квадратуре из исключений
может хуже бывает может бывает плачевней?*

*я сижу на дороге одна и думаю: сколько
можно сидеть вот так – маята да и только
в моей жизни было уже... три мужа
боб любил поесть но не был мне нужен*

*макс очень худ, но шустрый и верткий
он чинил чтоб ломать пилой и отверткой
слава мечтал рисовать паруса с натуры
серый холст был всегда не той фактуры...*

*я сижу на дороге одна и пою эту песню
не сумею стать ящеркой истинной лести
и не верю, бывает любовь или не бывает?!
я встаю и иду вперед а куда – не знаю*

**КАПЕЛЬКА ЯНТАРНОЙ СЛЕЗЫ С ЕЛИ,
ЧТО У САМОГО МОРЯ**

*Соберу разноцветные камешки.
На тропе попадают разные:
изумрудные, синие, красные,
золотистые с чёрными блестящими.
Обожаю кораллово-рыжие,
их старинный анфас мне ближе...*

*Сколом церкви кирпичик дышит,
но его не беру, этот – свыше.*

*У природы породы горные,
а на пляже лежат санаторные,
под водою – яркие, гладкие,
и на вкус кажутся сладкими.
Есть куриный божок с дыркой,
он на счастье – желанья как бирки
соберу нанизав на нитку...
Жаль, «несчастье» пишется слитно.*

Прибалтику научила любить меня мама Валя. Когда я была ещё совсем юной, мама брала каждое лето отпуск и возила меня, то в Юрмалу, то в Таллинн, то в Ригу. Каждая поездка была для меня очередным счастьем путешествия.

Раньше это было легко – ни тебе очереди в посольство, ни «загранпаспорта», ни дорожной визы. Когда я вышла замуж за Бориса и родила Артёмку, который постоянно болел, мы могли выбраться только на дачу. Да и мамы уже не стало.

Я всегда помнила изумрудное море и белых чаек, сосновые леса, песчаные дюны, где можно укрыться от людских глаз и позагорать без купальника, чистые улочки и золотые острые шпили костёлов. С Дианой мы познакомились в «Реабилитационном центре В.И. Дикуля» в Мос-

кве, куда я хитро устроилась «за так». Как у меня это получилось – отдельная и смешная история.

Несмотря на мою неизлечимую с детства болезнь с диагнозом ДЦП, я шустрая и всегда любила заниматься чем-то новым и неизведанным и на этот раз полезным для здоровья.

Диана поразила меня своей красотой: высокая блондинка с зелёными огромными глазами – просто модель, если бы ни одно «но». Ей было всего шестнадцать, когда жизнь сыграла злую шутку. Она жила в общежитии, где училась на музыкального педагога не в родном Мажейкяе, а в другом городе.

Все девчонки завидовали её красоте, успешности и особенно тому, что у неё уже был богатый, красивый, мускулистый жених. На ночь общежитие закрывалось, но именно в это время и начиналась самая бурная пора. Чтобы погулять, нужно спрыгнуть со второго этажа и рвануть на море. Дианка прыгала сто раз, а в сто первый – неудачно – сломала позвоночник. Её отвезли в больницу, где врачебный консилиум объявил, что ходить она больше не будет!

Жених тут же испарился, как и остальные «друзья». От горя Дианка наглоталась таблеток, но её откачали – дозу не рассчитала! После встречи со Смертью, решила: Жить! Удивительно, но родители смогли найти спонсора и её привезли на лечение в Москву. После долгих месяцев борьбы она смогла ходить сначала на костылях, а потом и с палочкой, назло врачебным уверением, мама, ухаживающая за ней, уехала обратно в Литву, (быть вдвоём в Москве – непозволительная роскошь).

А она поселилась в гостинице недалеко от метро «ВДНХ» и каждый день, целый день проводила в Центре восстановления, упорно занимаясь собой. Мы подружились, и я поняла: её неудержимая энергия, плюс моя неуёмная – это то, что надо!

Чего только мы не придумывали, где только не бывали, с кем только не знакомились: выставки, музеи, театры, художники, литераторы – каждый день познавали новое. Это отдельная история и потом, может быть, я напишу её.

Пока я хочу рассказать о Прибалтике – дюны, лагуны, скалы... Я снова приехала туда, Дианка прислала приглашение.

Я, как когда-то моя мама Валя, приучаю своего ребенка любить путешествия – видимо семейное. Мы получили загранпаспорта и визы, сели в мягкий вагон-купе и отправились в путь. Честно говоря, я поехала к Дианке, не только чтобы увидеть Прибалтику, а оправиться после автомобильной аварии, в которую попала. Я лежала на диване, как оглушённая рыба. Муж Борис всегда приходил мне на помощь в трудные минуты моей жизни. И, хотя мы с ним уже давно не жили вместе, он приезжал и кормил меня с ложечки куриным бульоном, проклиная ту «автомобилистку», которая сбילה меня, когда я шла в магазин за продуктами. И себя – он ничего не сумел доказать, так как она была зубной

врач и имела свою стоматологическую клинику, поэтому заплатила «ментам» сполна. Лежала я, лежала и вдруг поняла, что если полежу ещё, то – кранты!

Муж сходил с ума – ему не дали отпуск даже за свой счёт. Сын упаковывал, под моим контролем дорожные сумки; Борис молчал, он-то прекрасно знает – если я чего решила, то сделаю, несмотря ни на что. А смотреть, в самом деле, было не на что – обои в цветочек и люстра (снова люстра во второй раз в моей жизни) – порядком надоели.

И вот, мы с Артёмом поехали в Палангу, почему именно в этот городок – объясню: я люблю белый песок пляжа; розовых улиток, дремлющих на мхах; черешни с янтарными и бордовыми ягодами, которые никто почему-то не обрывает; подстриженные кустарники и цветочные клумбы; траву в сосновом парке, будто специально расстеленную для отдыха мягким ковром и усыпанную причудливым узором из белых ракушек и разных камушек. Люблю чистые тротуары, где плюнуть жалко. Каждое утро ровно в шесть часов, люди, живущие здесь, подметают возле своих подъездов. А рыба! Какая вкуснятина эта копчёная рыба! Разнообразие которой поражает. А сыры и все молочные продукты – это не какой-то там «Данон»... А пиво, сваренное из настоящего ржаного хлеба?! – вот если такое вот выльёшь на лавку, то кожаные штаны действительно прилипнут!

Дианка приехала нас встречать к станции на своём новеньком «Мерседесе» и отвезла к знакомой. Адель – так звали эту даму. Действительно это была ещё та Адель! Взяв наши тяжеленные сумки разом, легко отнесла их на второй этаж в свою квартиру. Она с такой же лёгкостью могла отнести и нас – такая высокая, широкоплечая, крепкая тётушка! Накормила супом с булочками и пирожками с корицей (сама пекла). Мы объелись, и на пляж Дианка отвезла нас на машине, хотя идти было всего метров пятьсот. Сын впервые увидел море и огромное красное солнце, которое плавно опускалось в зелёную гладь, а над головами кружили чайки и буревестники, розовые от последних лучей заката на фоне синего неба. Он так впечатлился, что мне пришлось покупать кисти и акварель – я сохранила в альбоме его рисунки.

В Паланге, чтобы поплавать, нужно долго идти в глубину моря – помните героя А. Миронова из кинофильма «Бриллиантовая рука»? *«Господи, помолимся!»*. Бултых!

Идя по песчаному зыбкому дну, стремясь, в глубину я шептала: «Помоги мне, море выздороветь!». Оно послушно закивало мне волнами и «оглушённая рыба» не всплыла пузом, а очухалась после первого же купания. Я – Вода, оно – тем более, мы, как бы, смешиваемся, и я отдаю ему всю свою боль, а оно прибавляет силы. Любое Море живое и доброе к тому, кто любит его как я!

С утра мы съедали по тарелке клубники с молоком и шли загорать, взяв с собой съестные припасы, а вечером приезжала после работы

Диана с маленьким Мартинасом и устаивала нам вечерние экскурсии по близлежащим городам и ночным заведениям.

В Паланге я накупила кучу шмоток – трикотаж и бельё не хуже чем от Gucci.

Прошла неделя, сын научился плавать и нырять. Мне нравился клуб, где классно пел русский. Иногда мы ночевали в «палаточном городке» в лесу с Дианкиными знакомыми знакомых.

Мы жарили шашлыки и болтали – не могли наговориться. Наши дети играли в прятки – все при деле. Поверьте мне, в Паланге ни разу я не поймала на себе косога взгляда, ведь у нас принято считать, что прибалты – фашисты, ни разу не сталкивалась, даже с чем-то похожим – очень гостеприимный, миролюбивый народ. Русский язык знают практически все, правда, малыши, к сожалению уже знать не будут. На набережной Паланги торгуют мороженым (такого вкусного нет в Москве), изделиями из янтаря, кожи и керамики, картинами, изделиями из сосны, разными вазочками и посудой. Мне нравится разделение пляжей на нудистский, женский и общий; главное – указатели не перепутать!

Жители и туристы из других местечек и столиц Прибалтики передвигаются не на машинах, а на велосипедах – у каждого магазина есть велосипедная стоянка. Больше всего мне нравится, что город окружён лесом – похоже на Финляндию.

Однажды вода в море стал очень холодной – всего плюс четыре, к берегу прибились льдины с Северного Ледовитого. Представляете жарким летом айсберги? Дианка отвезла нас на речку, впадающую в море, я не помню название, зато помню, что вода была очень тёплая, чистая – видно все камушки на дне. Наверное, именно в этой речке греются Наяды.

Когда море потеплело, то выбросило на берег янтарь. Ель – королева ужей подарила мне солнечные обломки дворца – помните сказку-легенду?

Прибалтику научила любить меня мама. В тот день подумалось – мама рада за меня, за внука, что он закалился, что наша дружба с Дианкой крепкая, несмотря на расстояние.

КРЫМ. ЗОЛОТОЙ ПЕСОК

2002 год

После Паланги мы с Артёмом стали часто ездить в Крым. Поскольку я так и не смогла снова научиться спать по ночам из-за не правильного лечения и сильные долгие, частые головные боли не покидают меня, немного утихают лишь на море. Я так и не приобрела «родового имени», поэтому могу себе позволить лишь недолгие поездки в Феодосию, в Береговое-Коронель, в посёлок «Приморский», или в Алушту. А ещё, именно тут в Алуште моя лучшая, верная московская подруга Ленка Горина (Уфаева) встретила свою настоящую любовь. И на свет появился

Вовка. Ленкина старшая дочь Иришка и мой Артём дружат с пелёнок, поскольку вместе выросли в нашем кузьминском дворе, в доме на улице Зеленодольской.

Алушта в переводе с греческого означает «сквозняк». Правда, я не совсем уверена в точности этого слова, но местные жители именно так утверждают. Они говорят: «Вот поезжайте в Ялту или в Форос, там очень жарко и нет ветра, а у нас город обдувают встречные ветра, хотя он тоже окружен горами. И действительно, в Алуште шторма гораздо чаще и сильнее, а температура воздуха, судя по информации Гидрометцентра – гораздо ниже, что мне и нравится. А ещё нравится, розовая акация, цветущая раза по три за лето и до самой осени, окутывая сладким ароматом пыльные узкие улочки. Нравится, что ягоды шелковицы красят руки и рот и, когда, облопавшись ягод, слезаешь с дерева, Артёмку запросто можно принять за Джека Потрошителя. А «дерево адамово» – фиговое дерево – смоковница или просто-напросто – инжир (плоды которого мы видим в сушеном виде на прилавках московских магазинов и рынках) созревая, нагло падают прямо на голову, когда мы топаем к морю, неся, как «Атланты, на своих выносливых плечах»: надувной матрац, разноцветный зонт от солнца, пакет с фруктами и огромную раздутую хозяйственную сумку в которой чего только нет для полноценного отдыха. Пока мы добираемся до пляжа, нас обстреляет зелёный ёжик зародышей орехов каштана, похожий ещё на маленькую морскую мину, но мы успеваем втихаря, невзирая на соседские предупреждения: «Не созрели ещё!», засунуть в рот краснощекую сливу.

В этом городе А. Гайдай снимал свои фильмы и мою любимую «Кавказскую пленницу» с Натальей Варлей. Магазин «Винный погребок» хранит молчание, что именно там герой Георгия Вицина – Трус, заныкал «десятку», невинно спрашивая: «*Чей туфля?*». Помните?

Почти в центре города стоит башня из обтёсанных волнами моря камней, гостеприимные и общительные «крымчане» растолкуют, что это обзорная башня, построенная генуэзцами в целях обороны города в одной из многочисленных войн с турками – может и правда?

Разъяснительной таблички нет (наверное, её сдали на цветной металл туристы). Туристов очень много и поэтому все вещи на ночь надо снимать с бельевых верёвок, натянутых на балконах, иначе придется покупать новый купальник или полотенце, трусы и носки (не говоря о кошельке и документах, если их не надо сушить, то постарайтесь особо тщательно спрятать). Хотя этот факт не смущает «иностранцев» приезжающих со всех стран бывшего «Союза», даже расчетливо-мелочных немцев: «Дешёвый отдых – это Корошо!»

Особое предпочтение я отдаю местному парку. Лиственницы, кипарисы, пальмы и платаны укроют вас своей тенью, а остатки Великой Римской Империи – белые обрубки колонн, всё ещё царственно торчат из выгоревшей от жаркого солнца земли, словно папиросы «Прима»,

выглядывают из-за цветущих магнолий. Шагая по мощеным тропинкам вглубь парка, вы обязательно, как бы невзначай наткнётесь на музей.

Год от года экспозиция не меняется, но каждый раз интересно заглянуть, чтобы увидеть удивительные миниатюрные работы. Под увеличительным стеклом можно разглядеть подкованную блоху и портрет Чарли Чаплина на срезе человеческого волоска, (жаль, я вечно забываю фамилию чудесного мастера – у меня смолоду склероз на фамилии и даты рождения – особенности памяти). Выйдя из музея и прошагав всего несколько метров, вы удивитесь, вдруг попав в «Пекин» – главный и самый дорогой ресторан Алушты. Ох, уж эти китайцы! Впечатляет обилие разных кафешек и баров, разбросанных по городу. Недавно построили Аквапарк, красивый, но вход слишком дорогой, да и нас с сыном туда не затащишь – срабатывает инстинкт самосохранения. Ещё на любом троллейбусе можно доехать до горы под названием «Лысый Иван», а если он не сломается по дороге, то и до Симферополя.

Но самая главная достопримечательность Алушты, на мой взгляд, даже не базар с его фруктово-овощным и мясо-сало-колбасным, но почему-то не рыбным разнообразием, а Ночная набережная, совсем недавно выложенная современной турецкой серо-красной фигурной плиткой. И чего тут только не продают при свете городских фонарей и частных фонариков, свисающих с разноцветных торговых палаток. Вот где кишит народ!

Быстро распродают китайские сувениры из Алушты – всякие кораллы и ракушки, кальяны и побрякушки, соломенные корзинки и шляпы, брелки из священного камня и талисманы на все случаи жизни, чай в пакетиках, нэцкэ, и прочее добро, которое есть везде, но алуштенское – лучше, вы же в Алуште! На «развалах» – книги Улицкой и «Советы народной целительницы», «Дао Винни Пуха» и стихи А. Блока.

Я везу из любимого города экологически чистые горные травы – лаванду и пустырник, мелиссу и зверобой. Хорошо знаю ту женщину, чей муж ходит в горы и собирает их в положенное время года и час, когда трава набирает целебную силу. Ещё, покупаю в специальном магазинчике эфирные масла – пока дёшево. И обязательно – вина. У нас-то в Москве всё есть, как наивно полагают многие, а вот такие – не найти.

А ещё на набережной рисуют ваши портреты художники, продавая свои картины и изделия из керамики, фарфора и дерева – ручная работа это интересно.

Расслабленных отдыхающих ловят в свои сети местные цыганки толстые, но красивые восседают они на стульях и лавочках – здесь будьте осторожны – мафия! Вас непременно облапошат в пять секунд, стоит лишь клонуть на их приманку: *«Погадаю, расскажу, всю правду покажу! Подходите, милые, стоимость сеанса всего восемь гривен!»*.

Посмотрите такой в глаза, и если у вас нет силы воли – не будет и двести долларов.

Все пляжи в Алуште платные, берег поделили санатории и пансионаты, есть, правда городской, но грязный, в осколках от «фанфуриков» и бутылок от пива, целлофановых пакетов, недоеденных арбузов, дынных корок и другого мусора.

Мы идём на пляж «за так» к моей подруге Вике – массажистке и философу, впрочем, как и все Стрельцы. Увидев меня, пролезающую через загорелые тела курортников, она вежливо говорит в рупор: «Граждане отдыхающие, курить на нашем пляже запрещается! Будьте вежливы, пропустите моего пациента!». И граждане «пациента» пропускают, подчиняясь высокой, белокурой, зеленоглазой русалке пляжа в белоснежном сарафане с красным крестом на груди (сама сшила), отодвигаясь, убирая ноги и головы с узенькой «пляжной тропы» – единственного не занятого места, потому как туда ну уж никак не ляжешь загорать. Я, наконец, добираюсь по шуршащей гальке до Вики, мы заходим в «Массажный салон», за клеёнчатой занавеской, садимся на кушетку из досок, которую умело сделал её муж, и пьем чай с травами из термоса с чурчеллой.

Вика смеётся так, что слышно квартала за три и шум прибоя не в силах заглушить её хохот. А потом рассказывает мне с эзотерической точки зрения взгляд на мир, и с астрологической – наше с сыном будущее. Я слушаю – Вику нельзя не слушать, даже верю – ей нельзя не поверить, настолько увлекательно она умеет преподносить «всякую-всячину». После она отбивает меня как котлету, и мы спешим купаться.

– Море, здравствуй, море! – каждый раз повторяю я, сливаясь с ним воедино.

Но вот уже в солёную синь падает апельсиновое солнце и пора топтать в «татарский район» – домой, где мы живём у другой моей подруги. Почему же он так называется? Видимо татары строили, а живут все. Впечатляет, что одна квартира стоит на другой, образуя ячейки-соты, меня каждый раз удивляют эти довольно крепкие постройки: дверь – комната, рядом снова дверь – комната, а внизу соседская крыша. Между ними – улицы, ступеньки, садики... Мы живём на улице «Розы Люксембург». А за углом – «Энгельса, 8». Инга – «тоже медик», и у неё всегда есть спирт на все случаи жизни. На подоконнике стоят банки и склянки с настойками из разных фруктов и ягод, с натянутыми на них резиновыми раздутыми перчатками и напальчниками. Инга разводит кактусы, боится скорпионов и сколопендр, живущих под камнями у входа, как она уверяет – (я ни разу не видела). Зато знает, как готовить «Французский салат» из улиток, дремлющих на флоксах.

– Полезно, питательно и сплошной белок, – заявляет она. Врач всё-таки!

Инга, тоже белобрысая, но кареглазая и смешная, наивная и добрая, а её сын – Влад, которому семь лет, ужасно мудрый. Он спасает меня

каждый раз, когда у меня радикулит от «перекупания», растирает «Доктором Момом» так усердно, что на следующий день мы идем вылавливать рапанов и мидий. Я окунаюсь с головой в любимое синее Чёрное море: «Здравствуй, это я, Юлька!».

Но есть у меня и другой взгляд на любимый Крым, где родилась моя бабушка Лера, где она встретила папу Манюлю, и где живут, как оказалось после написания «Книги Коронелло» многие мои родные.

Нелестные впечатления произвели на меня: посёлок «Приморский», в котором мы отдыхали летом 2009 года, село «Береговое», «Коктебель». Да, и сам «Дар Богов» – город Феодосия. Воистину, зря боги дали людям такие чудесные земли. Не сеют, не пашут, только строят у себя и у «соседей на головах» частные гостиницы: «кто во что горазд», как турбазу «Коронелли» в «Береговом-Коронель», например, названную втихаря в честь моего предка Антонио Коронелли местными татарами, врущими всем, что это название якобы произошло от татарского Коран-Эли. Но, сами правду знают и на имени героя старательно пиарятся. Памятник моему предку, о котором местные власти говорят и пишут с 2003 года, так и не создан, хотя флаг с гербом «по мотивам» моего фамильного герба себе присвоили. Молодцы!

Украина же, под чьим патронажем находится полуостров, ничего не хочет, и совсем ничего не делает. Государственные дома, санатории, детские сады – всё рушится, даже порт в Феодосии, где работал мой прадед Виктор Викторович Коронелли, и который он сумел защитить от мародёров в гражданскую войну. Теперь же, всего один, единственный танкер с нефтью ходит до Турции и обратно, и всё...

Ну, Турция, это куда ни шло, а вот, зачем нам, русским туристам граница с Украиной, ежели даже таможенники, так и норовят, ограбить вас прямо на ходу в поезде? Да, хоть за что, лишь бы: «А протокол?». И Главное – штраф!! Ням!

То что, билетов нет в сезон, это понятно, и что поезд едет пустой, ясно, но почему пирс в «Приморском» обваливается?! Неужели не видно, что подточили его волны так основательно, что по местному «Бродвею» совсем небезопасно гулять отдыхающим. Лишь два неустрашимых Ивана – «Поддубный» и «Голубец», смело скрепя ржавыми бортами, по очереди приглашают вас в клуб «Утопленников-Самоубийц» на пятичасовую морскую прогулку к давно уже потухшему и захламленному отходами цивилизации, вулкану «Кара-даг», чтобы заставить подивиться на ещё не застроенную хибарами жемчужину черноморского побережья Крыма. В «Коктебеле» высаживаться не советую, настолько грязно, что даже Москва, покажется Раем. А было так красиво когда-то...

Товарищи отдыхающие, а не хотите ли ощутить все радости настоящего «хохляцкого ремонта?». Это, когда санузел вместо кухни, и в

него не ходи, а то в канализацию провалишься всего за 20 долларов в сутки с человека. Милости просим в номера!

Неужто, мы – россияне, отвыкли спать на детских кушетках? Зато, у некоторых, особо продвинутых, кондиционер есть и евроокна в наличии... Благо ещё, что дома, которые строили пленные немцы, все-таки крепкие, всё ещё держатся, правда, балконы висят, лестницы шатаются, но это пустяки... Тем и живут частники с мая по октябрь. Так как прибыль от этого бизнеса – наиболее лёгкие деньги. Знакомый художник из Феодосии мне пожаловался: «Не сезон у нас в этом году. Только киевляне приехали, из Днепропетровска и с Донбасса. А с них, какие деньги за картины-то? Поэтому цены в четыре раза больше, чем два года назад. Иначе мы не окупим центральные места на набережной».

А на рынке, рыба, которую не ловят в Чёрном море, стоит больше, чем в московском «супермаркете», как, впрочем, и турецкие персики. А куриные яйца так подорожали, словно золотые они, видимо, из под курочки Рябы.

А в море у Феодосии, лучше не купаться – грязь ужасная. Поэтому, с утрачка, все как сумасшедшие лезут в маршрутку и едут на дикие пляжи. Но там опасно, хотя, в «Береговом» в море у пляжа бетонная балка от долгосрочного строительства гос. Санатория лежит, и камни огромные у берега, и в маленький шторм не заметны, но очень опасны. Вот все в гипсе и ходят, кто вовремя не заметил.

В Дом Культуры «Приморского», тоже надо ходить осторожно, т.к. тамошние комары загрызут, а если заживо не съедят, то всё равно, Гарри Поттер по-хотляцки разговаривает, никто из местных его не понимает, а мы-то, тем паче. Очень трудно, на неродном языке, что-либо смотреть. Крымчане смеются: «Гарри Поттер нам этого не простит». Зато по средам в ДК коммунисты собираются и поют. Вход свободный. Придётся?!

Так, возник у меня вопрос к властям Украины за увиденное, услышанное и прочувствованное на собственной шкуре: «Почему ничего не делаете-то?».

Ждёте Медведева? Так у него теперь Сочи и Южная Осетия. Да, и Черноморский флот до 2017 года как пришитый к порту Севастополя стоит. Кстати, почему-то в Крыму, среди населения нет претензий к нашим судам. Лишь по украинскому каналу ТВ, полусонный президент про него иногда в новостях вспоминает, и про затонувший сухогруз гудорит, да Холокостом подпирает, а вот про газ – ни слова.

Украина, так почему ты ведешь себя не лучше России? А чего тогда ждать Крыму? Может и правильно, что люди строят частные гостиницы, правда, условия там не ахти, но всё же народ к морю едет, а не спать. Ну и наплевать, что в кранах воды нет, не жиды же выпили, а те, у кого нет денег на постройку своего дома, уже давно у нас в Москве, достраивают лужковский паркинг, его бесконечность колец, и ещё одно прикручивают к головам вождей, и правильно делают. Кризис ведь.

**А ЭТОТ ОСКОЛОК ЁЛОЧНОЙ ИГРУШКИ, ВРЕЗАЛСЯ В
МОЁ СЕРДЦЕ ТАК ГЛУБОКО, ЧТО, ВИДИМО, ПРОБУДЕТ
ТАМ ДО САМОЙ СМЕРТИ**

нас нету, но мы есть и это славно,
но может быть, не весело, а грустно,
нас нету?

снег, что падает
на молодость листвы
и облака
идут над городом озябшим
и ты облизываешь губы на ветру
ловя продрогшие снежинки
и я не смею удивляться...
понять пытаюсь – это сон,
иллюзия... фантазия... химера?
свет, уносящий к мириадам звезд
твою улыбку?
снег падает, нас нету – но есть ты
и есть земля, окутанная грустью...
но где же я?
и мысль моя
и пламень сердца
и шорох лиственничных лап
и запах чайных роз и кофе...
желто-лимонная заря?
где ты и я – цветы,
ледник...
роняет поцелуи млечный путь...
щекотно... просыпаюсь ...
ты и я

2003 год.

Именно так, как в этом рассказике, я впервые увидела своего нынешнего мужа Евгения Иванова, с которым познакомилась в Интернете на Литературном сайте, и с которым мы вместе написали эту книгу «Коронелло», и надеюсь, напишем что-нибудь ещё.

В метро было как обычно – душно и людно. Хорошо, что на «Кузнецком», есть лавочка-скворечник, можно отдохнуть и не потеряться в толпе. В этот вечер мне везло! Не зря приехала немного раньше. Встретила подругу детства, (Сметанину Наташку из Кузьминок), с которой разминулась лет десять назад. Пересеклись во времени и пространстве именно сегодня – знак Судьбы. Я же знаю, что эта лавочка как магнит, притягивает даже не запланированные встречи. Подруга ушла, оставив

свой новый номер телефона. А вот и он. Говорил, что сразу узнает. Сморит на меня и не видит или не верит, что это я. Высматривает в толпе, царапнет меня взглядом и снова ищет. Смешно. Пришлось улыбнуться.

Кажется, поверил. Протянул жёлтую орхидею с рыжими канапушками на лепестках, упрятанную в картонный домик.

Золотые цветы напоминают осень...

Площадь перед Большим театром раньше походила на оазис, островок среди серых, каменных стен Москвы.

Старые, с причудливо изогнутыми ветвями яблони, огромные раскидистые липы, расстрескавшиеся, но всё ещё белые и стройные берёзы. Мощные стволы деревьев словно рассказывали о вечности.

Теперь вместо них; небольшой фонтанчик-тазик, и пустые клумбы-песочницы. И кто это только придумал? Совсем неуютно. Многое изменилось в нашем городе и не в лучшую сторону...

Мы почти подошли к театру, когда раздался взрыв салюта. Холодное зимнее небо засияло сотней маленьких пёстрых звёздочек, осыпающихся на головы прохожих, которые в недоумении спрашивали друг друга: – Что за праздник?

Для меня праздник под кодовым названием: «Наконец выбралась в центр!». Очень даже хороший знак...

В мерцании огней, Большой театр показался мне огромным бело-снежным фрегатом, колонны-мачты гордо несли треугольный флаг украшенный квадригой Аполлона. Корабль в духе ампира, интересное сравнение или знак?

Мы слушали «Хованщину». Для меня это впервые – пойти в оперу. Перед глазами мелькнул кадр из кинофильма «Красотка» с Джулией Робертс, вспомнились слова героя Ричарда Гира: «Понравится опера в первый раз, будешь любить её всю жизнь». Я думала, что это никогда не кончится. Ужасно занудный спектакль. Неужели тоже знак? Но, всё равно, понравилось!

Потом мы поехали домой. Падая снег. Нежные снежинки таяли на лобовом стекле машины, превращаясь в слёзы зимы...

Вот и мой дом. Он проводил до подъезда. Сказал, что доберется на метро. Пора.

– Спасибо за вечер, было чудесно, – поблагодарила я.

– Спасибо тебе, – словно эхо отозвался мой молчаливый спутник.

– Пока, пока...

И, вдруг:

– Можно тебя поцеловать?

– Можно будет, если влюблюсь, – улыбнулась я и быстро нырнула в широко распахнутую дверь.

Уже поздняя ночь. За окном всё сыплет снег, оставляя снежинки-слёзы на моем окне. На тумбочке в спальне стоит орхидея, похожая сейчас на «законсервированную» золотую голову сказочного дракона.

Говорят: жёлтый – цвет разлуки, верный знак. Вот и проверю, правда ли это знаки Судьбы?

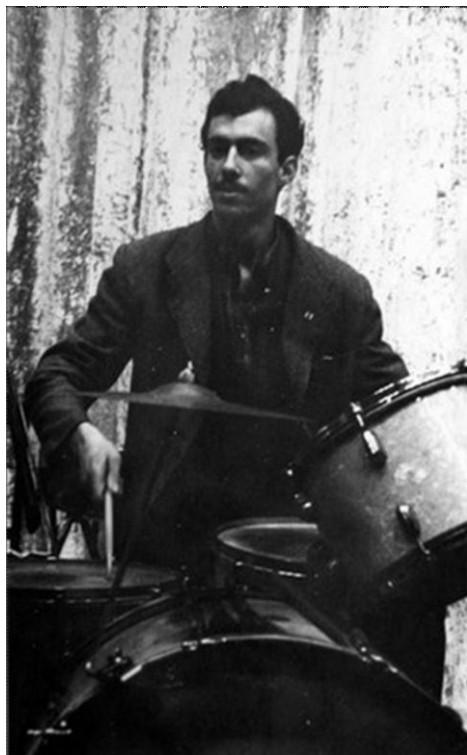
**КОШАЧИЙ ГЛАЗ – НЕЖНЫЙ, УТОЧНЁННЫЙ, ВСЕМИ
ЛЮБИМЫЙ, НО НЕ СТОЛЬ ЦЕНИМЫЙ, ЧЕМ ЕГО
СОБРАТЬЯ-КАМНИ, ПОСТОЯННО ПЛАЧУЩИЙ ПО
СВОЕЙ ХОЗЯЙКЕ МЛЕЧНОЙ ЛУНЕ, СНОВА ПРИВОДИТ
МЕНЯ В ДЕТСТВО, ГДЕ ВСЕ МОИ РОДИТЕЛИ И РОДНЫЕ
ЖИВЫ И Я ВОЗВРАЩАЮСЬ К НИМ В СВОИХ ВОС-
ПОМИНАНИЯХ**

Метель голубоглазая в бок улицы смела,
Из дому мне не вылезти, мерцает свет реклам.
Под ночником, калачиком – смотрю фотоальбом:
Тут бабушка «под мальчика» подстрижена тайком,
Тут папа в мягких тапочках играет на трубе,
А дед набросил китель. Я вспоминаю «Бег».

Утёсов на афише, кривит бумажный рот:
«Всё хорошо, маркиза, проверьте огород?!»
В просторном платье мама с огромным животом,
На даче я зачата и значит, мне знаком
Вот этот стол под вишней, и пирожки Эдит,
«Весёлые ребята» и серый кот Бандит.

Догадку подтверждает Валера Гендельштейн,
Внебрачный внук Утёсова – усатенький шатен.
Он, друг моих родителей: хохмач, пижон и франт:
Блестят его ботиночки, хоть отвалился рант.
Слетелись жизнелюбы украдкой на постель,
И заиграли трубы оркестра под метель.

До утренних трамваев я ворошу альбом,
И маму вспоминаю, и кто был с ней знаком.
И жалею по-волчьи, что мир жестокосерд,
И дьявольские очи: в окно ступай, там свет!
Но вдруг, пахнуло свежестью отнежности зори:
Я тужусь в утро, деточка. Рождайся и ори!



Валерий Гендельштейн, (друг нашей семьи.)

В доме на Соколе ни одна вечеринка не обходилась без Генделя. Любимчика всей семьи Валерия Гендельштейна, внебрачного внука Леонида Утёсова. Сына дочери знаменитого актёра, красавицы Эдит Утёсовой и не менее выдающегося кинорежиссёра Альберта Гендельштейна. С Валерой мама Валя и папа Женя вместе учились в Строительном техникуме, где и познакомились, ещё до того как поступили в институт. Мама рассказывала: «Он выглядел стилигой, в лаковых туфлях с узкими мысами и все на него за это презрительно фыркали – воображала! А я сразу влюбилась в Генделя за то, что он получил в первый же день пять двоек, а потом подошёл ко мне, молча поднял ногу и гордо показал оторванную подмётку у начищенных сверкающих башмаков».

Валера трезвонил в дверь, не отпуская кнопку звонка пока кто-нибудь, наконец, не вставал из-за стола, чтобы открыть гостю. Все хохотали и орали: «Ахтунг!.. Ахтунг!.. В воздухе Покрышкин!». И каждый раз он ужасно обижался на этот «Ахтунг».

Раньше я думала, что он дулся из-за сравнения его с великим лётчиком. А теперь понимаю: он не был признан, ни свои дедом Леонидом

Осиповичем Утёсовым, донашивая его дорогие вещи, ни своим отцом на которого внешне был очень похож.

Альберт Гендельштейн считался одним из самых красивых мужчин столицы. Многие кинематографисты завидовали его таланту. Каждое появление его с женой Эдит обсуждалось в прессе и в советском «светском обществе». Успех режиссёру принёс документальный фильм, снятый в годы Великой Отечественной Войны «Александр Покрышкин». Снимал он и художественные фильмы: «Любовь и ненависть», «Первые крылья», «Лермонтов», «Во глубине сибирских руд...». Созданные Гендельштейном на киностудии «Моснаучфильм», они вошли в золотой фонд научно-популярного кино.

МАЛЕНЬКИЙ КАМЕШЕК – ДЫМЧАТЫЙ КВАРЦ

Ещё, в квартиру деда Якова, приходила подруга мамы Вали, Ольга Владимировна Ленская, из рода Ленских. Помните у Пушкина в «Евгении Онегине» про Владимира написано:

«С душою прямо геттингенской, красавец, в полном цвете лет, поклонник Канта и поэт».

Вот и она такая, только в женском облиции. Не знаю, писала ли в юности Ольга стихи (надо будет спросить, когда придёт ко мне в гости), но что поклонница Канта – это точно. Помню, что её мама была художницей. А мама Валя про Ольгу мне рассказывала ужасно смешные истории. Например, как она отковыривала плохо выложенную плитку в женском туалете НИИ, где они с мамой работали, и выносила по одной за пазухой через проходную. Целый год, каждый день! И никто не заметил.

А Ленская выложила этой плиткой ванную комнату для всех жильцов коммуналки, в которой жила. Ольга, я очень тебя люблю!

И СНОВА РАЗНОЦВЕТНЫЕ СТЁКЛЫШКИ-ОСКОЛКИ ЁЛОЧНОЙ ИГРУШКИ

*Россия кошкой во дворе
Новорождённых ищет деток.
«Быстрей топить котят в ведре!»
Указ царя. «Придворных следом»...
– «Но я сбежал, тем спасся я,
Но мал и Бог меня не любит», –
Мяучил зверь у алтаря.
Он обознался, в храме люди...*

На вечеринки собиралось очень много народу: мамина тётя Лена – ветеран войны, носившая вместо броши на чёрном платье медаль «За отвагу» и её муж – дядя Костя, главный озеленитель города Москвы, который без конца хвастался, как красиво цветут яблони на Воробьевых

горах; племянник мамы Леры – полковник дядя Витя с женой Татьяной – имеющей докторскую степень по микробиологии в МГУ, и их сыном – будующим советник-посланником России в Чили.

Помню домашние концерты: папа Женя играл на кларнете, Гендель на трубе, папа Маноль пел «Голубку» по-испански (у него был очень сильный голос), а после на русском, вместе с мамой Лерой: «*Ой, Самара, городок, беспокойная я, успокой ты меня!*». А потом, устав от пения, дед Маноль и дед Яша неизменно спорили о политике и христианстве. Дед Яша был против коммунистического движения, а дед Маноль – «за!»

Я сижу и слушаю, как папа Маноль доказывает Якову «о вреде попов»:

– Когда мне было меньше семи лет, я носил короткие штанишки до колен. Такие штанишки носят все мальчики в Испании до школы. Чем старше класс, тем длиннее брючины.

Представляю деда: худой, щуплый пацан из нашего двора, в обрешанных штанах. Девчонки смеялись бы над ним!

– Меня поймал поп, когда я воровал соседские мандарины. Отвел в церковь и поставил голыми коленками на горох», – продолжает мой папа-дедушка.

«Ничего себе»: думаю я. Страшный толстый поп, с длинной бородой, в черной рясе, склонился над моим маленьким папой и, сверкая глазами, грозно ревел, размахивая вымоченными розгами: «Негодяй! Ты, почему зелёные яблоки ворует?!».

– Маму Марию позвали соседи: «Твоего Мануеля Хесуса наш падре Игнасио на горох поставил». Мария влетела в костёл. Увидела меня и сказала: «Ты чего Игнасио, совсем озверел?! Хесус больше в твою Воскресную школу не придёт!», – и дала падре пощёчину. И это несмотря на то, что сама была верующей, и ходила каждое воскресное утро в церковь».

«Папа Маноль правильно делает, что он против попов»: думаю я.

И вместе с ним смеюсь над дедушкой Яшей.

– Ну вот, воспитали безбожницу, – сокрушается дед Яша, махая рукой.

Сам дед Яков знал иврит, но об этом я догадалась только, после его смерти, когда нашла среди оставшихся вещей Сидур, с дарственной надписью его мамы Рейзи.

Оба моих деда спорили так долго и шумно, что баба Груша каждый раз охала и причитала: «Хорошо, что муж мой Иван и прабабка Рейзя с

Ароном не дожили», – и качала головой. Ей уже тогда было около ста лет.

**ЧЁРНАЯ ЖЕМЧУЖИНА – СРОДНИ БЕЛОЙ, ТОЛЬКО
БОЛЕЕ РЕДКАЯ, А ЗНАЧИТ ЦЕННАЯ**

Помню её морщинистое лицо, на котором светились молодостью голубые ясные глаза. Вышивая без очков наволочку на подушку, она рассказывала мне:

«Была я кормилицей у барина, трёх деток его выкормила и Вальку – мамку твою, а барин, знаешь, какой знатный был, лапсердак шитый носил, торф (торт) каждый вечер ему к кофею подавали». От барина у бабы Груши остались: резной ломберный столик (он стоит у меня в спальне вместо тумбочки), две высоченные стойки из красного дерева для цветов и золотая цепочка от карманных часов.



Баба Груша нянчит барина

Аграфена отпиливала от неё звенья и покупала хлеб. Эта цепочка помогла прабабушкиной семье выжить в революцию, пережить все войны и голодные времена, выпавшие на её век.

Неграмотная, но умная и трудолюбивая она рано вышла замуж и была «характеру крутого и нрава необузданного», лупила своего мужа «мясом по морде» – как она выражалась, если в мясе было слишком много жил и костей, и гнала его снова в магазин менять покупку. Но любил её дед до безумия и всё ей прощал.

В России самая верная валюта – это самогон, и баба Груша втихаря гнала его, пряча под кроватью кастрюлю с дрожжами и бражкой. Крышка на кастрюле делала так: «Пых-Пых!» Моя малышка мама ужасно боялась этого звука и всё время спрашивала: «Кто так пыхает?». Баба

Груша делала страшные глаза и говорила: «Там Дюдюка сердится, вот не будешь слушать меня, он придёт к тебе и напугает». Мама Валя помнила это всю жизнь, смеясь, мне рассказывала, как однажды не выдержала и решила посмотреть на Дюдюку этого и стала звать: «Дюдюка, выходи, Дюдюкаа-а-а-а?!». А он не вышел, и мама Валя престала бояться этого «Пых-пых!». Выпив рюмочку, баба Груша уходила с

«домашнего концерта» пораньше в свою комнату. За ней с трудом вылезая из-под стола, шёл огромный толстый серый кот, правнук того, обидчивого обжоры, любившего меня всё-таки больше детского питания. Его тоже звали Кузя.

ЕВГЕНИЙ АРОНОВИЧ МИНИН (РОССИЙСКО-ИЗРАИЛЬСКИЙ ПИСАТЕЛЬ И ПОЭТ): «ТЫ МОЖЕШЬ НАПИСАТЬ О СВОЕЙ СЕМЬЕ, ВКЛЮЧАЯ БАБУШКУ-ДЕДУШКУ? ОБО ВСЕХ И КОМПАКТНО, ЧТОБ БЫЛО ИНТЕРЕСНО. 18 000 ЗНАКОВ. НЕ ПОДГОНЯЮ, И НИЧЕГО НЕ ОБЕЩАЮ, НО ПОСТАРАЮСЬ. ТОЛЬКО ПОСТАРАЙСЯ ЛИТЕРАТУРНО. НЕ БОЛЕЙ, ДЖУ!!»

Спотыкается дорога о холмы Иерусалима,
Всё по краю, да по краю перечеркнутой строки.
Тороплюсь судьбе на встречу. Ярко так, что – нестерпимо!
И спешат наивно буквы, как на пламя мотыльки.
Ты, моя тропа как тайна, то шаблоны иль сценарий...
Только выберусь за рамки, окунают в облака.
Или хуже – в грязь болота, суету не выбираю.
Ненавистны мне заборы. Не сочти за дурака!
Впереди, дорога в горы! Я иду за ветром с Яффо,
Что же там за поворотом? Сад с оливами и дом...
Птицы, этот шквал из Кафы, из Сеговии упрямой,
Или всё ж с Архипелага? Всё узнаю, но потом.
Спотыкается дорога о холмы Иерусалима,
Как верблюд к горбу прилипший, я несу авоську слов.
Я иду, куда идётся. Ведь строка неразделима.
По центральной «А» шага-«я» доберусь до островов.

Ох, Женя! Если бы ты знал, как трудно уложить в 18 000 знаков мои воспоминания о детстве, о судьбах столь разнообразных и интересных людей. Я очень старалась. Честно. Но всё же не могу не написать последнее, самое больное, уж прости.

**ОЙ, СТЕКЛЯШКА? КАК ИГРАЕТ СВЕТ НА ЕЁ ГРАНЯХ.
НЕТ, ЭТО НЕ СТЕКЛО. СТАРИННЫЙ АЛМАЗ, КАК ТЫ
СЮДА ЗАТЕСАЛСЯ? ЧТО ТЫ ЗДЕСЬ ДЕЛАЕШЬ? ТВОЁ
МЕСТО НЕ ЗДЕСЬ, А В КОРОНЕ МАДРИДА**

Похолодало на девятое,
И майский снег засыпал кровли.
Черёмуха застыла смятая,
Упав в хрустальные ладони.

Так, медный колчедан из тигля,
Вернётся платиновой кромкой,
Алмазная слеза – позёмкой

Укроет ёлочные иголки.

*И похоронка в чёрной рамке
Над журавлиными полями...
И мать заплачет над ребёнком,
А пламя гибельно и тонко.*

*Старик, ты слушаешь сутулясь,
Сапог бомбежку по брусчатке,
Так молодости отпечатки
Уходят в неизвестность улиц...*

*Похолодало на девятое,
И майский снег засыпал кровли.
Черёмуха застыла смятая,
Упав в хрустальные ладони.*

Однажды, папа Маноль, сажает меня на колени, беременную, с огромным животом, (вся семья думала, будет двойня), шепчет на ушко:

– Вот в Испанию собираюсь, прислали бумаги: пенсия приличная накопилась. Поеду.

А я испугалась, зная, что все его друзья испанцы примерно через месяц после поездки умирали. Почему? Родственники говорили – от перемены климата.

– Пап, может, не надо, пусть сами присылают? – как в детстве ныла я, ероша его седые кудрявые волосы.

– Нет, поеду, голубка: подпись моя нужна.

Когда отец приехал из Испании, мы его просто не узнали: загорелый, в модном джемпере, новых брюках, в дорогих ботинках, он казался каким-то чужим.

Папа Маноль восторженно рассказывал о том, что у его сестер есть огромный кирпичный особняк, машина – супер! Племянники учатся в престижном университете. И, оказывается, люди там живут не бедно...

А на следующий день, надевая свой старый выходной костюм, вместо пластинок, наконец, прикрепил медали и ордена. Взяв на руки моего новорожденного сына, сказал: «Хороший человек вырасти должен, береги его, дочка». Поехал на «Кузнецкий мост» в «Красный крест» за перечисленной пенсией. А часа через два мне позвонили из милиции и сказали:

– Умер прямо на эскалаторе по дороге домой.

Когда его хоронили, мама всё плакала и растерянно спрашивала меня, какой костюм отдать, чтобы одели в морге: с пластинками, как он любил, или с медалями.

– Да какая разница! – вскрикнула я, а после задумалась и ответила: «Мам, с медалями». Ведь папа понял, как он жил в России. Да и умер

он вовсе не из-за перемены климата... Моего отца уважали, любили и знали как очень порядочного человека.

Прошло уже почти двадцать лет со дня его смерти, а люди нет-нет, а подойдут ко мне во дворе и спросят: «Как дед?». Не верится им, как, впрочем, и мне, что его давно уже нет на этом свете. Вот и вчера ко мне старушка подошла и спросила:

– Вы ведь, дочь Родейро?!.. Хороший был человек...

Значит – помнят!

А недавно я получила вот такое письмо:

«Уважаемая Юлия!

Спасибо за Ваши замечательные стихи, за очень талантливую прозу! Меня зовут Виктор Дудихин. Случилось так, что детство моё, до 1967 года, прошло в посёлке «Спартак». Я хорошо помню Мануеля Родейро. Он был другом моего отца, увы, ныне покойного. Дядя Мануель был благородный, чистый, светлый человек. Его, темпераментного испанца, по невероятной прихоти судьбы заброшенного в недра Отечества все любили. Он искренне верил в свои идеалы и очень расстраивался, если «все получалось как всегда». В «Одноклассниках» существует группа людей как-то связанных со «Спартак». Я набрёл на неё сравнительно недавно. Среди прочего, там есть тема о неустроенности, заброшенности посёлка. Я возьму и напишу, что так было не всегда. Рубеж 50х и 60х годов – «золотой век» посёлка. Был проложен асфальт, выложены тротуары, устроены капитальные заборы у домов, помойки были закрыты плакатами с наглядной агитацией, развешены фонари, в скверах высажены клумбы с цветами, в прекрасном парке вечерами играл оркестр, на пляж реки Прони был завезен песок и устроены кабинки для переодевания.

И во многом, если не полностью, это была заслуга Родейро-Перейра Мануеля. Об этом я и написал на форуме. Оказалось, что никто из форумчан ничего об этом не знает. А дело было так: Родейро стал пенсионером (или был близок к этому возрасту), он однажды спросил главного инженера завода Моисея Никельшпарга (не берусь за абсолютную точность цитирования, все же прошло полвека): «Почему мы так живем? Почему нельзя устроить всё как у людей?». На что дядя Миша ответил – Вот ты и возмись за это дело, мы оформим тебя моим заместителем по благоустройству на общественных началах. Далее началась феерия. Это был штурм и натиск. Дядя Мануель, как испанский бык продавил все препоны. За неполные полгода, год было сделано всё, или почти всё. Но в нашем Отечестве красивая сказка не бывает долгой.

Сначала загадили кабинки на пляже. Совершенно непонятно зачем? В первый же престольный праздник колхозники из соседних деревень, приехав на тракторах за водкой, раздолбасили асфальт на улицах. Щиты с наглядной агитацией кто-то расписал непотребностями. Очень скоро козы объели цветы на клумбах. Скамейки из скверов пейзаже растащили по своим клуням. Мальчишки-хулиганы (каюсь, и я был в их числе) перебили почти все фонари. Весной разлив реки смыл песок... Оркестр, правда ещё играл какое-то время, но потом началась «Перестройка». Всё вернулось на круги своя...

Всё было печально. Дядя Мануэль очень переживал. Ситуация сложилась глупая. Ничего нельзя было сделать, ничем нельзя было помочь. Помню, как отец успокаивал его, а он, кипятясь, возмущаясь, всё доказывал что-то, так и не сумев привыкнуть к тому, что «умом Россию не понять...». Эта история немного напоминает Салтыково-Щедринские «войны за просвещение» в «Истории одного города». Там несчастных глуповцев, для их же пользы, силой приучали перец и горчицу употреблять.

Почему я пишу Вам это письмо?

Лет десять тому назад я оказался в тех краях. Как-то накатила ностальгия, по местам детства. Решил заехать. Время было мрачное, последефолтное, лихие 90-е. Так вот – если и были в Старом Посёлке Спартак в тот момент какие-то следы цивилизации и благоустройства, то практически только то, что сделал пол столетия тому назад Родейро-Перейра Мануэль!!!

Может быть всё, или почти всё в нашем мире и держится на таких людях как дядя Мануэль.

Людах-романтиках, благородных подвижниках, светлая ему память...

*С уважением,
Виктор Дудихин»*

Не хочу выметать из своей жизни эти осколки: камушки, стёклышки – мои бесценные воспоминания. Я бережно собрала и положила их в свою заветную шкатулку, чтобы каждая крупичка этой хрупкой ёлочной игрушки, такой же хрупкой как сама жизнь, хранилась в моем сердце. Я дарю её тебе, мой сын. Ты сложишь их в мозаику, но картинка получится иной, на то и калейдоскоп.

1. Сениор Патриарх. (1386, Сеговия-?)

1.1. Дон Авраам Сениор / Фернандо Перес Коронел. (1412, Сеговия-1493) – главный раввин Кастилии, губернатор Сеговии, женат на донне Виоланте де Кабрера и вторым браком на донне Мария Санчес-дель-Рио.

1.1.1 Соломон Сениор/Хуан Перес Коронел – губернатор Сеговии, брак (1470) на Калатине-дел-Рио (1449-?)

1.1.1.1 Иниго Лапас Хуан Коронел (1471-?)

1.1.1.1.1 Франциско Иниго Коронел (1497-?)

1.1.1.1.1.1 Антонио Франциско Коронел

1.1.1.1.1.1.1 Гектор Антонио Коронел (1549-?), женат на Сарайва (1553-?).

1.1.1.1.1.1.1.1 Дуарте Давид Гектор Сениор.(1575, Маранте, Португалия-1651, Ресифи, Бразилия) – крупный сахарозаводчик, женат на Бритте Родригес (1598-?)

1.1.1.1.1.1.1.1.1 Сарайва сын Дуарте Сениор

1.1.1.1.1.1.1.1.1.2 Сарайва Исак Дуарте Сениор

1.1.1.1.1.1.1.1.1.2.1 Давид Сениор (1625, Амстердам-1676 Амстердам)

1.1.1.1.1.1.1.1.1.3 Сарайва Давид Дуарте Сениор

1.1.1.1.1.1.1.1.1.4 Сарайва Антонио Дуарте Сениор

1.1.1.1.1.1.2 Франциско Антонио Коронел

1.1.1.1.1.1.3 Бранка Антонио Коронел

1.1.1.1.1.2 Хуан Франциско Коронел

1.1.1.1.2 Хуан Иниго Лопас Коронел

1.1.1.2 Гектор Хуан Абрахам Коронел, женат на Изабелле Кардозо.

1.1.1.2.1 Диего Гектор Коронел

1.1.1.2.2 Карлос Гектор Коронел

1.1.1.3 Мануэль Соарес Коронел

1.1.1.4 Франциско Давид Хуан Коронел/Доктор права Франциско Коронелло (?- после 1577, Наксос) – правитель острова Наксос и всего Архипелага.

1.1.1.4.1 Франческо Коронелло. (?-1663), женат на Мариэтте Сфорца, любовница Евдокии.

1.1.1.4.1.1 Доминико Коронелло (07.03.1627, Наксос-постриг 1681)

1.1.1.4.1.2 Джованни Коронелло (08.03.1631, Наксос-1632, Наксос)

1.1.1.4.1.3 Джованни Коронелло (1632-?)

1.1.1.4.1.4 Григорио Коронелло от Евдокии

1.1.1.4.2 Флоренция Коронелло (1621, Наксос-1639, Наксос)

1.1.1.4.3 Катерина Коронелло (?-1639) замужем с 20.01.1628 года за Франческо Бароцци

1.1.1.4.4 Германо Коронелло (?-1639, Наксос), женат с 06.02.1631 на Елизаветте Саморупо

1.1.1.4.4.1 Корсино Коронелло (02.02.1632, Наксос-1687, Наксос) – консул Франции, жены:

Мария Гримальда, Катерина Леонардо, Анна Катерина Коронелло (1.1.1.4.6.2.2)

1.1.1.4.4.1.1 Мариэтта Коронелло замужем с 1690 года за титулярным сеньором о. Андрос Франческо II Саморупо (1642-?)

1.1.1.4.4.1.1.1 Мишель Корсино V Саморупо (1637-?) – титулярный сеньор о. Андрос. Женат с 1647 года на Андриане Коронелло.

1.1.1.4.4.1.1.1.1 Франческо III Саморупо (?-1747) – титулярный сеньор о. Андрос

1.1.1.4.4.1.2 Германо Коронелло (?-1671) – консул Франции

1.1.1.4.4.1.2.1 Корсино Коронелло (1714-?)

1.1.1.4.4.1.2.1.1 Крусино Коронелло (?-после 1744) Женат на Катерине Анне де Раймонд де Моден, вдове Джакомо Гуастиниани

1.1.1.4.4.1.2.1.1.1 Германо Коронелло. Женат с 15.06.1750 на Анжеле Драгоманти

1.1.1.4.4.1.2.1.1.2 Катерина Коронелло (1744 Накос-?). Замужем с 1763 года за Джакопом Гримальди.

1.1.1.4.4.1.2.1.1.3 Джакомо Коронелло. Женат на Н.Н. Басегио.

1.1.1.4.4.1.2.1.1.3.1 Флоренция Коронелло (24.02.1817-?)

1.1.1.4.4.1.2.1.1.3.2 Константин Коронелло (16.08.1822-?)

1.1.1.4.4.1.2.1.1.3.3 Николай Коронелло (24.08.1824-?)

1.1.1.4.4.1.2.1.1.3.4 Саверио Коронелло (?-27.01.1853), женат на Франческо Криспо (?-1853)

1.1.1.4.4.1.2.1.1.3.4.1 Джакомо Коронелло

1.1.1.4.4.1.2.1.1.3.4.2 Дочь

1.1.1.4.4.1.2.1.1.3.4.3 Дочь

1.1.1.4.4.1.2.1.1.3.4.4 Антонио Марко Коронелло

1.1.1.4.4.1.2.1.1.3.4.5 Гаттин Коронелло – о нем писал известный историк и археолог Эрнст Куртис.

1.1.1.4.4.1.2.1.2 Андреа Коронелло. Женат с 10.11.1744 на Мариэтте Катерине Кулен

1.1.1.4.4.1.2.1.2.1 Канциана Коронелло замужем с 1772 за Генри де Раймонд де Моден

1.1.1.4.4.1.2.1.2.2 Катерина Коронелло (11.09.1805-?) – муж Превелегио Августино

1.1.1.4.4.2 Катерина Коронелло (05.12.1632)

1.1.1.4.5 Гиамбатиста (Джованни Баттиста) Заботти Коронелло (?-около 1632) – пригласил на о. Наксос монахов-капуцинов. Жены: Мариэтта Саморупо, Анна, Катерина

1.1.1.4.5.1 Мария Коронелло (05.07.1621-?)

1.1.1.4.5.2 Корсино Коронелло (26.10.1622- после 1643), женат с 1641 на Флоренции Кокко(с)

1.1.1.4.5.2.1 Сениор де Аплики Гиамбатиста Коронелло, женат с 29.01.1669 на Геновской Гримальди

1.1.1.4.5.2.1.1 Гиамбатиста Коронелло (?-постриг 1751)

1.1.1.4.5.2.1.2 Филипп Коронелло (?-постриг 1728)

1.1.1.4.5.2.1.3 Франческо Коронелло (1712-?)

1.1.1.4.5.2.1.3.1 Джакомо Коронелло, женат на Агнес Франгопуло

1.1.1.4.5.2.1.3.1.1 Гиамбатиста Коронелло (?-02.08.1749)

1.1.1.4.5.2.1.3.1.2 Франческо Коронелло (?-22.02.1808)

1.1.1.4.5.2.1.3.1.3 Джованна Баттиста Коронелло (?-16.08.1834) Замужем за Джованни Араклиоти

1.1.1.4.5.2.1.3.2 Франческо Коронелло (?-22.02.1808)

1.1.1.4.5.2.1.3.3 Бригида Коронелло. Замужем за Франческо Бароцци (1744)

1.1.1.4.5.2.2 Франческо Коронелло (1648-1712)

1.1.1.4.5.3 Марино Коронелло, от Анны Коронелло.

1.1.1.4.5.4 Анна Коронелло, замужем за Марко Антониом Гигли.

1.1.1.4.5.5 Мария (незаконнорожденная) от Катерины. Замужем за Джакомо Балио

1.1.1.4.6 Корсино Коронелло (?-после 1655) консул Франции на острове Наксос

Женат на Катерине Криспо (1620) и Лиани (1629)

1.1.1.4.6.1 Марчерите Коронелло (27.05.1620)

1.1.1.4.6.2 Джакомо Коронелло (1622, Наксос-1643, Наксос), женат на Николетте Гигли (15.01.1636)

1.1.1.4.6.2.1 Джакомо Коронелло сеньор де Коракиа. Женат на Габала Верона

1.1.1.4.6.2.1.1 Марчетто Коронелло

1.1.1.4.6.2.1.1.1 Джакомо. 1748 – женат на Флоренции Спиридо (?-03.12.1796)

1.1.1.4.6.2.1.1.1.1 [Имя неизвестно] Коронелло – казнен турками, как русский шпион

1.1.1.4.6.2.1.1.1.2 Антон Яковлевич Коронелли (1752-29.10.1834) – д.ст. сов., консул России Женат на графине Констанции де Фалькенуа.

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1 Александр Антон Антонович Коронелли (01.11.1816, Венеция-?) – губернский секретарь, помещик. Жена Екатерина Ивановна Брачер, дочь феодосийского купца второй гильдии Ивана Ивановича Брачер.

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.1 Антон Виктор Коронелли (22.11.1847, Феодосия-?) подполковник Русской Армии, женат на Марии Люмер.

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.1.1 Валентина Викторовна Коронелли

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.1.2 Леонид Викторович Коронелли (1886-после 1938)

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.1.2.1 Лариса Дринко (1920, Феодосия-2006, Феодосия)

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.1.2.1.1 Людмила Дринко (1944 Кишлав), замужем за Борисом Павлычевым (1947 Краснодар)

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.1.2.1.1.1 Глеб Борисович Павлычев (1970 Симферополь)

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.1.2.1.1.2 Дмитрий Борисович Павлычев (1972 Феодосия)

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.1.2.1.1.2.1 Дарья Борисович Павлычева (1997 Кармизль, Израиль)

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.1.2.1.1.2.2 Арсений Павлычев (2002, Кармизль, Израиль)

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.1.2.1.2 Владимир Дринко (1942, Феодосия-1968, Феодосия)

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.1.2.2 Алла Ганай Коронелли (1924, Феодосия-2004, Феодосия)

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.1.3 Виктор Антон Викторович Коронелли (16.07.1887, Феодосия-1938, Феодосия) – главный экономист Феодосийского Порто, женат на Александре Георгиевне. Её сестра Елена Георгиевна, замужем за Константином (детей нет).

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.1.3.1 Ростислав Викторович Коронелли (1912 Феодосия-1985 Кирово-Чепецк), женат на Анне Кузминичне Савостьяновой и Татьяне Яновне Клеструп (? 2009, Кирово-Чепецк)

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.1.3.1.1 Елена Ростиславовна Корнелли (04.05.1944) дочь Татьяны Яновны, замужем за Юрием Оводом и Валерием Панченко.

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.1.3.1.1.1 Ирина Доровских (07.11.1964, Мариуполь), дочь Валерия Панченко, замужем за Игорем Доровских

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.1.3.1.1.1.1 Дмитрий Игоревич Доровских (25.11.1984, Кирово – Чепецк)

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.1.3.1.1.2 Алена Игоревна Доровских (25.10.1987, Кирово-Чепецк)

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.1.3.1.1.2 Светлана Валерьевна Коронелли (07.09.1967, Юрья), замужем за Алексеем Кудряевым

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.1.3.1.1.2.1 Александра Алексеевна Кудряева (27.02.1996, Санкт-Петербург)

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.1.3.1.1.3 Татьяна Юрьевна Овод

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.1.3.1.2 Валерий Ростиславович Коронелли (27.02.1947) сын Татьяны Яновны, женат на Тамаре

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.1.3.1.2.1 Иван Валерьевич Коронелли

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.1.3.1.2.2 Елена Валерьевна Коронелли

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.1.3.1.2.3 Антон Валерьевич Коронелли.

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.1.3.1.3 Лариса Ростиславовна Аросланова (04.03.1957) дочь Татьяны Яновны, замужем за Гумаром Арослановым.

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.1.3.1.3.1 Андрей Гумарович Аросланов

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.1.3.1.3.2 Илья Гумарович Аросланов

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.1.3.1.4 Виктор Ростиславович Коронелли (1934, Феодосия)сын Анны Кузьминичны, женат на Пахомовой Татьяне Васильевне – известной ученой микробиологе.

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.1.3.1.4.1 Виктор Викторович Коронелли (1958 Москва) – консул России, заведующий секцией Стран Латинской Америки МИД РФ, женат на Елене Георгиевне Каргановой, после на Марине Владимировне Пуховой.

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.1.3.1.4.1.1 Евгений Викторович Коронелли (1985, Москва) сын Елены Георгиевны

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.1.3.1.4.1.2 Виктор Викторович Коронелли (1989, Гавана) сын Елены Георгиевны

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.1.3.1.4.1.3 Мария Викторовна Коронелли (Сантьяго) дочь Марии Владимировны

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.1.3.1.4.2 Антон Викторович Коронелли (1975, Москва) – известный тренер по Айкидо, переводчик.

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.1.3.2 Валерия Викторовна Коронелли (18.04.1918, Феодосия-1992, Москва), замужем за Йогелем Виктором Викторовичем и Родейро-Перейра Мануэлем (1911 эл Феролль, Валенсия-1988, Москва)

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.1.3.2.1 Евгений Викторович Коронелли (16.05.1935, Феодосия-21.09.2010, Москва), женат на Валентине Яковлевне Глусской (1938 – 1996)

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.1.3.2.1.1 Джулия Евгеньевна Коронелли (18.07.1964), писательница, поэт, журналист, замужем за Борисом Тумановым (1960, Москва), (далее см. повесть Калейдоскоп), и Евгением Андреевичем Ивановым (07.03.1975, Москва)

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.1.3.2.1.1.1 Артем Борисович Туманов (11.02.1988, Москва)

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.1.3.2.2 Анхела Мануэльевна Родейро - Перейра (27.01.1939, Ростов-на-Дону - 1942 Алма-Ата)

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.2 Филипп Генрих Александрович Коронелли (1851-?) –герой русско – турецкой войны 1877 года, женат 1) на Анне Александровне Тулубовой (дочери статского советника А. Тулубова), детей от этого брака не было. 2) на Анне Михайловне Лессер (1872-1944), дочери Михаила Карловича Лессера.

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.2.1 Евгений Филиппович Коронелли (?-1914) – погиб на Первой Мировой Войне

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.2.2 Лидия Филипповна Коронелли, замужем за Вадимом Яковлевичем Гамкрелидзе.

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.2.2.1 Инна Вадимовна Гамкрелидзе (28.07.1917-2004, Феодосия)

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.2.3 Лариса Филипповна Люлянсон – Павлович (?-1921 Феодосия), замужем за Шнелером Вячеславом Антоновичем и за Яном Стефановичем Люлянсоном-Павловича.

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.2.3.1 Тереза Яновна Люлянсон-Павлович, замужем за Михаилом Бронниковым.

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.2.3.1.1 Алексей Лапшин

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.2.3.1.2 Надежда

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.2.3.1.3 Лидия

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.2.3.1.4 Вячеслав Михайлович Бронников (1952, г. Феодосия) – «граф Калиостро» наших дней, женат на Лидии Дмитриевне.

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.2.3.1.4.1 Владимир Вячеславович Бронников

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.2.3.2 Людмила Яновна (Ивановна) Воскобойникова

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.3 Павел Александрович Коронелли (1863-после 1938)

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.4 Александр Владимир Александрович Коронелли

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.4.1 Владимир Александрович Коронелли (1883-1948) счетовод Сберегательного банка женат на Елене Васильевне

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.4.1.1 Вадим Владимирович Коронелли (07.01.1912 г. Симбирск, нынешний г. Ульяновск-06.06.1984 г. Курск) подполковник Вооруженных сил СССР женат на Галине Федоровне Коронелли (Зарец-Игнатова)

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.4.1.1.1 Юрий Вадимович Коронелли (04.02.1940, Еврейская Авт. г. Биробиджан-02.03.2005 Санкт-Петербург) женат на Жанне Ильиничне Коронелли

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.4.1.1.1.1 Дмитрий Юрьевич Коронелли(1963-2000 Санкт-Петербург)

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.4.1.1.1.1.1 Денис Дмитриевич (1994 Санкт-Петербург)

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.4.1.1.1.2 Михаил Юрьевич Коронелли(15.07.1974 Санкт-Петербург) проживает в Израиле

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.4.1.1.2 Леонид Вадимович Коронелли (05.04.1947 Южный Сахалин) проживает в Курске, женат на Ольге Викторовне Коронелли

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.4.1.1.2.1 Алексей Леонидович Коронелли (15.04.1973 Курск) женат на Елене

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.4.1.1.2.1.1.Мария Алексеевна Коронелли (13.06.1998 Курск)

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.4.1.1.3 Сергей Вадимович Коронелли (1953 г. Курск) женат на Людмиле Ильиничне Коронелли

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.4.1.1.3.1 Александр Сергеевич Коронелли (01.05.1974) г. Курск женат на Екатерине Алексеевне Коронелли

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.4.1.1.3.1.1 Анна Александровна Коронелли (12.06.2001) Курск

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.4.1.1.3.2 Татьяна Сергеевна Коронелли (18.02.1981 Мурманская обл., г. Мончегорск) проживает в Красногорске Московской области

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.4.1.2 Ирина Владимировна Коронелли

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.4.1.2.1 Петр

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.4.1.2.2 Алик(?)

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.4.2 Александр Александрович Коронелли (1894-?)

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.4.2.1 Александр Александрович Коронелли (1921-?)

1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.4.2.1 .1 Валентин Александрович Коронелли
 1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.4.2.1 .1.1 Ирина Валентиновна Коронелли
 1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.4.2.1 .1.2 Эдуард Валентинович Коронелли
 1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.4.2.1 .2 Николай Александрович Коронелли (1948)
 1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.4.2.1 .2.1 Лариса Николаевна Коронелли (24.04.1971)
 1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.4.2.1 .2.1.1 Алехандра Коронелли (30.07.1993, Санкт-Петербург)
 1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.4.2.1 .2.2 Алексей Николаевич Коронелли (24.04.1982)
 1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.4.2.1 .2.3 Евгений Александрович Коронелли (18.03.1988)
 1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.4.2.1 .3 Ирина Александровна Коронелли
 1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.4.2.1 .4 Эльвира Александровна Коронелли
 1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.4.2.2 Александр Александрович Коронелли (14.06.1946)
 1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.4.2.2 .1 Инна Александровна Коронелли (20.10.1968)
 1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.4.2.2 .2 Валентин Александрович Коронелли (27.05.1976) женат на Ирине Серажиевой
 1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.4.2.2 .2.1 Валерия Валентиновна Коронелли (10.11.1998)
 1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.4.2.2 .2.2 Филипп Валентинович Коронелли (26.07.2007)
 1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.5 Фанния Александровна Коронелли (1844, Феодосия-?)
 1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.6 Юлия Александровна Коронелли (1846, Феодосия-?)
 1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.7 Мария Александровна Потапенко замужем за Василием Потапенко
 1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.7.1 Зинаида Васильевна Потапенко, замужем за Александром Бречко
 1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.7.1.1 Валерия Александровна Бречко.
 1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.7.1.1.1 Татьяна Крупко(1972), замужем за Виктором Крупко.
 1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.7.1.1.1.1 Ксения Крупко
 1.1.1.4.6.2.1.1.2.1.7.1.1.2 Антон (1983, Симферополь)
 1.1.1.4.6.2.1.1.1.3 Иосиф Яковлевич Коронелли (?-1815) – майор русской армии.
 1.1.1.4.6.2.1.1.4 Константин Яковлевич Коронелли – русский дипломат
 1.1.1.4.6.2.1.1.5 Николай Яковлевич Коронелли
 1.1.1.4.6.2.1.1.6 Регис Яковлевич Коронелли (?-11.11.1814) – вице – консул России
 1.1.1.4.6.2.1.1.7 Спиридон Яковлевич Коронелли (1777-?) – капитан Русского Флота
 1.1.1.4.6.2.1.1.8 Елизавета Яковлевна Коронелли, замужем за Белло
 1.1.1.4.6.2.2 Анна Катерина Коронелло. Замужем за Корсино Коронелло.
 1.1.1.4.6.2.3 Джузеппе Коронелло. Женат на дельи Анжели Марии (26.07.1654)
 1.1.1.4.6.3 Констанция Коронелло (30.01.1622 -?)
 1.1.1.4.6.4 Анна Ангессина Коронелло (02.02.1625-?). Замужем за Джакомо Гуасти-ниани (06.07.1642)
 1.1.1.4.6.5 Джакомо Коронелло (03.04.1629-?)
 1.1.1.4.7 Лукреция Коронелло (?-1632). Замужем за Корсино Саморупо (?- ранее 1632), изображена на иконе в кафедральном соборе о. Наксос
 1.1.1.5 Хуан Давид Перес Коронел. Родился в 1490 году.
 1.1.1.2.3 Генрих Кардозо
 1.1.2 Абрахам Сениор / Иниго Лопес Коронел (?-1522, Осуна, Севилья, Андалусия), женат на донне Марии.
 1.1.2.1 Мария Коронел, замужем за Хуаном Браво (1483-24.04.1521) – лидером восстания коммунарес.
 1.1.2.1.1 Андре Браво де Мендоза
 1.1.2.1.2 Хуан Браво де Мендоза
 1.1.3 Аполония Абрахам Коронел замужем за Леонардом Визихо де Фром.
 1.1.4 Констанция Абрахам Коронел. Замужем за Виега Томасом да (1414-1514)
 1.1.4.1 Лопес Коронел/Иниго Томас
 1.1.4.2 Виега Катерина Томас да.
 1.1.4.3 Виега Родриго Томас да.
 1.1.5 Франциска Абрахам Коронел замужем за Алонсо Перес.
 1.1.6 Сениор Коронел Давид Абрахам (1440-1505)
 1.1.7 Сениор Коронел Феро Нуньес Абрахам. (?-1511)
 1.1.8 Сениор Коронел дочь Авраама

- 1.1.9 Сениор Коронел Франческо Фернандес Абрахам. (?-1515).
- 1.1.10 Сениор Коронел Льюис Нуньюс Абрахам
- 1.1.11 Сениор Коронел Томас Нуньес Абрахам
- 1.1.12 Сениор Коронел Рейна Абрахам
- 1.1.13 Пабло Коронел. (1488, Сеговия-30.09.1534) – теолог. Преподаватель в Университете Сарбонны, ректор Колледжа Монтаньют.
- 1.1.14 Мария Санчес Коронел замужем за раввином Майром Меламедом/Фернандо Нуньес Коронел
- 1.1.14.1 Перо Нуньес Коронел. Секретарь Великого Инквизитора
- 1.1.14.2 Педро Фернандес Коронел. Конкистадор
- 1.1.14.3 Франциско Нуньес Коронел
- 1.2. Сениор Шломо. (?-1499, Португалия)
- 1.2.1 Лопес Сениор Эльвира Шломо
- 1.2.2 Сениор Коронел Липи Хименс Шломо
- 1.3 Алонсо Рамирес Сениор.
- 1.4 Моше Пабло Сениор / Пабло Коронел. (?-1535) – теолог, редактор трехязыковой Библии.
- 1.5 Алонсо Лопес Сениор
- 1.6 Кламенте Лопес Сениор.
- 1.7 Рейна Сениор.
- 1.8 Хуан Перес Коронел/Хуан де Леао Коронел. (?-1505, Сеговия), женат на Марии де Кастро /Марии да Леао.

ПОТОМКИ ЕГОРА ЕРМОЛАЕВИЧА КОРОНЕЛЛИ

- 1 Егор Ермолаевич Коронелли – коллежский советник, председатель Измаильского Коммерческого суда, женат на дочери Корфианского примата Писхили Розе Николаевне.
- 1.1 Антон Георгиевич Коронелли (1806-?)
 - 1.2 Либерал Георгиевич Коронелли (1808-1847)
 - 1.3 Аристид Георгиевич Коронелли (1809-?)
 - 1.4 Фемистокл Георгиевич Коронелли (1809-?),
женат на Марии Викентьевне Лаврович
 - 1.5 Анна Георгиевна Коронелли (1818-?)
 - 1.6 Клеопатра Георгиевна Коронелли (1819-?)
 - 1.7 Спиридон Георгиевич Коронелли (1819, Одесса-?),
женат на Вирджинии Лаврентьевне. Католического вероисповедания.
 - 1.7.1 Георгий Спиридонович Коронелли (05.05.1852, Одесса-?)
 - 1.7.2 Николай Спиридонович Коронелли (19.06.1853, Одесса-?)
 - 1.7.3 Розалия Спиридоновна Коронелли (29.09.1858, Одесса-?)
 - 1.7.4 Петр Спиридонович Коронелли (21.06.1860, Одесса-?)
 - 1.7.4.1 Николай Петрович Коронелли
 - 1.7.4.2 Александр Петрович Коронелли
 - 1.7.4.2.1 Виктор Александрович Коронелли (30.10.1941, с. Звягино, Пушкинского р-на, Московской Области.
 - 1.7.5 Варвара Спиридоновна Коронелли (20.01.1871, Одесса-?)
 - 1.7.6 Александр Спиридонович Коронелли

2009 год.

Однажды, мой муж Евгений Иванов нашел в Интернете книгу профессора Военно-Морской Академии им. Кузнецова в Санкт-Петербурге, доктора исторических наук Пряхина Ю.Д. «Греки в истории России XVIII- XIX веков» Издательство: Алетейя, 2008 г. ISBN 978-5-1419-067-2, с главой из «Морского Вестника», который я тут же нашла в поисковике – Ю.Д. Пряхин. «Удивительная судьба уроженца острова Накос – Антониуса Коронелло», (см. содержание номера 4 (8) за 2003 год). Я очень удивилась, что автор пишет о моем предке Антонио Коронелло, именуюя его Антонисом Коронелли. (Жалко не Коронеллиусом). Очень странное название, действительно удивительное», – подумала я и ещё раз перечитала аннотацию к книге:

«Представленные исторические очерки – результат многолетних научных исследований автора (???), основанных на материалах Российских государственных архивов. (...). В биографических очерках рассказывается о выдающихся **греках**, вошедших славными делами и ратными подвигами в политическую и военную историю России, её армии и флота, отечественной и мировой науки. (...).

Я срочно отправилась в книжный. Поскольку всегда считала, что мы – испанские дворяне. Искать долго не пришлось, книга продается, чуть ли не в каждом втором магазине Москвы и в любом Интернет-магазине. Желающие могут её заказать на «Озоне». Да, действительно, её автор – уважаемый доктор Исторических Наук, капитан 1 ранга в отставке. Прочитав об этом, я обрадовалась, наивно полагая, что найду что-то новое для себя, но не тут-то было: его труд на проверку оказался лишь «школьным» изложением знаменитой работы крымского историка-краеведа Геймана В.Д. «Феодосия в прошлом. 1. Потомки испанского инквизитора Коронелли в Феодосии; 2. Грамматиковский капитал; 3. Духовное завешание П.А. Ладинского». Известная работа, давным-давно опубликованная в «Известиях Таврической Ученой Архивной Комиссии» том 55 (1918 год), и в настоящее время находится в открытом доступе в Интернете.

Пришлось мне писать опровержение данной работы, которое я послала в газету «Морской Вестник»:

«13 декабря 2009. Уважаемый Юрий Дмитриевич! Я не могу найти нигде вашего e-мейла или телефона, чтобы выразить Вам свое неприятие вашего труда об Антониусе Коронелли. Поэтому, прошу уважаемого Эдуарда Александровича, передать все мои статьи Вам. Приношу свои извинения и благодарность Эдуарду Александровичу, поскольку он к этой истории никакого отношения не имеет, как и мой предок – Антонио Коронелли к грекам.

С уважением, Дж. Коронелли».

Я дала ссылки на статью, которую опубликовала на российском литературном сайте Дмитрия Кравчука Проза ру. и в своем блоге в ЖЖ. Опровержение было о том, что:

«Как-то не заслуженно, нелепо и нагло с лёгкой руки г-на Пряхина, я – потомственная испанская дворянка, вдруг превратилась в гречанку. С какой стати?! Ведь я не спорю, что Коронелли и вправду приехали с острова Наксос, и что несколько лет они жили в Константинополе. Но до сих пор никто не настаивал на том, что Антонио Коронелли, например, турок, ведь Наксос в то время принадлежал Порте. Я не спорю, что Коронелли поддержали Россию и греческих патриотов, и поэтому им пришлось покинуть остров Наксос, но Антонио Коронелли никогда не был греком! Так что же делать? Смириться и стать гречанкой? Я понимаю, что Фонду Греческих Исследований, профинансировавшему книгу г-на Пряхина и его супруге – гречанке, как он сам пишет, это будет приятно. Но у меня есть к ним встречное предложение: стать испанцами!», – писала я.

Но г-н Пряхин Ю.Д. Прислал мне письмо следующего содержания, которое развесил во всех моих блогах:

«Юлия Евгеньевна (Джулия)!

(Трансформация Вашего имени, видимо сродни: Антонио – Антониос – Антон) С большим огорчением и сожалением прочитал Вашу гневную, но сумбурную рецензию на ужасный «опус» - мою книгу. Хотя Вы с упоением оплевывали одну лишь статью, но вывод делаете общий, по всей книге, обвиняя автора, «горе-историка», во многих человеческих грехах и пороках. Жаль, что анализ очерка Вы проводите в оскорбительном духе, в базарном стиле, унижая при этом только себя; заставляете задуматься о Вашей литературной, журналистской, поэтической дееспособности. После Ваших вздорных заявлений, оценок и инсинуаций нет никакого желания общаться с Вами, тратить попусту время и нервы. Долго размышлял, и всё же решил ответить, надеясь, что Вы всерьёз задумаетесь, исчезнет чрезмерная самоуверенность и апломб, Вы меньше будете тщеславиться, более уважительно станете относиться к людям, к их взглядам и позициям.

1. Ещё в 1991 году, на основе имеемых тогда, весьма скудных данных, я составил общее генеалогическое древо Антона Яковлевича Коронелли, которое по мере возможности уточняю. Ваше послание помогло выявить ветвь по женской линии Вашего предка Виктора Антония-Викторовича Коронелли. С мужской линией мне всё было понятно. Вы выбрали для себя и сына фамилию Коронелли, это – Ваше право. Вы решили, что Вы – «Потомственная испанская дворянка» (?!), что ж, это – Ваше дело. Думаю, что это – реализация детской фантазии и мечты, возникшей под воздействием яркой личности, второго мужа вашей бабушки – испанца, «папы - деду», воспитавшего Вас и заменившего родного отца. Вместе с тем вместо потомственной испанки, Вы, вполне обоснованно, можете считать себя австрийской графиней, ибо Вашим прямым потомком является жена Антонио Коронелли графиня Констанция Франческо Фалькенау из Вены. Вы также можете объявить себя и французенкой, ибо брак Александра Антоновича Коронелли с французенкой Брачер и дал мощную ветвь фамилии Коронелли в России XIX века, а

именно: 4-х сыновей и дочь Марию (1860 г.р.). Один из их сыновей, это – Антоний-Виктор Александрович Коронелли (1847 г. р.) и есть основатель конкретно Вашей генеалогической ветви. Хотелось бы отметить, что ныне в генеалогическом древе Антонио Коронелли прослеживаются: испанцы, австрийцы, голландец, итальянцы, грузинский князь, русские, украинцы, евреи, болгарин, французы и представители других народов. Вы же выбрали себе и сыну нужную Вам фамилию и национальность, видимо в соответствии со своими тщеславными взглядами и устремлениями, продуманно отвергнув при этом фамилию и национальность своего, биологического деда (Виктора Иогеля), своей матери, **урождённой Глузской**, (фамилия моей мамы Глуская - прим. автора), а также, родного отца Вашего сына Артёма.

2. Моя супруга Пряхина (Иванова) Людмила Ивановна считает себя официально русской, но, иногда улыбаясь, называет себя гречанкой, ибо её прабабушкой является Мария Александровна Коронелли, принявшая, после брака с украинцем дворянином Василием Потапенко, его фамилию и православную веру.

Представители ветви Марии Коронелли не столь амбициозны, имеют самые различные фамилии, отлично зная и понимая, что в их кровеносных сосудах пульсирует испанская, еврейская, греческая, итальянская, французская, австрийская, голландская, русская, украинская кровь; проживают в Феодосии, в Керчи, в Петербурге, в Голландии.

3. Очевидно, что испанско-еврейские предки Антонио (Антониоса, Антона) Коронелли, более чем за 200 лет своего пребывания на острове Наксос, населённом в основном греками, несомненно, подверглись греческой этнографической ассимиляции, хотя и сумели сохранить римско-католическое вероисповедание. Стали Греческими подданными. Не случайно, некоторые исследователи, в том числе, и, приведенный Вами, проф. Раде Петрович, считают А.Я. Коронелли католическим греком. В целом ряде документов Якова Коронелли и его потомков называют лицами греческой нации. Так, например, в Свидетельстве от 08.1860 говорится «Предъявитель сего, греко-подданный, происходит из дворянского звания Александр Антонович сын Коронелли, сего 8 ноября приведен в присутствии Таврического Губернского Правления на верность подданства России к присяге».

4. Предложение «посетить с Вашей помощью» Гос. архив МИД из-за «моей лени» отвергается, ибо нет необходимости. Я уже давно имею ксерокопию: Послужного списка, состоящего в МИД, действительного статского советника Антона Яковлевича Коронелли за 1834 год; копии ряда других официальных документов, характеризующих его, как греческого католика, греко-подданного, лица греческой нации, раскрывающих его семейное положение, служебную деятельность и др. Данные документы использовались мною при написании исторического очерка о Антонио (Антониосе, Антоне) Яковлевиче Коронелли, который и вызвал у Вас такой бурный исход желчи, поток инсинуаций. В заключение хотел бы сделать некоторые обобщения и выводы, высказать Вам пожелания и рекомендации ветерана – историка. Подлинную национальность современных Коронелли, сохранивших только свою фамилию, установить теперь невозможно. Более чем за 500 прошедших лет в истории этой славной фамилии, вне сомнения, постоянно имела

место активная этнографическая ассимиляция и с этим нужно смириться. Я лично считаю, что Антонио Коронелли с большим основанием можно считать греком, чем испанцем, хотя данная фамилия действительно впервые появилась в Испании. И речь более идет о подданстве Антонио, нежели о его национальности; – Вы можете вырастить себе национальность, фамилию и вероисповедание и никто не имеет право Вас осудить. Хорошо, что Вы задумываетесь о своих корнях, читаете своих многочисленных предков (хотя и выборочно), которые, как показывают исследования, являются представителями самых разных народов. Хотелось бы пожелать Вам быть точнее, в творческом запале Вы иногда сами же себе серьезно противоречите. Так, например, в «Опровержении книги (?) Ю.Д. Пряхина...». Вы гневно обвиняете меня в том, что мой исторический очерк о А. Коронелли написан только на основании работы В.Д. Геймана. Более того, Вы считаете мой очерк – «плагиатом с Геймана». А в «Анализе книги (?) Ю.Д. Пряхина...» наоборот сурово порицаете за «...анонирование основного источника – Гейман В.Д...». Так, где же ваша истинная позиция? Какую же критику мне учесть? Запутались, видимо, в борьбе с «горе-историком». Сравнение семейной неорганизованности и суеты с обстановкой на тонущем фрегате не убеждает, не создаёт образной картины, выглядит примитивно, ибо можно ли описать обстановку, если автор сравнения не знает, что фрегат боевой корабль, а не пассажирское судно, что каждый член экипажа корабля в аварийной обстановке действует точно в соответствии с аварийным (боевым) расписанием, строго исполняет определенные ему функции и обязанности; Ваша фраза, Джулия: «Я совсем не уверена, что и другие в его (Ю.Д. Пряхина Ю.П.) трудах во славу Греции, не греки» удивила своей объективностью. Здесь Вы правы, Юлия Евгеньевна, они действительно все греки, хвалю! В заключение, бумерангом возвращаю Вам фразу, высказанную в мой адрес: «Хочу пожелать, ответственной подходить к своим трудам». Явно красуясь, Вы обещаете сжечь мою книгу. История знает, кто сжигает книги!

С глубоким сочувствием! Юрий Дмитриевич Пряхин.

Санкт-Петербург. 2009 год», (орфография и пунктуация сохранена – прим. автора).

После того, как я ответила ему, что я напишу книгу и докажу, что труд профессора Пряхина, вовсе не труд, а «капля в море» и знает ли профессор о других, не менее выдающихся представителях рода Коронелли? Что я обещаю составить через год очень полную Родословную крещеных евреев, испанских дворян Коронелли, знаменитый профессор, почему-то опустил до того, что прислал мне своего родственника, который жадно следил за моими публикациями в Интернете, и поняв, что я действительно ищу документы и вывешиваю некоторые из них в свой Живой Журнал, стал мне в моем же блоге хамить от лица профессора вот так:

Дмитрий Митлев от Пряхина Ю.Д. 2010-01-02 По Вам, девушка, больничка плачет... Про больничку ответил Дмитрий. Тоже Коронелли. аффтор жеттт!!!!...аффтор выпий йаду!!!!) И я не Дмитрий Юрьевич... Я по поисковику нашел ссылку на данный блог и активно включился в обсуждение... У меня действительно в предках были Коронелли.

Я, наверное, Ваш четвередюродный племянник... Десятая вода на киселе...). Я благодарен Вам, Джулия, и Пряхину Ю.Д. обом, т.к. много интересного узнал от вас о Коронелли. Искренне благодарен. Мне не понравился стиль вашего общения с Пряхиным. Очень не тактично, оскорбительно и самоуверенно с Вашей стороны. Даже не по себе стало.. Стыдно что ли за Вас... Родственники все же. Стиль Ваших ответов на мои шуточные комментарии такой же... К сожалению!!!

Я связался с Пряхиным, купил книгу его про греков, прочитал очерк про Коронелли и совсем не понял, что Вас так возмутило. В очерке Пряхина он ни разу не называл национальности Коронелли, лишь выходцем с острова Наксос... То что Антонио и его отец сражались за независимость Греции характеризует их как благородных людей, чтущих ту землю где они родились и прожили. Пример может следующий: многие мои и надеюсь, Ваши знакомые трудятся, а кто-то сражался на войне на и за Россию, и гордятся своим Российским гражданством, хотя при этом по национальности из них кто-то украинец, кто-то дагестанец, кто-то еврей... И то что об этом написали публично это большой ПЛЮС! Имелось ввиду написали про Коронелли!).

То что Коронелли еврейского происхождения и выходцы из испании Пряхин прекрасно знал и знает. Он не «записывал» Коронелли в греки по национальности, он описывал в очерках жителей Греции того времени! А Греция, для Вашего сведения, одна из первых цивилизаций и начинает свою историю не с 1830 года. Юрий Дмитриевич очень образованный и заслуженный человек и историк. Ваши намеки на его «спонсорские поездки в Грецию» безпочвенны. Книгу он написал не за деньги и «поездки в Грецию». У него в Петербурге достаточно обеспеченная семья, которая может себе позволить поездки Пряхина в любые страны мира. Я и мои близки со своей стороны и очень благодарны Пряхину за те документы, которые он нашел в многочисленных архивах, и которые помогли объективно узнать о прошлом наших предков. Вам же, Юлия, предлагаю успокоится и посмотреть на ситуацию трезво. Я бы на Вашем месте поблагодарил Пряхина за проделанную им работу и попросил бы у него те материалы, которые он имеет. Он обладает действительно копиями архивных документов, Вы как я понял, обладаете только данными из интернета... И обязательно извинился бы перед ним за те не корректные оскорбления с Вашей стороны. **Для информации про себе: мне 31 год, я врач, социален, успешен.))**

2010-01-05 20:38 И не переживайте так, Джулия, Вы – по-любому, еврейка! У евреев национальность по маме передается...). И т.д.

Примерно через полгода мы с мужем сделали обещанную работу и послали довольно полную Родословную в «Морской Вестник»:

«Джулия Коронелли Конову Эдуарду Александровичу для Пряхина Юрия Дмитриевича. Родословная. Письмо профессора занимающегося генеалогией Рода Коронелли.

Здравствуйте, Юрий Дмитриевич! Поскольку у меня так и нет вашего е-мэйла или телефона, чтобы предоставить мою работу по изучению нашего с вами рода. И выразить еще раз Вам свое неприятие по поводу вашего труда об Антониусе Коронелли. Поэтому, еще раз прошу

уважаемого Эдуарда Александровича, передать нашу с вами Родословную, составленную историком Хопфом, которую мне прислал из Афин наш с вами дальний родственник, не считающий Антонио Коронелли греком. Он занимается Родословными Греции, и Наксоса в том числе. И, как и я пишет книгу о нашем роде крещенных испанских евреев из Сеговии. Посещая архивы МИДа и другие, я нашла в этой родословной и наших с вами родоначальников русской ветви с Наксоса. Но поскольку я не вправе вписывать вас – греков, рожденных от единственной дочери Александра Коронелли, считающих себя греками, в еврейско-испанскую родословную. Не могу поступиться с совестью и поступить так, как Вы поступили с Антонио Коронелли. У Вас есть выбор: Вам придется отказаться от греческой вашей версии, и извиниться, признав свою некомпетентность по данному вопросу и принять историю, таковой, какой она является на самом деле. Иначе, ваша жена Иванова, и вы, и ваши дети и внуки, к сожалению, не будут вписаны в Родословные ни в Греции, ни в России. Приношу свои извинения и благодарность Эдуарду Александровичу, поскольку он к этой истории никакого отношения не имеет, как и мой предок – Антон Коронелли к греческой национальности.

С Уважением к Эдуарду Александровичу,

Джулия Евгеньевна Коронелли.

П.С.

В прилагаемых файлах, мои доказательства кем на самом деле является Антонио Коронелли. Родословная от Испанских крещеных евреев до нынешних дней составленная мною и профессором Хопфом.

Мой телефон. Блог. Спасибо».

После чего пришёл ответ:

Дмитрий Метелев от Пряхина Ю.Д. пишет: «СУМАШЕДШАЯ!!! Юлия, я буду с Вами разговаривать, только если Вы поменяете свой стиль общения с людьми. Со мной и с Юрием Дмитриевичем. И извинитесь за те оскорбления и издевки, которые Вы совершили. Вы проделали хорошую работу, заслуживающую уважения. Но при всем при этом в таком стиле общаться с Вами нет никакого желания. Вы не слышите никого кроме себя, к сожалению. Я и Пряхин Вам несколько раз говорили, что мы уже 10 лет знаем, что мои предки потомки испанских инквизиторов...

А Вы с упорством полоумной все твердите про греков... Меняйте стиль общения и я даже готов буду с Вами встретиться и возможно буду полезен. И поверте, меня не пугает, что я и моя семья чего то лишится.. При желании я все это могу сделать без Вас... И в Афины съездить и на Наксос и в Испанию.. И с профессором местным пообщаться и изменения в документы внести и т.п и т.д. У меня для этого достаточно образования, возможностей, знакомых, в т.ч. и в Греции...», (орфография и пунктуация сохранена – прим. автора).

После такого ответа историка и его «аdjутанта» семья Ю.Д. Пряхина не вписана в Родословную Рода Коронелли.

Но это ещё не всё.

Я написала свое опровержение не только в «Морской Вестник», где была напечатана статья Ю.Д. Пряхина, но и в журнал для историков «Клио», где она тоже была опубликована. Но дело закончилось следующим: после полугодовой намеренной проволочки с моей рецензией на книгу Пряхина историком Полтораком не захотевшим видимо ссориться с профессором, пришлось писать статью под названием: **«Подводная лодка «Клио», или Здравствуйте, уважаемая Джулия!»**.

20.11.2009.

«Здравствуйте, уважаемая Джулия! Прочитал Ваше послание. Скорее обрадовался, чем огорчился. Обидно, что в научный оборот введены ошибочные сведения об Антонио Коронелли. Жалко, что и я к этому оказался причастным. Но в исторической науке без ошибок не бывает. Главное, чтобы ошибки исправлялись. Обрадовался я потому, что ошибка обнаружилась. Исправить ее – дело техники. Как я понимаю, все началось с журнала «Клио» в 2003 г. Так давайте в «Клио» ошибку и исправим, тем более, что я – главный редактор этого журнала. Предлагаю Вам написать небольшую критическую рецензию (2-5 страниц) о заблуждениях Ю.Д. Пряхина. Опубликую, не затягивая. Одно пожелание: не скрывая личных мотивов (Вы – потомок А. Коронелли), все же написать статью, основанную не на эмоциях, а на фактах. Журнал-то научный. Прошу меня извинить за то, что стал невольным соучастником научного заблуждения.

С уважением, С.Н. Полтораки

P.S. Побывал на Вашем сайте: Вы там красивая. Читал стихи и «примерял» их к себе. Хорошо, когда человек может позволить себе роскошь жить личной и вселенской болью. Загляните, если будет время, и на мой сайт: <http://www.nestor-spb.ru/>.

Вот такое милое письмо я получила от редактора журнала «Клио» Сергея Николаевича Полторака, после того, как послала ему своё письмо о том, что в его Интернет-журнале нашла статью о моём предке капитане, действительном статском советнике Антонио Коронелли написанную питерским доктором исторических наук, профессором Военно-Морской академии Пряхиным Юрием Дмитриевичем под названием: «Уроженец острова Наксос Антонис Коронелли – российский воин и дипломат».

«Мир не без добрых людей!»: подумала радостно я. Поскольку сильно переживала по поводу самой книги Пряхина Ю.Д. «Греки в истории России XVII-XVIII веков», Издательство АЛЕЙТЕЯ. Санкт-Петербург 2008 г. ISBN 978-5-91419-067-2

Ещё бы не переживать! Ведь мой род, имеет к грекам отношение лишь в проживании на острове Наксос, что находится в нынешней Греции. В 1577 году не живя на острове, еврей Иосиф Наси доверил его управление испанскому дворянину еврейского происхождения Франциско

Коронелло. Именно, от рабби Авраама Сениора и рабби Майра Меламеда, евреев, крещенных в 1492 году Фернандо Арагонским и Изабеллой Кастильской происходит мой древний род Коронелли. Пройдя через века, и до нынешних дней род сохранил не только семейные предания, но и многие архивные документы, и герб с пятью голубями и короной, подтверждающие вышесказанное.

Как же не переживать, если г-н Пряхин распространил свою книгу по российским Высшим Учебным Заведениям и библиотеками и теперь, ввиду слишком малого изучения данной темы именно в России, связанного с огромными «коммунистическими пробелами» в её истории, молодое поколение снова не узнает правды об иностранцах на службе России. Таковым являлся, например, статский советник Антонио Коронелли прославившийся на русской службе начиная с 1770 года, в подчинении у генерала Ганнибала, Ивана Абрамовича. Консул на о. Хиос. Участник русско-шведской войны 1788-1790 гг. Он командовал правым крылом авангарда в 1-ом Роченсальмском сражении. В 1809 году, во время Русско-турецкой войны 1806-1812 гг. был назначен генералом Багратионом управляющим правым берегом Дуная. Он и его братья воевали под командованием Михаила Голенищева-Кутзова. Их сыновья воевали, и внуки. А правнука расстреляли в 1937 году, тоже на благо России из-за испанского и дворянского происхождения.

Но если честно признаться, не хотела я писать о своем роде. Поскольку не очень верила, что это кому-нибудь нужно в этой стране. Хотя точно знала, что за рубежом, мой род досконально изучен. Немало трудов написано, и они переведены почти на все языки мира. Ну, не знают на Западе о российской ветви и не надо. Им-то зачем? А в России – тем паче. Но меня вдруг, попросили написать рецензию на книгу Пряхина! Сами. Вот это да!

«Неужели?!», – подумала я, и, поднатужившись, совсем нелегким путем достал пропуск в архивы МИДа. Разослала кучу писем в разные страны мира. И что удивительно? Мне пришли ответы на мои запросы. Правда не сразу, а спустя полгода, но пришли. Я даже с Наксоса получила огромную посылку от падре Эммануэля Ремундуса с ксероксом старинных и современных книг про род Коронелло, в которых никто из греков не называет своих правителей консулов греками, а только – испанцами. И даже сохранилась икона, на которой изображена Лукреция Коронелло, дочь генерал-губернатора Франческо Коронелло и жена Корсино Саморула, сына покойного католика, лорда Андроса. Где она представлена с мужем в богатых местных костюмах внизу фресковой росписи, которая находится в часовне Святого Розария в Латинском соборе Наксоса (XVII век). Вот так находка. С ума сойти!

И даже из ФСБ прислали мне копию дела о расстреле моего прапрадеда, где написано в показаниях, что он испанец. Как тут было не написать о своем роде, если есть так много интереснейших документов? Тем более, что напечатать обещали точно. И мне подумалось: «Тогда появится альтернатива «пряхинской» версии про греков. И студенты пишущие рефераты узнают, наконец, правду...».

Но везение не бывает долгим. Внезапно те, кто просил меня потрудиться и написать статьи – мне отказали. Сегодня я увидела долгожданный июньский номер питерского журнала для

ученых «Клио», в котором, судя по письмам и обещаниям С. Н. Полторака, должна была абсолютно точно выйти моя рецензия. Но её там нет. Почему? А я-то уж было поверила, что в нашей стране есть не только историки Пряхины с их «совковым» мышлением. А историки и просто люди, для которых, Правда в истории – действительно нужная вещь. Я срочно позвонила в Питер, в редакцию, а после по сотовому который мне там дали, Сергею Николаевичу. «Не напечатал, потому что мой журнал серьёзный для серьёзных людей, а у Вас в рецензии что-то не так». И это мне сказал очень серьёзный питерский историк, подводник, полковник запаса, Доктор исторических наук через три месяца после того, как дал добро на мою рецензию, которую я уже раз переписывала, как он просил. Да, действительно, что-то не так с С. Полтораком, вот только – что?

Кого или чего же испугались редактор вышеупомянутого изданий? Неужели профессора Пряхина Ю.Д. или костры времен Изабеллой Кастильской до сих пор не дают ему покоя?

Я бы назвала такую редакторскую политику страны – Подводная лодка «Клио». Зная точно, что рано или поздно, но она затонет, как и «Курск» в темных водах путинской пучины. Если, конечно, вовремя не приплывут спасатели – иностранцы в истории России.

Но кому они нужны...

Джулия Коронелли. 24 июня 2010».

Но и это не всё.

Оказывается на лит.сайтах **«Стихи ру и Проза ру»** Дмитрия Кравчука, где я публиковала эти статьи, всё это время за мной неустанно следила его контрразведка. Служба модерации сайта усердно читала мои публикации не только на сайте Дмитрия Владимировича, но еще и в моем блоге ЖЖ. И после очередной публикации моей статьи о Дине Рубиной, которую я вывесила в анонс на Главную страницу сайта, вот эту: **«Парадокс, или Письмо Дине Рубиной» . 21 июля 2010 год»,** мне заблокировали обе мои странички, которые я вела с 2003 года, честно раскручивая не только себя, как автора, но и сайт «Стихи и Проза ру». Страница на Прозе пропала на моих глазах через несколько дней после анонса. Причем тогда, когда я в комментариях к известному сайтовскому автору ака Фима Жигонец (Александр Сидоров) посмела написать, что знаю потомков Маяковского. Причём Фима мне тут же написал, что он ошеломлён тем, что я забанена. И я ему верю. А вот ответам службы модерации сайта – нет. И теперь бесхозно «гуляют» по Интернету мои личные документы. Но пусть г-н Кравчук тоже войдет в историю написания исторической книги Коронелло. Мне не жалко:

Письмо в техническую службу от Джулии Коронелли 2010 год:

«Не могу понять, почему только что заблокирована страничка на Прозе ру? У меня там док-ты из Архивов. Проверьте, и восстановите».

Административная служба, 02.08.2010 в 19:24

«Не видим смысла. Вы постоянно клеветаете на сайт, мараете везде, где можете, его репутацию, оскорбляете владельца сайта и не намёками, а впрямую, с применением, грубой, уничи-

жительной лексики, рекламируете свой блог, нарушаете элементарные правила приличия, а также, естественно, и правила сайта.

Вы прекрасно видели, как модераторы долгое время за Вами подчищали реплики, содержащие нарушения, но так и не сделали никаких выводов. Штрафных баллов накопилось более чем достаточно и робот сайта закрыл Вашу страницу.

К своим текстам Вы доступ сохраняете, клеветать, что у Вас украли Ваши документы не стоит — опровергнем. В любой момент можете войти в свой авторский кабинет и скачать все свои тексты или при желании их отредактировать».

Административная служба, 04.08.2010 в 19:31

«Наш сайт не является местом хранения личных архивов, и ответственности за их утерю мы не несём. Тем более что ничего и никогда не теряется без веских причин. Тем более что к каждому тексту не может быть загружено более одной иллюстрации и эти иллюстрации при закрытии текста от читателей, НО НЕ ОТ ВАС, никуда не деваются. Если Вы не признаёте написанные Вами сообщения, содержащие признаки деяний, предусмотренных статьями УК РФ, мы готовы будем предъявить их правоохранительным органам по их официальному запросу. До тех пор, пока Вы не признаете правду и будете отрицать факт нарушения правил сайта, Ваша страница восстановлению не подлежит. При этом за Вами остаётся право и возможность скачать все нужные Вам тексты, по каким-то личным причинам не сохранённые ни на каких других сайтах, ни в каких личных архивах, ни на каких дополнительных носителях, и перенести их куда Вам угодно. Кроме того, нами не закрыта другая Ваша страница «Коронелли Джулия Евгеньевна», право пользоваться которой у Вас никто не отнимал. Если Вы почему-то не видите иллюстраций — копии Ваших изображений будут Вам высланы с e-мейла одного из наших администраторов в доказательство того, что они никуда не пропали».

Административная служба, 05.10.2010 в 21:45

«О причинах Вам известно гораздо больше, чем нам. Потому что мы, конечно, не имели ни желания, ни времени читать все те хамские посты о сайтах, об их администрации и об их владельце и главном редакторе, которые Вы вывешивали как на страницах наших сайтов, так и на других площадках интернета. Что касается причин, по которым были закрыты именно те страницы и не закрываются все другие оставшиеся — они просты и полностью отвечают правилам сайта: Мы закрыли только те Ваши страницы, на которых Вы нарушали Правила сайта, а именно: ПОСТОЯННО и МНОГОКРАТНО публиковали в своих сообщениях клеветнические, оскорбительные, крайне уничижительные заявления в адрес выше перечисленных лиц и объектов. Ваши регалии, достижения, состояние здоровья никак не могут оправдать тех слов в наш адрес и в адрес главного редактора, которыми мы были от Вас «удостоены».

Тем более, странным было постоянно прочитывать их, будучи уверенными в том, что никто из оскорбляемых Вами лиц никогда даже не помышлял каких либо действий против Вас и Вашей деятельности на просторах интернета. Бесспорно, мы уважительно относимся к Вашему терпению, мужеству, таланту и не имеем никакого морального права принижать Ваши

достижения, которые не под силу даже некоторым вполне здоровым людям. Мы всегда уважали и уважаем Вас за это, достойное не только уважения, но и искреннего восхищения. Мы были поражены тем, что результатом удаления нами Ваших страниц явилось продолжение оскорбительной деятельности с Вашей стороны не только в наш адрес, но и в отношении лиц, никоим образом не причастных к администрации сайта, но смело Вами оклеветанными, в том числе на страницах других сайтов. Из всего этого мы вынужденно приходим к выводу о том, что Вы не собираетесь признавать своих нарушений Правил сайта, нарушений, граничащих по своему смыслу и результату с деяниями, предусмотренными УК РФ. И это, несмотря на то, что мы ни раз уже сообщали Вам о том, что все эти нарушения мы ВИДЕЛИ и никаких сомнений в их существовании у нас НЕТ. Наоборот, Вы эту деятельность продолжили. При всём этом у нас нет в данное время повода для удаления других Ваших страниц, наличие которых в любом количестве не противоречит правилам сайта и никем не возбраняется. Если Вы не станете нарушать на них правила сайта, а одно Вы уже сделали, опубликовав открытое письмо, которое мы уже удалили, у нас не появится и повода для их закрытия. Последнее нарушение связано вовсе не фактом опубликования такого письма. В первую очередь оно заключается в том, что в нём Вы снова попытались ввести в заблуждение читателей, представив дело так, будто Вы являетесь невинно пострадавшей стороной в деле, в котором виноваты модераторы, удалившие Ваши страницы ни с того, ни с чего, без каких либо серьёзных поводов и причин, а чуть ли не из личной ненависти так ведь получается. И это неправда. Неправда, впрямую бьющая по репутации сайта и его службы модерации. При таком положении дел мы не видим причин для восстановления Ваших страниц в данное время. Мы уже сообщали Вам ранее: всё, что нам нужно для вынесения на обсуждение вопроса об открытии Ваших страниц – честное признание своих нарушений и обещание более их не допускать. Мы верим людям на слово. При этом ни о какой публичности и речи нет – у нас нет и не может быть ни цели, ни желания унижать Вас никоим образом. Возможно, Вы не в курсе, но эти минимальные требования мы предъявляем ко всем авторам удалённых страниц. Почти все страницы в итоге нами открываются, за исключением крайне редких случаев. У нас нет никакого желания видеть и Ваши страницы в этом списке. Все авторы сайта нам важны, все авторы сайта имеют одинаковые права, в том числе и на открытие их ранее удалённых за нарушение Правил сайта страниц» – (орфография и пунктуация сохранены. – прим. автора).

Джулия Коронелли 06.10.2010

«А почему баллы с сайта Стихиры на Прозу и обратно я не могу перевести, а отвечает мне на «стихире» модератор «прозы?»».

Я не знала, что «Открытое письмо Дине Рубиной», в котором я, после прочтения её книги «Воскресная месса в Толедо», спрашиваю писательницу: за что она ненавидит испанский народ, и считает моего предка Авраама Сениора «плохим евреем», является нарушением. Я не понимаю, почему Вы следите именно за мной. Почему вы не даёте мне давно забытый мною пароль от моей странички-дублёра «Джулия Евгеньевна Корнелли», не смотря на то, что вы якобы мне

разрешили ею пользоваться, сбив рейтинговые, давно действующие стр-ки, «забанив» их? Увы, вы не выспали мне все мои личные фото и док-ты. И у меня нет возможности доступа к ним через ваш сайт. Что значит: «О причинах Вам известно гораздо больше, чем нам? Потому что мы, конечно, не имели ни желания, ни времени читать все те хамские посты о сайтах, об их администрации и об их владельце и главном редакторе, которые Вы вывешивали как на страницах наших сайтов, так и на других площадках интернета». Это – как это?

– Вася, почему ты купил кефир, а не молоко?

– О причинах Вам известно гораздо больше, чем нам.

Если бы вы не знали мою фамилию, то вряд ли бы вы нашли меня на просторах сети. Значит, вам позволена слежка за мною по всей сети интернета? Но вы же всего лишь – модератор сайта Проза ру.

Что это, – новая услуга? Я могу честно признаться, что мне не нравится когда Д. В. Кравчук пиарится на смерти Великих поэтов.. (Ведь это его фото висит на странице, например, только что ушедшего от нас, моего любимого поэта А.В. Вознесенского) – признаю это. Признаю и то, что мне не нравится когда охаивают – пусть даже литературно, пусть даже членом лит.клуба, но Маяковского или кого-либо из известных людей, либо моих предков и весь испанский народ в целом, поверьте, они того не заслужили... ».

Вот так мне не давали делать «Книгу Коронелло», но вот она. Читатель, Вы держите её в руках!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Pedro Sáinz de Baranda «Cronicón de Valladolid», Imp. de la Viuda de Calero, 1848 p. 195

² Las Tres culturas en la corona de Castilla y los sefardies: actas de las jornadas sefardies, Castillo de la Mota, noviembre de 1989, y del seminario de las

³ Joseph Perez. «La revolucion de las comunidades de Castilla (1520-1521)» p.17

⁴ Miguel-Ángel LADERO QUESADA. Universidad Complutense. Madrid

«*La receptoría y pagaduría general de la Hacienda regia castellana entre 1491 y 1494*

De Rabi Meir Melamed a Fernán Núñez Coronel»

⁵ Yolanda Moreno Koch, Ricardo Izquierdo Benito, Museo Sefardi (Toledo, Spain). Asociacion de Amigos

«Del pasado judío en los reinos medievales hispanicos: afinidad y distanciamiento» pp 141-146

⁶ «Chronological history of the West Indies » Longman, Rees, Orme, Brown, & Green, 1827 p. 30

⁷ «Chronological history of the West Indies » Longman, Rees, Orme, Brown, & Green, 1827 p. 33

⁸ Вашингтон Ирвинг «История жизни и путешествий Христофора Колумба», т.2, С.Петербург, Тип. Х. Гинтсе, 1837, стр. 443

⁹ Lecea Y Garcia, Carlos De «Relacion historica de los principales comuneros segovianos» Editorial MAXTOR, 2005 p.88

¹⁰ Robert Himmerich y Valencia «The Encomenderos of New Spain, 1521-1555» University of Texas Press, 1996. pp 143-144

¹¹ JOHN A. MARINO, THOMASKUEHN, VICTORIA UNIVERSITY (TORONTO, ONT.). CENTRE FOR REFORMATION AND RENAISSANCE STUDIES. «A RENAISSANCE OF CONFLICTS: VISIONS AND REVISIONS OF LAW AND SOCIETY IN » P. 328

¹² The Correspondence of Erasmus:

Letters 1252 to 1355, 1522 to 1523 - p. 61

¹³ HISTORIA DE LOS HETERODOXOS ESPAÑOLES — III : ERASMISTAS Y PROTESTANTES LIBRO IV p.72

¹⁴ The Correspondence of Erasmus Letters 1658 to 1801:

January 1526-March 1527

¹⁵ John A. Marino, Thomas Kuehn, Victoria University (Toronto, Ont.). Centre for Reformation and Renaissance Studies. «A Renaissance of conflicts: visions and revisions of law and society in » p. 328-334

¹⁶ Catholic Encyclopedia (1913). Gregorio Nuñez Coronel

¹⁷ Geschichte Griechenlands vom Beginn des Mittelalters bis auf unsere Zeit, v. 2 p. 172

¹⁸ B. Slot. «Arhipelagus Turbatus...» (1982), p 92

¹⁹ Гейман В.Д. «Потомки испанского инквизитора Коронелло в Феодосии». ИТУАК. т.55 Симферополь. 1918 стр. 253

²⁰ C. Roth, *House of Nasi, Duke of Naxos* (1948), p. 87

²¹ C. Roth, *House of Nasi, Duke of Naxos* (1948), p. 12

- ²² C. Roth, *House of Nasi, Duke of Naxos (1948)*, p. 88
- ²³ C. Roth, *House of Nasi, Duke of Naxos (1948)*, p. 92
- ²⁴ Given in the Ducal Palace of Belvedere near Pera at Constantinople, this 15th day of July, 1577. *Joseph Nasi*
- ²⁵ «*Ralph G. Bennett*» «DAVID SENIOR CORONEL»
- ²⁶ The Catholic Encyclopedia. «*Juan Coronel*»
- ²⁷ Catholic Encyclopedia. *Juan Coronel*
- ²⁸ Andres Perez Arribas «*Historia de Torija*» AACHE Ediciones de Guadalajara, 2000 p. 139
- ²⁹ Charles Hopf *Chroniques Greco-romanes*. (Berlin 1873, in 8), p.499
- ³⁰ Геман В.Д. «Потомки великого испанского инвизитора Коронелло в Феодосии». ИТУАК т.55 стр. 254
- ³¹ История дипломатии. *Потемкин В.П. и др.*; Изд-во: М.: ОГИЗ, 1941 г.;
- ³² Librairie Droz. «*Correspondance*», Tome I, Paris-Geneve 1976, p.233
- ³³ Κατσοπος «*ΤΟΚΑΣΤΡΟΤΩΝΣΑΝΟΓΣΩΝΣΤΗΧΩΡΑΝΑΞΟΥ*» 184
- ³⁴ Auguste Carayon «*Relations inedites des missions de la compagnie de Jesus a Constantinople*» p. 111-112
- ³⁵ Slot «*Archipelagusturbatus*» p. 139
- ³⁶ Александр Трубников «*Орден Храма в Латинской Империи*»
- ³⁷ Jacques Remi A. Texier *Dictionnaire d'orfevrerie, de gravure et de ciselure chretiennes*. (3. *Encycl. theol.*, tom.27). 1863
http://books.google.com/books?id=ZSMAAAAAQAAJ&dq=coronello+naxos&hl=ru&source=gb_s_navlinks_s
- ³⁸ L'opera dei cappuccini per l'unione dei cristiani nel Vicino Oriente durante il secolo XVII. "Pont. Institutum Orientalium Studiorum, 1962
- ³⁹ Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften ..., v 32 pp 422-426
http://books.google.bg/books?id=MKk_AAAAcAAJ&dq=coronello&lr=&hl=ru&pg=PA425#v=onepage&q=coronello&f=false
- ⁴⁰ Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften ..., v 32 pp 422-426
http://books.google.bg/books?id=MKk_AAAAcAAJ&dq=coronello&lr=&hl=ru&pg=PA425#v=onepage&q=coronello&f=false
- ⁴¹ Ν.Α. ΚΕΦΑΛΗΝΙΑΔΗΣ. ΠΟΜΑΝΤΙΚΕΣ ΙΣΤΟΡΙΕΣ ΣΤΟ ΑΙΓΑΙΟ (16-19 ΑΙΝΑΣ) σσ 16-19
- ⁴² B. Slot «*Archipelagus turbatus*».p.239
- ⁴³ B. Slot «*Archipelagus turbatus*» p. 259
- ⁴⁴ B. Slot «*Archipelagus turbatus*» p. 259
- ⁴⁵ Patrick Fournier *Institutions & representations du politique: Espagne, France, Italie, XVIIe-XXe siecles* p. 69
- ⁴⁶ Сумароков П.И. Обзорение царствования и свойств Екатерины Великия: Ч. 1 3. СПб., 1832, стр. 40
- ⁴⁷ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 13, С. Петербург 1874, стр. 153
- ⁴⁸ Эрнст Куртис. «Прощание с Кикладами».
- ⁴⁹ Коракия или Арголидский полуостров - область Греции, которую получил в управление Джакомо Коронелло в качестве приданого супруги или по наследству от матери.

-
- ⁵⁰ ИТУАК т.55 Гейман В.Д. «Потомки испанского инквизитора Коронелло в Феодосии» стр. 255
- ⁵¹ АВПРИ. Ф.159 «ДЛД и ХД», опись 464, дело № 1794, л.9
- ⁵² АВПРИ Ф.1 «АД», р. IV-9, 1828, дело № 494, лл 4, 4(об)
- ⁵³ Александр Захаров. «Площадь Ганнибалы»
- ⁵⁴ ИТУАК т.55 Гейман В.Д. «Потомки испанского инквизитора Коронелло в Феодосии» стр. 258
- ⁵⁵ Н. Дубровин «Присоединение Крыма к России» Том 3 1779-1780 год, Санкт-Петербург, 1887 стр. 288-290
- ⁵⁶ Н. Дубровин «Присоединение Крыма к России» Том 3 1779-1780 год, Санкт-Петербург, 1887 стр. 292
- ⁵⁷ Архив Автономной Республики Крым. Ф. 49, Оп. 1.ю Д. № 6846. Родословная губернского секретаря Александра Коронелли
- ⁵⁸ ИТУАК т.55 Гейман В.Д. «Потомки испанского инквизитора Коронелло в Феодосии» стр. 256
- ⁵⁹ Н. Дубровин «Присоединение Крыма к России» Том 3 1779-1780 год, Санкт-Петербург, 1887 стр. 293
- ⁶⁰ ИТУАК т.55 Гейман В.Д. «Потомки испанского инквизитора Коронелло в Феодосии» стр. 258
- ⁶¹ ИТУАК т.55 Гейман В.Д. «Потомки испанского инквизитора Коронелло в Феодосии» стр. 258
- ⁶² РГВИА. Ф. 395 Оп.6 (312.Д.737(1817г.)), стр.2
- ⁶³ АВПРИ. «Константинопольская миссия» Опись 90/1. Дело; 993 1785-1787 л.2
- ⁶⁴ АВПРИ. «Константинопольская миссия» Опись 992. Дело № 2220 1785, л.2
- ⁶⁵ АВПРИ. «Константинопольская миссия» Опись 992. Дело № 2220 1785, л.2
- ⁶⁶ АВПРИ. «Константинопольская миссия» Опись 992. Дело № 2220 1785, л.2
- ⁶⁷ АВПРИ. «Константинопольская миссия» Опись 992. Дело № 2220 1785, л.13
- ⁶⁸ АВПРИ. «Константинопольская миссия» Опись 992. Дело № 2220 1785, л.42, 42 об
- ⁶⁹ АВПРИ. «Константинопольская миссия» Опись 992. Дело № 2220 1785, л.14
- ⁷⁰ АВПРИ. «Константинопольская миссия» Опись 992. Дело № 2220 1785,
- ⁷¹ АВПРИ. «Константинопольская миссия» Опись 992. Дело № 2220 1785, л.65
- ⁷² АВПРИ. «Константинопольская миссия» Опись 90/1. Дело; 993 1785-1787, л.1
- ⁷³ АВПРИ. «Константинопольская миссия» Опись 992. Дело № 2220 1785, л.48
- ⁷⁴ АВПРИ. «Константинопольская миссия» Опись 992. Дело № 2220 1785, л.49
- ⁷⁵ Архив князя Воронцова XXVII. Москва. Университетская типография 1883 г. стр. 248-249
- ⁷⁶ ИТУАК Т. 55 Симферополь. 1918 стр. 258

- ⁷⁷ Брикнер А.Г. «Путешествие императрицы Екатерины II в Крым» Исторический вестник, 1885. Т. 21., стр. 60
- ⁷⁸ ИТУАК Т. 55 Симферополь. 1918 стр. 259
- ⁷⁹ ИТУАК Т. 55 Симферополь. 1918 стр. 263
- ⁸⁰ ИТУАК Т. 55 Симферополь. 1918 стр. 259-260
- ⁸¹ АВПРИ. «Письма и прошения разных лиц» Опись 13/2.
Дело № 479 1791-1796, лл 1-2(об)
- ⁸² АВПРИ. «Письма и прошения разных лиц» Опись 13/2.
Дело № 480 1790 лл 1-2(об)
- ⁸³ РВИА. Ф.395, Оп.6 (313, д.737, 1817 г.), л.6
- ⁸⁴ «Общий морской список» СПб 1894 г., Т. 8, стр. 613,614
- ⁸⁵ «Архив графов Мордвиновых», т.1, примечание и предисловие В.А. Бильбасова, С-Петербург, Типография И.Н. Скороходова, 1901 год, стр. 202
- ⁸⁶ ИТУАК т.55 Симферополь 1918 стр. 260
- ⁸⁷ ИТУАК т.55 Симферополь 1918 стр. 260
- ⁸⁸ ИТУАК т.55 Симферополь 1918 стр. 260
- ⁸⁹ АВПРИ. Ф. 159«ДЛС и ХД»
- ⁹⁰ ИТУАК т.55 Симферополь 1918 стр. 266
- ⁹¹ ИТУАК т.55 Симферополь 1918 стр. 261
- ⁹² «Кутузов М.И., Письма, записки (Ратная слава Отчизны)» Военное издательство. 1989 стр. 71
- ⁹³ АВПРИ. «Письма и прошения разных лиц» опись № 13/2 год 1791-96
Дело № 479
1790 Декабрь, листы 4-5 об.
- ⁹⁴ ИТУАК т. 55 Симферополь 1918 стр. 261
- ⁹⁵ ИТУАК т. 55 Симферополь 1918 стр. 261
- ⁹⁶ ИТУАК т. 23, Симферополь, 1895, стр. 17
- ⁹⁷ ИТУАК т. 26, г. Симферополь, 1897, стр.89
- ⁹⁸ АВПРИ Ф. 50, оп. 1, год 1796-1797, дело № 1262, лл 12-12(об)
- ⁹⁹ ИТУАК т. 55. Симферополь. 1918 стр. 257
- ¹⁰⁰ ИТУАК т. 55, г. Симферополь. 1918 стр. 256
- ¹⁰¹ АВПРИ «Письма и прошения разных лиц» опись 13/2 дело 1791-1796 лл 4-5(об)
- ¹⁰² Адрес-календарь: 1807 ч.1, стр. 274, Адрес-календарь 1812 ч. 1. Стр. 260
- ¹⁰³ ИТУАК т.55, стр. 262
- ¹⁰⁴ ИТУАК т.55, стр. 262
- ¹⁰⁵ ИТУАК т.55, стр. 262
- ¹⁰⁶ Фукс Е.Б. «История российско-австрийской компании 1799 года под предводительством Генералиссимуса, Князя Италийского, Графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского, изданная Е. Фуксом. Ч.II, стр. 341
См. также стр. 330
- ¹⁰⁷ Никольский П.В. «Описание сенатских дел Исторического архива Таврической ученой архивной комиссии». Симферополь. 1917. Стр. 29
- ¹⁰⁸ АВПРИ. Ф.1. «Административные дела», опись IV-4
Дело № 10, 1805 лл 2, 2(об)
- ¹⁰⁹ АВПРИ. Ф.1. «Административные дела», опись IV-4?
Дело № 10, 1805 л.3
- ¹¹⁰ ИТУАК. 55 стр. 263-264
- ¹¹¹ ИТУАК. 55 стр. 264-265

- ¹¹² Нина Бутова, Божидар Райков, Евелина Панчева Васильева «Софроний врачанский. Библиографический указатель». Народная библиотека Кирил и Мефодий 1989, стр. 127
- ¹¹³ «Отчет о 13 ом присуждении наград графа Уварова». Санкт-Петербург. 1872 стр. 261-263
- ¹¹⁴ Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806-1812 гг.// Русская старина, № 7. 1908
- ¹¹⁵ В.Д. Гейман «Потомки испанского инквизитора Коронелло в Феодосии». Известия Ученой Таврической Комиссии. Т.55, стр. 265
- ¹¹⁶ «Краткий исторический обзор Бессарабии» Зозулинов
<http://oldchisinau.com/lib/bessarabia/bessarabia3.html>
- ¹¹⁷ «Военная Литература. Биографии П.И. Багратион» Ростунов И.И.
- ¹¹⁸ РГВИА. Ф. 14209 «Молдавская Армия» оп. 5/165, св. 64, д. № 1, л.2
- ¹¹⁹ РГВИА. Ф. 14209 «Молдавская Армия» оп. 5/165, св. 64, д. № 1, л.14
- ¹²⁰ РГВИА. Ф. 14209 «Молдавская Армия» оп. 5/165, св. 64, д. № 1, лл. 17, 17(об), 18, 18 (об)
- ¹²¹ Записки Сергея Алексеевича Тучкова, 1766-1808. типография товарищества «Свет» 1908, стр. 284
- ¹²² Мария Васильевна Маруневич «Поселения, жилище и усадьба гагаузов Южной Бессарабии в XIX-начале XX веков», 1980
- ¹²³ М.И. Кутузов: документы: Том 3, Воен. изд-во, 1956, стр. 618
- ¹²⁴ РГВИА. Ф. 14209 «Молдавская Армия» оп. 5/165, св. 64, д. № 1, лл. 21, 21 (об), 22
- ¹²⁵ М.И. Кутузов: документы. Военное издательство. 1956, стр. 500
- ¹²⁶ РГВИА. Ф. 14209 «Молдавская Армия» оп. 5/165, св. 64, д. № 1, лл. 23, 23 (об)
- ¹²⁷ Полководец Кутузов: сборник статей. Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955 стр. 158
- ¹²⁸ Институт Истории (Академия наук СССР) «Полководец Кутузов: сборник статей» Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955, стр. 155
- ¹²⁹ «Известия Академии наук Молдавской ССР.: Булетинул Академией де Шtiinце а РСС «Шtiinца», 1975, стр. 449-450
- ¹³⁰ «Из истории русско-болгарских отношений: сборник статей». Л. Б Валиев, Институт славяноведения (Академия наук СССР) стр. 267
- ¹³¹ Прощение капитана Коронелли ... РГВИА Ф. 395 «Инспекторский департамент», опись № 6/312, 1817, 1 отд. 1 стол, арх. 737, стр. 1
- ¹³² Прощение капитана Коронелли ... РГВИА Ф. 395 «Инспекторский департамент», опись № 6/312, 1817, 1 отд. 1 стол, арх. 737, стр. 3
- ¹³³ Прощение капитана Коронелли ... РГВИА Ф. 395 «Инспекторский департамент», опись № 6/312, 1817, 1 отд. 1 стол, арх. 737, стр. 13
- ¹³⁴ РГВИА. Ф.14209, оп.6 (166, св.29, Д.8) лл.13, 13(об), 14
- ¹³⁵ АРХИВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. Ф.1 «Административные дела» р. IV. ОП. 5, д. № 292, 1818-1820 л.л. 11, 11 об., 12
- ¹³⁶ АРХИВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. Ф.1 «Административные дела» р. IV. ОП. 5, д. № 292, 1818-1820 л.л. 11, 11 об., 12
- ¹³⁷ Виктор Иванович Виноградов. «Русско-турецкая война 1877-1878 г.г. и освобождение Болгарии». Мысль, 1978 стр. 35
- ¹³⁸ Журнал Министерства народного просвещения 1854 ст. 83, тр. 253
- ¹³⁹ АРХИВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. Ф.1 «Административные дела» р. IV. ОП. 5, д. № 292, 1818-1820 л.л. 11, 11 об., 12
- ¹⁴⁰ АРХИВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. Ф.1 «Административные дела» р. IV. ОП. 5, д. № 292, 1818-1820 л.л. 11, 11 об., 12

- ¹⁴¹ АРХИВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. Ф. 1
«Административные дела» р. IV. ОП. 5, д. № 292, 1818-1820 л.л. 11, 11 об., 12
- ¹⁴² РГВИА. Ф. 14209, оп. 6 (166, св. 29, Д. 8) л.л. 2, 2 (об)
- ¹⁴³ Державный Архив Республики Крым ф. 49, оп. 1, д. 6849. «Родословная и доказательства на дворянство Губернского Секретаря Александра Антоновича Коронелли»
- ¹⁴⁴ РГВИА Ф. 400 «Главный штаб», опись 9, дело № 17807 «Об увольнении в отпуск 15-ти раненых»
- ¹⁴⁵ Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806-1812 гг
Русская старина, № 8. 1910
- ¹⁴⁶ Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806-1812 гг.
Русская старина, № 8. 1911
- ¹⁴⁷ Nicolae Iorga: Histoire des Roumains et de la romanité orientale. Vol. 9. Les révolutionnaires. Bucarest, 1944
2. Dan A. Lăzărescu. Imaginea poporului român în conștiința europeană: 1821-1834. AGIR, 1999.
3. Constanța Vintilă-Ghițulescu. De la iubov la hamor...
Dilema Veche. 96 (17 noiembrie 2005).
4. Constanța Vintilă-Ghițulescu. Focul Amourului. Despre dragoste și sexualitate în societatea românească (1750-1830). București, Ed. Humanitas, 2006.
5. Constanța Vintilă-Ghițulescu. Rusofili și Rusofobi
Dilema Veche. 171 (18-24 mai 2007).
6. Cristea Elena-Margareta. Norme și moravuri ale vieții de familie în lumea românească a sec. XVI-XVIII.
Universitatea din București. Doct. Diss. (Janv. 2010).
7. Cosmin Dariescu (Alexandru I. Cuza University of Iasi). Sancționarea Adulterului în Dreptul Românesc al Veacului al XIX-Lea.
E-Pub October 17, 2010
- ¹⁴⁸ Александр И. Михайловский-Данилевский
«Записки о походе 1813 года», стр. 67
С. Петербург. Типография внешней торговли. 1834 г.
- ¹⁴⁹ Тизенгаузен 1874 – Тизенгаузен Е. Ф. Князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов-Смоленский. Письма его дочери графине Е. М. Тизенгаузен, во втором замужестве Хитрово // Русская старина. 1874 (т. X) / 06. С. 337–377., письмо от 28 апреля 1811 г.
- ¹⁵⁰ «Кутузов М.И., Письма, записки (Ратная слава Отчизны)» Военное издательство. 1989 стр. 251
Упомянутый здесь Павел был сыном дочери М.И. Голенищева-Кутузова – Прасковьи Михайловны Толстой и сенатора графа Матфея Федоровича Толстого.
- ¹⁵¹ В.Н. Балазин «Михаил Кутузов», Московский рабочий 1991, стр. 87
- ¹⁵² АРХИВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. Ф. 1
«Административные дела» р. IV. ОП. 5, д. № 292, 1818-1820 л.л. 11, 11 об., 12
- ¹⁵³ Сборник Императорского Исторического Общества,
Санкт-Петербург, 1881 стр. 208
- ¹⁵⁴ РГВИА. Ф. 14209, оп. 166, св. 29. ю. д. № 8 «Увольнение Коронелли и Бараци», 1812
- ¹⁵⁵ Cosmin Dariescu. Sancționarea Adulterului în Dreptul Românesc al Veacului al XIX-Lea. // SSRN E-Pub October 17, 2010
(http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1693405)

- ¹⁵⁶ Документы русской военной контрразведки в 1812 г. / Публ., [вступ. ст. и примеч.] В. М. Безотосного // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. — С. 50—68. — [Т.] II—III.
- ¹⁵⁷ АВПРИ. Ф. 1. «Административные дела», р. IV, опись 14, Дело № 12 (475) 1813, стр. 1
- ¹⁵⁸ АВПРИ (Архив МИД РФ) ф. «ДЛС и ХД» Формулярные списки, опись 464, д. № 218
- ¹⁵⁹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1198. Месячные строевые рапорты Московского гренадерского полка за 1812 год
- ¹⁶⁰ Государственный архив Республики Крым. Ф 49, опись 1, Дело № 5986, л. 31
- ¹⁶¹ Ф. 1. АВПРИ «Административные дела», р. IV, опись 5, Дело № 292 1801-1830 л. 36-37
- ¹⁶² Ф. 1. АВПРИ «Административные дела», р. IV, опись 5, Дело № 292 1801-1830 л. 22, 22 (об)
- ¹⁶³ Ф. 1. АВПРИ «Административные дела», р. IV, опись 5, Дело № 292 1801-1830 л. 41 (об), 49
- ¹⁶⁴ АВПРИ Ф. 1. «Административные дела», р. IV, опись 5, Дело № 292 1801-1830 л. 61
- ¹⁶⁵ Гавлин М. Л. «Из истории российского предпринимательства. Династия Мальцевых». М. Институт 1997 стр. 19-20
- ¹⁶⁶ АВПРИ Ф. 1. «Административные дела», р. IV, опись 5, дело № 363, 1823, л. 1
- ¹⁶⁷ АВПРИ Ф. 1. «Административные дела», опись IV-16, Дело № 233, 1822-1828 л. 21, 21 (об)
- ¹⁶⁸ АВПРИ Ф. 1. «Административные дела», опись IV-16, Дело № 233, 1822-1828 л. 87 (об)
- ¹⁶⁹ АВПРИ Ф. 1. «Административные дела», опись IV-16, Дело № 233, 1822-1828 л. 61
- ¹⁷⁰ АВПРИ Ф. 1. «Административные дела», опись IV-16, Дело № 233, 1822-1828 л. 87
- ¹⁷¹ АВПРИ Ф. 1. «Административные дела», опись IV-16, Дело № 233, 1822-1828 л. 88
- ¹⁷² АВПРИ Ф. 1. «Административные дела», опись IV-16, Дело № 233, 1822-1828 л. 44 (об)
- ¹⁷³ АВПРИ Ф. 1. «Административные дела», опись IV-16, Дело № 233, 1822-1828 л. 66
- ¹⁷⁴ АВПРИ Ф. 1. «Административные дела», опись IV-16, Дело № 233, 1822-1828 л. 43
- ¹⁷⁵ АВПРИ Ф. 1. «Административные дела», р. IV, опись 5, Дело № 3, 1823, л. 20
- ¹⁷⁶ АВПРИ Ф. 1. «Административные дела», р. IV, опись 5, Дело № 3, 1823, л. 20 (об)
- ¹⁷⁷ АВПРИ Ф. 1. «Административные дела», р. IV, опись 5, Дело № 3, 1823, л. 60
- ¹⁷⁸ АВПРИ Ф. 1. «Административные дела», р. IV, опись 5, Дело № 3, 1823, л. 75
- ¹⁷⁹ АВПРИ Ф. 1. «Административные дела», опись IV-5, Дело № 391, 1825, л. 1-2

- ¹⁸⁰ АВПРИ Ф.1. «Административные дела», опись IV-16,
Дело № 214 1828 л. 11-12
- ¹⁸¹ АВПРИ Ф.1. «Административные дела», р. IV, опись 5,
Дело № 3, 1823, л 46
- ¹⁸² АВПРИ. Ф.1 «Административные дела», р. IV, опись 9,
Дело № 19 9494) 1828
- ¹⁸³ Peter II (Prince-Bishop of Montenegro), Dushan D. Vuksan. 1940, стр. 121
- ¹⁸⁴ Sabrana dela Vuka Karadzica: Perepiska (1833-1836)
- ¹⁸⁵ Нико С. Мартинович «ПЕТР II ПЕТРОВИЧ НЕГОШ В ПСКОВЕ»
- ¹⁸⁶ Объяснение Лермонтова из «Дела о недозволительных стихах». «Вестник Европы». 1887, стр. 340
- ¹⁸⁷ В.П. Бурнашев, по изданию Е.Н. Гуслярова «Лермонтов в жизни. Систематизированный свод подлинных свидетельств современников» стр. 162-163
- ¹⁸⁸ АВПРИ. Ф. «Письма и прошения разных лиц» Опись 13/2, 1791-1796, Дело № 479 лл.1-6
- ¹⁸⁹ Никольский П.В. «Описание сенатских дел Исторического архива Таврической ученой архивной комиссии». Симферополь. 1917. Стр. 403
- ¹⁹⁰ Никольский П.В. «Описание сенатских дел Исторического архива Таврической ученой архивной комиссии». Симферополь. 1917. Стр. 409
- ¹⁹¹ Никольский П.В. «Описание сенатских дел Исторического архива Таврической ученой архивной комиссии». Симферополь. 1917. Стр. 409
- ¹⁹² Никольский П.В. «Описание сенатских дел Исторического архива Таврической ученой архивной комиссии». Симферополь. 1917. Стр. 451
- ¹⁹³ Гейман В.Д. «Потомки испанского инквизитора Коронелло в Феодосии» ИТУАК т.55 стр. 266
- ¹⁹⁴ РГА ФМФ. Ф.406, опись 2, дело № 84, лист 260 (об)
- ¹⁹⁵ РГА ФМФ. Ф.406, опись 2, дело № 84, лист 260 (об)
- ¹⁹⁶ Ф. Веселый. «Росчерк истории морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет». 1852, С. Петербург, Список выпускников.стр. 50
- ¹⁹⁷ Ф. Веселый. «Росчерк истории морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет». 1852, С. Петербург стр. 165-166
- ¹⁹⁸ РГА ФМФ. Ф.406, опись 2, дело № 84, лист 260 (об)
- ¹⁹⁹ РГА ФМФ. Ф.406, опись 2, дело № 84, лист 260
- ²⁰⁰ РГА ФМФ. Ф.406, опись 2, дело № 84, лист 262
- ²⁰¹ РГА ФМФ. Ф.432, опись 1, дело № 2433, л. 29 (об)
- ²⁰² РГА ФМФ. Ф.406, опись 2, дело № 84, лист 260 (об)
- ²⁰³ Олег ГУБАРЬ. «КОГДА И КАК ПОЯВИЛИСЬ ПЕРВЫЕ МЕСТНЫЕ СМИ?»
- ²⁰⁴ РГА ФМФ. Ф.432, опись 1, дело № 2433, л. 30 (об)
- ²⁰⁵ Адрес-календарь 1825 г, часть 2, стр. 471
- ²⁰⁶ РГА ФМФ. Ф.432, опись 1, дело № 2433, л. 34 (об)
- ²⁰⁷ РГА ФМФ. Ф.432, опись 1, дело № 2433, л. 34 (об)
- ²⁰⁸ РГА ФМФ. Ф.432, опись 1, дело № 2433, л. 35 (об)
- ²⁰⁹ РГА ФМФ. Ф.432, опись 1, дело № 2433, л. 36 (об),37(об)
- ²¹⁰ РГА ФМФ. Ф.432, опись 1, дело № 2433, л. 34 (об),36(об)
- ²¹¹ РГА ВМФ. Ф. 432, Оп. 1, дело № 2433, л. 10 (об)
- ²¹² РГА ВМФ. Ф. 432, Оп. 1, дело № 2433, л. 15 (об)
- ²¹³ РГА ВМФ. Ф. 432, Оп. 1, дело № 2433, л. 42
- ²¹⁴ «Общий морской список» СПб 1898 г., Т. 10, стр. 406

- 215 «Общий морской список» СПб 1898 г., Т. 10, стр. 406
- 216 Адрес-календарь. 1833, ч.1. стр. 154
- 217 Адрес-календарь. 1849, стр. 287
- 218 Юлия Литвин «Был бы товар, способ найдется. История Одесской таможни»
- 219 РГВИА Ф.400, опись 17, Дело № 7811 «Об увольнении от службы Коллежского Секретаря Коронелли» 1883
- 220 «Вопросы Истории КПСС». Вып. 1, 1957г. Изд-во «Правда». Стр. 89
- 221 http://oxfordpedia.ru/batler_zhozefina_elizabet_grei_-191.html
- 222 Н.Л. Пашенный «Императорское Училище Правоведения и Правоведы в годы мира, войны и смуты» Список воспитанников Училища, числившихся в оном в 1917 г., включая находившихся в отпуску на военной службе».
- 223 «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ. 1920-1940 гг. ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ. ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРОФЕССОРА А.Ф. КИСЕЛЕВ»
- 224 Бодаренко Н.А. «В воздухе испытатели»
- 225 *Миронов И. П.* Все минуты войны. *Дагаев В. В.* Тропами риска. М.: Воениздат, 1989. Глава I
- 226 *Миронов И. П.* Все минуты войны. *Дагаев В. В.* Тропами риска. М.: Воениздат, 1989. Глава II
- 227 *Миронов И. П.* Все минуты войны. *Дагаев В. В.* Тропами риска. М.: Воениздат, 1989. Глава III
- 228 АВПРИ. Ф. «ДПС и ХД» «Формулярные списки». Опись № 464. Дело № 1793.
- Л.1 - 2
- 229 А.И. Серков «Русское масонство. 1731-2000: Энциклопедический словарь»
- 230 Адрес-календарь, 1834, Ч.2 стр. 184 и Адрес-календарь, 1836, Ч.2 стр. 187
- 231 Государственный Архив в Автономной Республике Крым. Ф. 49, оп.1, д. № 5986
- 232 ИТУАК т. 37 стр. 1
- 233 ИТУАК т. 37 стр. 3
- 234 ИТУАК т. 37 стр. 10
- 235 ИТУАК т. 37 стр. 12
- 236 ИТУАК т. 37 стр. 30-31
- 237 Архив Раевских. Том 4, стр. 391
- 238 Архив Раевских. Том 4, стр. 590
- 239 АВПРИ. Ф. «ДПС и ХД» «Формулярные списки». Опись № 464. Дело № 1794,
- л. 11 (об)
- 240 Государственный Архив Автономной Республики Крым. Ф. 49, опись 1, дело № 5986
- 241 Государственный Архив Автономной Республики Крым. Ф. 49, опись 1, дело № 5986, л.46
- 242 Сергей Ткаченко «Крымская Правда»
- 243 Сергей Ткаченко «Крымская Правда»
- 244 Государственный Архив Автономной Республики Крым
- Архивная справка № К-7 от 02.04.2010
- 245 РГВИА. Ф.400, Оп.9, Д.17807 л. 19-20
- 246 РГВИА Ф.400, Оп. 9, д. 17807, л. 20
- 247 РГВИА. Ф.400, .9, Д.17807 л. 17
- 248 Вита Маркина. «Пять чаек над волной». Одесский пассаж. Апрель 2004. г. Одесса
- 249 РГВИА. Ф.400, Оп.9, Д.17807 л. 20
- 250 Журнал Министерства Народного Просвещения. Т. 303, 1896, стр. 89

-
- ²⁵¹ Адрес-календарь и Памятная книга Оренбургской Губергии 1901 стр. 28.
- ²⁵² Журнал «Деньги и кредит». Выпуски 7-12, стр. 60
- ²⁵³ Адрес-календарь Симбирской Губернии 1910, стр. 48
- ²⁵⁴ Памятная книжка Таврической губернии, 1916 г., Симферополь, стр. 197
- ²⁵⁵ Государственный Архив Автономной Республики Крым.
- Архивная справка № К-7 от 02.04.2010
- ²⁵⁶ Государственный Архив Автономной Республики Крым. Ф. 49, опись 1, дело № 5986, л.111
- ²⁵⁷ Адрес-календарь Симбирской Губернии 1914, стр. 38
- ²⁵⁸ Государственный Архив Автономной Республики Крым.
- Архивная справка № К-7 от 02.04.2010
- ²⁵⁹ ИТУАК т.55 стр. 266
- ²⁶⁰ ИТУАК т.55 Гейман В.Д. «Грамматиковский капитал» стр. 266
- ²⁶¹ Государственный Архив Автономной Республики Крым. Архивная справка № Ф-7 от 20.04.2010
- ²⁶² Российской национальная библиотека, ф. 8999
- ²⁶³ «Феодосийские новости» 1911. № 82
- ²⁶⁴ «Феодосийские новости» 1911. № 89
- ²⁶⁵ «Феодосийские новости» 1911. № 107
- ²⁶⁶ ИТУАК т. 53, Симферополь. 1916 год. стр. 243
- ²⁶⁷ ИТУАК т. 56. Симферополь. 1919, стр. 308
- ²⁶⁸ ИТУАК т. 55. Симферополь 1918 стр. 253-280
- ²⁶⁹ Государственный Архив Автономной Республики Крым. Ф. 49, опись 1, дело № 5986, л.111
- ²⁷⁰ Лозбень Н., Пальчикова А. Ливадия. Очерк-путеводитель. - Симферополь: СОНАТ, 2007.
- ²⁷¹ Государственный Архив Республики Крым. Ф. Р-4808, Оп.1, Дело № 08877, л.л.2
- ²⁷² Государственный Архив Республики Крым. Ф. Р-4808, Оп.1, Дело № 08877, л.л. 56,57
- ²⁷³ Газета «Еврейское слово» (г. Москва) №07(425) 5769/2009 24 февраля - 2 марта
- ²⁷⁴ Газета «Информпространство» № 6, 2008 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЕВРЕЙСКИЕ РОДОСЛОВИЯ (доктор ист. наук С.Ю. Дудаков)	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	9
ГЛАВА ПЕРВАЯ ОБ ЭПОХЕ ПРАВЛЕНИЯ КОРОЛЯ КАСТИЛЬСКОГО ЭНРИКЕ IV И ЕГО СЕСТРЫ ИЗАБЕЛЛЫ	9
Правление короля Энрике IV. Борьба за трон с братом Альфонсо	9
Изабелла – наследница Кастильского престола. Смерть Альфонсо	10
Авраам Сениор	11
Брак Изабеллы Кастильской и Фернандо Арагонского	11
Борьба Изабеллы с Хуаной – дочерью Энрике IV за власть	12
1492ой год. Освобождение Гранады. Экспедиция Христофора Колумба. Изгнание евреев	13
Потомки Авраама Сениора	16
Начало конкисты	17
ГЛАВА ВТОРАЯ ВО ВРЕМЕНА КАРЛА V	20
Смерть Изабеллы Кастильской. Вопрос престолонаследия. Восстание коммунарес. О характере Карла V	20
Конкиста во времена Карла V	21
Религиозная революция. Гуманисты и теологи	22
ГЛАВА ТРЕТЬЯ ПОЯВЛЕНИЕ В АРХИПЕЛАГЕ	28
Краткая история Кикладского Архипелага от Крестовых походов, до турецкого завоевания	28
Иосиф Наси	28
Франциско Коронелло	30
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ЕВРЕИ И КАТОЛИКИ	33
Судьба еврея	33
Судьба католика	34
ГЛАВА ПЯТАЯ КОНСУЛЫ ФРАНЦИИ	37
Консулы Франции. Получение консульского звания	37
Общая характеристика работы консула	37
Династическая политика Коронелло в XVII веке	39
Коронелло – покровители католической веры в Архипелаге	41
Религиозное противостояние между православными и католиками. Убийство французского Консула Коронелло	43
Убийство канцлера Константиноса Коккоса	43
Брак Жана Франциска де Раймонд де Моден и Катерины Коронелло	47

<i>Потомки Джакомо Коронелло</i>	<i>48</i>
<i>Судьба французского консульства на острове Наксос</i>	<i>49</i>
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	51
ГЛАВА ПЕРВАЯ НА СЛУЖБЕ РОССИИ.....	51
<i>Политическая ситуация в мире в конце XVIII в начале XIX столетий. Екатерина II.....</i>	<i>51</i>
<i>Вступление на службу России</i>	<i>52</i>
<i>Антонио Коронелли: начало дипломатической карьеры, смерть отца</i>	<i>57</i>
ГЛАВА ВТОРАЯ РУССКИЕ КОНСУЛЫ	63
<i>Начало войны. Трудная дорога домой</i>	<i>67</i>
<i>Четырнадцатилетний капитан</i>	<i>70</i>
<i>Герой русско-шведской войны 1788-1790 годов</i>	<i>72</i>
<i>Земли под Феодосией</i>	<i>73</i>
<i>Константинопольская миссия.....</i>	<i>74</i>
<i>Земли у деревни Куш (Кууш)</i>	<i>76</i>
<i>Гонения на Родине</i>	<i>77</i>
ГЛАВА ТРЕТЬЯ ВОЙНА ВТОРОЙ КОАЛИЦИИ	80
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ САРДИНСКАЯ МИССИЯ.....	85
ГЛАВА ПЯТАЯ ПОПЕЧИТЕЛЬ БОЛГАРСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ	89
<i>Русско-болгарские отношения в 1804-1808 годах.....</i>	<i>89</i>
<i>Назначение в Молдавскую Армию.....</i>	<i>90</i>
<i>Начало переселения болгар.....</i>	<i>91</i>
<i>Первые проблемы.....</i>	<i>93</i>
<i>Патриотизм болгар. Болгарское Земское Войско.....</i>	<i>95</i>
<i>Высокая оценка командующим деятельности А.Я. Коронелли. Завершение войны 1806-1812 годов.....</i>	<i>99</i>
ГЛАВА ШЕСТАЯ ЛАНЖЕРОН И КОРОНЕЛЛИ	101
ГЛАВА СЕДЬМАЯ ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ А.Я. КОРОНЕЛЛИ	109
<i>Война 1812 года. Заграничный Поход 1813 года</i>	<i>109</i>
<i>Смерть братьев, отпуск в Италии.....</i>	<i>110</i>
<i>Рождение сына.....</i>	<i>111</i>
<i>Консульство в Иллирийском королевстве.....</i>	<i>112</i>
<i>Купцы Мальцевы.....</i>	<i>113</i>
<i>Греческая революция.....</i>	<i>113</i>
<i>Старый долг М.И. Голенищева-Кутузова. Тяжба с его наследницей А.М. Хитрово</i>	<i>113</i>
<i>Назначение консулом в Триест</i>	<i>120</i>
<i>Продолжение тяжбы о долге М.И. Голенищева-Кутузов.....</i>	<i>121</i>
<i>Смерть Антона Яковлевича Коронелли</i>	<i>123</i>
ГЛАВА ВОСЬМАЯ ДЕЛО О ВЫГОННОЙ ЗЕМЛЕ	127
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ ЕГОР ЕРМОЛАЕВИЧ КОРОНЕЛЛИ И ЕГО ПОТОМКИ.....	130

<i>Егор Ермолаевич Коронелли.....</i>	<i>130</i>
<i>Начало службы.....</i>	<i>130</i>
<i>Списание на берег. Спасение людей от бурь.....</i>	<i>131</i>
<i>Одесский чиновник.....</i>	<i>132</i>
<i>Сыновья Егора Ермолаевича Коронелли.....</i>	<i>134</i>
<i>Внуки Егора Ермолаевича Коронелли.....</i>	<i>135</i>
<i>Коронелли и Саморупо в годы Второй Мировой Войны.....</i>	<i>136</i>
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ АЛЕКСАНДР И АЛЕКСАНДРОВИЧИ.....	139
<i>Служба Александра Александровича в Министерстве Иностранных дел. Получение российского дворянства.</i>	
<i>Крымская война 1853-1856 годов.....</i>	<i>139</i>
<i>Феодосия после Крымской войны 1853-1856 годов.....</i>	<i>144</i>
<i>На службе Отечеству.....</i>	<i>145</i>
<i>Виноградники Коронелли. Феодосия в конце XIX столетия....</i>	<i>148</i>
<i>В.Д. Гейман и Коронелли.....</i>	<i>152</i>
<i>Виктор Викторович Коронелли.....</i>	<i>157</i>
<i>Валерия Викторовна Коронелли.....</i>	<i>162</i>
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.....	164
<i>КАЛЕЙДОСКОП (Повесть-воспоминания)</i>	<i>164</i>
Родословная испанских дворян Коронел (Коронелло, Коронелли).....	233
Потомки ЕГОРА ЕРМОЛАЕВИЧА КОРОНЕЛЛИ.....	238
ДОПОЛНЕНИЕ.....	239
<i>КАК МНЕ НЕ ДАВАЛИ ДЕЛАТЬ КНИГУ КОРОНЕЛЛО</i>	<i>239</i>
ПРИМЕЧАНИЯ	251

Е. ИВАНОВ ДЖ. КОРОНЕЛЛИ
КНИГА КОРОНЕЛЛО
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. МЕМУАРЫ

Главный редактор
Минин Е.А.
Оригинал-макет
Туманов.А.Б.
Коронелли Д.Е.
Художественный редактор
Коронелли Д.Е.

Издательство «*Evrgarm*»
Формат А5
Гарнитура «Arial», «Garamond»

ISBN 978-5-9902896-1-1